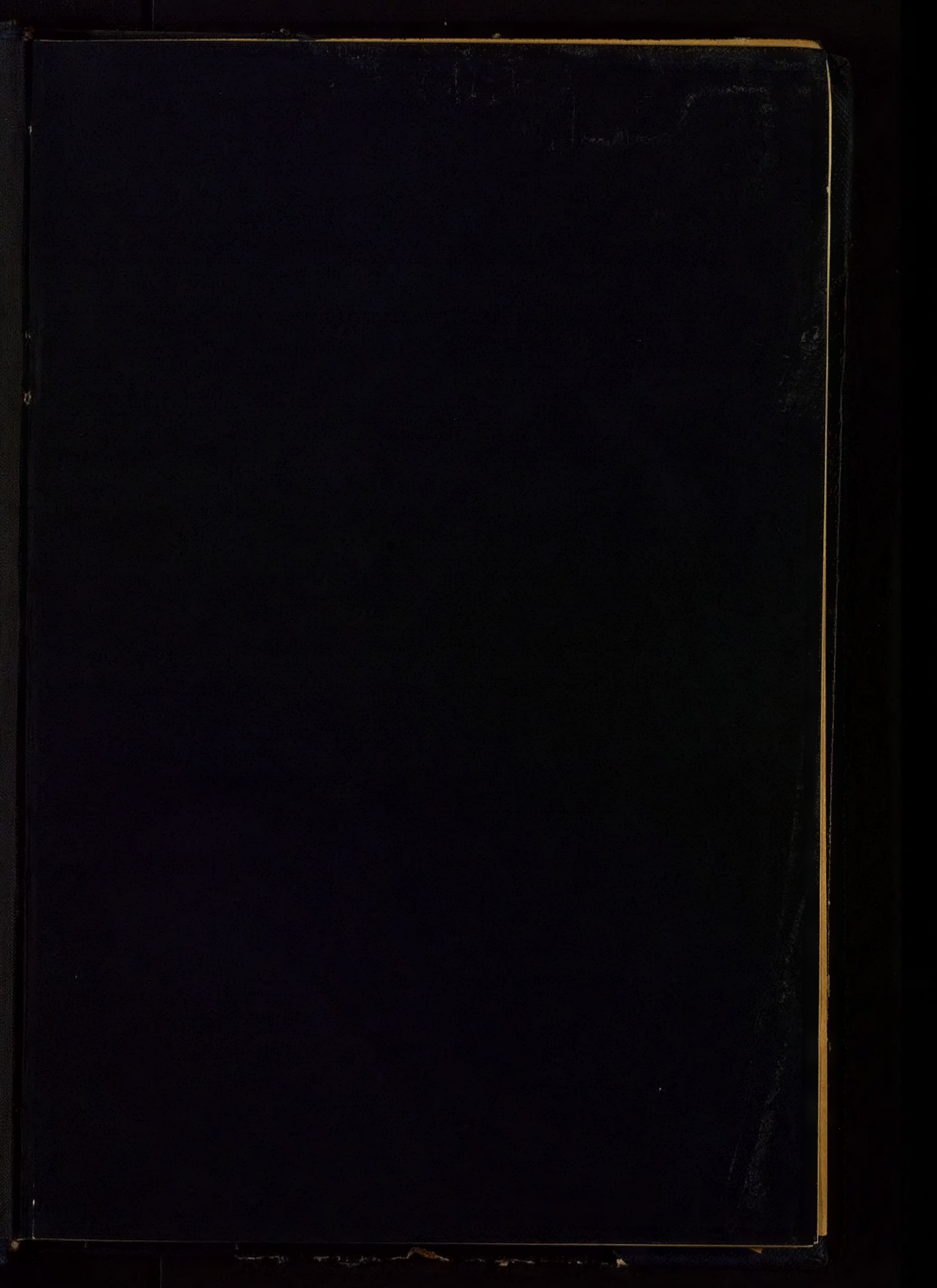

ИНСТИТУТ
ЛЕНИНА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОМНИ

ВОЙНЕ!

СБОРНИК

СОСТАВИЛ М. И. ГРИШИН

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1924

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

М. И. ГРИШИН

ПОМНИ О ВОЙНЕ!

СБОРНИК

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1924 ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии
изд. „Молодая Гвардия".
Ленинград, В. О., 5 лин., 28,
в количестве 5.000 экз.
Ленинградский Гублит
№ 10.922.

ПРЕДИСЛОВИЕ

При работе над сборником составителю приходилось считаться с теми исключительными трудностями, какие, быть может, не сразу бросаются в глаза при оценке работы.

В статье „Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге" (она напечатана в № 2 „Коммунистического Интернационала" за 1924 г. и приведена в нашем сборнике) тов. Ленин писал: „Надо об'яснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается... „Никакого действительно жизненного представления о том, как война может надвинуться и надвигается, мы не даем массам... Попытаться собрать материал, относящийся к „великой тайне" рождения мировой войны, „рассказывая... что было во время предыдущей войны", помня, что „может быть, по ряду вопросов (связанных с войной. М. Г.) способно оказать серьезное действие только привлечение фактических примеров из области прошлой войны", было главной задачей составителя сборника. Эту задачу приходилось решать, имея в виду одновременно необходимость дать в сборнике материал популярный и при том так, чтобы не выйти за пределы того размера сборника, который с самого начала был определен составителю. Если к этому добавить, что в распоряжении составителя имелся крайне ограниченный срок для работы, так как сборник требовалось в „пожарном" порядке выпустить к десятилетию мировой войны, то станет понятным, что с составителя нельзя строго взыскивать за те недостатки, которые несомненно будут отмечены критикой и читателями и которые в силу вышеуказанных условий теперь не представлялось возможным устранить.

Составителю кажется, что помещение двух глав в сборнике требует особого пояснения. Речь идет о главах: „Причины и цели мировой войны в изображении правящих клик и их прислужников" и „Наука и печать на службе у воюющей буржуазии". В первой из них может вызвать ряд вопросов наличие царских и королевских манифестов.

Составитель считал необходимым привести их, так как они являются единственным родом „литературы", которая при начале войны была в миллионах экземпляров распространена среди тех трудящихся воюющих стран, которых преступно бросили друг против друга и которые из этих манифестов черпали об'яснение войны, ловко подсунутое буржуазией каждой страны. В подтверждение этого составитель сборника может сослаться на то, что, например, царский манифест в порядке обязательном

читался в России во всех церквах, молитвенных домах и т. д. и был распространен в миллионах экземпляров, помимо того, что он был напечатан в миллионе тех экземпляров отчета о „патриотическом“ заседании Государственной Думы через неделю после об'явления войны, о распространении которых среди „армии и народа“ рассказывает такой зловредный империалист, как кадет Милюков. Милюков добавляет, что отчет этот «скрепил связь народного представительства со страной и ее борцами», того «народного» представительства, которое стало лизать, опять-таки, конечно, из «патриотических» побуждений, царский сапог, т. е., другими словами, что отчет помог обмануть массы. Точно такую же крупную роль играли манифесты и в других странах.

Во второй главе, о которой идет речь («Наука и печать на службе у воюющей буржуазии»), автору хотелось хотя бы на многих примерах показать, как буржуазия использовывает для целей настоящей и грядущей войны, на ряду с колоссальным использованием государственного аппарата, духовных служителей всех церквей и т. д. также и такие крупнейшие силы, как печать и науку. Оправданием этой главы служат слова т. Ленина все из той же необычайно богатой гениальными мыслями статьи, которая упоминалась выше: «Может быть, самым главным средством привлечения масс к войне являются именно те софизмы, которыми буржуазная пресса оперирует, и самым важным обстоятельством, об'ясняющим наше бессилие против войны, является то, что мы либо этих софизмов не разбираем заранее; или, еще больше, отделываемся по отношению к ним дешевой, хвастливой и совершенно пустой фразой, что мы войны не допустим, что мы вполне понимаем преступность войны и т. п. в духе Базельского манифеста 1912 года».

Когда работа по составлению сборника уже подходила к концу, составитель получил от тов. Павловича, знатока вопросов, затрагиваемых сборником, ряд ценнейших указаний, в соответствии с которыми в сборник были внесены дополнения и изменения. Составитель пользуется возможностью выразить здесь тов. Павловичу свою глубокую благодарность [1].

М. Гришин

---

[1]) Составителю пришлось внести в текст отрывков небольшие редакционные изменения. Разумеется, они отнюдь не меняют смысла текста.

Надо об'яснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается... Надо об'яснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе... Может быть, по ряду вопросов (войны) способно оказать серьезное действие только привлечение фактических примеров из области прошлой войны.

В. И. Ленин

Довольно бессвязных, эпизодических отрывочных, тараторящих и пусто звенящих сведений. Нужно, чтобы сегодняшний день рабочего движения органически вытекал для читателя из вчерашнего дня...

...Дело не в том, чтобы поучать, призывать, наставлять: это слишком много, и это утомляет; молодежь, выросшая в атмосфере лозунгов, призывов, восклицаний, плакатов, рискует перестать реагировать на них. Нужно дать ей фактические сведения в правильных пропорциях и в правильной перспективе.

Л. Троцкий

Наша международная осведомленность в значительной степени составила нашу силу и обеспечила правильное руководство... Совершенно прав тов. Троцкий, когда он настаивает на том, чтобы наша молодежь воспитывалась на основе интернациональной ориентировки, на внимательном изучении рабочего движения в других странах, где еще пока силен и могуществен наш враг.

Н. Бухарин

I. Причины мировой войны

ПРИЧИНЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Шестого августа 1914 года, когда мировая война уже началась, английская независимая рабочая партия писала в своем воззвании:

„Рабочие Великобритании, у вас нет разногласий с рабочими Европы. У них нет также разногласий с вами. Спор идет между правящими классами Европы. Не делайте их спора своим!..

Рабочие Великобритании, соединяйтесь с организованными рабочими Франции и России и скажите им, что, хотя бы наши правительства и об'явили войну, мы стоим за мир...

Ради чего вы пойдете на войну? Что вы выиграете от войны? Что сделала когда-либо для вас война?.. Рабочие никогда не извлекали выгод из войны.

Это не наша война. Это не война германского рабочего класса, французского, австрийского или русского рабочего класса. Это война британского правящего класса, германского, французского и австрийского правящих классов. Это их война, а не ваша. Это война правящих классов. Но правящие классы сами не будут воевать. Они пошлют вас на битву. Ваши отцы, ваши братья, ваши сыновья будут призваны к тому, чтобы стрелять в германских рабочих. Германских рабочих призовут стрелять в ваших отцов, ваших братьев, ваших сыновей. У вас нет споров, но у вас будут страдания. Для чего же вам делать это?

Вы должны будете расплачиваться за войну. Вы будете голодать и гибнуть. Ваши дети будут голодать и гибнуть. Для чего же?“

Этот же самый вопрос: зачем и для чего воевать рабочим и крестьянам?—ставил очень картинно корреспондент английской газеты, который в начале войны наблюдал мобилизацию во Франции. „По временам,—писал он,—наблюдая эти сцены (мобилизации), я негодовал на гнусность цивилизации, которая допускает, чтобы людей, подобно овцам, посылали на бойню. Эти бедняги из рабочих кварталов Парижа, эти молодые крестьяне с полей, эти полуголодные служащие из парижских контор,—их согласия не спрашивали при об'явлении войны. Что они могли знать относительно международной политики? Почему должны они служить пешками в партии, разыгрываемой безо всякого внимания

к человеческой жизни дипломатами, повелителями армий и могущественными финансистами? Эти бедные, неразвитые люди, неприспособленные к жизни, с болезненно желтыми лицами, в мундирах, висевших мешками на их маленьком теле, почему должны они быть пойманы в ловушку этой страшной машины, называемой „войной", и выпущены, как мыши, против псов смерти? Эти крестьяне с сутулой спиной, с развинченными нервами и неуклюжей походкой, которые собирали урожаи Франции, работая весь свой век на полях, почему должны они итти под град снарядов, которые оторвут их сильные руки и напитают бесплодные поля их кровью? Они должны были оставить все то, что придавало значение и цель их существованию, как будто бы их посылала какая-то непреодолимая сила вместо кучки политиков, дьявольски безразличных к человеческой жизни".

Вопрос о причинах мировой войны обязаны поставить перед собой рабочие и крестьяне Советской России. Десятилетняя годовщина мировой войны совпадает, как будет показано в этой книге, с бешеной подготовкой к новой войне. „Если придет к мировой войне,—писал недавно тов. Радек,—то буржуазия не только заставит народные массы итти на эту войну, но сможет их обмануть насчет характера этой войны". А т. Ленин в декабре 1922 года писал: „Никакого действительного жизненного представления о том, как война может надвинуться, мы не даем массам. Напротив, господствующая пресса (буржуазии) каждый день в необ'ятном количестве экземпляров затушевывает этот вопрос и распространяет относительно него такую ложь, против которой слабая социалистическая пресса совершенно бессильна, тем более, что она держится по этому пункту в корне неправильных взглядов".

В особенности слабое представление о войне было у рабочих и крестьян перед мировой войной, начавшейся в 1914 году. „В десятую годовщину этой войны—как писал т. Радек—миллионы рабочих будут более способны, чем в будни, задуматься над уроками последних десяти лет". В этой книге и собраны материалы, которые могут помочь разобраться в причинах и последствиях мировой бойни, начавшейся десять лет тому назад.

„Война — писал т. Ленин в одной из статей 1916 года — есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны". Другими словами, политика господствующих классов воюющих держав есть причина войны. Война есть не более, как продолжение той же политики средствами насилия, хотя—необходимо подчеркнуть—и довоенная политика господствующих классов держав, вступивших впоследствии в войну, не знала недостатка в насилии. Различие в довоенном и военном насилии было отнюдь не качественным, а количественным: во время войны господствующие классы решительно все и всех подчиняют сконцентрированному и доведенному до крайней своей мощи насилию.

Раз политика господствующих классов воюющих держав, которую они вели задолго до войны, есть причина войны, то необходимо при-

смотреться к этой политике. Необходимо понять, почему эта политика обязательно приводит к продолжению ее средствами крайнего насилия, т. е. к войне.

Какую политику господствующих классов продолжала война, начавшаяся в 1914 г.? Тов. Ленин коротко отвечает: „Эта война продолжает политику перезревшей, реакционной буржуазии, грабившей мир, захватывавшей колонии и т. д.“

Политика же грабежа мира и захвата колоний, т. е. так называемая колониальная политика, вытекает из той формы, какую принял капитал в XX веке. „Двадцатый век — говорит тов. Ленин — вот поворотный пункт от старого к новому капитализму, от господства капитала вообще к господству финансового капитала“. Сущность же финансового капитала раз'ясняет немецкий социал-демократ Гильфердинг: „Все возрастающая часть промышленного капитала не принадлежит тем промышленникам, которые его применяют. Распоряжение над капиталом они получают лишь при посредстве банка, который представляет по отношению к ним собственников этого капитала. С другой стороны, и банку все возрастающую часть своих капиталов приходится закреплять в промышленности. Благодаря этому он постоянно в возрастающей мере становится промышленным капиталистом. Такой банковский капитал, следовательно, капитал в денежной форме, который таким способом превращен в промышленный капитал, я называю финансовым капиталом“. Политика финансового капитала преследует цель возможно большего расширения хозяйственной территории, принадлежащей государству, с целью оградить эту территорию от доступа дешевых иностранных товаров, которые могли бы конкурировать с товарами, производимыми в данной стране, и превратить ее в территорию, на которой монополистические союзы капиталистов данной страны одни только и могут извлекать крупные прибыли. Политику расширения территории проводит государство потому, что оно, как знают марксисты, есть не более, чем „исполнительный комитет буржуазии“, именно того класса, который господствовал повсеместно в Европе перед войной. Эта политика финансового капитала еще и до войны обозначалась одним словом: империализм.

Можно теперь коротко сказать, что причиной мировой войны, начавшейся в 1914 г., является империализм. Тов. Ленин дает следующее определение империализма: „Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами“. Нижеприводимые отрывки должны показать, как империализм, являясь „новейшим этапом капитализма“, вырос из всего предыдущего развития капитализма, что он представляет собою и к чему он приводит.

СТРЕМЛЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА В КОЛОНИИ

(Парвус. „Колониальная политика и крушение капиталистического строя“).

Стремление приобретать колонии обнаруживают все капиталистические промышленные государства. Ясно, что для этих стремлений должна быть какая-нибудь общая причина. Она и существует в действительности: это — капиталистическое перепроизводство и капиталистическая конкуренция.

В литературе много споров вызвал вопрос, существует ли в действительности перепроизводство. Многие утверждали, что перепроизводства нет, а есть, напротив, недостаточное потребление, так как народ далеко еще не потребляет столько, сколько ему нужно. В сущности это был спор только о словах. Если под перепроизводством понимать излишек товаров в сравнении с потребностями народа, то никакого перепроизводства нет, так как широкие народные массы далеко не удовлетворяют еще самых насущнейших своих жизненных потребностей. Но это неверное понимание. Капиталистическое перепроизводство вытекает из излишка доходов богатых классов над их расходами. Этот излишек, во всяком случае, очень велик. В этом-то и заключается самое ужасное противоречие: в то время, как народные массы лишаются последнего куска хлеба, немногочисленные капиталисты имеют так много, что не знают, куда девать свои богатства.

Рабочие нуждаются в товарах, но не имеют денег для их покупки; капиталисты имеют деньги, но не нуждаются в товарах. Таким образом часть ежегодно производимых товаров остается без потребления, Куда деваться?..

Отсюда стремление промышленности на чужие рынки для сбыта товаров, стремление, которое начинает проявляться уже на сравнительно низкой стадии промышленного производства. Вместо того, чтобы повышением заработной платы дать местному населению возможность удовлетворять свои нужды, капитализм всеми силами старается вывезти излишек товаров из страны.

Только что описанное явление правильно повторяется в каждой стране, которую капиталистическая промышленность раз избрала своим рынком. Так было в Англии, во Франции, в Германии и т. д. — во всей Европе, в России, в Северной Америке. Везде капитал пробудил к жизни колоссальные производительные силы, и везде результатом является все растущее перепроизводство. Все промышленные государства теснят друг друга и ищут новых рынков.

О том же самом говорит тов. Ленин в своей книге „Развитие капитализма в России“ еще в 1896 г.: „Фабрикантам нужен рынок немедленно, и если отсталость других сторон народного хозяйства суживает рынок в старом районе, то они будут искать рынка в другом районе или в других странах, или в колониях старой страны. Но что

такое колония в политико-экономическом смысле? По Марксу, основные признаки этого понятия следующие: 1) наличность незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам; 2) наличность сложившегося мирового разделения труда, мирового рынка, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сельско-хозяйственных продуктов, получая в обмен за них готовые промышленные изделия, „которые при других обстоятельствах им пришлось бы изготовлять самим".

Автор другой книги об империализме, т. Бухарин, больше подчеркивает следующее обстоятельство: капиталы, вложенные во внешнюю торговлю, а следовательно и в торговлю с колониями, приносят большую прибыль по сравнению с капиталами, обращающимися во внутренней торговле. В подтверждение своей мысли т. Бухарин ссылается на Маркса.

МИРОВОЙ РЫНОК СБЫТА И ИЗМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СБЫТА.

(Н. Бухарин. „Мировое хозяйство и империализм").

Капиталы, вложенные во внешнюю торговлю, могут давать более высокую норму прибыли, так как, во-первых, здесь идет конкуренция с товарами, которые производятся другими странами при менее благоприятных условиях производства, так как более передовая страна продает свои товары выше их стоимости, хотя дешевле конкурирующих стран... С другой стороны, что касается капиталов, вложенных в колониях и т. д., то они могут давать более высокие нормы прибыли, так как там, вследствие более низкого развития, норма прибыли вообще стоит выше, а при условии применения рабов, кули и т. д. стоит выше и эксплоатация труда...

Итак, не невозможность деятельности внутри страны, а погоня за более высокой нормой прибыли—вот что является движущей силой мирового капитализма. Даже современное „капитилистическое полнокровие" не является абсолютной границей. Более низкая норма прибыли гонит товары и капиталы все дальше от их „родины". Но этот процесс происходит одновременно в различных частях мирового хозяйства. Капиталисты различных „национальных хозяйств" сталкиваются здесь как конкуренты, и чем сильнее рост производительных сил мирового капитализма, чем быстрее идет рост внешней торговли, тем обостреннее конкурентная борьба.

Выше указывалось, что борьба за колонии есть не только борьба за рынки сбыта товаров, но также и за расширение рынков сырья и за „сферы приложения капитала". Последними двумя видами борьбы за колонии именно и отличается больше всего колониальная политика финансового капитала от капиталистической колониальной политики

прежних ступеней капитализма. „Основной особенностью новейшего капитализма — говорит т. Ленин — является господство монополистических союзов крупных предпринимателей. Такие монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки все источники сырых материалов... Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний... Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни, и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны завтра пригодными... Отсюда неизбежное стремление финансового капитала к расширению хозяйственной территории и даже территории вообще... Финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель, каких бы то ни было, где бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподеленного мира или за передел кусков, уже разделенных".

Борьбу за источники сырья освещает и т. Бухарин, как это видно из следующего отрывка.

МИРОВОЙ РЫНОК СЫРЬЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОКУПКИ МАТЕРИАЛОВ

(Н. Бухарин. „Мировое хозяйство и империализм").

Мы имеем в виду несоответствие между развитием промышленности и развитием сельского хозяйства, как поставщика сырых материалов для обрабатывающей промышленности. Последняя требует все более значительного количества этих сырых материалов; сюда входят дерево (бумажное производство, строительное и столярное дело, постройка железных дорог и т. д.); животные продукты (кожа, шерсть, свиная щетина, конский волос, меха, кости, кишки, всевозможные животные жиры, мясо для выделки продуктов питания и т. д.); сырой материал для текстильной промышленности (хлопок, лен, конопля и проч.); наконец, такие товары, как каучук, играющий колоссальную роль во всей промышленной жизни, и др. Однако развитие современного сельского хозяйства отнюдь не поспевает за стремительным развитием промышленности.

Таким образом к нарушению равновесия между производственными отраслями капиталистического хозяйства вообще, вытекающему из анархического хозяйственного строения капитализма, которое продолжает существовать, несмотря на то, что капитализм создает тресты, синдикаты и т. п., присоединяется еще особенное и все растущее нарушение равновесия промышленностью и сельским хозяйством. Вполне понятно, что это нарушение равновесия особенно резко выступило за последнее время... Повышение же цены сырых материалов непосред-

ственно затрагивает норму прибыли, ибо, при прочих равных условиях, норма прибыли повышается или понижается в направлении обратном, по сравнению с движением цены сырого материала. Отсюда растущее стремление капиталистов отдельных „национальных хозяйств“ расширить свои рынки сырья. Но этот же самый процесс, который страшно сузил рынки сбыта, сузил и размеры рынков сырья, ибо рынками сырья служили и служат, главным образом, те же страны, какие являются и „внешними“ рынками сбыта, т. е. страны более низкого развития, в том числе колонии. Поэтому стремления капиталистов различных великих держав сталкиваются здесь с такой же силой, как и на почве конкуренции в процессе сбыта.

Борьба за „сферы приложения капитала“ есть борьба за страны, в которые можно вывозить капиталы, с тем, чтобы получать на них „сверхприбыль“. Маркс писал в „Капитале“: „Если капитал посылается заграницу, то это происходит не потому, чтобы он совершенно не мог быть помещен в дело внутри страны. Это происходит потому, что заграницей он может быть помещен при более высокой норме прибыли“.

ВЫВОЗ КАПИТАЛА

(В. Ленин. „Империализм, как новейший этап капитализма“).

Для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз товаров. Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичен стал вывоз капитала.

Капитализм есть товарное производство на высшей ступени его развития, когда и рабочая сила становится товаром. Рост обмена как внутри страны, так и, в особенности, международного есть характерная отличительная черта капитализма. Неравномерность и скачкообразность в развитии отдельных предприятий, отдельных отраслей промышленности, отдельных стран неизбежны при капитализме. Англия стала раньше других капиталистической страной и к половине XIX века, введя свободную торговлю, претендовала на роль „мастерской всего мира“, поставщицы фабрикатов во все страны, которые должны были снабжать ее в обмен сырыми материалали. Но эта монополия Англии уже в последней четверти XIX века была подорвана, ибо ряд других стран, защитившись „охранительными“ пошлинами, развился в самостоятельные капиталистические государства. На пороге XX века мы видим образование иного рода монополий: во-первых, монополистических союзов капиталистов во всех странах развитого капитализма; во-вторых, монополистического положения немногих богатейших стран, в которых накопление капитала достигло гигантских размеров. Возник громадный „избыток капитала“ в передовых странах.

Разумеется, если бы капитализм мог развить земледелие, которое теперь повсюду страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения, которое повсюду остается, несмотря на головокружительный технический прогресс, полуголодным и нищенским, — тогда об избытке капитала не могло бы быть и речи. И такой „довод" сплошь да рядом выдвигается мелко-буржуазными критиками капитализма. Но тогда капитализм не был бы капитализмом, ибо и неравномерность развития и полуголодный уровень жизни масс суть коренные, неизбежные условия и предпосылки этого способа производства. Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала заграницу, в отсталые страны. В этих отсталых странах прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы. Возможность вывоза капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянут уже в оборот мирового капитализма, проведены или начаты главные линии железных дорог, обеспечены простейшие условия развития промышленности и т. д. Необходимость вывоза капитала создается тем, что в немногих странах капитализм „перезрел" и капиталу недостает (при условии неразвитости земледелия и нищеты масс) поприщ „прибыльного" помещения...

Гигантского развития вывоз капитала достиг только в начале XX века. Перед войной вложенный за границей капитал трех главных стран (Англии, Франции и Германии) достигал 175 — 200 мд. франков (франк до войны стоил приблизительно $37^1/_2$ коп.). Доход с этой суммы, по скромной норме в $5^0/_0$, должен достигать 8—20 мл. франков в год. Солидная основа империалистического угнетения и эксплоатации большинства наций и стран мира, капиталистического паразитизма горстки богатейших государств.

Вышеприведенные отрывки показывают, какое значение имеют колонии для капитализма вообще и для финансового капитала в особенности. Мировые державы поэтому проявляли необычайную жадность в захвате колоний. С особенной же силой лихорадка овладения заморскими территориями начала трепать их с 70-х годов XIX столетия. Еще более ста лет тому назад немецкий поэт Шиллер в стихотворении „Раздел земного шара" сокрушался о том, что миром овладели другие народы, а для немцев осталось только небо. Эпоха финансового капитала и есть эпоха ожесточенной борьбы за „места под солнцем". Т. Бухарин приводит краткий перечень результатов этой „колониальной политики", которая сделалась настоящей манией всех современных капиталистических государств".

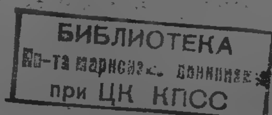
РЕЗУЛЬТАТЫ «КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ»

(Н. Бухарин. „Мировое хозяйство и империализм“).

Англия, которая, вообще говоря, обладает громадной государственной территорией, с 1870 г. успела присоединить целый ряд новых областей: в Азии — Белуджистан, Бирму, Кипр, Британское северное Борнео, Вей-Хай-Вей, области против Гонконга, об'явила протекторат над Ковейтом (1899), приобрела Синайский полуостров и т. д.; в Австралии были присоединены некоторые острова, юго-восточная часть Новой Гвинеи, большая часть Соломоновых островов и островов Тонга; в Африке, где, как известно, были особенно сильны конкуренция и захваты, Англия приобрела: Египет, египетский Судан с Угандой, Британскую Вост. Африку, британское Сомали, Занзибар и Пембу; в южной Африке—обе бурские республики, Родезию, „Британск. Центр. Африку“; в западной Африке—помимо расширения прежних колоний—занята была Нигерия. Таковы были „успехи“ Англии.

Не менее „успешно“ действовала Франция. „С 1870 года—пишет один французский империалист,—мы присутствуем при действительном колониальном возрождении. Третья Республика подчинила Аннам своему влиянию и приказанию, завоевала Тонкин, захватила Лаос, распространила на Тунис и Коморские о—ва (около Мадагаскара, Н. Б.) французское влияние и приказание, заняла Мадагаскар, неизмеримо расширила свои владения в Сахаре, Судане, Гвинее, на берегу Слоновой Кости, в Дагомее, на берегах Сомали и основала новую Францию, которая тянется от Атлантического океана и Конго до озера Чад. К концу девятнадцатого века французские колонии по площади превосходили уже самое Францию в 19 раз.

Германский империализм выступил на сцену позже; но он быстро стремится наверстать потерянное время. Начало колониальной политики Германии относится к 1884 году. Завоевание в Юго-Западной Африке, Камеруне, Того, Восточной Африке, „приобретение“ Новой Гвинеи и целого ряда о—вов (Земля императора Вильгельма, Архипелаг Бисмарка, Каролинские, Марианские и т. д. острова); далее, захват Киао-Чау в 1897 году, подготовка грабежей в Турции и Малой Азии—вся эта „перемена“ проходит также лихорадочно быстро. Наконец, что касается российской (царской) колониальной политики, то мы напомним читателю о завоевании Средней Азии, маньчжурской и монгольской политике, а за самое последнее время (царизма) о персидской политике России, которая проводилась, как известно, с помощью Англии. То же самое происходит и с политикой внеевропейских стран, из которых важнейшую роль играют Соединенные Штаты и Япония. В результате этого „раздела“ свободных земель, а следовательно, в значительной степени и свободных рынков, мировая конкуренция между „национальными“ капиталистическими группами должна была неизбежно обостриться до чрезвычайности.

Большой интерес представляют относительные результаты овладения колониями, т. е. сопоставление успехов колониальной политики различных держав. Они видны из следующей таблицы:

	Во сколько раз колонии обширнее метрополии.
Англия	94,2
Бельгия	80,2
Голландия	58,2
Франция	24,4
Португалия	23,2
Испания	5,3
Германия	4 9

На почве неравномерного распределения колоний рождалась зависть между державами, опоздавшими к разделу мира и поэтому считавшими себя обиженными судьбой. „Не грустно-ли—говорили, например, по словам Павловича, немецкие финансовые „патриоты",—что какая-нибудь Португалия или Бельгия имеют более ценные колониальные владения, чем такая первоклассная держава, как Германия?"

Борьба за колонии невероятно обостряет конкурентную борьбу между державами, с неизбежностью приводя к разрешению спора оружием. Ниже будет показано на примерах борьбы между державами за отдельные колонии, как доводы спорящих неизменно подкреплялись ссылкой на оружие и военную мощь или даже демонстрацией военной мощи. Здесь же мы пока сошлемся на теоретиков, доказывающих, что война между великими державами вытекала, как следствие, из столкновения интересов держав в колониях.

БОРЬБА ЗА КОЛОНИИ, КАК РЫНКИ СБЫТА, КАК ИСТОЧНИКИ СЫРЬЯ И КАК «СФЕРЫ ПРИЛОЖЕНИЯ КАПИТАЛА» ПРИВОДИТ К ВОЙНЕ

(Н. Бухарин. „Мировое хозяйство и империализм").

За период с 1876 по 1914 год великие державы приобрели около 25 милл. кв. километров колониальных земель, область, которая вдвое больше всей Европы. Весь мир почти поделен между „хозяйствами" великодержавных наций. Совершенно понятно поэтому, что конкуренция обостряется до невероятного предела, и что давление капиталистического расширения на оставшиеся свободными страны возрастает в такой же мере, как и шансы грандиозной свалки крупно-капиталистических держав.

Но эти шансы еще более увеличиваются в силу действия таможенных пошлин. Именно таможенные пошлины создают тот барьер, на который наталкивается ввоз товаров и преодолеть который можно одним единственным путем: путем давления, путем применения силы.

В конечном счете противоречие разрешается соотношением „различных сил", т. е. силой оружия. Так погоня за рынками сбыта неизбежно создает конфликты между „национальными" группами капитала. Величайший рост производительных сил и сужение до минимума свободных рынков за последнее время, таможенная политика держав, связанная с господством финансового капитала, и обострение затруднений при реализации товарных ценностей создают положение, в котором решающий голос принадлежит военной технике...

Итак, новейшая фаза капитализма и в этой области (борьба за источники сырья) обострлет столкновения. Чем быстрее темп капиталистического развития, чем сильнее процесс усиления промышленных начал в хозяйстве и „урбанизации" (роста городов) стран, тем больше нарушается равновесие между промышленностью и сельским хозяйством, тем сильнее конкуренция между развитыми странами из-за стран отсталых, тем неизбежнее открытое их столкновение.

Капиталистическое расширение является и здесь таким образом „разрешением" противоречий, которые с неумолимой неизбежностью приводят к решающему моменту империалистической политики—войне...

Вывоз капитала необыкновенно обостряет отношение между великими державами. Уже борьба за возможность приложения капитала, т. е. борьба за концессии и проч., постоянно подкрепляется силой военного давления. Всякое правительство или „страна", являющаяся об'ектом политики финансистов крупных держав, обычно уступает тому из конкурентов, который кажется ему более сильным в военном отношении... Ибо та „мирная" политика, которая велась до войны и будет вестись после нее, на каждом шагу велась именно при помощи постоянных угроз военной силой Как правильно замечает один английский писатель, „постоянная война стали и золота не прекращается ни на минуту, даже во время мира". Еще более отчетливо рисует атмосферу ожесточенной конкуренции крупный ученый, знаток немецкого империализма: „Растущее промышленное развитие мира есть факт, с которым должна считаться всякая экономическая мировая политика... Никому не дано остановить ход развития, и если бы государство запретило своим подданным основывать предприятия заграницей, то из этого извлекли бы только пользу дельцы третьего государства. Поэтому самое лучшее своевременно вмешаться в дело... хозяйственный мир не стоит спокойно на месте, одна перемена подталкивает другую. Для сильного народа есть постоянная возможность вмешательства... Но если давление военной силы дает концессии и всевозможные привилегии, то и дальнейшая „работа" капитала (в „чужой" стране) требует особого „покровительства". Раньше центр тяжести лежал в товарном экспорте, и экспортеры рисковали лишь

своим товаром, т. е. своим оборотным капиталом. Совсем иное теперь. В „чужой“ стране обращаются громадные суммы, главным образом основного капитала, вложенного в гигантские сооружения: железные дороги, охватывающие тысячи верст, дорого стоящие электрические предприятия, крупные плантации и т. д., и т. д. Капиталисты вывозящей капиталы страны заинтересованы весьма прочно в „охране“ своего богатства, поэтому они пойдут на все, лишь бы оставить у себя в руках возможность дальнейшего накопления.

Если эксплоатируемая страна при этом слаба в военном отношении, то „мировое проникновение“ капитала превращается довольно быстро тоже в „мирный“ захват либо раздел или же влечет за собою вооруженную борьбу стран, конкурирующих из-за сфер приложения капитала...

Вывоз капитала составляет удобнейший метод экономической политики финансовых групп, наиболее легко подчиняя новые области. Вот почему обострение конкуренции между различными государствами принимает тут особенно яркие формы. Так расширение системы международных связей в хозяйственной жизни и здесь неизбежно влечет за собой решение спорных вопросов огнем и мечом“.

Жажда „сверхприбыли“ гонит капиталистов в колонии. Какой ценой покупается эта прибыль, как зверски ведут себя завоеватели в колониях, как истребляются „цивилизацией“ европейской буржуазии коренные жители колоний—об этом говорит приводимый ниже отрывок из книги т. Зиновьева. Добавим, что описания колониальных зверств буржуазии могли бы наполнить собою несколько солидных по об‘ему книг.

ЗВЕРСТВА АНГЛИЙСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ В КОЛОНИЯХ

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма, ч. I“).

Зверства в колониях вовсе не особенность империалистов одной только германской марки. Вспомните, что известно о политике английского империализма в Индии, о зверствах бельгийского правительства в бельгийском Конго, вспомним разоблачения о французской политике в колониях.

Скажем только, что по вычислениям сэра Williama Digly за 1850—1875 гг. в Индии умерло от голоду 5.000.000 человек, а за 1875—1900 гг.—26.000.000 человек. Прибавим, что от чумы за 1896 год в Индии умерло 2.000.000 человек. Напомним, что бывший английский вице-король Индии лорд Корзон исчисляет средний годовой доход жителя Британской Индии в 13 рублей. Напомним, что

все эти ужасы вызваны главным образом тем, что Англия огромную часть урожая вывозит из Индии (отсюда—голод), что поборы и налоги ложатся главным образом на земледельческое население (около 80% всех налогов).

По поводу английских порядков в Индии недавно выпустил интересную книжку бывший американский статс-секретарь Брайан, писавший на основании личных наблюдений. Книжка эта, вышедшая на индийском языке, была немедленно конфискована английским правительством. Американский журнал приводит некоторые фактические данные, заимствованные из этой книжки. Налоговое бремя в Индии относительно вдвое больше чем в Англии. Смертность, которая в 1883—1884 гг. составляла 24 на 1000, в 1892—1894 гг. повысилась до 30, а теперь до 34 на 1.000. Голодовки принимают ужасающие размеры. „Англия хвалится тем, что она принесла Индии мир, на деле она принесла миллионам людей, живущим в Индии, смерть. Она высасывает соки из Индии посредством дозволенного законом грабежа“. Так пишет не какой-нибудь „агитатор“, даже не какой-нибудь „немец“, так пишет лицо, занимавшее чрезвычайно высокий пост в дружественном американском правительстве.

За 16 лет от чумы умерло в Индии 8.000.000: земельные подати равны 65%, средний заработок жителя Индии—20 к., в то время, как Англия получает ежегодный доход от Индии 665.000.000 марок. Так пишет комитет революционной партии в Индии в воззвании, опубликованном в 1916 году в Сан-Франциско.

Вспомним о тех „актах интернационального разбоя“, о которых рассказывал в 1912 году известный американский политик Морган Шустер (бывший в 1911 году персидским министром финансов) в его всколыхнувшей всю читающую Европу книге, носящей красноречивое заглавие: „Удушение Персии“.

К борьбе за колонии, как за такие территории, которые можно целиком включить в хозяйственную территорию той или иной великой державы, которые совершенно лишаются своей самостоятельности, присоединяется борьба за полуколониальные страны. Полуколониальные страны формально ни в какой мере не лишаются политической самостоятельности, фактически же финансовый капитал опутывает их такими денежными сетями, что их политическая самостоятельность превращается в воспоминание далекого прошлого, и что они шагу не могут сделать без разрешения своих богатых „покровителей“, фактически превращающихся в хозяев. Этой формы полуколониальной зависимости коснулся и тов. Ленин.

ПОЛУКОЛОНИАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА

(Н. Ленин. „Империализм, как новейший этап капитализма“).

Что касается до „полуколониальных“ государств, то они дают пример тех переходных форм, которые встречаются во всех областях природы и общества. Финансовый капитал—такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинить себе, и в действительности подчиняет, даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью: мы увидим сейчас примеры тому. Но разумеется, наибольшие „удобства“ и наибольшие выгоды дает финансовому капиталу такое подчинение, которое связано с потерей политической независимости подчиняемыми странами и народами. Полуколониальные страны типичны, как „середина“ в этом отношении. Понятно, что борьба из-за этих полузависимых стран особенно должна была обостриться в эпоху финансового капитала, когда остальной мир уже был поделен.

Раз речь идет о колониальной политике эпохи капиталистического империализма, необходимо отметить, что финансовый капитал и соответствующая ему международная политика, которая сводится к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира, создают целый ряд **переходных** форм государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости.

Форму полуколониальной, как ее называет тов. Ленин, зависимости необходимо подчеркнуть потому, что перед войной она сделалась господствующей. Колониальный мир был поделен между великими державами, колоний больше негде было приобретать, и впредь до того, как вопрос о переделе старых начал в 1914 г. решаться оружием, „мировая политика“ великих держав могла направляться только в сторону приобретения полуколоний. Это приобретение было тем более важным, что с ним было связано закрепление великих держав в их колониях и во многих случаях ограждало колонии от протягивающихся к ним жадных рук финансового капитала другой державы. Мы не говорим уже о само собой подразумевающейся возможности полуколонии использовать как рынок для сбыта товаров и как „сферу“ приложения капиталов“.

Подтверждение вышеизложенному мы можем найти, если обратимся к истории „мировой политики“ Германии перед войной. В части, касающейся между прочим и борьбы за Турцию, которую Германия постепенно превращала в свою полуколонию, ее освещает нижеследующий отрывок.

«МИРОВАЯ ПОЛИТИКА» ГЕРМАНИИ ПЕРЕД ВОЙНОЙ

(М. Фабричный. „Борьба за колонии“ [1]).

Захватив колонии, находящиеся от нее на громадном расстоянии, она (Германия) себя увидала перед задачей обеспечения путей к ним. Этих путей два: западный и восточный. Оба они по преимуществу морские. Первый из них, начинающийся в Балтийском и Северном морях, входит сперва в Атлантический океан, идет к Африке и Южной Америке, а потом выходит в Великий океан. Второй, выходя из Берлина и Вены, пересекает Балканский полуостров и через Малую Азию и Мессопотамию подходит к Персидскому заливу, а потом в Индийский океан.

Еще большую тревогу вызывала попытка Германии получить на западном пути угольные станции. Для нее наиболее желательными местами были гавани на южной части Атлантического побережья Марокко. Лучшими были Могадор и Агадир. Но в Марокко уже столкнулись Англия, Франция и Испания, которые через некоторое время сумели устранить возникнувшие трения, заключив (в 1904 г.) соответствующие договоры, поделив „сферы влияния“ и достигнув контроля над финансами Марокко. Эти события вызвали тревогу в Берлине, но никаких активных шагов Германия не принимала, пока в 1905 г. не изменились условия. В марте 1905 г. произошло поражение под Мукденом. Было ясно, что в ближайшее время на франко-русский союз можно не обращать внимания. В марте же Вильгельм посетил султана Марокко, подчеркнув, что он видит в нем независимого государя. Фактической целью поездки было обеспечение за Германией Могадора или Агадира, лежащих на полпути в Южную Бразилию. Эта сама по себе скромная цель вызвала целую бурю.

Вопрос о Марокко был разобран на Алжезирасской конференции (январь—март 1906 г.). Предложение Германии встретило решительный отпор даже со стороны Соединенных Штатов, и дело кончилось компромиссом. Франция согласилась, что Марокко должно остаться независимым государством, а его территория неприкосновенной. Но самым важным результатом Алжезирасской конференции было заключение англо-русского соглашения, которое привело в марте 1907 г. к подписанию Англией и Россией договора относительно Персии, Афганистана и Тибета.

В 1909 г. с помощью Англии было заключено Францией и Германией новое соглашение о Марокко, но несмотря на него, летом 1911 года французы заняли своими войсками столицу Марокко—Фец, а Испания—некоторые места на западном берегу, которые предоставлялись ей секретным франко-испанским договором 1904 года. Гер-

---

[1]) Статья помещена в сборнике «Под старым знаменем».

мания в этом увидела нарушение ее коммерческих интересов и выразила протест. Но из этого ничего не вышло, и в июле 1911 г. она послала в Агадир свое военное судно „Пантеру“. В воздухе запахло войной.

В результате Германия удовлетворилась Новым Камеруном, который она получила от Франции вместо Агадира, и признала за Францией преимущественные права на Марокко.

Но это было крушением надежд Германии обеспечить себе в ближайшее время западный путь в колонии.

Обратимся теперь к восточному пути. Он идет через Балканский полуостров в Турцию. Желая обеспечить себе возможность свободного передвижения от Берлина до Персидского залива, Германия давно уже принимает активное участие в делах Ближнего Востока. Путь этот проходит по странам, которые могут представлять собою, во-первых, хороший рынок, во-вторых, в них есть места, удобные для колонизации. Особенно заманчивым местом для этого является Мессопотамия, планы возобновления орошения которой были разработаны еще в 70-х годах английским инженером Уилкоксом. Вместе с тем проведение железных дорог в Малой Азии должно повести к усилению оборонительной способности Турции и к оживлению ее внутренних сношений, что представляется безусловно выгодным для нее. В течение последних десятилетий вопрос о разделе Турции является очередным. Его осуществление было бы одинаково невыгодным как Германии, которая не смогла бы тогда пользоваться своим путем, так и Турции. Следовательно, Германия должна быть заинтересована в усилении Турции, а не в ее ослаблении. Это совпадение интересов отозвалось на отношениях Германии и Турции.

Осуществление этого плана началось в 1898 году, во время поездки в Палестину императора Вильгельма. Под предлогом защиты интересов христианских богомольцев, Вильгельм добился у султана словесного согласия на постройку железной дороги от Константинополя до Багдада. В 1902 г. Порта (Турция) выпустила фирман (манифест), утверждающий этот проект. В 1903 г. германский багдадский синдикат получил концессию на продление своей дороги до Ковейта на Персидском заливе. Предполагалось при этом, что под Босфором будет прорыт туннель.

Было очевидно, что английская торговля на Персидском заливе, особенно в Барсе, сильно пострадает от этой дороги. Наиболее серьезное значение это имело бы для английских кораблевладельцев. Кроме того, Турция и Германия получили бы возможность быстро перебрасывать свои войска на кавказскую и персидскую границы. Дальнейшее продление линии сделалось бы угрозой для Индии. Конечный пункт дороги Ковейт англичане давно уже считали своим и неоднократно поддерживали его номинального владельца, одного из независимых шейхов, в его борьбе против султана.

Намерения Германии и Австрии добиться контроля на Балканском полуострове были ясны давно. Подготовительные шаги к этому делались еще в 80-х годах; потом деятельность в этом направлении была усилена. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить работу германских и австрийских банков в Болгарии, где они боролись с французскими банками, и в Греции. Железная дорога, идущая через Ново-Базарский санджак к Салоникам, была оставлена под контролем Австрии, даже после возвращения его Турции. Болгарская железная дорога на Константинополь была построена германским банком. После анексии Боснии Австрией эти намерения стали еще яснее. Отношение к Германии младотурок, получивших власть в Турции, сделалось определенно дружественным. Все это вместе взятое заставило в 1911 г. лорда Лэндсдоуна заявить, что английское правительство „никогда не позволит какой-либо другой державе занять на Персидском заливе сильную морскую позицию".

Еще большего внимания заслуживает столкновение интересов Англии, России и Германии в их борьбе за обращение в полуколонии стран Ближнего Востока, формально самостоятельной Персии, а также Армении и других частей Малой Азии, политически подчиненных Турции.

БОРЬБА АНГЛИИ, РОССИИ И ГЕРМАНИИ ЗА МАЛУЮ АЗИЮ И ПЕРСИЮ

(М. Фабричный. „Борьба за колонии").

Малая Азия и Персия издавна служили рынком для русских товаров; и русские фабриканты—особенно мануфактуристы—давно стремятся к господству там. Еще во время Николая I русские фабриканты укрепились на персидском рынке настолько, что стали там „своими" людьми. Под их влиянием были проведены правительством Николая I войны в Закавказье и сделаны решительные шаги к укреплению в Малой Азии. Последнее привело к столкновению с Англией и кончилось Севастополем (где Россия потерпела поражение).

Развитие промышленности в России совершалось быстрее, чем поднималось благосостояние населения; поэтому, помимо внутреннего рынка, для русской промышленности стал нужен и внешний. Не довольствуясь персидским рынком в начале 1900-х гг., Россия сделала попытку утвердиться на Дальнем Востоке, но после войны с Японией ей пришлось умерить свои желания и ограничиться пока Монголией. Но тем энергичнее стали действия русских в Персии... Остановимся на русской торговле в Персии. Перед войной „персидский рынок был

всецело в руках русских",—говорит М. Н. Покровский. „По оборотам с Персией Россия занимает первое, притом далеко первое место среди европейских государств"...

В русских газетах перед войной довольно часто попадались статьи на тему об Армении. Они свидетельствовали о новом поступательном шаге русских империалистов на этот раз в Малую Азию. Соответствующие заявления русских министров также подтверждали, что оккупация Армении стояла на очереди, вслед за северной Персией.

Таким образом в Персии и Малой Азии происходит столкновение русских купцов с английскими и германскими.

Но чем же об'ясняются совместные шаги Англии и России, о которых постоянно приходилось слышать перед войной, и которые происходят теперь?

Происходит это потому, что Англия из страны, вывозящей товары, стала страной, в которой вывоз капитала уже давно преобладает над вывозом товара...

Английская буржуазия, взятая в целом, более заинтересована в безопасности своего мирового пути (через Суэц) на Восток, чем в сравнительно незначительной торговле в Малой Азии, и ей проникновение русских в Армению не страшно. Тем более английской политикой давно уже руководит банковая аристократия... Для германской буржуазии отнюдь не безразлично, что ее товары после вытеснения их русскими с персидского рынка принуждены были уступить им место и в Турции. Предстоящая оккупация русскими Армении не сулила им ничего хорошего и с этой стороны. Необходимо помнить, что Армения, расположенная на высоком плоскогорье, господствует над остальной Малой Азией не только в экономическом, но и в стратегическом отношении. С проведением в ней железных дорог она безусловно обратилась бы в неприступную крепость, угрожающую Багдадской железной дороге, и опять Германия лишилась бы своего безопасного пути в колонии, т. е. все затраты и усилия, которые делала Германия за последние сорок лет, оказались бы бесполезными. Естественно, что с ее стороны были приняты шаги к отвращению этой опасности.

В ноябре 1910 г. в Потсдаме произошло свидание русского и германского императоров. После того, как зимой 1908—9 года во время захвата Боснии Австрией, Россия принуждена была, получив ноту из Берлина, отказаться от решительных шагов, эти встречи вызвали недоумение в Лондоне и Париже.

Германские источники о совещании императоров сообщали, что Россия согласилась не только не препятствовать постройке Багдадской ж. д. до Персидского залива, но и соединить эту дорогу с своими персидскими линиями и признать Германию одинаково заинтересованной в коммерческих делах в Персии. Германия же с своей стороны признала, что Россия имеет особые политические

и стратегические интересы в северной Персии и право проводить дороги, строить жел. дороги и телеграф. Кроме того, русское и германское правительства дали взаимные уверения, что каждое из них не присоединится к какому-либо шагу, враждебному другому. Согласие на проведение Багдадской ж. д. в этом направлении являлось опасным для кавказской границы, но должно было устранить возможность военного столкновения с Германией в случае общего конфликта.

Ближайшим поводом к войне послужил спор между Австро-Венгрией и Сербией после убийства наследника австрийского престола, учащимся в столице Сербии—Белграде юношей, находившимся в связи с сербскими патриотическими организациями. Другими словами, поводом к войне послужили события на Балканах. Еще до войны 1914—1918 гг. справедливо указывалось на то, что Балканы являются „пороховым погребом“, вокруг которого с зажженными факелами бегают европейские державы. Эта борьба европейских держав за Балканы была борьбой за полуколонии, за пути, которые ведут к колониям, а для некоторых великих держав борьбой за охрану неприкосновенности колониальных азиатских владений, к которым протягивались руки конкурентов. В борьбу великих европейских держав были втянуты и небольшие балканские государства: Сербия, Болгария, Греция, Черногория и др. В результате—на Балканском полуострове завязался узел европейской политики, и он превратился в тот пороховой погреб, для взрыва которого, как показали события июля 1914 года, не нужно было и факела,—достаточно было простой спички.

Об'яснение такому, оказавшемуся роковым, столкновению на Балканах интересов различных финансовых групп, опиравшихся на военно-политическую мощь в под'инном смысле слова „своих“ государств, следует прежде всего искать в географическом положении Балканского полуострова, являющегося мостом, соединяющим Европу с Малой Азией. С государствами, расположенными на Балканском полуострове (Сербия, Румыния, Болгария и др.), граничили с одной стороны Россия и Австро-Венгрия, с другой—Турция. Выше было указано, как стремилась Германия превратить Турцию в свою „полуколонию“. Чтобы обеспечить себе восточный путь к своим колониям, Германия должна была принять активное участие в делах Балканского полуострова. Свою политику она проводила в значительной мере через свою союзницу Австро-Венгрию, непосредственно граничащую с государствами Балканского полуострова. В судьбе Турции, а следовательно, и Балканского полуострова были однако „кровно“ заинтересованы и Англия, и Россия. Отсюда то столкновение интересов великих европейских хищников, которое было прологом войны 1914 года. Нижеследующие отрывки должны помочь читателю заглянуть в те противоречия, какие выросли на Балканах.

ОТТОМАНСКАЯ (ТУРЕЦКАЯ) ИМПЕРИЯ

(В. Майский. „От Пруссии к Средней Европе“).

Дипломатический термин „Ближний Восток“ в основных чертах покрывается пределами знаменитой Оттоманской империи. Я имею в виду не нынешнюю маленькую и искалеченную Турцию, жалкий обломок былого государственного величия, а именно Оттоманскую Империю. Своих максимальных размеров она достигла во второй половине XVII столетия. Однако момент высшего под'ема совпал для Высокой Порты с началом медленного, но неудержимого процесса внутреннего разложения.

В XVIII веке начавшийся процесс разложения продолжался. И вместе с ним границы турецкой державы постепенно сокращались, при чем наиболее опасным врагом последней в этот период выступила медленно, но неуклонно продвигавшаяся на юг Россия. Оттоманская империя к началу XIX века представляла собой все-таки еще очень обширное государственное целое. Оно простиралось от бассейна Дуная до Индийского океана и от Кавказа до Марокко. Ей принадлежал весь Балканский полуостров с вассальными княжествами Молдавией и Валахией (нынешняя Румыния), вся Малая Азия и Аравия; Египет, Триполи, Тунис и Алжир находились в состоянии вассальной зависимости от султана, обязаны были платить ему дань и доставлять ему вспомогательное войско. Справедливость требует сказать, что эта зависимость слишком часто бывала совершенно номинальной, но во всяком случае все северное побережье Африки около 1800 года официально находилось под эгидой турецкого полумесяца. И так как „ближневосточный вопрос“ особенно серьезное значение приобрел в XIX в., то естественно, под именем „Ближнего Востока“ и дипломаты, и широкая публика стали понимать земли и народы, об'единенные под властью султана на рубеже минувшего столетия.

Едва ли не самой характерной чертой этого исполинского восточного царства была крайняя пестрота его этнографического состава. Воинственное племя турок османов в своем стремительном движении на запад покорило десятки самых разнообразных наций, религий, наречий, и все это пыталось сочетать в рамках одного военно-теократического государства. Оно оставляло, правда, обыкновенно завоеванным областям их местное управление, их язык и их наследственное исповедание веры, но все-таки оно подводило их всех под известный однообразный шаблон и их соками и кровью питало мусульманское дерево Оттоманской империи. Положение еще более осложнялось тем, что различные народы далеко не везде жили сплошными массами, а нередко занимали одни и те же районы вперемежку, отчего плоскости их взаимных трений, конечно, только увеличились. В результате получалась настоящая этнографическая мозаика, какой-то роскошный восточный ковер, сшитый из разноцветных лоскутков всевозможных языков и национальностей. К пестроте наречий и племен присоединялась еще

пестрота религиозных верований... Не меньшим злом, чем национальная черезполосица, была также чересполосица религиозная. Магометане и христиане жили вперемежку, и это создавало между ними массу всевозможных споров и столкновений...

Легко себе представить, какое положение создавалось в стране при наличности подобной племенной и религиозной пестроты. Здесь, в этой пестроте, не смягченной присутствием единой численно и культурно доминирующей национальности, не компенсированной могущественными центростремительными тенденциями экономического характера, вызывавшимися повсюду в позднейшие периоды развитием капитализма, лежало несомненно слабое место Оттоманской империи, скрывалась основная причина ее неизбежного и неудержимого распада.

ТУРЦИЯ, КАК БОГАТАЯ НАСЛЕДОДАТЕЛЬНИЦА

(В. Майский. „От Пруссии к Средней Европе").

Около постели тяжело больного всегда суетится много людей. И если этот больной еще вдобавок обладает большим состоянием, то суматоха принимает особенно беспокойный и назойливый характер. В ней принимают участие не только непосредственные члены семьи, но также и дальние родственники, знакомые, наконец, просто все, у кого есть на то время и охота. Каждый волнуется, каждый подает советы, выслушивает сообщения о ходе болезни, то радостно потирает руками, то сокрушенно вздыхает, и всегда при этом старается показать, что он-то как раз и есть здесь самое главное лицо, и что именно у него интересы больного лежат больше всего на сердце. Ибо каждый в тайниках души рассчитывает, что умирающий богач не забудет его своими милостями в завещании, а если паче чаяния и забудет, то в обстановке всеобщего смятения он и сам сумеет по заслугам вознаградить себя.

Именно эта картина невольно приходит в голову, когда окидываешь взглядом политику великих и малых держав по отношению к Оттоманской империи на протяжении минувших 115 лет. Николай I в начале пятидесятых годов прошлого столетия в разговоре с английским посланником в Петербурге однажды выразился о Высокой Порте так: „У нас на руках больной человек, очень больной человек", и в этих словах отразилось лишь общее мнение тогдашней европейской государственной мудрости. Когда-то могущественная империя султана была об'явлена приговоренной к смерти, и многочисленные наследники ее былого величия со всех сторон протягивали к ней алчные руки. Надо отдать им справедливость, ожидаемая добыча безусловно стоила затраты максимальных усилий.

Оттоманское царство, или то, что было раньше Оттоманским царством, представляет собой несомненно один из наиболее благодатных и многообещающих уголков земли. Его естественные богатства очень велики. Четыре больших судоходных реки—Дунай, Нил, Тигр и Евфрат

прорезывают в разных направлениях его территорию. Ряд горных хребтов, из которых самыми главными являются Балканы в Европе и Тавр и Анти-Тавр в Малой Азии, чрезвычайно разнообразят климатические условия страны, создавая возможность для возделывания наиболее прихотливых и нежных культур. Извилистые, изобилующие удобными бухтами и заливами берега Эгейского моря и масса разбросанных по нему островов образуют необходимые предпосылки для широкого развития рыболовства, судоходства и торговли. Богатство почвы металлами и минералами (солью, медью, свинцом, марганцем, углем, нефтью, асфальтом и т. д.) открывает заманчивые перспективы в сфере промышленного развития. Необыкновенное плодородие долины Нила, равнин Мессопотамии и нижнего бассейна Дуная при применении рациональных методов обработки земли способны превратить их в настоящую житницу человечества. Наконец, обширность площади, занятой лесами (ныне в пределах бывшей Оттоманской империи насчитывается до 30 мил. акров лесов), обещает неисчислимые выгоды всякому, кто сумеет заняться их умелой эксплоатацией. Как видим, природа щедро наградила Высокую Порту своими лучшими дарами, способными возбуждать зависть и корыстолюбие среди других наций и государств. Недаром легенда относит местопребывание рая к долинам Тигра и Евфрата, недаром также наиболее цветущие государства древности и средневековья—Вавилония, Ассирия, Багдадский калифат—сложились и выросли на равнинах передней Азии. И однако, как ни велики богатства Оттоманской державы, ее главная ценность заключается все-таки не в этом, а в ее исключительно выгодном географическом положении.

Империя турок находилась на скрещении трех громадных частей света—Европы, Азии и Африки,—и благодаря этому естественно командовала подходами к наиболее богатым и населенным странам трех континентов. На севере и северо-западе она граничила с немецкими монархиями и Россией, на западе соприкасалась с Италией, на востоке и юго-востоке близко подходила к Индии и Персии, на юго-западе через Египет продвигалась до Судана и других районов центральной Африки. Тем самым Турецкая держава оказывалась связующим звеном между важнейшими государствами и народами старого мира, математическим скрещением их многообразных политических и хозяйственных интересов. Это имело чрезвычайно важные последствия двоякого рода. Во-первых, Оттоманская империя должна была становиться и, действительно, все более становилась торговым посредником между Европой с одной стороны, побережьем Индийского океана и северо-восточной Африки с другой. Экономические выгоды такого положения ясны сами собой. Во-вторых, та же Оттоманская империя занимала чрезвычайно благоприятную стратегическую позицию, будучи в состоянии с сравнительно небольшой затратой энергии наносить из центра удары своим противникам на периферии и таким образом оказывать глубокое и далеко расходящееся влияние на политическое положение трех частей света. Что положение Порты и особенно ее столицы Константинополя

с военно-политической точки зрения действительно превосходно, мы знаем от такого неоспоримого авторитета в данной области, как Наполеон I. Частный секретарь последнего рассказывает, что, когда во время переговоров между великим корсиканцем и Александром I в Тильзите (в 1807 г.) о разделе Турции, русский царь заявил претензии на получение „Царьграда", французский полководец с негодованием воскликнул: „Константинополь! Константинополь! Никогда! Константинополь—это мировая империя".

Из предыдущего ясно, что распадающаяся Оттоманская держава являлась богатейшим политическим наследством и потому по человечеству вполне понятно, если различные европейские нации и государства в течение всего XIX века не переставали носиться с планами ее полного раздела, или по крайней мере ее частичного расхищения.

Постепенное разложение некогда могущественной Турции и ожидание наследства в результате ее окончательного распада, которого, как увидим ниже, с нетерпением ждали некоторые из великих держав, и породили тот чрезвычайно запутанный клубок различных интересов, который сплелся на Балканах. Выше указывалось, что Балканы послужили непосредственным поводом к мировой войне. Необходимо поэтому присмотреться к той „ближневосточной политике", которую великие державы—будущие открытые враги в войне—вели до войны.

ПОЛИТИКА АВСТРИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

(В. Майский. „От Пруссии к Средней Европе").

Первой великой державой, пришедшей в непосредственное столкновение с могущественным царством османов (турок), была Австрия... В той мере, в какой наступательный дух постепенно исчезал во дворце Высокой Порты, он креп и развивался в рядах господствующих классов Австрии, заставляя их в свою очередь переходить в наступление и пред'являть свои требования на богатое турецкое наследство. Но уже тут в эту раннюю эпоху „ближневосточного" вопроса вполне ясно определилась основная характерная черта австрийских „интересов" в царстве османов, черта, сохранившаяся в полной мере вплоть до настоящего дня,—их ограниченность одним лишь Балканским полуостровом. Австрийская „сфера влияния"—это только Балканы и даже скорее только часть Балкан, и в соответствии с этим австрийская „ближневосточная политика" есть по существу лишь „балканская политика". Дальше указанных рамок венские притязания не заходили.

Однако, в этой облюбованной ею области Австрия твердо знает, чего она хочет. На протяжении минувших 200 лет ее поведение на Балканах, конечно, не раз подвергалось частичным колебаниям в зависимости от той или иной дипломатической и военной ситуации, но

все-таки основная линия ее политики оставалась неизменно одна и та же: монархия Габсбургов всегда стремилась и стремится наложить свою руку на западную половину Балканского полуострова...

В 1797 году она по миру в Кампо-Формио получачает Далмацию, в 1878 году занимает Боснию и Герцеговину, которые тридцать лет спустя официально становятся ее неот'емлемыми владениями. В то же время Австрия прилагает огромные усилия к тому, чтобы обеспечить за собой господствующее положение в Сербии, Черногории, Албании и Западной Македонии, с расчетом при столь нетерпеливо ожидаемом „разделе" Оттоманской империи пред'явить свои права на облюбованные районы. Отсюда естественно вытекает задача двоякого рода: с одной стороны, необходимость заранее связать метрополию с ее будущими провинциями возможно более тесными узами, политическими, экономическими, духовными, с другой, еще более повелительная необходимость — поддерживать их слабыми, раздробленными, неспособными к серьезному сопротивлению. Австрия делает то и другое...

Австрия строго блюдет, чтобы опекаемые ею области и народы не стали слишком сильными и самостоятельными и заблаговременно принимает ряд предупредительных мер. На Берлинском конгрессе 1878 года ей удается вдвинуть между Сербией и Черногорией пресловутый Новобазарский санджак и этим способом воспрепятствовать об'единению двух одноплеменных государств; она всячески борется против получения Сербией свободного выхода к морю и против великосербской агитации, но в особенности энергично она выступает против всякого усиления России на Балканах, ибо это естественно грозит осуществлению ее наиболее заветных надежд... Поэтому с воцарением „русского влияния" в Сербии (с 1903 г.) она начинает с ней упорную экономическую и политическую борьбу, ищет сближения с Болгарией и, опираясь на Германию, неоднократно грозит кулаком России (особенно в 1908 и 1914 гг.). Австро-Венгрия, по известному образному выражению,—„часовой на Балканах", и она зорко сторожит свою будущую добычу.

СТРЕМЛЕНИЕ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА АВСТРИИ ПРЕВРАТИТЬ БАЛКАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ В КОЛОНИЮ

(Из статьи австрийского военного, Ф. Кассандера, напечатанной перед войной).

Главным основанием и важнейшей ошибкой нашей государственной жизни является полное отсутствие рынков для вывоза. Каждое современное культурное здоровое государство нуждается во внешних рынках и должно эту нужду удачно удовлетворить, если не хочет погибнуть. Мы (т. е. Австрия) имеем огромную необходимость в вывозе, но мы ничего не делаем, чтобы сделать возможным этот вывоз, напротив, мы ему даже мешаем и поэтому должны утопать в собственном болоте...

Не нужно быть колонио-фантазером, чтобы прийти к полному убеждению, что наша империя идет к финансовому краху, а с ним, наверное, и к распадению, если только мы, пока еще есть время, не сумеем достать себе такую страну вывоза—колонию...

Но откуда нам взять такую страну вывоза? Известно, что ни одной заморской колонии получить уже нельзя; время их приобретения мы безвозвратно прозевали из-за „государственно-правовых" затруднений и т. п. мелочей. Теперь колонии можно только завоевать (для этого у нас не хватает энергии) или купить (для этого у нас не хватает денег); кроме того, для заморских колоний у нас не хватает и необходимого флота. Итак, во внеевропейских странах едва ли возможно достаточно быстро удовлетворить нашу жгучую потребность в отношении колоний. Но зато благоприятствующая нам судьба, кроме всех прочих естественных богатств, положила у наших дверей Ближний Восток и прежде всего Балканы, представляющие идеальную страну для нашего вывоза, но мы в безбожном ослеплении не узрели и не использовали Балкан точно так же, как и все наши другие естественные богатства и преимущества.

Как раз для нашей обрабатывающей промышленности балканские страны являются многопокупающим рынком (мануфактурные товары, дешевые изделия из стекла, дерева и железа, земледельческие машины, далее—соль и сахар); из балканских стран вывозится много того, что нам нужно (мясо); на Ближнем Востоке имеется масса культурных работ, которые еще предстоит произвести в ближайшие десятилетия; кроме того, мы с Балканами соединены лучшими и самыми дешевыми торговыми путями. Балканы с промышленной точки зрения являются наилучшей колонией для нашей обрабатывающей промышленности, для нашей торговли, нашей эмиграции и нашего духовного перепроизводства, а географически и этнографически они прямо предназначены быть нашей колонией.

.... Если мы не хотим экономически и политически погибнуть, то Балканы должны быть подчинены нашему полному политическому господству. К этому принуждают нас следующие основания:

1) Наше бедственное экономическое положение может быть улучшено только тогда, если мы приобретем Балканы, как исключительно нам принадлежащую колонию, для сбыта нашего промышленного перепроизводства.

2) Если мы возможно скорее не обеспечим за собою Балканы, то они попадут частью в руки Италии, вследствие чего для нас будет закрыт выход в открытое море, и частью—России, которая грозно охватит нас тогда с трех сторон.

3) Если мы не подчиним себе славянские балканские государства, то они постоянно будут угрожать нашему внутреннему спокойствию, что заставит нас непрерывно принимать дорого стоящие и все-таки бесполезные меры противодействия.

Балканы мы должны приобрести! Нет нам другого средства для того, чтобы оставаться впредь великой державой. Так, как теперь обстоят дела, мы ни в коем случае не можем уже приобрести Балканы мирным путем; мы должны занять поэтому Балканы посредством войны.

Конечно, отвоевание Балкан от Сербии, Черногории и Болгарии— дело само по себе довольно трудное и требует весьма значительного напряжения сил и продолжительной, трудной войны, но, во всяком случае, наша армия для этого достаточно сильна.

Руки вверх! Балканы нужны нам, и мы их возьмем! Мы не допускаем в Малой Азии, Сирии и Мессопотамии ничьих других интересов, кроме наших. И кто станет нам на дороге, того мы отправим домой с окровавленной головой. И кому наше движение приходится не по вкусу, пусть идет и помешает нам, если может!

ПОЛИТИКА РОССИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

(В. Майский. „От Пруссии к Средней Европе").

Обе соседние державы (Австрия и Россия) с незапамятных времен являлись постоянными соперниками в спорной области; они претендовали на господствующее влияние в пределах Европейской Турции; обе намечали себе одни и те же или очень близко совпадающие друг с другом доли оттоманского наследства, и потому естественно, что между „ближневосточной" активностью обеих империй существовала всегда примерно столь же тесная связь, как между положительным и отрицательным полюсами электрической энергии. Однако справедливость требует сказать, что притязания России в сфере господства „больного человека" были гораздо больше, чем притязания Австрии, ее цели и проекты неизмеримо шире и грандиознее.

Ее первоначально несколько неясная и расплывчатая тенденция „на юг" постепенно окрепла, развилась и приняла законченную форму, которая в своем наиболее ярком выражении стала гласить: превращение Черного моря в „Русское море"....

Превращение Черного моря в „Русское море" требовало, очевидно, охвата его с других сторон—с востока и запада. Завоевание Кавказа и областей Карса и Батума (последних в 1878 г.) служило осуществлением первой части смелого плана.... Гораздо сложнее обстояло дело с заходом с запада, ибо тут России приходилось сталкиваться с могущественным сопротивлением со стороны Австрии и еще некоторых других великих держав, о которых ниже. Поскольку однако позволяли время и обстоятельства, Россия все время проводила одну определенную „ближневосточную" линию: раздел Турции, собственное укрепление в Константинополе и на проливах и, быть может, создание великого всеславянского царства, включающего в свой состав христианские народы Балкан и, по крайней мере, часть славянских подданных

габсбургской короны. Вот почему с точки зрения официальной России все, что усиливает позицию и влияние нашего отечества в европейских владениях Турции, всегда являлось благом, все, что препятствует этому усилению,—злом. Ибо предполагалось—и надо признать откровенно, не без основания—что, если Россия станет твердой стопой у ворот Золотого Рога, малоазиатский берег Черного моря естественно и неизбежно перейдет в ее же руки, замыкая таким образом „русскую линию“ вокруг важнейшего водного бассейна Ближнего Востока. И Россия не менее последовательно, чем Австрия, и постоянно сталкиваясь и конкурируя с последней, все время ведет свою особую политику на Балканах...

Начавшееся со средины 90 х годов прошлого столетия увлечение России дальневосточными делами несколько ослабило интерес ее к балканскому вопросу, но в последние годы, после неудачного столкновения с Японией, внимание ее снова переносится на заветные „эвксинские берега“ (берега Черного моря). Здесь она снова неизбежно сталкивается с Австрией—покровительствует Сербии, где с 1903 года ее влияние становится господствующим, способствует созданию „Балканской Лиги“ (в 1912 г.), разгромившей Турцию, и наконец с первым ударом мировой войны в давно уже небывалой конкретной форме начинает думать и готовиться к разрешению старой проблемы: Константинополь и проливы.

ПОЛИТИКА АНГЛИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

(В. Майский. „От Пруссии к Средней Европе“).

Обе великие державы (Австрия и Россия), „ближневосточную политику“ которых мы до сих пор рассматривали, несмотря на свое традиционное вековое соперничество, имеют однако нечто общее в своих целях и стремлениях: обе они заинтересованы в разрушении Оттоманской империи, обе они стремятся возможно скорее и полнее положить предел существованию „больного человека“ на Босфоре. И если распадающее царство османов сумело, тем не менее, выдержать почти 200-летний напор Австрии и России и вплоть до настоящего дня сохранить известную жизнеспособность, то это об‘ясняется прежде всего той могущественной поддержкой, которую Порта в течение всего XIX столетия получала со стороны Англии. Ибо непосредственные экономические и политические интересы этой последней настоятельно диктовали ей в противоположность двум северным империям охрану целости и независимости Турецкого государства.

Каковы были эти интересы?

Прежде всего чисто торговые. Коммерческие сношения Англии с Ближним Востоком начались еще в XVI столетии; с точки зрения

своих торговых интересов Великобритания должна была очень отрицательно относиться к расхищению Оттоманской империи великими державами Европы.

Но был у Англии и еще один и притом гораздо более властный и повелительный мотив, заставлявший ее действовать в том же направлении, это—забота об охране своих восточно-колониальных владений. Около середины XVIII века Великобритания окончательно утвердилась в Индии, тридцатью годами позже она начала заселение Австралии и Новой Зеландии, в XIX столетии она ступила твердой ногой на юго-восточном побережьи Китая. С тех пор основной наукой внешней политики Альбиона (Англии) становится обеспечение целости своих богатейших заокеанских провинций и свобода и безопасность ведущих к ним путей. Слабая и распадающаяся Турция, являющаяся буфером между Россией и Австрией, с одной стороны, и побережьем Индийского океана—с другой, была настоящей находкой для Великобритании. Если бы ее не существовало, ее необходимо было бы выдумать. Сама империя османов (турок) была Англии не страшна, и вместе с тем она прикрывала собой подступы к знаменитой „жемчужине британской короны“ (Индии). Отсюда господствующая нота всей „ближневосточной политики“ Соединенного королевства в XIX веке—поелику возможно охранять неприкосновенность владений султана; отсюда вечное стремление препятствовать продвижению России на юг и в особенности захвату ею Константинополя; отсюда почти столетнее „туркофильство“ (турколюбие) английских государственных людей.

СПОР МЕЖДУ ХИЩНИКАМИ ИМПЕРИАЛИЗМА ИЗ-ЗА МАРОККО

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма, ч. 1-я“).

За десять лет, с 1895 по 1905, мы видим целых пять крупных империалистических войн: 1895 год—война китайцев с японцами из-за Кореи, 1898 год—война Америки с Испанией из-за Кубы, 1899 год—война англичан с бурами из-за трансваальских драгоценных россыпей, 1900 год—война всей Европы против Китая из-за того, что „великие державы хотели навязать ему свои железные дороги и урвать по жирному куску; 1904 год—война России с Японией из-за того, кому будет принадлежать право на эксплоатацию Манчжурии.

Все эти кровавые войны не принесли победителям каких-нибудь больших территориальных приращений: Манчжурия как будто осталась за Китаем, Китай формально сохранил самостоятельность, Южная Африка образует политически-автономное государство, а Куба является „независимой“ республикой. Но свою добычу победители все-таки получили: железные дороги, займы, таможенные тарифы, жирные концессии и проч. стали достоянием империалистов того „отечества“, которое ценою крови купило свою свободу.

Или посмотрите на другой, типично-империалистический конфликт из-за Марокко, чуть было не приведший к мировой войне еще гораздо раньше 1914 года. Промышленная война между английским и германским капиталом принуждает империалистскую Англию искать союза со старым союзником—Францией.

В 1903 году Эдуард VII делает свой знаменитый визит Франции. В чем была истинная подкладка этого визита?

К этому времени был уже почти заключен германо-французский синдикат. Немецкие империалисты хотели сближения с французскими и готовы были „уступить“ им даже кусок жирного пирога от Багдадской железной дороги. Немцам нужны были французские капиталы. Немецко-французский синдикат был основан. Президентом был Артур фон-Гвиннер, председатель „Дейтше Банк“, вице-президентом—Vernes, компаньон Ротшильдов по двум акционерным компаниям, член совета двух банков, член совета железнодорожной компании Салоники—Константинополь и т. д. За г-ном Vernes стояли Рувье и К-о.

Эдуард VII явился в Париж, как агент парижской империалистской буржуазии, чтобы сорвать франко-германский синдикат. Ему это удалось. И ценою было Марокко. Французские империалисты отказались от всех претензий на Египет и предоставили его Англии, а за это английские империалистские акулы „отдали“ французским Марокко. Египет за Марокко, Марокко за Египет. Для народа эта сделка названа была „сердечное соглашение“ (в котором роль играло, однако, не столько сердце, сколько кошелек).

За отказ от сотрудничества с германскими империалистами английские империалисты предоставили французским собратьям монополию в Марокко на все железные дороги, гавани, телеграфы, общественные работы и т. д.

Но тогда германские империалисты поставили штык в порядок дня. Они угрожали зажечь мировую войну, если и им не дадут куска в Марокко. Алжезирасская конференция видит себя вынужденной сделать германским империалистам известные уступки: им обеспечивается известный процент участия в марокканских займах и вообще гарантируется в Марокко достаточная „сфера влияния“ для участия в импорте капитала и т. п.

На этом происходит временное примирение, которое через короткий срок вновь нарушается. Европа находится на волоске от мировой войны. Войны хотят и французские, и немецкие, и английские империалисты. Но она отсрочивается только потому, что немцы не готовы еще с морскими вооружениями, французы задумывают переход к трехлетней службе и т. д. Война могла возникнуть каждый день. Каждая из сторон и тогда кричала бы, что на нее напали, что она ведет справедливую оборонительную войну. Но по существу дела это была бы, конечно, не справедливая а, нечестивая империалистическая война, война нескольких клик финансового капитала из-за неподеленной добычи.

ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

(В. Майский. „От Пруссии к Средней Европе").

Австрия, Россия и Англия—это главные основные державы, игравшие в течение столетий господствующую роль в судьбах Оттоманской империи. Для того, однако, чтобы дополнить нарисованную выше картину, необходимо, прежде чем перейти к Германии, еще хотя бы в нескольких словах остановиться на „ближневосточной политике" Франции и Италии.

Несмотря на то, что в XVI, XVII и XVIII столетиях Франция поддерживала тесные сношения и нередко заключала договоры и союзы с Высокой Портой, в XIX веке ее активность в сфере Ближнего Востока отличалась в общем довольно скромными размерами и носила какой-то отрывочный и случайный характер. Так, с 1805—14 гг. Франция владеет Далмацией; в 20—30-х годах она чрезвычайно усиливает свое влияние в Египте, где создает Мегмету-Али прекрасное войско, поставившее в 1833 г. на край гибели турецкого султана; в 1830 г. она захватывает Алжир, в 1881 г.—Тунис; в 1853—55 гг. принимает участие в Крымской кампании, а в 60-х годах проводит Суэцкий канал, мечтая о подчинении себе Египта и образовании большого колониального царства на северном берегу Африки. Но встретив сильного конкурента в лице Англии, Франция без особого сопротивления сдает свои позиции на Ниле и устремляет свои взоры совсем в ином направлении. Позднее она начинает рассматривать, как свою „сферу влияния", Сирию и в настоящее время претендует именно на нее, как на свою долю турецкого наследства. В общем, окидывая взглядом прошлую „ближневосточную политику" Франции на протяжении минувшего столетия, невольно приходишь к выводу, что ей не хватает выдержанности и последовательности, какой отличается, например, политика Англии или России; конечно, третья республика и сейчас формально считается одной из крупнейших „ближневосточных" держав, голос которой всегда принимается во внимание при решениях, касающихся злополучного вопроса (каждая великая держава может на это претендовать), однако справедливость требует сказать, что „интересы" Франции в пределах Оттоманской империи, даже меряя их обычным в международной политике официально-дипломатическим масштабом, гораздо менее серьезны, чем „интересы" других важнейших государств.

Появление Италии на „ближневосточном" горизонте относится к самому позднейшему периоду... В 1881 г., когда Франция об'явила протекторат над Тунисом, Англия и Германия советовали Италии в виде „компенсации" захватить Триполи. Однако и это дружеское указание не имело практических результатов. В 1882—83 гг. Великобритания приглашала Италию принять участие в экспедиции в Египет, но последняя и на этот раз осталась нейтральной. Главная причина итальянской сдержанности заключалась в боязни крупных расходов и в желании избежать острых осложнений с Францией, которые сделались бы

неизбежными при вступлении на путь колониальной политики. Для этого лишь незадолго перед тем об'единившаяся страна не чувствовала себя еще достаточно сильной. Только с началом 90-х годов в настроении итальянских правящих кругов происходит известный перелом. Капитализм на Апенинском полуострове заметно крепнет, империалистические тенденции выявляются определеннее, тяга „за океан" становится неодолимой. Италия ищет себе колониальной деятельности и находит его в Абиссинии и Эритрее. Однако жестокий военный разгром, нанесенный в 1897 году при Адуе абиссинским правителем Негусом Менеликом, непрошенным цивилизатором, ставит ранний предел итальянским успехам в Восточной Африке. Тогда взор империалистов Апеннинского королевства снова возвращается к знакомым об'ектам возможного обладания—к Триполи и Албании. Первая из названных областей становится добычей Италии в 1911 году, о судьбах второй сейчас на полях сражений Европы мечутся ризы. Но аппетит приходит вместе с едой, и ныне Италия уже больше не довольствуется одной Албанией. Ныне она мечтает о подчинении себе Триеста, Далмации, Герцоговины, Черногории; она стремится к превращению Адриатического моря в „итальянское море"; она решительно хочет стать одной из великих „балканских" держав. С этими именно целями и задачами Италия вступила в великую мировую войну, скрестив в вооруженном конфликте мечи со своей главной противницей в осуществлении заманчивых планов—Австро-Венгрией.

ГРАБИТЕЛЬСКИЙ ЗАХВАТ ТРИПОЛИ ИТАЛИЕЙ

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма", ч. I).

Возьмем войну из-за Триполи 1911 года, которая вместе с Балкано-Турецкими войнами 1912—13 гг. в сущности послужила увертюрой к мировой войне 1914—16 гг. Разве это не классический пример того, как негоден и обманчив критерий оборонительной войны? Как было дело?

В сентябре 1911 года Италия внезапно посылает ультиматум Турции: Италия, видите ли, до сих пор проявляла необыкновенную умеренность и терпеливость, но Турция упорно не желает итти навстречу „законным итальянским интересам" в Триполитании. Поэтому Италия „видит себя вынужденной" занять своими войсками Триполи. Не успела еще Турция ответить на этот ультиматум, как 30-го сентября 1911 года итальянская эскадра уже обстреливала крепостные сооружения в Триполи. Итальянские империалисты об'явили, разумеется, и эту войну „справедливой" войной. Весь аппарат буржуазного владычества был пущен в ход, чтобы вызвать патриотическое настроение в итальянском народе. И не без успеха. „Истинный энтузиазм и дух предприимчивости об'ял весь итальянский народ, который единодушно сплотился вокруг своего правительства и своего короля. Даже наибольшая часть социалистов (социалистов-реформистов, добавим мы от себя;

за этот поворот к социал-шовинизму Биссолати и К-о как раз и были исключены из итальянской социалистической партии. Г.З.) не оказалась в стороне от этого энтузиазма и готовности к национальному самопожертвованию". Так описывал созданное в начале Триполитанской войны положение дел в Италии известный историк германской иностранной политики граф Ревентлов.

Ну, а каков был действительный смысл триполитанской войны, какова была реальная подкладка всей этой истории?

Триполитанская война была чисто империалистической войной, и весь этот конфликт был теснейшим образом связан с соревнованием двух главных конкурирующих друг с другом империалистских трестов.

С того самого момента, как наметилось сближение империалистской Англии с империалистской Францией против империалистской Германии, Англия стала подкупать Италию обещаниями. Уже вскоре после Фашоды Англия обещала Италии Триполи. Теперь и Франция за „обиду", нанесенную ею Италии присвоением Туниса, готова во имя „солидарности интересов народов романской культуры" вознаградить Италию Триполитанией. В 1899 и 1902 годах Англия и Франция уже, можно сказать, выдали формальный вексель Италии на Триполи. Для успеха их империалистского треста им нужно было во что бы то ни стало отвлечь Италию от тройственного союза. Для этого надо было чем-нибудь вознаградить итальянских империалистов. Расплата по обыкновению произошла из чужой собственности. Триполи не принадлежало ни Франции, ни Англии. У первой только были „виды" на него, основанные исключительно на том, что кусок этот плохо лежит и что „мы" находимся в близком соседстве к нему.

После „сердечного соглашения" между империалистами Франции и Англии (1904 г.) итальянские империалисты уже считали Триполи, как у себя в кармане. Названное сердечное соглашение было заключено, как мы уже заметили, по формуле: Египет за Марокко. В развернутом виде эта формула гласила: за Египет—Марокко, за Марокко—Триполи.

После Алжезирасской конференции (1906 г.), на которой Италия в виде компенсации за обещанное Триполи уже довольно открыто поддерживала Англию и Францию против своего „союзника" Германии, империалисты Италии считали, что они уже честно заработали Триполи, и смотрели на себя, как на бесспорных хозяев этой земли...

Турция заключила мир с Италией 18 октября 1912 г. в Лозанне, когда на Балканах стоял уже грохот от новой войны, в которой главным режиссером были те же „великие" империалистские державы. Узел затягивался все теснее и теснее, пока в 1914 году разразилось неизбежное.

Триполитанская война была типичным империалистским конфликтом, всецело вытекшим из основного империалистского деления, наложившего свою печать на всю эпоху.

БОРЬБА МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма“, ч. 2-я).

В течение первых двух лет царствования Вельгельма II произошло заметное изменение в германской политике в сторону Турции. В 1888 г. Германия провозгласила сохранение целости Турции. В том же году германская компания получила первую концессию на постройку и эксплоатацию Анатолийской железно-дорожной линии Исмид-Ангора, с правом преимущества на Диарбекир и Багдад. В 1890 г. заключен был первый германско-турецкий торговый договор. Важнейшим средством одновременно для удовлетворения собственных аппетитов и для укрепления благосклонной к Германии турецкой власти внутри страны была постройка железных дорог. Директор „Дейтше Банк“ фон-Гвиннер следующим образом рисует то влияние, которое оказала на внутреннюю жизнь Турции постройка Анатолийских железных дорог. „До начала этой постройки,—говорит он,—Константинополь и турецкая армия ели хлеб, изготовленный из русского зерна, теперь они едят хлеб, приготовленный из их собственного зерна. До начала постройки железной дороги общественная безопасность стояла в Малой Азии не на более высокой ступени, чем ныне в Курдистане. Когда инженеры, посланные „Дейтше Банком“, впервые достигли станции по ту сторону Исмида у Мраморного моря, разбойничьи черкесские банды терроризировали всю местность. Теперь бывший атаман этой шайки служит начальником станции у общества Анатолийских дорог...“

Важнейшим из этих железно дорожных проектов была Багдадская железная дорога. Эту концессию получила (в 1903 г.) немецкая компания, за которой стоит „Дейтше Банк“. Дорога должна тянуться от малоазиатского города Кониа, который уже связан железной дорогой со Смирной (у Эгейского моря) и Гайдар-Паша (у Босфора) до Басры. К 1912 году была уже готова дорога Кониа-Эрегли. Затем началась постройка пути от Эрегли через Адану к Киллису, откуда пройдет ветвь к Дамасску, который лежит у циркулирующей уже ж.-д. линии Бейрут-Дамаск-Медина-Мекка. Из Киллиса дорога пойдет через Харан, Эль-Гелиф, Мосу, Багдад в Басру, откуда она должна быть связана с одним из портов Персидского залива.

Багдадская дорога—грандиозное предприятие, требующее несметных капиталов. Предприятие это имеет громадное стратегическое значение для Турции, а значит, и для Германии. Оно угрожает безраздельному господству Англии на Персидском заливе. И вместе с тем Багдадская дорога имеет колоссальное политическое значение. Удача этого предприятия становится триумфом германского империализма.

Среди факторов, приведших к современной войне между Германией и Англией, Багдадской железной дороге несомненно принадлежит первенствующее место.

Сначала империалисты Англии, Франции и др. стран просто не верили, чтобы германскому капиталу удалось решить эту грандиозную задачу. Но когда стало ясно, что дело это подвигается вперед, Англия начала особенно усердно чинить всякие препятствия. Для ее империализма вопрос шел о весьма важных вопросах. Монопольное положение Англии на Персидском море имеет важнейшее значение для ее господства над Индией. С того момента, как турки получают возможность по железной дороге доставлять войска к Персидскому морю, фиктивный прежде суверенитет Турции у Персидского залива принял бы иной характер. Германский капитал, который получает прямую дорогу Берлин-Багдад, в сильнейшей степени угрожает торговой монополии Англии на Персидском заливе. Кроме того, английские империалисты не могут не быть обеспокоены и судьбами Мессопотамии.

Понятно, почему английские империалисты были так встревожены. 7 мая 1903 г. английский министр иностранных дел лорд Лендсдоун заявил: „Англия не может позволить никакой другой нации иметь мореходные станции или железные дороги у Персидского залива; каждая попытка какой бы то ни было державы обосновываться там означала бы войну“.

Если война не была об‘явлена ранее, то только потому, что война между Англией и Германией неминуемо должна была превратиться в обще-европейскую войну. А для последней обе коалиции еще считали себя не готовыми. Германия не об‘являла войны потому, что еще не имела достаточного флота. Но зато она невольную оттяжку использовала и для того, чтобы строить Багдадскую дорогу. Англия не об‘являла войны потому, что союз ее с Россией еще не был осуществлен, а когда был осуществлен, России нужно было еще несколько лет для подготовки.

Поэтому английским империалистам оставалось пока ограничиваться тем, что они чинили „мирным“ путем всевозможные препятствия Багдадской дороге. Постройка этой дороги германскими банками открывала германскому капиталу возможность завоевания передней Азии. Как бороться против этого? Лондонская и парижская биржи сначала отказались от всякого участия в создании необходимого акционерного фонда. Далее Франция отказала Турции в займе, часть которого могла быть употреблена также на Багдадскую дорогу. Англия по той же причине отказала в своем согласии на увеличение ввозных турецких пошлин с 11 на 15%. Затем Англия заявила, что область вокруг Ковейта у Персидского залива находится под ее протекторатом и она не потерпит там никакой железной дороги. Англия, кроме того, поощряла мятежные племена в Аравии, облегчала ввоз оружия через Красное море и т. д. Всеми этими мерами английские империалисты, однако, добились только некоторого замедления в постройке Багдадской дороги. Самый же спор между английскими и германскими империалистами, во всю его величину, решается в нынешней войне.

АНГЛИЙСКИЕ ИМПЕРИАЛИСТЫ ГОТОВЯТСЯ ВОЕВАТЬ С ГЕРМАНИЕЙ ЗА БЛИЖНИЙ ВОСТОК

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма", ч. 2-я).

... Стоит только вспомнить, что всюду где германский империалист поставил плюсы, империалист английский поставит минусы и обратно,—и сразу же станет ясно, какую огромную роль турецкий вопрос играет в войне 1914—16 гг. Также для анти-германской коалиции...

С приобретением Суэцкого канала Египет получил для английских империалистов еще более притягательную силу. И обратно, после того как состязание с Францией из-за Египта было решено в пользу Англии, Суэцкий канал получил в ее глазах еще большую ценность. Этот канал, прорытие которого стоило 12.000 жизней, и сам по себе представляет источник громадных барышей. В 1875 году Дизраэли скупил акции Суэцкого канала приблизительно по 450 фр., а к началу войны 1914 г. акция Суэцкого канала ценилась в 5.000 франков! Дивиденды его в 1913 г. равнялись 33%, чистый доход 92 милл. франков в год! Но все это пустяки по сравнению со стратегическим значением его для Англии, которое колоссально.

А между тем и в этом пункте германские империалисты наступают на ноги своим английским собратьям. По числу судов, проходящих через Суэцкий канал, Германия стоит на втором же месте после Англии. В 1912 г. тоннаж английских судов, прошедших через канал, составляет 58%, германских—1%, а в 1913 г.—66% и 17%.

А главное: поддерживая Турцию, укрепляя ее армию и флот, строя для нее стратегические железные дороги и т. д., германские империалисты не могут не вызывать против себя и в этом пункте самой ожесточенной вражды со стороны правящей Англии.

Для сохранения Индии, этой „жемчужины английской короны", английские империалисты взяли Египет, а затем южную Персию. Для этой же цели английским империалистам нужна и Мессопотамия. Для этой же цели им „необходимо" какими угодно средствами заполучить все новые колонии, лежащие на пути к Индии.

Одно тянет за собою и другое. Ради сохранения Индии „приходится" брать и Египет. Ради сохранения Египта „приходится" со старыми противниками делить Персию. Ради сохранения Египта и справедливого дележа Персии „приходится" делить Турцию. Ради дележа Турции „приходится" воевать с Германией. Ради войны с Германией приходится итти на обще-европейскую войну. Таковы отдельные звенья в цепи империалистической политики на одной (английской) стороне.

Главными противниками в мировой войне были две группировки великих держав, сложившиеся еще до войны: тройственное согласие и тройственный союз. В состав тройственного союза входили до войны Германия, Австрия и Италия. Однако последняя в начале войны не выступила на стороне Германии и Австрии, ссылаясь на то, что она обязана по договору выступить только в случае нападения на своих союзников, чего, по ее мнению, нет. А 23 мая 1915 г. Италия, после того как она вымогала целый ряд уступок „за сохранение мира" у своих бывших союзников, об'явила войну Австро-Венгрии, найдя более выгодными условия, предложенные Антантой за участие в мировой бойне. Сводились же эти условия к отдаче Италии земель на Ближнем Востоке, принадлежащих Австро-Венгрии и Сербии.

Другая группировка великих держав—тройственный союз (Антанта)—состояла из Англии, Франции и России. Нижеприводимые отрывки красочно рисуют историю возникновения этого союза, по существу представляющего не что иное, как шайку грабителей, об'единившихся с единственною целью ограбить мир и награбленное поделить между собою.

Необходимо вчитаться в эти отрывки, чтобы хорошо понять и усвоить, как хладнокровно буржуазия подготовляется к истреблению миллионов людей, как низменно и коварно она продает и предает целые народы. И после мировой войны сущность буржуазных договоров остается одною и тою же: и теперь буржуазия в договорах торгует народами и готовится бросить их друг против друга.

По прочтении этих отрывков каждому трудящемуся должен сделаться еще более понятным, близким и родным тот лозунг, который не сходил с уст убитого в Ленинграде в 1918 году одного из вождей питерских рабочих—т. Володарского: „Долой буржуазию! Смерть буржуазии!"

ТРОЙСТВЕННОЕ СОГЛАСИЕ (АНТАНТА) — ПРОДУКТ ИМПЕРИАЛИЗМА

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма", ч. 2-я).

Тройственное согласие — есть продукт империализма. Оно, как и тройственный союз, также родилось и действовало под знаком империализма.

Тройственному согласию предшествовал франко-русский союз — совершенно так же, как тройственному союзу предшествовал австро-германский союз.

Франко-русский союз имел своей важнейшей предпосылкой два фактора: 1) вражду между Францией и Германией и 2) империалистическое соревнование между Францией и Англией. Эти два фактора толкали Францию в об'ятия России.

На другой стороне тоже действовали два других фактора:

1) империалистическое соревнование между Россией и Англией и 2) соревнование на Балканах между Россией и Австрией, за которой стояла Германия. Эти два фактора толкали Россию в об'ятия Франции.

Кроме того, Россия представлялась для французского капитала превосходной „сферой приложения“, а для русского правительства и русской промышленности французский капитал представлялся неистощимым золотым дном, из которого можно было черпать полными пригоршнями. На этой основе и зародился франко-русский союз.

„Для Франции союз с Россией был желанным избавлением от постоянной угрозы остаться одной в случае войны с Германией“,—пишет в об'яснение мотивов Франции князь Г. Н. Трубецкой. К тому же, „миллиарды французских денег нашли себе выгодное и верное помещение в русских государственных бумагах [1]“. А русские государственные бумаги, — приходится нам добавить от себя, — в свою очередь нашли себе верного и богатого покупателя, русское правительство нашло себе верный и щедрый источник для государственных займов. „Что касается России, то в этом союзе она также приобрела большую свободу действий, освобождаясь одновременно от политического влияния берлинского кабинета и экономической зависимости от берлинской биржи“,—поясняет тот же князь Трубецкой [2].

Правящие слои Франции, французские империалисты, французский капитал, как только Франция оправилась от поражения 1870—71 года, стали искать союзника, с помощью которого можно было бы взять „реванш“ над Германией и вообще изменить европейское соотношение сил. Французский империализм, естественно, устремил свои взоры на Россию. Но быстрым темпом франко-русское сближение пошло только после оформления тройственного союза. В 1882 г. Россия впервые заказала во Франции 500.000 ружей, а в 1888 году Россия заключила первый заем в Париже на 500 миллионов франков.

Затем в 1889 г. состоялось два русских займа во Франции на 2 миллиарда фр., в 1890—91 гг.—пять займов на $1^1/_2$ миллиарда и т. д. Препятствия для сближения были преодолены. В 1891 г. происходят знаменитые кронштадтские празднества—посещение Кронштадта французским флотом, затем—братание в Тулоне, а в 1893 г. франко-русский союз окончательно и бесповоротно оформлен.

За стремлением буржуазной Франции к сближению с Россией для „реванша“ над Германией не надо забывать чисто-экономических мотивов французского капитала, который добивался франко-русского союза из весьма прозаических соображений—барыша. И то же, обратно, со стороны царской России. Под видом „патриотизма“ обделывались обоюдо-выгодные коммерческие дела. С русских займов французские

[1]) Кн. Г. Н. Трубецкой. „Россия, как великая держава“, „Великая Россия“ кн. I, стр. 29.

[2]) Там же, стр. 30.

капиталисты получали гораздо более высокий процент, чем с других, и вклады были более обеспечены, чем вклады в маленьких государствах.

С другой стороны, Россия, при чрезвычайном росте ее расходов на милитаризм и стратегические железные дороги, не могла больше покрыть свою потребность в капитале в Германии и Голландии. Русские министры финансов все больше стремились открыть себе „выход“ к более богатым парижским банкам. А тут еще Бисмарк в 1887 году запретил берлинской бирже ломбардировать русские ценности.

Всё это вместе взятое служило сильнейшим стимулом к сближению между официальной Россией и официальной Францией.

Франция заключила союз с Россией, несмотря на то, что Франция официально числилась демократической республикой, а Россия была самодержавной монархией и что вследствие этого союз, казалось, был совершенно противоестествен. Господствующими кликами обеих стран союз изображался, как дружба двух „народов“. Эту „дружбу“ глубоко верно разоблачил Толстой, вскрывший истинные цели ее. Приводимый ниже отрывок также проливает свет на истинную сущность франко-русских отношений перед войной. Мы приводим его еще и потому, что он представляет интерес и для наших дней, ибо французские ростовщики и до сих пор упорно требуют уплаты по займам.

ФРАНКО-РУССКАЯ «ДРУЖБА» И РУССКИЙ ЗАЕМ ВО ФРАНЦИИ

(Г. А. „Франко-русские дела“.—„Современный Мир“, 1914 г. № 1)

Французская газета „Matin“ („Утро“—буржуазная газета) очень усердно служила (и служит) интересам самодержавно правящего во Франции крупного финансового капитала и русского министерства иностранных дел. В конце 1913 года этой газете потребовалось провести русский железнодорожный заем. Обстоятельства решительно не благоприятствовали займу; на Европу надвигался общий экономический кризис и нужда в деньгах была очень велика; Франции самой нужны были деньги для покрытия дефицита (избытка расходов над приходом) бюджета 1914 года; часть французской буржуазии не доверяла России, полагая, что последняя не прочь сделать уклон в сторону немецких симпатий (вспомним, что во время войны с Германией в России была сильная немецкая партия); французские социалисты считали союз с царской Россией угрозой для европейского мира и явлением позорным для республиканской Франции. При таких условиях для проведения займа пришлось напрячь все усилия самому главному редактору „Matin“ Лозанну. Последний лично отправился в Россию, чтобы оттуда осведомлять своих читателей о положении дел в России. Свои статьи Лозанн озаглавил: „Великая (даже „величайшая“) Россия“. В первой статье, озаглавленной „Число“, ловкий слуга крупной буржуазии ста-

рался привести читателей в трепет громадными цифрами плодовитости населения России (!), быстроты его размножения, громадными количествами производимых в России пшеницы, ржи, картошки, свеклы и пр. „Торговля России,—восторгался Лозанн,—достигает неслыханного процветания“. „В то же время крестьянин питается лучше, одевается лучше“ и т. д. Короче, Россия рисовалась земным раем.

Описывая далее численность русской армии, Лозанн уверял, что в „завтрашней войне“ Россия, если она захочет, может „бросить на Западную Европу армию в 17 миллионов человек“, и приводил мнение „старого русского генерала“, который заявил ему: „Мы, русские, всегда уверены в победе, так как мы победим наводнением. Даже если бы против нас был Наполеон, мы замели бы его своей численностью“. Лозанн настолько проникся русским патриотизмом, что ставил русскую армию выше не только немецкой, но даже французской, у которой нет таких походных кухон, „которые доставляют солдатам обед через полчаса после того, как они прибыли на место стоянки“. Единственно чего не хватает русским для одоления немцев, это железных дорог у германской границы—дорог, по которым можно было бы перевезти „семнадцать миллионов“ солдат. Внимательный читатель, конечно, не удивлен, что России, по мнению Лозанна, не хватает только железных дорог: ведь содействие „железнодорожному займу“—в этом была вся соль статей редактора „Matin“.

В третьей статье, озаглавленной „Золото“, Лозанн описывает столь же радужно и восторженно финансовое могущество России...

Четвертая статья посвящена франко-русскому союзу. „Французский язык—это язык, который чаще всего слышишь в Петербурге и Москве“. Все в России в восторге от союза с Францией, и „русские солдаты всего больше рады, когда они слышат о подвиге французских стрелков в дебрях Африки“.

Старания Лозанна оценил знаменитый французский социалист Жорес, который писал: „Хвалебные статьи Лозанна о России имеют очевидную цель. Россия собирается сделать заем на французском рынке“. Для этого нужно было скрыть от французского общественного мнения то, что сообщал другой буржуазный журнал, а именно, что Россия нуждается в займе вовсе не для постройки стратегических железных дорог, в проведении которых заинтересована и Франция, а потому, что она близка к финансовому банкротству, так как, вопреки радужным краскам Лозанна, она при свободной наличности менее чем в 600 миллионов имеет долг в девять миллиардов.

Что еще более интересно, это предложение сотрудника того же журнала воспользоваться денежными затруднениями России именно для того, чтобы заранее втравить ее в предполагаемую войну с Германией. „Мы должны,—говорила газета,—поставить Россию уже до начала войны в такое положение, чтобы она с первого же момента столкновения реально участвовала в нем, как военная противница Германии. А для этого мы, давая России деньги, должны связать ее определенными

обязательствами о сооружении жел.-дор. линии и других путей сообщения по направлению к германской границе и вообще о выполнении целого ряда мероприятий, которые не дали бы России возможности уклониться от немедленного участия в войне и принять выжидательное положение".

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ АНГЛИЯ ОТВОЕВЫВАЕТ ПЕРВЕНСТВО У ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФРАНЦИИ

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма", ч. 2-я).

Как же франко-русский союз впоследствии превратился в тройственное согласие?

Для этого надо вернуться несколько назад.

В тройственном согласии Англия играла и играет первенствующую роль совершенно так же, как Германия в тройственном союзе. Но такой союз России, Франции и Англии, в котором Англия играла бы роль директора, мог быть осуществлен лишь после того, как на поле империалистической войны Англия победила бы Францию и Россию— ее двух крупнейших соперников.

Так оно и было на самом деле. Англия сначала подчинила себе Францию, затем нанесла поражение (руками Японии) России и уж потом заключила союз с обоими соперниками на началах английского преобладания.

Это произошло—в основных чертах—следующим образом. Известна та многолетняя, грандиозная и кровопролитная борьба, которую Англия вела против Франции еще в эпоху старой колониальной политики... Войны между Англией и Францией кончились, как известно, победами Англии. Англия завоевала гегемонию. Войны ее против Франции, вплоть до войны Великой Французской революции, имели задачей именно завоевание этой гегемонии.

Но Франция, тем не менее, осталась серьезным соперником Англии. Через несколько десятилетий она начала оправляться от ударов. В эпоху Наполеона III она опять достигла ранга „великой" державы. Уже в 1862 году Наполеон III „приобрел" для Франции Saigon в Нижней Индии. Не прошло и нескольких десятилетий, как Франция опять стала первоклассной колониальной державой, приобщившись к новому империализму.

Соревнование между Францией и Англией продолжалось на новой базе—на базе новейшего империализма.

В 60-х годах французы сосредоточили свое внимание на прорытии Суэцкого канала, который должен был получить громадное мировое значение. Англичане сначала сопротивлялись этому предприятию, боясь, что канал лишит их выгод монопольного положения... Когда дело прорытия канала все-таки было двинуто, Англия вырвала у Франции, что называется из-под носа, этот жирный кусок. В 1875 году

Англия купила у хедива 176.602 акции Суэцкого канала и тем самым получила канал в свои руки. Этим было положено начало финансовому, а потом и территориальному подчинению Египта Англии.

Вокруг Египта шла долгая и упорная борьба между французскими и английскими империалистами.

Империалистическая Франция считала Египет своим „законнейшим" достоянием. Ведь еще Наполеон I снаряжал туда экспедиции. И, тем не менее, французские империалисты должны были молча стерпеть, когда в 1882 году, после восстания в Египте и бомбардировки Александрии, английские империалисты наложили свою руку на Египет. Франция вынуждена была молчать, ибо флот ее был гораздо меньше английского, а сухопутные войска были прикованы к Европе из боязни Франции перед Германией.

Французским империалистам оставалось одно: вознаграждать себя в других местах, поскольку с этим мирилась Англия. В 1879 году Франция заграбила Конго, в 1893 году французские империалисты „подобрали" Кохинхину, Камбоджу и Аннам, в 1883—85 г. повели войну с Китаем из-за Тонкина. В 1893 г. Франция получает протекторат над Сиамом, в 1894 г.—Тимбукту, в 1896 г.—владения на Мадагаскаре и т. д.

Но в то же время трения между Францией и Англией продолжаются. За 7 лет между ними возникло целых три конфликта: в Сиаме, на Нигере и на верхнем Ниле.

В 1896 г. ныне покойный английский генерал Китченер начинает систематический поход против Судана. 2 сентября 1898 г. он с армией в 22.000 чел. разбивает окончательно армию, насчитывающую 40.000 дервишей, при Омдурмане. Сопротивление калифа этим сломлено. Но в то же время за Суданом охотятся и французские империалисты. Вокруг Судана рыскают также французские военные экспедиции. Несколько дней спустя Китченер, двигаясь вверх по Нилу, встречается с французской экспедицией полковника Маршана, который в июле 1898 г. выкинул там французский флаг. Дело доходит до конфликта. 11 декабря 1898 г. французы уступают под давлением английского ультиматума.

Фактически давно уже ясно, что Франция может расширять свои колониальные владения лишь постольку, поскольку это ей позволяет английский империализм. Но в 1898 г. это закрепляется и формально. Французская эскадра, под командой полковника Маршана, вынуждена покинуть Фашоду по требованию Англии. Унижение для французского империализма—громадное. Он должен открыто покориться английскому. Англия проводит свой план дележа Судана. 21 марта 1899 г. заключен договор между Францией и Англией: восточный Судан с долины Нила признается „сферой влияния" Англии, западный—сферой влияния Франции.

Судьбы Египта по сути дела были окончательно решены в том же 1898 г. во время фашодского конфликта. В 1899 году Англия полу-

чила свои права на Судан. Из-за него, как мы видели, Англия готова была на войну с Францией—настолько важен казался ей этот вопрос. Это об'ясняется именно тем, что Судан является ключом к Египту. Кто господствует над Суданом, тот владеет и Египтом. Кто держит в своих руках Судан, тот легко может глубоким летом на 4—6 недель отрезать Египту воды Нила, отведя их в долины и оазисы Либийской пустыни. Этим самым весь Египет от Ассуана до Александрии сам превращен был бы в пустыню. Специалисты-геологии и техники утверждают, что некоторые технические приготовления, предпринятые англичанами в Ассуане, имеют как раз это назначение.

Империалистская Франция признала себя второй державой после Англии. Теперь Англия могла пойти на сближение с обезвреженным соперником. Сближение становилось тем более желательным и необходимым для Англии, что за это время голову поднял германский империализм, который тоже настойчиво требовал себе „места под солнцем". Германский империализм недвусмысленно скалил зубы на Марокко. Он в свою очередь стал заигрывать с Францией, чтобы об'единиться с ней на предмет совместной капиталистической эксплоатации Турции и т. д. Тогда английский империализм делает решительную диверсию. Он решает изолировать Германию. И для этого — „отдать" Франции Марокко. Отдать, конечно, не безвозмездно. Во-первых, Франция должна будет уступить частичку территории Испании. Во-вторых, главный Мароккский порт, Танжер, Франции не достанется. В третьих, и это главное, за это Англия окончательно заполучит Египет.

Марокко за Египет!

„Мы получаем Египет, вы накладываете руку на Марокко. Другим державам заказаны пути и в Египет, и в Марокко. Если Германия захочет защищать свои интересы в Марокко, Англия защитит вас".— Так формулирует содержание англо-французского договора 1904 г. германский империалист, профессор Тенниес. И в основном он, конечно, прав. Египет за Марокко, Марокко за Египет. Признание первенства за английским империализмом со стороны французского—таков смысл договора 1904 года.

ПОЛИТИКА АНГЛИИ В АЗИИ, КАК ПОДГОТОВКА АНГЛО-РУССКОГО СБЛИЖЕНИЯ

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма", ч. 2-я).

Соглашение 1904 года между Францией и Англией означало вместе с тем решительный шаг к подготовке тройственного согласия. Создание англо-французского „сердечного соглашения" означало, что одно звено в цепи тройственного согласия было уже готово. Оставалось сомкнуть цепь еще только с другой стороны,—со стороны англо-русской.

Кардинальное значение в этом пункте имела азиатская политика.

Исходным пунктом развития в Азии является война (1895 г.) Японии с Китаем из-за Кореи. Япония, как известно, победила Китай и заключила с ним чрезвычайно выгодный мир в Шимоносеки. Но против Японии соединились Россия, Франция и Германия. Япония должна была вернуть Китаю Порт-Артур, который получила в „аренду" Россия. Япония начинает готовиться к войне теперь уже не с Китаем, а с Россией. 30-го января 1902 г. Англия заключает договор с Японией, направленный против России. В России подготовляется манчжурская авантюра. Вильгельм II, „друг" России, сознательно толкает Россию на Дальний Восток, дабы отвлечь ее внимание от Ближнего Востока.

В 1904 г. начинается русско-японская война. Англия, формально нейтральная, фактически помогает Японии. Но, когда Япония побеждает Россию, та же Англия во время Портсмутского мира старается не допустить до того, чтобы Япония получила контрибуцию от России. Она не хочет чересчур сильную Россию, но ей не нужна и слишком богатая Япония.

На основе происшедшего Англия в 1905 г. заключает союз с Японией: Япония обязуется защищать Индию и т. д.

ДВА ГРАБИТЕЛЯ — АНГЛИЯ И РОССИЯ — МИРЯТСЯ МЕЖДУ СОБОЮ, ЧТОБЫ ВМЕСТЕ ДРУЖНО ГРАБИТЬ ПЕРСИЮ

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма", ч. 2-я).

В 1907 году наступает момент, когда империалистическая Англия может заключить союз со своим давнишним могущественным, теперь достаточно ослабленным, соперником: с Россией.

Под пером составителей договора, в закругленных дипломатических периодах, этот договор приобретает очень невинный вид. Он гласит: 1. Персия. „Договаривающиеся правительства согласились, что каждое из них имеет по причинам географического и экономического свойства специальный интерес в поддержании мира(!) и порядка(!) в некоторых провинциях Персии, смежных или соединенных с русской границей, с одной стороны, и с границами Афганистана и Белуджистана — с другой". „Англия обязывается" не домогаться... каких-либо концессий политического или торгового свойства по ту сторону линии, идущей через Касра-Ширим, через Исфаган, Иезд, Хакк... и не противиться... требованиям подобных концессий в этой области, поддерживаемым российским правительством (ст. 1). Такое же обязательство берет на себя русское правительство по ту сторону линии, идущей от Афганской границы через Газик, Бирджан, Керман и оканчивающейся в Бендер-Абассе (ст. 2). Между упомянутыми линиями устанавливается „нейтральная зона" (ст. 3) и т. д. 2. Афганистан. „Правительство его британского величества об'являет, что оно не имеет намерения

изменять политическое положение Афганистана“ и будет работать там „только в миролюбивом смысле“. Россия „признает Афганистан находящимся вне сферы русского влияния“. 3. Тибет. „Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются уважать территориальную целость Тибета и воздерживаться (!) от всякого вмешательства в его внутреннее управление“... „Россия и Великобритания обязуются сноситься с Тибетом только через посредство китайского правительства“ (ст. 2). „Оба правительства согласны в том, что никакая часть доходов Тибета... не может быть заложена или предоставлена как России и Великобритании, так и их подданным“ (ст. 5).

В переводе на простой язык англо-русский договор от 31 августа 1907 года сводится к следующему:

„Сферы влияния“ в Персии поделены: север Персии становится достоянием России, юг — Англии. Средняя часть — нейтральна. Афганистан отдается Англии. Тибет формально пока остается под протекторатом Китая. Несомненно, что этот договор содержал и тайные пункты о разделе Турции — этом давнишнем яблоке раздора между империалистической Англией и империалистической Россией. Два грабителя помирились между собой, чтобы вместе дружно грабить Персию.

Так сомкнута была цепь и на второй стороне. Тройственное согласие стало фактом. Этапом к нему послужили англо-французский союз 1904 года, Портсмутский мир 1905 г. и Алжесирасская конференция 1906 г. Создался колоссальный империалистский трест, в котором первое место принадлежит империалистской Англии. Подчинив себе обоих главных конкурентов, она заключила с ними союз против нового выросшего сильнейшего соперника: против империализма германского.

Это не значит, что французский или русский империализм оказались обиженными, обделенными Англией. Нисколько. Они получили тоже более, чем достаточно. Англия могла не скупиться, тем более, что расплачивалась-то она всегда чужой собственностью, чужой территорией, чужой независимостью. Это значит только, что Англии удалось-таки удержать за собой вожделенное первенство. Соперники, из которых один угрожал ей в Египте, другой зарился на Индию, приведены в известной мере к подчинению, и все силы сосредоточены против нового противника—Германии.

Предыдущие отрывки должны были показать, как боролись великие державы за колонии и полуколонии, какие противоречия обостряли их отношения в ходе борьбы и как об‘единялись они для совместного грабежа в союзы. Для того, чтобы иметь полное представление об этих противоречиях, в конечном счете приведших к мировому пожару, необходимо однако остановиться не только на этой стороне дела. Необходимо обратить внимание еще на одно, уже другое, направление борьбы за рынки в Европе и других странах, именно в тех государствах,

о превращении которых в полуколонии в ту пору и думать не приходилось. К этим странам относятся государства самих воюющих держав и их колонии. Англия, например, страна свободной торговли, и оградиться таможенной стеной от проникновения в нее немецких товаров, конкурирующих с английскими, она, в силу целого ряда условий внутренней и внешней политики, не могла. Не могла она оградить от немецких товаров и свои колонии. В таком же положении находились и французские колонии, куда немецкие товары проникали в изобилии. С Россией Германия имела торговый договор, но он был заключен во время русско-японской войны, когда Германия, воспользовавшись тяжелым положением России, сумела выговорить условия, благоприятные для ввоза немецких товаров. Все это создавало определенно благоприятное положение для германской внешней торговли, особенно укрепляющееся в связи с тем, что немецкие товары оказывались дешевле товаров других стран, и что немцы сумели великолепно организовать свою внешнюю торговлю. И вот эти-то успехи Германии в торговле создали определенную вражду к ней со стороны конкурентов, в особенности со стороны Англии. Мы приводим ниже отрывки, подтверждающие это положение.

НЕНАВИСТЬ АНГЛИИ К ГЕРМАНИИ НА ПОЧВЕ СОПЕРНИЧЕСТВА В ТОРГОВЛЕ

(Из английских газет 1897 г. Цитировано по Блонделю).

В общих чертах мы уже знали, что торговля Германии растет, и что немцы открывают новые пути своей торговле и своей навигации. Теперь же мы имеем под руками в холодных таблицах унизительное для нас сравнение немецкой торговли с английской. Вся эта торговля отнята у Великобритании. Недаром немецкие приказчики приезжают к нам служить за половинное жалование, остаются у нас лет пять и потом возвращаются домой, чтобы применить на практике опыт, приобретенный у английских патронов. Жадность побуждает низшие слои лондонских и брэдфордских купцов нанимать этих немецких недорослей, малотребовательных и деятельных, показавших, что они не что иное, как простые коммерческие шпионы.

Знаменитый путешественник Г. М. Стенли в речи, произнесенной в Лондоне, обратил внимание своих соотечественников на прогресс Германии в таких странах, где англичане до недавнего времени были единственными господами. Общая торговля Германии,—говорил он,—увеличилась на 1.400%, тогда как прогресс английской торговли определяется только в 25%. В Австралии мы потеряли 20%, тогда как немцы выиграли 400%. В Новой Зеландии наша торговля понизилась на 25%, немецкая поднялась на 1.000%. В Капской колонии мы, правда, подвинулись вперед на 125% за последнее десятилетие, но немецкая торговля прогрессировала вдвое быстрее. Даже в Канаде мы потеряли 11%, немцы выиграли 300%.

„Ужасная дуэль приготовляется между Англией и Германией,—заявляет автор любопытной статьи в английской газете (11 сент. 1897 г.): — я был бы счастлив,—сознается он,—если бы война вспыхнула между этими странами по возможности скорей, пока превосходство английского флота еще позволяет разрушить Бремен и Гамбург, Кильский канал и гавани Балтийского моря. Мы, впрочем, охотно предоставим Франции и России вознаградить себя в Германии"... и—статья заканчивается восклицанием: „Германия должна быть разрушена!"

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ГЕРМАНИИ И ЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ

(Н. Суханов. „Почему мы воюем").

За счет чего равивается германский промышленный капитализм?— Кто потребляет его продукты? Конечно, большая часть их остается на огромном внутреннем рынке Германии; но вот данные об ее внешней торговле (миллионы марок):

	1887 г.	1912 г.	Увеличение в $^0/_0$
Привоз	3.109	11.572	272,1
Вывоз	2.938	8.957	205,8

Мы видим здесь колоссальный рост. Одних машин Германия вывезла на 605 марок (Англия в тот же год приблизительно на 150 мил. марок). В общем же обороты германской внешней торговли ныне уступают только великобританским; а в частности вывоз сравнительно молодого германского капитализма теперь уже равен английскому. Но куда же вывозит Германия? Может быть, в те колонии, которые остались на ее долю и которые, как-никак, впятеро превышают площадь самой метрополии. Увы! Собственные колонии Германии поглощают только 2,9$^0/_0$ всего германского экспорта. В сказочном росте ее капитализма эти колонии играют совершенно незаметную роль. Германский капитал развивается за счет чужих рынков. Вот куда вывозит Германия:

	1893 г.	1913 г.	Увеличение в $^0/_0$
Всего (милл. марок)	3.245	10.096	254.3
в том числе:			
в Европу	2.508	7.677	206,0
„ Африку	35	511	502,8
„ Азию	117	248	353,0
„ Америку	565	1.546	173,6
„ Австралию	18	104	477,7

За 20 лет (1893—1913) больше всего возрос германский экспорт в Африку и Австралию, т. е. при тех политических разграничениях, которые были установлены до войны, Германия стремительно захватывает в чужих заморских областях нужные ей экономические позиции. В Австралийский союз, в Алжир и Марокко, в Канаду,

в Британскую Индию и в Азиатскую Турцию Германия вывозит во много раз больше, чем в свои жалкие Самоа, Новую Гвинею и даже Киао-Чао. Мало того: в чужие колонии немцы вывозят несравненно больше, чем вывозят туда сами их метрополии. Так, тоннаж германского флота, который употреблялся для торговых сношений с Сиамом, равнялся 376 тыс. тонн, тогда как французская торговля велась всего 25 кораблями всего в 9 тыс. тонн... Ясно, что не для этого захватывали и закрепляли за собой заморские области французы и англичане; не для этого несли они несметные колониальные расходы и вели кровавые войны на Дальнем Востоке и черном материке. Ясно, что германские экономические завоевания в колониальных странах суть не что иное, как лишение англо-французского капитала его насущного хлеба и воздуха.

Мы приводим еще один отрывок из статьи австрийского военного публициста, скрывшегося под фамилией Кассандер. Статья писана перед войной и необычайно ярко изображает накопившиеся между Англией и Германией противоречия и неизбежность разрешения их войной. Заслуживает быть отмеченным, что автор предсказывает вовлечение в войну и остальных государств, больших и маленьких и, что еще интереснее, предсказывает пренебрежение к нейтральности этих маленьких государств. И то и другое предсказание блестяще оправдалось: война, начавшись столкновением Австрии и Сербии, превратилась в мировую, а нейтралитет Бельгии был нарушен Германией, у которой впрочем не было никаких оснований верить, что этого не сделала бы Франция.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВОЙНЫ МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ

(Из статьи австрийского военного К. Кассандера, появившейся пред войной).

Во всех частях света лучшие области принадлежат англичанам; ведущие туда пути обеспечены отличными портами и угольными станциями; сильный флот распределен по всем морям таким образом, чтобы каждую минуту встать на защиту английских интересов.

Во всех частях света, как только возникнет какой-нибудь спорный вопрос, в нем непременно окажется заинтересованной Англия; она сумеет создать себе даже кажущийся интерес, чтобы иметь возможность обсуждать предмет спора в первой линии и таким образом проявить свое мировое господство. Это могущество основывается исключительно на обладании колониями; без колоний Англия окажется государством 3-го или 4-го разряда.

Германия сейчас же после своего об'единения начала упорную колониальную политику и, преодолевая все трудности, приобрела все, что можно было приобрести в западной Азии, Океании и особенно в Африке; и в настоящее время, после 40 лет этой дальновидной политики, Германия оказалась первоклассным колониальным государ-

ством; ее торговля и промышленность, народное благосостояние и внешнее могущество достигли небывалой высоты и возрастают с каждым днем так, что Германия по праву может считаться самым здоровым, крепким и могущественным государством всего мира.

Англия преследовала немецкую колониальную деятельность и чрезвычайный успех немецкого упорства и любви к труду со все возрастающим недоверием и затаенной боязнью, и теперь главный мотив английской политики подорвать во что бы то ни стало расцвет Германии. Рядом с этим принципиальным соперничеством, между Англией и Германией много и других трений. Германия проникла в Африке с одной стороны с юго-запада до Замбези, с другой с востока до центральных озер, так что английская мечта о непрерывных владениях от Египта до Капланда разрушена, а строящаяся железная дорога Каир-Капштадт будет пересекать немецкие области.

Точно также немецкая Багдадская дорога пошла наперерез планам Англии в Аравии и Персии.

С другой стороны и у Германии есть свои причины восстанавливаться против Англии. На длинном побережьи немецкой юго-западной Африки есть только одна хорошая гавань — Вальфиш-бай (Китовая бухта), а там сидят англичане и смеются над немцами, которые в нескольких километрах оттуда мучатся с опасной разгрузкой и нагрузкой судов на жалком рейле Свакопмунда. Дар-ес-Салям, гавань немецкой восточной Африки, заграждена Занзибарскими островами, где также сидят англичане. В то время как Англия, как уже упомянуто, для сообщения с колониями владеет прекрасными гаванями и угольными станциями, что дает ей и другие выгоды,—напр., возможность вмешиваться в вопросы пользования Средиземным морем, — Германия страдает именно полным отсутствием гаваней и угольных станций, приобрести которые ей постоянно мешает Англия. Для дальнейшего развития немецких колоний Германии необходима гавань в северо-западной Африке (Агадир), и у всех еще свежо воспоминание, как Англия мешала приобрести ее; точно также она воспрепятствовала имевшейся в виду покупке Германией гавани на Канарских островах. Англия никогда не согласится на устройство Германией стоянки флота в Средиземном море, что помогло бы сообщению между вост. Африкой и Азией и дало бы Германии право участвовать в вопросах, касающихся Средиземного моря. Багдадской железной дороге и расширению немецкого влияния в азиатской Турции Англия противопоставила проект англо-русской конкуренции, обеспечила себе вместе с Россией доминирующее влияние в Персии и заняла под ничтожными предлогами Барейские острова, дающие ей господство на Персидском море.

Во всех этих конфликтах ясно видно принципиальное соперничество Англии и Германии, которое можно иллюстрировать следующим сравнением: Германия похожа на перегретый паровой котел, все клапаны которого старательно закрывает Англия, рискуя при взрыве сама взлететь в воздух.

Сознавая ясно положение вещей, английский король Эдуард решил нарушить „гордое единение“ Англии и поискать союзников против Германии; из этого возникло в конце концов пресловутое кольцо кругом Германии.

В английской нижней палате уже не раз делались предложения сделать Германии, ради избежания войны, уступки в ее насущных вопросах: согласиться на угольные станции, промежуточные порты, дать Вальфиш-бай и Занзибар и свободу постройки и эксплоатации Багдадской железной дороги. Но подобная политика означала бы такое усиление Германии, что равносильно было бы добровольному отказу Англии от мирового могущества в пользу Германии. На это Англия никогда не согласится.

Поэтому я считаю неизбежным, что в скором времени произойдет реальный поединок между Англией и Германией, который решит, кто из них сильнее, и кому принадлежит право мирового господства.

Вследствие упомянутых выше всевозможных сложных отношений и интересов, в эту войну будут вовлечены вольно или невольно остальные большие государства, а с ними и маленькие, на нейтральность которых никто уже не обратит внимания. При этом, конечно, совершенно безразлично, что и как составит повод для этой войны: горючего материала накопилось и без того слишком много. И английские и германские дипломаты будут всеми силами стараться вызвать войну, а затем уже направят ее, как им это окажется удобнее.

ВОЙНА—ПЛОД ИМПЕРИАЛИЗМА

(Из манифеста первой конференции в Циммервальде в 1915 г.)

Пролетарии Европы!

Более года длится война. Миллионы трупов покрывают поля сражений, миллионы людей превращаются на всю жизнь в калек. Европа превратилась в гигантскую человеческую бойню. Трудами многих поколений созданная культура отдана на расточение. Самое дикое варварство торжествует ныне свою победу над всем, что составляло гордость человечества.

Какова бы ни была правда относительно непосредственной ответственности за возникновение войны—одно несомненно: война, породившая этот хаос, является плодом империализма, т.-е. стремления капиталистических классов каждой нации удовлетворить свою жажду наживы эксплоатацией человеческого труда и расхищением богатств земли во всем мире.

Хозяйственно отсталые и политически слабые нации попадают при этом в кабалу к великим державам, которые стремятся в этой войне кровью и железом перекроить заново в соответствии со своими интересами карту Европы. Целым народам и странам, как Бельгия, Польша,

Балканские государства, Армения, грозит судьба стать предметом торговли в игре компенсаций и быть аннексированными целиком или кусками.

Движущие силы войны обнажаются в ее течении по всей своей низменности. Лоскут за лоскутом спадает тот покров, который должен был скрывать смысл мировой катастрофы от сознания народов. Капиталисты всех стран, которые из пролитой крови народной чеканят червонное золото барыша, утверждают, что война служит защите отечества, демократии, освобождению угнетенных народов. Они лгут. На самом деле они погребают на полях опустошения свободу собственного народа вместе с независимостью других наций. Новые путы, новые цепи, новые тяготы вырастают из войны, и пролетариату всех стран, победоносных, как и побежденных, придется влачить их на себе. Под'ем благосостояния был возвещен при начале войны—нужда и лишения, безработица и дороговизна, голод и эпидемии являются действительным последствием ее. Военные расходы будут в течение десятилетий поглощать лучшие силы народов, угрожая уже завоеванным социальным реформам и препятствуя каждому шагу вперед.

Культурное опустошение, экономический упадок, политическая реакция—таковы благословенные плоды этой ужасающей резни народов.

Так война раскрывает подлинную сущность новейшего капитализма, который стал несовместим не только с интересами рабочих масс, не только с потребностями исторического развития, но и с элементарнейшими условиями человеческого общежития.

Правящие силы капиталистического общества, в руках которых покоились судьбы народов,—монархические, как и республиканские правительства, тайная дипломатия, могущественные предпринимательские организации, буржуазные партии, капиталистическая пресса, церковь,—они все несут на себе всю тяжесть ответственности за эту войну, которая возникла из питающего их и ими охраняемого общественного порядка и ведется во имя их интересов.

ВОЙНА И ЕЕ ВИНОВНИКИ

(Из „Манифеста Коминтерна к пролетариям всего мира", принятого в 1919 г. первым конгрессом Коминтерна).

Теперь, когда Европа покрыта обломками и кучами дымящихся развалин, величайшие поджигатели заняты розысками виновников войны. За ними тянутся их слуги—профессора, парламентарии, журналисты, социал-патриоты и проч. политические сутенеры буржуазии.

В течение долгого ряда лет социализм предсказывал неизбежность империалистической войны, видел ее причину в ненасытном собственническом своекорыстии имущих классов обоих главных лагерей и всех

вообще капиталистических стран. За два года до взрыва ответственные социалистические вожди всех стран на Базельском конгрессе обличали империализм, как виновника грядущей войны, и угрожали буржуазии обрушить на ее голову социалистическую революцию, как пролетарское возмездие за преступление империализма. Теперь после опыта пяти лет, после того, как история, обнаружив хищные аппетиты Германии, раскрывает не менее преступные действия союзников, государственные социалисты стран „Согласия", вслед за своими правительствами, продолжают открывать виновников войны в низвергнутом германском кайзере. Более того, германские социал-патриоты, которые об'являли в августе 1914 г. дипломатическую „Белую книгу" Гогенцоллерна священнейшим евангелием народов, ныне, вслед за социалистами „Согласия", с подлой угодливостью обвиняют свергнутую германскую монархию, которой они рабски служили, как главного виновника войны. Таким путем они надеются заставить забыть свою собственную роль и одновременно заслужить благоволение победителей. Но на ряду с ролью низвергнутых династий—Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов и капиталистических клик этих стран, роль правящих классов Франции, Англии, Италии, Соединенных Штатов выступает во всей своей неизмеримой преступности в свете развернувшихся событий и дипломатических разоблачений.

Английская дипломатия до самого момента взрыва войны не снимала с себя таинственного забрала. Правительство Сити опасалось ясно обнаружить свое намерение выступить в войне на стороне стран Согласия, чтобы не запугать правительства Берлина и не заставить его отказаться от войны. В Лондоне хотели войны. Поэтому держали себя так, что в Берлине и в Вене надеялись на нейтралитет Англии, в то время как в Париже и Петрограде твердо рассчитывали на ее вмешательство.

Подготовленная ходом развития десятилетий война была спущена с цепей при прямой и сознательной провокации Великобритании. Правительство последней рассчитывало при этом оказывать поддержку России и Франции лишь настолько, чтобы, истощая их, истощить Германию, своего смертельного врага. Но могущество немецкой военщины оказалось слишком грозным и потребовало не показного, а действительного вмешательства Англии в войну. Роль смеющегося, третьего, на которую по старой традиции претендовала Великобритания, выпала на долю Соединенных Штатов.

Правительство Вашингтона тем легче примирилось с английской блокадой, которая односторонне урезывала спекуляции американской биржи на европейской крови, что страны „Согласия" щедрыми барышами возместили американской буржуазии нарушение „международного права". Огромный военный перевес Германии побудил однако и правительство Вашингтона выйти из состояния фиктивного нейтралитета. Соединенные Штаты взяли на себя по отношению к Европе в целом ту задачу, которую в прошлых войнах играла, а в последней пыталась сыграть

Англия по отношению к континенту,—ослаблять один лагерь при помощи другого, вмешиваясь в военные операции лишь настолько, чтобы обеспечить за собой все выгоды положения.

Ставка Вильсона, согласно методам американской лотереи, была не велика, но она была последней и тем обеспечила за ним выигрыш.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма", ч. 1-я).

О действительных причинах войны между Англией и Германией мы читаем у английских писателей:

„В основе лежит возрастающее недовольство Германии по поводу новых приобретений, сделанных ее соперниками в Африке, Европе и Азии, а также стремление Германии с 1905 г. вступить в борьбу с Францией из-за Северных Африканских территорий",—так пишет H. H. Uohsthon в статье „Стояла ли Великобритания на пути Германии".

Тот же автор, заявляющий, что он точно осведомлен в этих делах, подтверждает, что Англия вела торг с германцами о португальских колониях.

Другой англичанин, E. D. Morel, смеется по поводу того, что Англию теперь изображают невинным ягненком, который никому и воды не замутил. И он указывает на то, что главная причина войны—в конфликтах по поводу Багдадской железной дороги и тайном договоре между Англией и Францией (Египет—за Марокко).

А англо-французский политик, с полной откровенностью заявляет: все дело в том, что „Германии, единственной стране, которой еще необходимы колонии, мы оказывали сопротивление каждый раз, когда она хотела приобрести какую-либо колонию... Поделивши все ценное во всем мире, кроме южной Америки, мы милостиво сказали Германии, что все остальное она может взять себе. Франция, не имеющая избыточного населения для колоний, сгребла Марокко; Италия — Триполи; Россия наложила свою руку на Персию и намеревалась забрать Галицию и Константинополь; Япония теперь намерена, с нашего согласия, осуществить свои старые планы относительно Китая. И в качестве компенсации мы сделали Германии уступки только в вопросе о Самоа и в вопросе о Гельголанде".

Таково мнение „справедливого" империалиста, который полагает, что при данном положении дела можно было быть щедрее в уступках германским империалистам.

Кроме борьбы за „независимость" Бельгии, в Англии много говорят (во время войны) еще о борьбе против „прусского милитаризма". Но и на это в английской печати один пастор заметил чрезвычайно метко: „Для вас,—сказал он английским империалистам,—все дело не в имени существительном (милитаризм), а в имени прилагательном (прусский).

Вы напоминаете мне одного оратора протестанта, который сказал, что принцип инквизиции совсем не дурен, но, к несчастью-де, применение инквизиций находилось в дурных руках".

Борьба из-за колоний, империалистское соревнование — вот действительные мотивы, которые руководят не только Германией, но и Англией... Империалистская буржуазия Англии относительно целей войны выдумывает такие же „кровожадные" программы, как и империалистская буржуазия Германии. Если в Германии господа Лист, Ревентлов, Риссер, Рорбах, Дикс и комп. перекраивают мировую карту по-своему, развивают дикие планы об анексиях земель, бывших под властью России, с изгнанием оттуда прежнего населения, и т. п., то им не уступают также и соперники. В английском сборнике „Война и демократия" Сэтон-Ватсон требует, чтобы германский флот был уничтожен и Кильский канал нейтрализован, чтобы у Германии были отняты Эльзас-Лотарингия, Шлезвиг-Гольштейн, Познань, Восточная Силезия, чтобы создано было из нынешних австрийских владений новое государство „Юго-Славия" и т. п. Для этой цели проповедуется еще более тесный союз с нынешней Россией. И мистер Ватсон делает России сомнительные комплименты, уподобляя ее, в смысле живучести, „многоклеточным беспозвоночным животным", воспевая ее непобедимость, обусловленную именно ее отсталостью, непритязательностью ее мужика, религиозностью ее населения, в древне-христианском смысле, ее „самобытностью" и т. д.

Читатель видит, что один лагерь (воюющих держав) вполне стоит другого. Выражаясь несколько вульгарно, мы могли бы сказать: два сапога—пара.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ МОТИВЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ВОЙН

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма", ч. 1-я).

В 1909 году в английском ежемесячнике появился удостоившийся премии труд одного высокопоставленного английского морского офицера. В этом труде находим следующие замечательные строки: „Мы (Англия) не начинаем войны из сентиментальных побуждений. Я сомневаюсь, чтобы мы это сделали хоть один раз. Война—продукт торговых конфликтов; цель войны—навязать противнику силой оружия те экономические условия, которые мы считаем необходимыми, чтобы создать для нас коммерческие выгоды. Мы пользуемся всеми возможными поводами и предлогами для войны, но в основе их всегда лежат вопросы торговли. Приходится ли выставлять, как повод к войне, оборону или приобретение стратегической позиции, приходится ли нарушать договоры или еще что-нибудь—все эти поводы и предлоги в последнем счете вытекают из интересов торговли. По той простой, но решающей причине, что торговля для нас есть кровь нашего сердца".

Здесь с военной прямотой высказано то, что есть: мы, империалисты (это, конечно, относится и к германским империалистам), прибегаем к каким угодно предлогам: говорим об обороне, приводим любые доводы, топчем ногами договоры. Но суть сводится к одному: к кошельку, к интересам капиталистов.

Это—чистейшая правда. Это в самом деле так. Империалистические войны именно таковы. Поводы и предлоги могут быть по внешности самые благовидные. Один „обороняется", другой благородно борется за независимость такой-то страны, третий исключительно из идеализма отстаивает интересы „культуры" против „русского варварства".

Но по существу все борются за интересы кучки магнатов финансового капитала...

„Оборону и нападение очень легко различить на словах, но чрезвычайно трудно установить с точностью, где на деле нападающая и где обороняющаяся стороны... Почти во всех войнах последних десятилетий, как и в войнах прежних времен, обороняющимися считали себя обе стороны".

„Третейские суды в общем и целом служат лишь к тому, чтобы избегнуть тех войн, которых не хотят".

„Кто вдумается в историю колониальных захватов европейских великих держав, тот без труда найдет, что все те войны последнего времени, в которых участие принимали европейские великие державы, если не прямо вызваны интересами капитала, то своим источником имели интересы капитала".

Таковы ценные признания, которые делает известный германский империалист Рюдорфф. Его заявление по своей откровенности нисколько не уступает только что приведенному заявлению премированного английского автора...

ИЗ-ЗА ЧЕГО ВОЙНА?

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма", ч. 2-ая).

В заключение попробуем коротко суммировать, из-за чего же ведется мировая война, чего добиваются крупнейшие из держав в этой войне.

Турецкий вопрос играет первостепенную роль в нынешней войне.

Раздел Турции—вот один из главных программных пунктов одной из групп воюющих держав. Окончательное удержание Турции за собой—вот программа другой группы. Богатейшие барыши, которые сулит буржуазии обеих коалиций турецкая добыча, опьяняют правящие сферы, туманят головы „мировым политикам", разжигают аппетиты, плодят бешеное состязание, подхлестывают к самым рискованным экспериментам, связанным с гибелью миллионов существований и с миллиардами возможных убытков.

Германия стремится заполучить Малую Азию, Мессопотамию. бельгийское и французское Конго, нидерландскую Индию, португальские колонии, Марроко, об'единить в сплошную территорию свои юго-западные и восточные африканские владения, если можно, отхватить себе часть африканских колоний и у Англии. Далее Германия воюет из-за того, чтоб упрочить безраздельную власть над Турцией. Кроме того, Германия, разумеется, не прочь „выравнять" свою границу за счет русской Польши и подчинить себе ту часть Бельгии, которая нужна ей, как револьвер, направленный в упор против Англии.

Франция стремится получить Сирию, часть Малой Азии, немецкие владения в Африке. Кроме того, в нынешней войне для Франции решается вопрос о том, удержит ли она те обширные колониальные владения, которые она „скопила" в течение последних десятилетий. Соревнование отечественных капиталов из-за рынков вывоза, борьба за лучшие условия приложения капитала и во Франции играют громадную роль. И наконец, движущей силой войны для Франции является идея „реванша" за 1870—71 год, стремление вернуть себе Эльзас-Лотарингию, а заодно прихватить и еще кое что по другую сторону Рейна.

Англия стремится всю Африку превратить в английскую часть света, или, по крайней мере, захватить в Африке все, кроме того, что принадлежит Франции. Ее стремлением является соединить в одно сплошное владение все пространство Африки, начиная от мыса Доброй Надежды и до Египта. А оттуда, через Суэцкий канал, забрать окончательно в свои руки Малую Азию, Мессопотамию, Аравию, Персию и Афганистан и сомкнуть всю эту территорию с Британской Индией.

Россия стремится на Балканы, в Константинополь, к проливам в Малую Азию, Персию, Монголию. Она хочет, если можно будет, получить и порты в Атлантическом океане. Далее, России нужно получить Галицию,—для истинно-русского разрешения украинского и польского вопросов у себя.

Германия, Франция, Англия, Россия, Япония и Соединенные Штаты считают своей будущей добычей Китай.

Австрии важно восточное побережье Адриатики. Ей нужно подчинить себе Сербию—укрепиться на Балканах, оттереть Италию и т. д.

Италия ищет расширения в Африке, чтобы „упорядочить" свои триполитанские владения, затем надеется получить кое-что в Малой Азии. Кроме того она хочет получить Трентино, Триест, Истрию, Далмацию, Албанию, порты в Адриатике.

Бельгия стремится удержать свои африканские владения (бельгийское Конго), которые она неминуемо потеряла бы в случае победы Германии. В случае поражения последней бельгийским империалистам, быть может, удастся еще несколько округлить свои владения в Африке.

Португалия тоже борется за сохранение своих колоний в Африке.

И так далее, и т. д... [1]). Все более и более становится ясно, что опасность угрожает не „отечествам“ великих держав, а кому-то третьему.

Обе коалиции направляют свои усилия в сторону наименьшего сопротивления. Австрия и Германия устремились на Балканы — захватили Сербию, Черногорию, Албанию. Противники направили свои усилия на Салоники, Персию, Турцию. Японские империалисты под шумок прижали Китай. Турции угрожает серьезнейшая опасность с обеих сторон. Победят ее открытые противники — она, разумеется, не может ждать пощады. Но если бы победили ее союзники — Германия и Австрия, — ей тоже едва ли сдобровать. Германцы хозяйничают в Турции невозбранно. Они вводят туда войско, их офицеры распоряжаются, как дома. А когда чужие войска введены, то, как показывают исторические прецеденты в Балканских государствах, выводятся они оттуда не легко... По внешности дело стоит так, что на Турцию с двух сторон нападают (Англия и Россия), но с одной стороны ее как будто защищают (Германия). На деле, на нее нападают с трех сторон. Турция — это красная дичь, за которой охотятся со всех сторон. И она так или иначе, а будет затравлена. Кто знает, каковы будут условия мира? Кто поручится, что, напр., часть французского Марокко не будет обменена на Салоники, что Персия не будет расплачиваться за Польшу, что португальские колонии не пойдут в обмен за Бельгию, что бельгийское Конго не подлежит компенсации за те или иные „уступки“ английским империалистам в турецком вопросе и т. п. На первый взгляд такие комбинации кажутся неожиданными и парадоксальными. На деле они являются очень вероятными, ибо вытекают из всей политики империализма.

---

[1]) См. по этому поводу соответствующую главу в прекрасной работе голландского марксиста Г. Гортера „Империализм, мировая война и соц.-демократия“. Амстердам, 1915.

II. Милитаризм

Война—приготовление к войне в огромном масштабе современности—создает рынок для громаднейшего количества товаров, продаваемых капиталистическим классам, как, например, для стали, одежды, кожаных изделий, дерева, пищевых продуктов, лошадей и тому подобное. Правда, все это будет хуже, чем растрачено, но... капиталистический класс хочет раздуть пламя войны и побуждает «к военным приготовлениям», обширным и бессмысленным, военным приготовлениям, чтобы получить рынок, на который можно было бы выбросить с пользой для себя колоссальные запасы товаров.

«На этом можно заработать!»

Киркпатрик.

„Война... ради чего?"

Торговля капиталистов превращается в милитаризм.

Киркпатрик.

„Война... ради чего?"

МИЛИТАРИЗМ

Борьба между различными „национальными“ группами финансового капитала, как мы видели, превращается в борьбу различных „национальных“ государств между собой. „Когда конкуренция переходит наконец в свою наивысшую стадию—конкуренцию между государственно-капиталистическими трестами, начинает играть крупнейшую роль использование государственной власти и связанных с нею возможностей. Конечно, государственный аппарат всегда служил орудием в руках господствующих классов страны и выступал их „защитником и покровителем“ на мировом рынке, но никогда не имел он такого колоссального значения, как в эпоху финансового капитала и империалистической политики. С образованием государственно-капиталистических трестов конкуренция почти всецело переносится на внешнюю конкуренцию,—ясно, что именно поэтому до чрезвычайности должны усилиться органы именно этой „внешней“ борьбы, и, в первую голову, государственная власть“ (Бухарин). С усилением государственной власти и ее значения во „внешней“ борьбе различных по „национальности“ групп финансового капитала связана и „свистопляска вооружений“, т. е. тот милитаризм, который является неизбежным спутником империализма.

МИЛИТАРИЗМ — НЕИЗБЕЖНЫЙ СПУТНИК ИМПЕРИАЛИЗМА

(Н. Бухарин. „Мировое хозяйство и империализм“).

Если возрастает значение государственной власти вообще, то особенно резко выделяется рост ее военной организации, армии и флота. Борьба государственно-капиталистических трестов решается, прежде всего, соотношением их военных сил, ибо военная мощь страны есть последняя инстанция, к которой обращаются борющиеся „национальные“ группы капиталистов. Колоссально растущий государственный бюджет отдает все большую дань расходам на „оборону страны“, как скромно называются расходы на ее милитаризацию.

Мы переживаем теперь время исключительно лихорадочного роста вооружений, вооружений на суше, на море, на воздухе. Всякое усовер-

шенствование военной техники влечет за собой реорганизацию и перестройку военного механизма, всякое нововведение и всякое расширение военной мощи одного государства подталкивает все остальные... Рост вооружений, создавая спрос на продукты металлургической индустрии, весьма сильно повышает значение тяжелой промышленности и в частности „пушечных" королей вроде Круппа... Из всего нашего изложения видно, что вооружение есть необходимая принадлежность государственной власти, исполняющей совершенно определенную роль в борьбе между государственно-капиталистическими трестами. Капиталистическое общество немыслимо без вооружений, как немыслимо оно без войн... Именно поэтому в наше время, когда хозяйственные конфликты достигли напряжения величайшей силы, мы видим и свистопляску вооружений. Господство финансового капитала предполагает, таким образом, империализм и милитаризм. В этом смысле милитаризм есть такое же типично-историческое явление, как и сам финансовый капитал.

РАСХОДЫ НА МИЛИТАРИЗМ

(А. Микаелян. „Экономическая политика финансового капитала").

Чем дальше продвигается раздел мира, тем меньше остается незанятых стран, тем сильнее борьба вокруг них, следовательно, тем больше требуется вооружения. Отсюда постоянное и чрезмерное увеличение военного бюджета, ложившееся тяжелым бременем на народные массы капиталистических стран. По данным Отто Франца, приводимым М. Павловичем, военные и морские расходы, включая и пенсии, главных европейских государств выражаются в следующих цифрах по десятилетиям:

В миллиардах франков (франк=37½ коп.).

	1881-1890	1890-1900	1900-1910	Итого
Германия	5,6	7,9	11,7	25,2
Великобритания	5,9	8,3	16,7	30,9
Франция	8,3	8,5	10,1	26,9
Австро-Венгрия	2,7	3,3	4,5	10,5
Италия	3,3	3,2	3,8	10,3
Россия	5,5	8,0	16,8	30,3

Расходы на вооружение, требующие таких громадных сумм, ведут к постоянному росту государственных бюджетов, которые увеличиваются с невероятной быстротой. Бюджеты шести великих держав Европы увеличились с 24.633 милл. в 1907 г. до 33.618 миллиардов франков в 1913—1914 гг., т. е. за 6 лет на 9 миллиардов. Для покрытия колоссальных дефицитов выпускаются миллиардные государственные займы, переложив, таким образом, бремя этих расходов на будущие поколения. Если ко всему этому прибавить и те крупные жертвы, которые несет непосредственно народное хозяйство от военного угара господствующих классов, то картина будет значительно

полнее. По вычислениям проф. А. Гулевича, европейские государства ежегодно теряют только от привлечения молодых, работоспособных людей по отбыванию воинской повинности:

Россия	743 милл. руб.
Франция	632 „ „
Германия	631 „ „
Великобритания	330 „ „
Австро-Венгрия	288 „ „

Эти вычисления относятся к концу XIX века, когда численность армий в этих странах в мирное время не превышала 500—700 тыс., а перед войной общее число солдат, особенно в России, Франции и Германии, насчитывалось миллионами. Но даже по этим скромным данным, пять великих держав Европы приносили на алтарь империализма ежегодно свыше $2^1/_2$ миллиардов рублей.

От великих держав не отстают и второстепенные малые державы: потребность в сильном государстве, умеющем отстоять интересы своих капиталистов, вовлекает и эти страны в водоворот постоянного вооружения и милитаризации. Напрягаются все финансовые рессурсы страны до полного истощения, заключаются займы на сотни миллионов, приобретается на колоссальные суммы военное снаряжение у крупных капиталистических стран, каждая страна старается делать все от нее зависящее, лишь бы не отстать от своего соседа.

Мы приводим еще одну интересную таблицу, в которой сопоставлены военные расходы великих держав и показано, каким бременем они ложатся на население.

	Численность населения (в миллионах).	Численность мужск. трудоспособного населения.		Численность армии в мирное время в тысячах.	На 1000 мужч. раб. возраста входит в состав армии в мирное время.	Стоимость содержания армии и флота в мирное время.	
		в миллионах.	в %			Абсолютная цифра в милл. руб.	На душу населения руб.
Германия	65,7	15,2	23	593	48,0	591	9,1
Австро-Венгрия	52	13	25	360	34,0	255	4,9
Италия	34,8	8,7	25	211	27,4	220	6,3
Франция	39,6	11,1	28	585	52,5	499	12,5
Россия	153,6	38,3	23	1000	33,7	598	3,9
Великобритания	45,2	10	22	223	25,6	675	15,2

Каутский в свое время говорил о бешеном нарастании расходов на вооружение, и таблицы вполне подтверждают это. Роковое влияние на эти расходы оказывало, толкая их к непрерывному росту, развитие производительных сил мирового капитализма, основанное на технике и развитии естествознания. Подобно тому как в промышленности каждое новое изобретение выталкивает из производства старые машины и ведет к замене их более усовершенствованными, так и в военной области каждое новое изобретение обесценивало старое вооружение и заставляло лихорадочно поспешно перевооружаться, дабы не отстать от конкурентов по „мировой политике". Приводимые ниже отрывки характеризуют эту сторону милитаризма.

ГЕРМАНСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КРОВИ И ЖЕЛЕЗА (ЗАВОДЫ КРУППА)

(По П. Берлину).

Из военных сообщений мы узнаем, что судьбу бельгийских крепостей—Льежа, Намюра, Антверпена—решили не германская стратегия, не храбрость и многочисленность германских войск, а чудовищные осадные орудия Круппа...

Современный Крупп вырос из маленькой мастерской, открытой в 1812 г. для производства стали. И основатель мастерской, и его наследник—сын, перешедший к производству пушек, пережили много тяжелых дней, пока производство не повернуло в сторону милитаристического спроса.

В 1855 году на всемирной выставке в Париже Крупп выставляет пушку, которая без повреждения может делать 3.000 выстрелов двенадцатифунтовыми ядрами. О пушках Круппа с этих пор начинают говорить. Его скромный завод в Эссене начинает обращать на себя тревожное внимание всего мира. Появился в Европе завод, который с необычайною добросовестностью, настойчивостью и успехом стал дарить мир все более смертоубийственными пушками.

Пушки доставили Круппу славу и деньги. В 1864 г. он выпускает уже 817 пушек, а в 1876 г.—1.562 пушки. Это заставляет сильно увеличить завод. Постепенно одно за другим создаются четыре отделения завода, специально занятых выделкой пушек.

После Франко-прусской войны 1870 г. слава крупповских пушек, перед которыми не мог устоять никакой героизм французов, стала вне конкуренции.

С этих пор на заводах Круппа непрерывно кипит двоякого рода деятельность. Изготовляют все растущее количество пушек по уже принятой системе и в то же время без устали изобретают новые модели и усовершенствования.

Пушка становится предметом, над которым работают тысячи рабочих рук и сотни ученых голов. Создается целая отрасль знания и

техники—пушковедение, и немцы разрабатывают эту „науку“ с присущей им добросовестностью, аккуратностью, упорством и глубокомыслием.

Нет винтика, нет отверстия в пушке, над которыми бы не ломали головы и которые не обдумывали бы во всех деталях ученые люди, нанятые Круппом. Пушка у Круппа—это целая отрасль занятий. Десятки ученых, дипломированных людей, работающих у Круппа, всю жизнь только и занимаются этим пушковедением. Они проделывают бесчисленные опыты, изготовляют бесконечные чертежи все с тою же целью—усовершенствования пушки. Трудно себе и представить, сколько средств, сил, учености и изобретательности затрачено и затрачивается в Германии на усовершенствование пушки. И, конечно же, никто не сделал для этого столько, сколько поколение пушечных королей.

Уже в 1888 году фирма Круппа выставляет новинку—13-сантиметровую скорострельную пушку. Но уже в 1890 г. эта новинка оказывается устаревшей,—Крупп изготовил 15-сантиметровую скорострельную пушку. В 1895 году новинкой оказывается уже 24-сантиметровая, а в 1899 году последним словом пушечной науки считается 30,5-сантиметровая пушка и т. д., и т. д.

При этом пушка превращается во все более и более сложный аппарат. Круг ее автоматических движений все расширяется. Автоматически заряжаясь, закрываясь, открываясь, двигаясь вперед и назад, пушка становится все более подвижным и сложным аппаратом. В то же время безостановочно совершенствуется ее дальнобойность, сила разрушения и число выстрелов в минуту.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КРОВИ и ЖЕЛЕЗА (ЗАВОДЫ ШНЕЙДЕРА)

(М. Павлович. „Мировая война 1914—1918 гг.“)

Среди всех судостроительных, ружейных, пороховых, пушечных, динамитных и других заводов Франции важнейшее значение имеют заводы Шнейдера, которые во Франции играют ту же роль, что и пресловутые заводы Круппа в Германии. Фирма Шнейдера является собственником знаменитых заводов в Крезо, сыгравших виднейшую роль в военной истории Франции, начиная с победоносных кампаний Великой революции.

В январе и феврале 1912 г. газета Герве „Социальная Война“ опубликовала ряд статей своего главного сотрудника Андрэ Моризэ, иллюстрировавшего с помощью впервые напечатанных им тайных документов тот хорошо известный факт, что французские оружейные фирмы составляют один трест, поделивший между своими членами все заказы морского и военного министерств и устранивший таким образом возможность конкуренции между отдельными французскими фирмами. Само собою разумеется, что подобного рода „маневры“ пушечных заводов являются нарушением закона и должны были бы повлечь

за собой преследование судебным порядком оружейных магнатов, открыто грабящих казну на поставке военного материала по необычайно высокой цене, являющейся следствием устранения конкуренции на внутреннем рынке и предварительного сговора предпринимателей, создавших трест специально для более успешного грабежа своих сограждан. Однако ни правительство, ни буржуазная пресса не обратили никакого внимания на документ, опубликованный газетой Герве в начале 1912 года...

В отличие от крупповских заводов в Эссене, возникших лишь в XIX веке, пушечный завод в Крезо более давнего происхождения. Уже при Людовике XVI в Крезо существовал металлургический завод, который производил чугун для пушек.

В государственных архивах мы находим протоколы об испытании в 1788 г., т. е. накануне революции, пушки и 36 миллим., вылитой из металла, приготовленного на заводе Крезо в замену металла, привозившегося до сих пор из Англии. Испытание дало прекрасные результаты. Это был первый заказ на изготовление пушек, полученный заводом Крезо. Накануне революции на пушечном заводе в Крезо работало 1.500 человек.

Заводы Шнейдера занимали в период войны более 100.000 инженеров, служащих и рабочих. Отделения этих заводов находятся в различных местах Франции. В общем все эти заводы занимают площадь в 6.000 гектаров. Они обслуживаются специальными железными дорогами, длина которых достигает 290 километров и по которым циркулирует 65 локомотивов и 5.700 вагонов. Сила паровых и газовых машин, действующих на этих заводах, равняется 70.000 лошадиных сил. Число машин достигает 4.200. Электрическая энергия, действующая на заводах, определяется в 46.000 киловатов. Паровые котлы имеют окружность топки в 45.000 квадратных метров. Длина линий передачи электрической энергий для освещения и двигательной силы равняется 545 километров, длина телефонных линий 465 километров, итого вместе более 1.000 километров. Все эти цифры относятся непосредственно к „заводам Шнейдера", не касаясь их филиальных отделений, притом к дате накануне войны. Само собой разумеется, что в настоящее время почти все эти цифры приходится увеличить в несколько раз, в виду сооружения новых построек к старым зданиям или совершенно новых помещений за пределами прежних заводов. Так, в необычайной мере увеличилось количество машин, действующих на фабриках Шнейдера, приобретены новые вагоны, локомотивы для транспорта тяжелой артиллерии, снарядов и т. д.

Мы не имеем данных о количестве сырых материалов (угля, железа, руды), поглощаемых заводами Шнейдера, чтобы сравнить это количество с соответствующими цифрами заводов Круппа. Нам известно лишь, что из железных рудников, принадлежащих Шнейдеру в металлургическом бассейне Брией, извлекалось в 1913 — 1914 гг. 600.000 тонн руды и что ежегодную добычу руды предполагалось довести в ближайшее время до 1.200.000 тонн.

ВАЖНЕЙШИЕ ИЗ ЗАВОДОВ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КРОВИ И ЖЕЛЕЗА

(М. Павлович. „Мировая война 1914-1918 гг.")

Рассмотрим теперь деятельность важнейших из заводов фирмы Шнейдера.

Заводы в Крезо. Фирма Шнейдера пользуется всемирной известностью прежде всего благодаря ее заводам в Крезо. Эти заводы занимают теперь площадь в 250 гектаров. Знаменитый завод в Крезо, главный поставщик французской артиллерии на внутреннем и внешнем рынках, был когда-то исключительно металлургическим заводом, на котором приготовлялись чугун, железо, сталь. Расположенный на залежах угля и вблизи железных рудников, завод быстро развивался в течение XIX столетия. С 1812 г. по 1914 г. завод извлек более 10.000.000 тонн угля. В последнее время завод извлекает ежегодно 60.000 тонн угля.

Отделение фирмы Шнейдера в Крезо имеет пять чугуноплавильных заводов, которые вырабатывают ежегодно 120.000 тонн металла.

Особенно быстро развивались в Крезо в течение последних 20 лет сталелитейные заводы, которые занимают много зданий.

Заводы Шнейдера в Крезо, подобно заводам Круппа в Эссене, являются прежде всего не пушечными заводами, а металлургическими. Я уже подчеркивал в моих предыдущих работах тесную связь военной индустрии с металлургической. Приготовление легких и тяжелых орудий, брони, броневых башен, дредноутов, сверхдредноутов и т. д. является очень важной, но все же одной из функций металлургической промышленности. Та самая сталь, из которой выделываются броня, орудия, идет на приготовления разных частей локомотивов, автомобилей и т. д., тот же самый паровой молот или ковальный пресс, который отжимает, раздавливает, как лепешку, массы расплавленного чугуна и превращает их в полосы для приготовления из последних какого-нибудь дальнобойного орудия—гаубицы или мортиры в 350, 380, 420 миллим. и т. д., служит и для изготовления совершенно мирных орудий цивилизации и прогресса. Это обстоятельство имеет крайне важное значение для понимания роли военной индустрии во внутренней и внешней политике современных государств.

Заводы Шнейдера в Крезо приготовили с 1837 по 1900 г. для речного и морского плавания двигательных аппаратов в 500.000 лошадиных сил, далее—2.700 локомотивов, всякого рода неподвижных машин—115.000 лошадиных сил.

Главную достопримечательность заводов Шнейдера в Крезо, привлекающую внимание посетителей, составляет гигантский паровой молот, весом в 550.000 килограммов, который вместе с наковальней в 750.000 кило образует аппарат весом в 1.300.000 кило, т. е. в 1.300 тонн (более 80.000 пудов)...

Кроме знаменитых заводов в Крезо, из других отделений фирмы Шнейдера заслуживают внимания заводы Шнейдера в Гавре.

Эта группа заводов Шнейдера основана недавно. Она стала развиваться быстро с начала XX столетия. На этих заводах приготовляется артиллерийский материал. Первые самодвижущиеся торпеды вышли отсюда. Отсюда же вышла большая часть парижских автобусов. Гаврские заводы занимают площадь в 140.000 квадратных метров. На гаврских заводах приготовляются шрапнели, разрывные снаряды...

Далее идут заводы в Палоне на Сене. С 1885 г. эти заводы построили более 100 миноносцев для французского и иностранного флота. Отсюда же вышли многочисленные контр-миноносцы и первые подводные лодки, сооруженные частной индустрией, подводные лодки типа „Шнейдер-Лобеф".

Заводы в Жиронде сооружают большие военные суда, которые не могут быть построены на заводах в Шалоне. Судостроительные заводы в Жиронде построили для французского военного флота броненосцы: „Reguin" (7.740 тонн), „Verité" (14.870 тонн), „Vergniaud" (18.300 тонн) и, наконец, большой дредноут „Langedoc" (25.200 тонн), спущенный на воду уже во время войны, именно первого мая 1915 года. С 1906 г. заводы Шнейдера в Жиронде построили ряд боевых судов, общий тоннаж которых превышал 125.000 тонн.

В общем в области военного мореходства заводы Шнейдера создали для французского флота 108 миноносцев, 13 контр-миноносцев, 7 крейсеров, 4 эскадреных броненосца. Но далеко значительнее роль заводов Шнейдера в деле артиллерийского вооружения сухопутной французской армии. Почти вся французская полевая артиллерия, в 75,80, 90,95,105,155 милл., далее гаубицы в 120,155 и 280 милл., которыми были вооружены французские войска накануне войны, вышли из заводов Шнейдера.

Деятельность фирмы Шнейдера не ограничивается только работами, производимыми на ее заводах во Франции, и выходит далеко за пределы последней. Шнейдер собственными силами или в компании с другими предпринимателями строит набережные в Турции, сооружает порт Розарио в Аргентине. В России фирма Шнейдера принимает накануне войны участие в создании судостроительных верфей в Ревеле, сооружает здесь 2 бетонных эллинга для броненосцев и 6 стапелей для миноносцев. Кроме того, Шнейдер строил здесь набережную и волноломы для военного порта.

Само собой разумеется, что заводы в Крезо играли накануне войны видную роль в деле вооружения русской армии. Так, они снабжали нашу армию полевыми пушками в 106,2 милл., в 121,4 милл., в 152,4 милл. и в 203,4 милл., мортирами в 279,4 милл. Кроме того, они вооружали наш флот башнями и морскими орудиями. Они же доставили России немалое количество орудий для береговой обороны.

В деле вооружения других союзных стран заводы Крезо особенно много сделали для усиления мощи сербской армии.

Ниже мы приводим отрывок, заимствованный из Ежегодника газеты „Речь“ на 1915 год. „Речь“ была центральной газетой кадетской партии, партии либеральной („свободолюбивой“) русской буржуазии. „Свободолюбие“ не мешало этой буржуазии быть во время войны целиком на стороне хищников Антанты и одновременно сторонницей самых больших захватов. В частности кадеты с особым усердием устами своего вождя П. Милюкова ратовали за захват Россией Константинополя и проливов. Приводимые ниже отрывки из Ежегодника „Речь“ тем более ценны, что они исходят от тех, кого никто уж не обвинит в желании „очернить“ Антанту.

Добавим кстати, что эта либеральная буржуазия в массе своей, особенно та часть, которая живет заграницей, в эмиграции, до сих пор является злейшим врагом Советской России. Вождем ее и до сих пор остается также живущий заграницей П. Милюков.

ДЕРЖАВЫ АНТАНТЫ СВОИМИ СУХОПУТНЫМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ПРЕВОСХОДИЛИ ВРАГОВ

(А. Б. В. Обзор военных действий. Статья в „Ежегоднике“ газеты „Речь“ на 1915 г.)

При простом сопоставлении цифровых данных в самом начале войны превосходство в силах казалось на стороне России, Англии и Франции. Действительно, сравнивая штатное число батальонов, эскадронов и батарей воюющих сторон в начале войны, принимая во внимание только перволинейные войска, которые, казалось, могли быть двинуты в дело немедленно, и выключая поэтому из французской армии 19-й и экспедиционный корпуса, расположенные в Марокко, дивизию в Тунисе и т. д., найдем следующее:

Союзная коалиция: а) Россия — пехоты 1.196 батальнов, стрелковых батальонов 64, эскадронов 880, полевых батарей 543, батарей тяжелой артиллерии 98, затем следуют разнообразные войска вспомогательного назначения; б) Франция—батальон. пехотных 532, батальонов стрелковых 31, эскадронов кавалерии 395, батарей полевой артиллерии 675, тяжелой артиллерии 40 батарей; в) Англия—экспедиционные корпуса, заключающие в себе 72 батальона пехоты, 36 эскадронов кавалерии, 72 батареи полевой артиллерии, 8 батарей тяжелой артиллерии; г) Бельгия—60 батальонов пехоты, 36 эскадронов кавалерии, 87 батарей полевой артиллерии; д) Сербия и Черногория — около 110 батальонов пехоты, 45 эскадронов кавалерии и 90 батарей полевой артиллерии.

Немецкий блок: а) Германия—651 батальон пехоты, 18 батальонов стрелковых, 547 эскадронов кавалерии, 653 батареи полевой артиллерии, 120 батарей тяжелой артиллерии и разнообразные вспомогательные войска; б) Австро-Венгрия—пехоты 440 батальонов, стрелков 27 батальонов, кавалерии 252 эскадрона, полевой артиллерии 344 батареи и тяжелой артиллерии 28 батарей.

Итого мы имеем со стороны России и союзных государств 2.065 батальонов пехоты, 1.392 эскадрона кавалерии и 1.614 батарей против 1.136 батальонов пехоты, 799 эскадронов и 1.145 батарей немецкого блока.

Если же принять во внимание штатную численность армии военного времени после приведения их на военное положение, получается еще более внушительное неравенство к выгоде союзной коалиции, а именно: Россия — общая численность всех мобилизуемых вооруженных сил первой и второй линии, запасных и ополчения 1-го разряда, считалась около 8 милл., Франция — около $2^1/_2$ милл., Англия — около 646.000 (составляется из регулярной армии — 181.000, резервной — 139.000, специального резерва — 61.000 и территориальной армии — 265.000). Бельгия — 300.000, Сербия — 350.000 и Черногория — около 50.000.

Итого союзная коалиция располагала почти 12 милл. войск, немецкий блок (Германия около $4^1/_2$ милл., Австро-Венгрия — 2.100.000) — 6.600.000. Таким образом, на стороне союзной коалиции получается превосходство в силах почти в 95%.

Не отдавая себе отчета, широкие круги общества в начале войны грозно помахивали многочисленными миллионами России, Англии и Франции против скромных миллионов Германии и Австрии, импонируя противникам приведенным выше огромным неравенством сил к выгоде государств союзной коалиции. Действительно одна Россия по численности своего населения относится к немецкому блоку как 17:13, а Англия со своими колониями даже как 40:13.

Лихорадочно вооружаясь на суше, великие державы не менее лихорадочно вооружались и на море. Для характеристики милитаризма в этой части, для которой существует специальное обозначение — маринизм — достаточно хотя бы самым кратким образом рассказать о борьбе между Англией и Германией на почве бешеной гонки морских вооружений этих держав.

СОРЕВНОВАНИЕ МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ НА ПОЧВЕ МОРСКИХ ВООРУЖЕНИЙ

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма“ ч. 2-я).

В 1896 г. немецкий мореходный флаг впервые побил в гамбургской гавани английский. Англия лишилась чрезвычайно выгодной роли торгового посредника, которую она до сих пор играла для Германии, благодаря отсутствию у последней своего флота. Соревнование между Англией и Германией разрасталось. Но как Англия не могла в это время думать о войне с Германией, так еще меньше эта последняя могла думать о войне против Англии. И это по очень простой причине: у нее не было **флота**. Германские империалисты принимаются лихорадочно за дальнейшее построение флота. За 1898 годом следует

программа 1909 г. По этой программе флот должен быть удвоен. Ассигнуются суммы на новые 38 линейных кораблей 14 крупных крейсеров, массу небольших крейсеров и миноносов.

В это же время усиленно строят военные флоты Япония, Россия, Франция, Соединенные Штаты. Рубеж XX века является эпохой самой бешеной гонки по части военного судостроения.

Новые усилия германских империалистов встречаются в Англии со скрежетом зубовным. В первые же годы нового XX столетия (1904) происходит сближение между Англией и Францией, с одной стороны, и Францией и Италией — с другой. На английский престол восходит Эдуард VII, который, осуществляя программу английского империализма, стремится изолировать Германию, окружить ее противниками со всех сторон. Он не только старается отрезать ей прочный союз с Италией, с Россией, он не только расстраивает возможное ее перемирие с Францией, он делает попытки перетянуть на свою сторону даже Австрию—старую союзницу Германии. Первый свой визит после восшествия на английский престол Эдуард VII наносит... Португалии. В торжественном собрании он произносит здесь речь, в которой высказывает пожелания, чтобы „торговля успешно развивалась в обеих наших странах (Англии и Португалии), *а также в наших колониях, неприкосновенность которых является предметом моих самых горячих желаний и стремлений.*“ Это было об‘явлением войны германским империалистам. В переводе на простой язык это значило: вы, господа германские империалисты, уже давно мечтаете о португальских колониях. А я от имени английских империалистов, опираясь на могущество британского флота, заявляю вам: руки прочь!

В 1901—02 гг. британское адмиралтейство начинает требовать более решительных практических мер против германского флота. Германский флот, по характеристике Ревентлова, был в то время силен на бумаге, но очень мал в действительности. Но главная масса английских судов находилась еще в то время в Средиземном море, имея опорным пунктом Мальту. Союз с Францией не был еще упрочен, и „на всякий случай“ Англия держала здесь свой флот против французского флота, имевшего свою точку опоры в Тулоне. С другой стороны, значительная часть британского флота находилась в восточно-азиатских водах.

И вот летом 1903 г. британское правительство вносит в нижнюю палату законопроект об ассигновании сумм на создание нового опорного пункта для флота в Северном море. Речь шла о бухте в Firth of Forth, нынешней Rosyth. Это был серьезный шаг, направленный против Германии.

Любопытно отметить, что в самой необходимости потревожить себя из-за наростающей силы германского флота английские империалисты видели для себя чуть-ли не кровное оскорбление.

В этой дислокации английского флота некоторые английские империалисты видели даже поражение Англии.

„Англия потерпела первое поражение, первое моральное поражение. Она оказалась вынужденной отозвать свой флот из Средиземного моря“,— пишет английский профессор Крэмб. Изображая Англию казанской сиротой, он продолжает: „Это (Средиземное) море когда-то было нашим английским озером. Теперь оно уже не наше. Наша сила сосредоточена на том, чтобы следить за нашими милейшими друзьями, теми немцами, которые не питают ни малейшего намерения приблизиться к Англии“ [1]).

Бедные, бедные английские империалисты! Как горька ирония профессора Крэмба. Подумайте только! Пришлось потревожиться из Средиземного моря в Северное, чтобы приставить револьвер к груди этих несносных немцев. Бедная маменька, как устает она бивши папеньку!

Тем временем события шли своим чередом. В 1904 г. англо-французское „сердечное соглашение“ было окончательно закреплено. Между Россией и Японией началась война. Осенью 1904 г. напряжение между Германией и Англией достигло высокой ступени. В Англии открыто стали говорить о Германии, как о враге, который хочет, усиливши свой флот, соединиться с врагами Англии для борьбы против английского мирового могущества. Когда российский балтийский флот покинул Северное море, чтобы двинуться против Японии, во влиятельном английском морском журнале появилась произведшая громадное впечатление статья. Статья эта говорила прямо, что наступил момент, когда можно и должно покончить с германским флотом. Русский флот отправился в далекую Японию и едва ли когда-либо вернется. Германский военный флот в водах Северного моря предоставлен сам себе. Теперь или никогда. Англия должна покончить с германским флотом, который с каждым годом становится более опасным. Никто не может сказать, повторится ли когда-нибудь такая благоприятная ситуация.

Таким языком в это время говорили воинственные элементы Англии.

НЕОБЫЧАЙНО БЫСТРЫЙ РОСТ РАСХОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ФЛОТ

(П. Керженцев. „Английский империализм“).

Колониальная политика Англии, необходимость поддерживать тесную связь со своими заокеанскими владениями вызвала потребность быть властительницей морей и океанов, т. е. иметь могучий военный флот. В течение всех последних веков забота о флоте ни на минуту не покидает Англию.

Англия стремится иметь самый сильный в мире флот, который был бы равен, по меньшей мере, двум самым могучим флотам других европейских держав.

[1]) Проф. Крэмб.—„Германия и Англия“, русск. изд. Москва. 1915, стр. 41.

Эти заботы о флоте падают тяжелым бременем на английское население. Расходы на флот растут с необычайной быстротой, как показывает нижеследующая таблица:

Расходы Англии на флот и армию (в фун. стерлингов).

	Флот.	Армия.	Всего.
1884—1885	11.049	16.980	27.979
1894—1895	18.070	19 256	37.326
1889—1900	27.742	22.155	49.897
1910—1911	40.604	27.760	69.364
1914—1915 перед войн.	51.550	28 845	89.395

За тридцать лет расходы на флот возросли в пять раз. Военные расходы достигли свыше 40% государственных расходов.

Перед войной Англия тратила на свой флот больше, чем все державы в мире (включая и самую Англию) в 1886 г.

ГРАБИТЕЛИ АНТАНТЫ УСПЕЛИ ЛУЧШЕ ВООРУЖИТЬСЯ НА МОРЕ, ЧЕМ ИХ ВРАГИ

(А. Б. В. „Обзор военных действий“. Статья в Ежегоднике газеты „Речь“ на 1915 г.)

При всей сложности причин, вызвавших грандиозную европейскую войну, не подлежит сомнению, что не последнюю роль сыграло тут и обострившееся в последние годы морское соперничество между Германией и Англией...

Сравнивая морские силы воюющих сторон к началу войны и классифицируя боевые суда по общепринятой популярной номенклатуре, получим следующую картину:

	Эскадр. бронен.	Бронен. крейсер.	Крейсеров.	Контр. минон.	Миноносц.	Подводн. лодок.
Англия	60	34	62	222	59	79
Франция	25	19	9	83	118	72
Россия	4	6	6	90	12	14
Итого	89	59	77	395	189	165
Германия	36	9	35	140	47	27
Австрия	15	2	6	18	44	8
Итого	51	11	41	158	91	35

Получается таким образом огромное превосходство в силах на стороне союзной коалиции, даже в самом начале войны. Еще более выгодным для союзников является это сопоставление после присоединения Италии, как увидим ниже. Но и в самом начале войны на стороне союзных флотов были также и морские силы Японии, которые не только парализовали германскую дальневосточную эскадру, находившуюся в Киао-Чао, но принимали участие также в розыске и ловле германских крейсеров.

Что еще надо подчеркнуть, когда говорится о милитаризме,—это проникновение духа милитаризма во все области жизни. Милитаризм—явление, налагающее свой отпечаток в государстве на все и всех „Демократические“ и „либеральные“ настроения,—говорит Бухарин,—сменяются ясно выраженной монархической тенденцией современного империализма, весьма нуждающегося в государственной диктатуре... Идеал „сильной власти“, опирающейся на гигантскую армию и флот, — вот идеал современного буржуа...

Двигательные пружины современной **экономической** жизни толкают капитал на путь наступательной политики и милитаризации всего „общественного бытия“.

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ТРАНСПОРТА В ГЕРМАНИИ

(К. Гревс. „Тайны германского главного штаба“).

Одной из важнейших частей организации армии считается вопрос перевозки. Успех всей войны, говорит опыт, зависит от быстроты движения армий. В вооружении, в качестве войск все европейские державы, можно сказать, на одной доске: равно храбры, выдержаны, дисциплинированы. Разница, главным образом, в технической подготовке, в возможности бросать громадные количества войск в любой данный пункт в возможно короткое время, не истощая людей и не расстраивая своих обозов, и т. д.

Отсюда необходимость иметь достаточное количество путей сообщения: железных дорог, шоссе, каналов. Истина, которую провозгласил знаменитый германский полководец Мольтке: „передвигаться отдельно, бороться одной массой“.

Только та страна, которая обладает превосходными путями сообщения, телеграфом, обладает и свободой ведения войны.

В Германии это учтено, как нигде. Почти все ее дороги имеют военный характер. Взяв Берлин, как центр, мы заметим, что сеть германских дорог напоминает собою сеть паука. Все главные линии направлены на границы и к военным стратегическим пунктам.

Часто дороги не только одно- или двухколейны, но имеют по три, по четыре колеи. 90% всех служащих на германских железных дорогах бывшие офицеры и солдаты. Пять минут спустя после подписи императора о мобилизации вся железнодорожная сеть уже в руках военных. Наблюдатель поражается, когда видит немецкие шоссейные и грунтовые дороги. В сравнении их с важностью для торговли и перемещения они просто кажутся ненужными или говорят об удивительной культуре. А они просто стратегические пути, построенные исключительно для военных надобностей, и имеют в виду только военные цели.

Чтобы показать, как точно работает вся эта система, я расскажу следующий инцидент, происшедший во время императорских маневров: нужно было получить сведения, где находится в настоящее время

такой-то и такой воинский поезд. Через пять минут после некоторых запросов ответ пришел: в 310 милях от Берлина, между такой-то и такой станциями.

Все корабли, пароходы, автоматические повозки считаются находящимися в распоряжении правительства.

Благодаря всему этому, Германия считает, что она в состоянии бросить миллион вполне снабженных всем необходимым людей на любую границу в течение 48 часов.

ПЕРЕБРОСКА ВО ФРАНЦИИ СОЛДАТ НА ФРОНТ В ТАКСОМОТОРАХ

(Гиббс. „Душа войны").

Одним из самых драматических эпизодов настоящей войны была перевозка армии Парижа к боевой линии в таксомоторах. Этих экипажей в Париже было до 2000, и первого сентября они все исчезли, как будто бы их поглотила земля так же, как земля поглотила один из них, когда вода подмыла мостовую парижской улицы. Внезапный приказ генерала Галлиони, парижского военного губернатора, был вручен каждому шофферу, который тотчас же перестал обращать внимание на поднятые руки желавших стать его пассажирами и на крики людей, желавших отчаянно попасть на один из железнодорожных вокзалов со своими вещами и избежать, таким образом, опасностей осады. В сборном пункте шофферы узнали, что от прочности шин и работы их машин зависело спасение Парижа, а может быть, и жизнь Франции. Это был необыкновенный случай из истории современной войны. В каждый мотор были помещены пять солдат, четыре на сиденье и один рядом с шоффером с их ружьями и снаряжением. В один прием 20.000 человек отправились по дороге к Маасу. Это был триумф скорости, и когда в будущем парижанин будет склонен проклинать эти красные экипажи, которые несутся по улицам с опасностью для прохожих, не помнящих о том, что смерти можно избежать только неустанной бдительностью, его справедливый гнев будет, быть может, смягчен при воспоминании, что перед битвой на Маасе это были колесницы армии генерала Манури, которая обратила прилив врагов в отлив, принудив их к отступлению.

ФРАНЦИЯ УСЕРДНО ПОДГОТОВЛЯЛА МИРОВУЮ ВОЙНУ

(П. Милюков. „Общественное мнение, парламенты и правительства союзников". Статья в „Ежегоднике" газеты „Речь" за 1915 год).

Конечно, для осведомленных кругов эта война вовсе не была неожиданностью. Французское общество внимательно следило за событиями и знало, что положение в Европе крайне напряженное. Именно

в виду этого уже не только националистические круги, а, как мы видели, даже и радикальные течения должны были мириться с расходами на вооружения. По той же причине французские деятели стали особенно требовательны к той помощи, которую могли оказать союзная Россия и дружественная Англия. Лето 1914 г. прошло в обмене визитов, имевшем очень симптоматическое значение. Сперва английский король с супругой посетили Париж, при чем сэр Эдуард Грей имел совещание с Думергом и Извольским, целью которых официально была об'явлена „забота о сохранении мира". Затем посетил Париж русский начальник морского генерального штаба, адмирал Русин. Наконец, президент французской республики Пуанкаре вместе со своим премьером Вивиани предпринял официальную поездку в Петербург. Перед его приездом „Temps" („Время") подробно обсуждала, какие преимущества для стратегического наступления имеет увеличение состава русской армии на 400.000 солдат в летний период и на 900.000 в зимний, создание новых 19 драгунских полков, усиление артиллерии, создание новых корпусов на польской границе вместо выведенных оттуда в 1910 году и т. д. „Matin" („Утро"), со слов „очень авторитетных собеседников", утверждала, что в конце 1916 г. Россия будет иметь армию в 2.245.000,—более сильную, чем три армии тройственного союза, вместе взятые; что, опираясь на эту силу, Россия заговорит с Германией другим языком; что Германия уже теперь „испугалась" России. Тем же торжествующим настроением были проникнуты телеграммы, которые Гедеман посылал в „Matin" („Утро") из Петербурга по поводу посещения Пуанкаре.

СОВМЕСТНАЯ ПОДГОТОВКА РОССИИ И ФРАНЦИИ К ВОЙНЕ С ГЕРМАНИЕЙ

(М. Павлович. „Советская Россия и капиталистическая Франция").

Окончательный текст военной конвенции (соглашения) между Россией и Францией был подписан в августе 1892 г. генералами Буадефром и Обручевым. По § 4 этой конвенции главным противником является Германия, в виду чего против второстепенных противников, Италии и Австро-Венгрии, оставляется лишь необходимое количество войск. Соответственно этому Франция направляет против Германии от 1.200.000 до 1.300.000 войск, Россия направляет против Германии от 700.000 до 800.000 войск.

Эта военная конвенция с самого начала была более выгодна для Франции, чем для России, ибо для последней Австро-Венгрия отнюдь не была второстепенным противником. Впоследствии этот невыгодный для России характер конвенции был еще более усилен рядом дополнений и изменений, которые обязывали русскую армию в самом начале войны вторгнуться в пределы Германии, оставляя лишь заслон против австрийских войск. В 1899 г. между Россией и Францией

было заключено политическое соглашение, подписанное министрами иностранных дел обеих стран, и таким образом союз между обеими державами был окончательно оформлен. С 1900 г. началась согласованная работа генеральных штабов обеих держав по подготовке к войне, для чего были установлены регулярные совещания, на которых присутствовали высшие представители русского и французского генеральных штабов, причем любопытно, что в то время, как за период с 1901 г. по 1910 г. совещания имели место не ежегодно, с перерывами, начиная с 1910 г., совещания состоялись регулярно раз в год, в 1910, 1911, 1912, 1913 гг. Очевидно, что к этому периоду неизбежность мировой войны стала очевидной правительствам обеих держав.

Начиная с 1890 г. между русскими и французскими военными министерствами установилась тесная связь. Русские ружья стали приготовляться на французском военном заводе в Шателлероль, где до этого никогда не принимались заказы для какого бы то ни было иностранного государства. По приглашению русского правительства, французские военные инженеры отправились в Россию, чтобы организовать здесь на тех же основаниях, что и во Фрации, производство военных снарядов. Кроме того французское военное министерство ознакомило наше с современными методами мобилизации армии, перевозки войск и их снабжения провиантом.

В награду за все эти услуги и прежде всего за французское золото, которое, как из рога изобилия, сыпалось в результате успешных займов на французской бирже в руки царского правительства, Россия оказалась вынужденной, во-первых, предоставить французским капиталистам важнейшие концессии на сооружение и эксплоатацию трамвайных линий, железных дорог, электрических станций, угольных копей и железных рудников Донецкого бассейна и т. д., во-вторых, принять на себя обязательство в случае войны с тройственным союзом следовать разработанному французским генеральным штабом плану военных действий, совершенно не соответствовавшему ни экономическим, ни военным силам России. Вследствие сравнительно слабого развития нашей железнодорожной сети и вытекавшей отсюда медленности нашей мобилизации Россия в случае войны с такими сильными противниками, как Германия и даже Австро-Венгрия, должна была бы в первый период войны ограничиться лишь оборонительными действиями, никоим образом не переходя в решительное наступление в период собирания сил. Только такой план действий сулил русской армии серьезные успехи в борьбе с таким противником, как Германия. Но этот план совершенно не соответствовал интересам Франции. Как в свое время мы писали в нашей нелегальной заграничной прессе, „мобилизационный план России, обусловленный военной конвенцией с Францией, рассудку вопреки, наперекор стихиям, покоится на быстром наступательном движении против врага при первом же начале военных действий. С этой целью 15 корпусов русской армии, расположенные в 3-х военных округах—

Киевском, Варшавском и Виленском, поддерживаемые войсками Московского и С.-Петербургского военных округов, сосредоточившись на укрепленной позиции между Бугом, Наревом и Вислой, должны были вторгнуться, пользуясь географическим положением Царства Польского, врезывающегося клином между Германией и Австрией, на территорию противника в качестве авангарда трехмиллионной армии, которая позже двинулась бы из всех округов России".

Как явствует из документов, ныне впервые опубликованных после войны, на основании военной конвенции с Францией, русские войска обязывались перейти границу не позже 14-го дня от начала военных действий.

Было бы глубокой ошибкой, если бы читатель думал, что милитаризм был до войны свойствен какому-либо одному государству более, чем другим. Когда началась мировая война, государства Антанты (Франция, Англия и Россия) все время твердили своим обманутым народам, что они ставят себе целью войны „свержение прусского милитаризма". В действительности же они были милитаризованы, как легко было убедиться из приведенных отрывков, отнюдь не менее Германии. Так, например, в 1901 году Англия расходовала на армию и флот—499 милл. рублей, а через десять лет—684 милл. рублей. В 1914 г. Ллойд Джордж, английский премьер-министр, с целью доказать парламенту, что правительство неустанно заботилось о военной мощи страны, указал на „поразительный факт, что в 1913 г. Англия затратила на свой военный флот больше, чем расходовали на свои эскадры в 1886 г. все державы, вместе взятые, включая в их число и самую Англию" (Суханов). И совершенно прав был немецкий писатель Гауптман, когда он писал французскому писателю Роллану: „Напрасно вы, Роллан, принимаете такой тон, словно ваши соотечественники-французы выступили против нас с пальмовыми ветвями, в то время, как в действительности они великолепно снабжены пушками, картечью и даже пулями дум-дум".

III. Причины и цели мировой войны в об'яснениях правящих клик и их прислужников

Об'являем войну мы — государственные деятели — политические деятели, «передовые граждане». Господин, продающий свой труд, не задавайте нам неуместных вопросов относительно того, **почему** мы, государственные люди, об'являем войну. Это **наше** дело. Занимайтесь своим делом — работайте, — работайте только и обливайтесь пóтом, — пока мы, государственные люди, не прикажем вам итти на фронт и не бросим вас на какой-нибудь другой рабочий люд другой страны. Когда мы заключаем, что надо об'явить войну, мы не принимает во внимание пожеланий рабочих. Мы просто не занимаемся этим.

Киркпатрик.

„Война.., ради чего?“

ПРИЧИНЫ И ЦЕЛИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОБ'ЯСНЕНИЯХ ПРАВЯЩИХ КЛИК И ИХ ПРИСЛУЖНИКОВ

В первой главе мы показали, как развитие капитализма приводит к борьбе за захват колоний и за овладение „полуколониями". С особой силой эта борьба ведется в эпоху финансового капитала, так как политика финансового капитала есть империалистическая политика, т. е. связана со стремлением к возможно большему расширению хозяйственной территории. Это стремление обнаруживает все капиталистически развитые государства, и отсюда неизбежное столкновение между ними для разрешения оружием вопросов о том, кому, где и сколько грабить и получать сверхприбылей на ввезенный в колонии и полуколонии товар, капитал и вывезенное оттуда сырье.

Мы сознательно остановились на этом вопросе особенно долго и постарались особенно подробно обрисовать те отдельные вопросы борьбы за колонии и полуколонии, которые составляли так называемую „внешнюю" политику крупных европейских государств перед войной. Сделать это надо было еще и потому, что многие из этих вопросов остались неразрешенными и по настоящий день, и вокруг них ведется борьба еще и теперь, ведется с такой силой, что неизбежны новые войны между государствами, вышедшими победителями из мировой войны.

Вслед за обрисовкой империализма пришлось остановиться на милитаризме, как его неизбежном спутнике. Мы старались показать, что все государства, участвовавшие в войне, лихорадочно готовились к войне и тратили колоссальные суммы денег на армию и флот, при чем делали это потому, что для них были совершенно ясными и неизбежность войны, и те причины, которые ее порождают.

Во всякой войне, на ряду с причиной, необходимо отмечать и тот повод, который привел к ее началу. После того как мы подробно остановились на причине мировой войны, скажем несколько слов о поводе к ней. Разумеется, раз война была вызвана теми глубокими причинами, о которых шла речь в предыдущих главах, то мировые

поджигатели, конечно, нашли бы повод для начала ее. Именно поэтому всего несколько слов и стоит сказать о том поводе, которым они воспользовались 4 августа 1914 года (по новому стилю) для начала мировой бойни.

В Сараеве, столице маленького Балканского государства, Герцеговины, в свое время захваченного Австрией и подчиненного ею, 28-го июня 1924 г. после двойного покушения был убит наследник австрийскаго престола Франц-Фердинанд вместе со своей женой. Убийцей был гимназист Принцип, учившийся в сербской столице Белграде и находившийся в связи с сербскими патриотическими организациями. Связь убийцы с сербскими организациями и подала Австро-Венгрии повод пред'явить 23-го июля Сербии ультиматум по делу об убийстве наследника престола и по поводу пропаганды, которая велась в Сербии против Австро-Венгрии. 24-го июля в дело вмешалось русское правительство, заявившее, что оно не может остаться равнодушным к австро-сербскому столкновению. 28-го июля Австро-Венгрия об'явила войну Сербии. 30-го июля русское правительство об'явило общую мобилизацию, после чего 31-го июля Германия потребовала отмены мобилизации, которая, по ее заявлению, носит враждебный Германии характер. В тот же день началась частичная мобилизация во Франции. 1-го августа германское правительство об'явило войну России, и в тот же день произошел разрыв дипломатических сношений между Германией и Францией и началась всеобщая мобилизация во Франции и мобилизация в Бельгии. 3-го августа Германия об'явила войну Франции, а 5-го августа Англия об'явила войну Германии, 6-го августа Австро-Венгрия об'явила войну России. Таким образом все те государства, между которыми в течение уже более десятка лет перед мировой войной назревало неизбежное военное столкновение, вцепились друг другу в горло.

Начало войны заставляло едва ли не все правительства опасаться за то, как массы населения, в особенности трудящегося, отнесутся к этой свалке, об исключительных размерах которой можно было догадываться уже по одному тому, что все воюющие государства сразу мобилизовали такое громадное количество людей, какого никто никогда раньше не мобилизовал. Надо было околпачить массы, надо было привлечь их на сторону правительств и в то же время скрыть от них истинные причины и цели войны. И вот каждое из вступивших в войну правительств начинает обвинять другие правительства, что они напали на него и доказывает, что „верноподданным" необходимо встать на защиту обороняющегося „отечества". В свидетели и помощники призывается при этом бог, который, конечно, уж благословит „христолюбивое" воинство, раз оно борется за „правое дело".

Ниже мы и приводим отрывки из манифестов и воззваний коронованных и некоронованных властителей, показывающих, как правительства изображали происхождение мировой бойни. Думается нам, что эти отрывки должны быть приведены для того, чтобы показать, как

народы были обмануты своими правительствами, как дьявольски сильны эти правительства в обманывании трудящихся, чтобы на примере начала войны показать дьявольскую мощь буржуазного государства в пленении мозгов трудящихся, ту мощь, с которой надо ожесточенно бороться путем разоблачения и уничтожения ее.

ИЗ МАНИФЕСТА АВСТРИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА

„Манифест к моим народам.

Моим искренним желанием было посвятить те годы, которые будут мне еще предоставлены божией милостью, делам мира и охранить мои народы от тяжелых жертв и тягот войны. Но провидение судило иначе. Происки преисполненного ненавистью противника вынуждают меня ради охранения моей монархии, для защиты ее престижа и ее державного положения, а равно для охранения ее достояния, после долгих лет взяться за меч.

Обнаружив быструю забывчивость и неблагодарность, сербское королевство с самого начала своей самостоятельности государственной и до самого последнего времени встречавшее поддержку и поощрения как со стороны моих предков, так и с моей,—уже несколько лет, как вступило на путь открытой враждебности по отношению к Австро-Венгрии...

Этим невыносимым проискам должен быть поставлен предел, и беспрестанным вызовам Сербии должен быть положен конец, чтобы сохранить честь и достоинство моей монархии от ущерба и избавить ее государственное экономическое и военное развитие от постоянных потрясений.

Тщетно моим правительством была сделана последняя попытка достигнуть этой цели мирными средствами и путем серьезного увещевания побудить Сербию изменить свой образ действий. Сербия отклонила умеренные и справедливые требования моего правительства и отказалась исполнить те обязательства, выполнение которых в жизни народов и государств составляет единственную и необходимую основу мира.

В виду этого я вынужден приступить к тому, чтобы силой оружия создать те необходимые гарантии, которые должны обеспечить моим государствам внутреннее спокойствие и длительный мир извне.

В этот серьезный час я отдаю полный отчет во всем значении моего решения и моей ответственности перед всемогущим; мною все взвешено и обдумано, и со спокойной совестью я вступаю на путь, который мне указывает мой долг.

Я уповаю на мои народы, которые в течение всех бурь всегда согласно и верно толпились вокруг моего престола и которые за

честь, величие и мощь своего отечества всегда были готовы приносить самые тяжелые жертвы. Я уповаю на храбрую и преисполненную самоотверженного воодушевления военную мощь Австро-Венгрии и уповаю также на всемогущего, что он даст моему оружию победу".

ИЗ МАНИФЕСТА СЕРБСКОГО КОРОЛЕВИЧА-РЕГЕНТА

„Моим доблестным дорогим сербам.

Австрия вчера нам об'явила войну, не принимая в расчет, что этим самым она вызовет неопределимые последствия европейского столкновения.

С тяжелым сердцем и вполне сознавая все трудности и опасности, особенно теперь, когда Сербия после пережитых войн готовилась собирать созревшие плоды своих трудов, я вынужден призвать моих добрых и храбрых сербов под сербские трехцветные знамена в полной уверенности, что они в настоящем случае покажут себя достойными своих славных предков, каковыми проявили себя в прошлом и позапрошлом годах.

С верой в господа бога, с надеждой на конечную победу нашего правого дела и на сочувствие всего просвещенного мира, с верой в помощь наших великих соплеменников и друзей примем мы вместе с нашими братьями сербами с Черной Горы, эту борьбу, нам с такой злобой навязанную...

Сербы! Защищайте всеми силами свой очаг и сербское племя!"

ИЗ МАНИФЕСТА ПОСЛЕДНЕГО РУССКОГО ЦАРЯ

„Об'являем всем верным нашим подданным:

Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особой силой пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия пред'явила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования...

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России, положение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту русской земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные.

В грозный час испытания да будут забыты все внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокой верой в правоту нашего дела и смиренным упованием на всемогущий промысл, мы молитвенно призываем на святую Русь и доблестное войско наше божие благословение".

ВОЗЗВАНИЕ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРАТОРА

„Со времени основания нашей империи, в течение целых 43 лет, вся цель, поставленная усилиями моих предков, которую продолжаю и я, заключалась в стремлении содействовать европейскому миру и направить все наши силы к спокойному развитию экономической жизни нашей страны. Но наши противники оказались завистниками и не могут простить нам наших преуспеяний на этом поприще. Как на востоке, так и на западе мы встречаем лишь чувство затаенной ненависти, которое простирается даже за пределы окаймляющих нас морей.

До сих пор, однако, сознавая нашу ответственность и мощь, мы спокойно терпели эту ненависть. Теперь же наши противники унизили нас и требуют от нас, чтобы мы спокойно, сложа руки, смотрели на то, как враг наш готовится нанести решительный удар. Они не допускают, чтобы мы остались верными нашему союзу с Австро-Венгрией, которая защищает с честью свое положение великой державы. Унижения ее явились бы для нас потерей нашей мощи и чести.

Теперь слово предоставлено оружию, и оно решит, кто прав, кто виноват. Враг настиг нас в период полного спокойствия нашего. К оружию, господа. Всякое выжидание и замедление равносильно измене отечеству. Быть или не быть, вот вопрос, который восстал перед империей, созданной трудами наших отцов. Быть или не быть германскому могуществу, германской империи. Мы будем сражаться до последней возможности, до тех пор, пока жив будет последний немец, до последнего коня, и мы предпринимаем борьбу против целого мира противников. Об'единенную Германию еще никто никогда не победил. Вперед, и с нами бог так же, как он был и с нашими предками".

ИЗ МАНИФЕСТА ПРЕЗИДЕНТА И ПРАВИТЕЛЬСТВА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

„Терпеть и бороться—таков должен быть лозунг союзных армий, английской, русcской, бельгийской и французской. Терпеть и бороться, пока на море нам будут помогать англичане. Бороться, пока русские будут продолжать свое наступательное движение в сердце Германии

для нанесения ей решительного удара. На долю республиканского правительства выпала задача руководить этим упорным сопротивлением.

Везде и повсюду станут французы на защиту независимости своей страны.

Но для того, чтобы придать нашей борьбе грозную мощь и великую силу, необходимо, чтобы правительство оставалось свободным во всех своих действиях. Поэтому, по предложению военных властей Парижа, правительство переносит временно свое пребывание в такую часть французской территории, где оно может оставаться в постоянном и свободном общении со всем государством. Правительство приглашает членов законодательных учреждений не удаляться от него, чтобы иметь возможность слиться с ним в одно неразрывное целое. Правительство оставляет Париж, после того как оно приняло все зависящие от него меры к защите города и его укреплений.

Французы! Будем достойны нынешних трагических обстоятельств. Добьемся конечной победы. Добьемся ее неутомимой волей, терпением и упорством.

Народ, который не хочет погибнуть, который для защиты своего существования не отступает ни перед какими испытаниями и ни перед какими жертвами, может быть уверен, что он победит".

Франция именуется демократической, т. е. народной республикой. Трудящимся в ней внушается мысль, что вся власть во Франции принадлежит народу, который правит через своих избранников, заседающих во французской палате депутатов. На деле же заседающие во французской палате депутатов „избранники"—не более, как ставленники грабительской французской буржуазии, не только ничего общего не имеющие с трудовым народом, но предающие его во имя прибылей буржуазии. Впрочем, французские депутаты ничем не отличаются от депутатов, заседающих в других буржуазных парламентах („говорильнях"): во всех странах депутаты стоят целиком и полностью на страже частной собственности своих хозяев-капиталистов. Лучшим свидетельством того, что дают и могут дать трудящимся буржуазные парламенты, служит приводимое ниже воззвание президента французской палаты депутатов.

ИЗ ВОЗЗВАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦУЗСКОЙ ПАЛАТЫ ДЕПУТАТОВ

„О вы, сражающиеся в Бельгии, Лотарингии, Эльзасе,—вы счастливы. На вашу долю выпало пережить лучшие часы, какие когда-либо переживали люди; вы выполняете одну из священнейших обязанностей, какие когда-либо доверялись героям...

В 1870 г. мы были без союзников; теперь же положение изменилось: весь мир идет нам на помощь.

В 1891 г. честный монарх Александр III, утомленный двуличностью Бисмарка, протянул нам руку, и с тех пор франко-русский союз благодаря мудрости обоих правительств не переставал развиваться...

Лишний раз дело слабых, дело страдающих является делом Франции. Вы будете защищать не только ваши очаги, вашу честь,—вы будете защищать независимость Европы, цивилизацию, право, человеческую совесть.

Завтра, когда вы восторжествуете, Европа отдохнет. Она не будет больше жить в постоянной тревоге. Плоды народных трудов не будут больше поглощаться смертоносными извержениями, и чем полнее будет ваша победа, тем спокойнее будут Франция и Европа...

Солдаты! Настоящая война—война освободительная...

Благословение угнетенных на вас. Свобода и слава награждают вашу доблесть. Вас ведут к победе справедливость и любовь".

Грабительскую войну ради сверхприбылей хищной и жадной буржуазии „избранники" народа об'являют священнейшей обязанностью сражающихся в Бельгии, в Лотарингии и Эльзасе французских рабочих и крестьян—нужна ли большая гнусность? Взаимное истребление миллионов трудящихся, не имеющих представления, во имя чего они этим занимаются, совершенно чуждых вражды друг к другу,—палата депутатов об'являет защитой независимости Европы, цивилизации, права, человеческой совести, хотя дело идет только о завоевании новых рынков для буржуазии, об уничтожении ее конкурентов в том или ином месте. Рабочие и крестьяне должны лишний раз перечесть воззвание французского парламента, чтобы знать твердо, что не улучшения своей жизни они могут ждать от парламентов, а только выдачи их с головой буржуазии.

ВОЗЗВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО КОРОЛЯ К ВОЙСКАМ

„Вы покидаете родину, чтобы биться за безопасность и честь нашей империи. На Бельгию, которую мы обязались защищать, совершено нападение. Франции грозит нашествие того же могущественного врага. Я имею полное доверие к вам, мои солдаты. Ваш лозунг—долг, и я знаю, что вы исполните его благородно. Я буду с самым глубоким интересом следить за каждым вашим движением и отмечать с величайшим удовлетворением ваши успехи. Моя мысль будет всегда о вашем благополучии. Прошу бога благословить и сохранить вас и позволить вам вернуться победителями".

Приведенные отрывки показывают, что хозяева положения — правительства разных стран—ни одним словом не обмолвились об истинных причинах мировой войны. Им нужно было обмануть массы, над которыми они властвуют, и они успешно обманывают их, рассказывая рабочим и крестьянам о нападении коварных врагов, о священной защите родины и т. д. Обмануть было тем легче, что, как мы увидим ниже, этому помогли перешедшие на сторону буржуазии вожди рабочего класса из социал-демократического лагеря. В свою очередь последние из всех сил старались доказать, что буржуазия их страны не виновна в войне, что она подверглась нападению и ничего иного не могла поделать, кроме как взяться за оружие для защиты „отечества".

Мало сведущие в политике, забитые постоянной работой и нуждой, всецело зависящие от своих хозяев-капиталистов—рабочие и крестьяне всех стран попались на обман и двинулись истреблять друг друга к удовольствию своих хозяев. 10.000.000 убитых и двадцать миллионов раненых должны напоминать обманутым массам о гнусности и кровожадности буржуазии и предостеречь их от того, чтобы через 10 лет после войны 1914—1918 гг. опять сделаться жертвами нового обмана буржуазии, которая и теперь лихорадочно готовится к новой, еще более ужасной войне.

Предыдущее изложение не затрогивало специально той розни, которая служила предметом непосредственной взаимной ненависти французских, германских, английских, русских и др. капиталистических групп. Ненависть официальной буржуазной Франции к Германии имеет своим исходным пунктом войну 1871 г., когда последняя нанесла Франции, стоявшей на пути об'единения немецких государств, страшное поражение и отняла у нее области Эльзас и Лотарингию. С той поры буржуазия Франции разжигала в массах ненависть к Германии и не переставала твердить о „реванше" (отмщении) с целью вернуть назад отторгнутые области. Стремление вернуть эти области буржуазия лживо об'ясняла массам желанием „воссоединиться с братьями по национальности" и „освободить братьев от прусского гнета". В действительности же дело шло о побуждениях гораздо более низкого порядка, о борьбе за уголь и железо, которые служат основой экономического развития крупно-капиталистических держав, а следовательно и основой извлечения „сверхприбылей" хищниками империализма. Ради этого буржуазия Франции не остановилась перед тем, чтобы быть одной из главных поджигательниц мира, чтобы желать этой преступнейшей из преступнейших войн, чтобы залить кровью трудящихся весь мир.

Приводимые ниже отрывки (а таких отрывков можно было бы привести еще очень много), относящиеся ко времени войны, вскрывают истинные вожделения буржуазии Франции и других стран и подтверждают их словами самой буржуазии.

ПРИЧИНЫ БОРЬБЫ ФРАНЦИИ ЗА ЭЛЬЗАС-ЛОТАРИНГИЮ

(М. Павлович. „Что такое империализм"?)

До нынешней войны многие думали, что идея „реванша" во Франции покоится, во-первых, на побуждениях чувства, на желании французской буржуазии освободить население захваченных немцами областей Эльзаса и Лотарингии от прусского гнета, во-вторых, на стремлении французов увеличить мощь их страны, с одной стороны, присоединением к их территории новых провинций с населением в 2—3 миллиона душ, что имело бы громадное значение для Франции при слабой численности ее населения,—с другой, овладением такими важными стратегическими пунктами, как Метц, Страсбург, являющимися в руках немцев мечом, нависшим над Францией.

Но с того момента, как началась война, французская печать ясно вскрыла экономическую базу вопроса об Эльзас-Лотарингии, реальную основу идеологии „реванша".

Говоря об атаках немцев против Вердена, известный французский писатель Шавенон, редактор влиятельной газеты, писал в передовице от 4 марта 1916 года.

„Или нынешняя война окончательно закрепит положение Франции, как первоклассной державы, и даст ей рессурсы, которые обеспечат ее богатство на протяжении веков, или Франция упадет до положения державы третьего порядка и будет зависеть от доброй и злой воли разбойничьих государств.

В этом отношении обладание бассейном Брией и Эльзас-Лотарингией имеет громадное значение. Владея железными рудниками и сталелитейными заводами этих областей, владея угольным бассейном Саары, Франция сделается первоклассной промышленной державой, она будет иметь все необходимые первичные материалы для экономической борьбы. И если против ее воли ей будет навязана война, Франция будет в состоянии победить всякого безумца, осмеливающегося вызвать ее на бой.

Без бассейна Брией Франция не может уже быть первоклассной промышленной державой. У нее не будет первичных материалов, являющихся основным условием победы в будущих войнах, если человечество окажется настолько безумным, а этого нужно опасаться,—чтобы не отказаться от войн".

Итак, сохранение бассейна Брией, находившегося до войны в руках французов, присоединение захваченных немцами в 1871 г. Эльзаса и Лотарингии—вот основное условие будущего экономического и военного могущества Франции.

СТРЕМЛЕНИЕ ФРАНЦИИ «ОТНЯТИЕМ ЭЛЬЗАС-ЛОТАРИНГИИ СОЕДИНИТЬ СВОЕ ЖЕЛЕЗО С НЕМЕЦКИМ УГЛЕМ»

(М. Павлович. „Что такое империализм?“)

Вот что писала „Temps“ („Время“)—влиятельнейшая газета французской буржуазии в 1916 году о причинах нынешней войны, о ставке, из-за обладания которой идет борьба между Францией и Германией.

„На этот раз нужно покончить с Германией, и чтобы этот конец не был лишь временным отдыхом, передышкой противников, готовых начать новую и более свирепую борьбу, необходимо организовать мир таким образом, чтобы последний закрепил прочное равновесие...

Тщетно вы будете стремиться отделить железо от угля, последние будут притягиваться друг к другу. Несмотря на все ваши пограничные столбы и таможенные заставы, эти элементы подпочвы соединятся когда-нибудь друг с другом, и это влечение железа к углю и обратно снова бросит народы друг против друга и явится причиной рек крови. Если вы не желаете, чтобы новый договор сделался клочком бумаги, составьте его с полным знанием дела, приняв во внимание экономический рок и требования последнего. И вы будете знать, в чем заключается эта экономическая неизбежность, когда вы заглянете на карту строения почвы Эльзас-Лотарингии и прилегающих областей.

На севере, в пункте сочленения Франции с захваченной Эльзас-Лотарингией, с Бельгией и Люксембургом находится великий железный бассейн Брией, самый богатый по своим залежам, самый могущественный в Европе, который тянется до окрестностей Нанси. В 50 километрах от этих 4 миллиардов тонн железа природа расположила 10 миллиардов тонн угля: это великий угольный бассейн Саары, который распространяется на баварский Пилатинат, рейнскую Пруссию и захваченную Лотарингию. Хотя и не равняясь в количественном и качественном отношениях удивительным угольным копям Вестфалии, угольный бассейн Сарребрука все же утилизируется для многочисленных промышленных и металлургических предприятий; ежегодное добывание угля в этом бассейне превышает 17 миллионов тонн, т. е. как раз то количество, которое Франция вынуждена покупать заграницей, чтобы пополнить свое недостаточное производство. Топливо, сосредоточенное в Саарском бассейне, превышает по своему количеству богатство всех французских угольных копей вместе взятых.

ОТКРОВЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ В ТОМ, ЧЕГО ОНИ ДОБИВАЮТСЯ ОТ ВОЙНЫ

(М. Павлович. „Империализм“. Курс лекций, читанных в Академии Генерального Штаба).

Вот символ веры французских империалистов, формулированный в статье Энженерана, депутата от Кальвадоса в „Эко де Пари“ (французской газете) от 3 июля 1916 г., — статье, носящей характерный заголовок: „Под‘явший железо, от железа и погибнет“.

„Делегаты союзных держав собрались на конференцию в Париж, чтобы помешать Германии после войны ввести в экономическую жизнь тот хаос, который ее перепроизводство вызвало до войны.

Этот результат не будет достигнут ни таможенными придирками, ни протекционистской коалицией. Более или менее высокие тарифы не могут поколебать немецкое производство. Не в этой плоскости нужно искать ключ к экономической победе над Германией.

Если Германия могла бросать на наши рынки свои товары по более низким ценам, чем наши, то это происходило потому, что в странах, с которыми Германия конкурировала, производство обходилось дороже, чем в Германии.

Все индустрии зависят в большей или меньшей степени от металлургии. Имея первичные материалы своей металлургии, Германия могла развить последнюю до высшей степени, а вместе с ней дать мощный толчок всем остальным отраслям промышленности: „Через брешь, открытую Круппом, — сказал один немецкий военный писатель, — бросились в атаку мужественные представители всех отраслей германской индустрии и, идя рука об руку с ними, германская торговля распространилась по всем территориям“.

Производство чугуна в Германии поднялось с $2^{1}/_{2}$ миллионов тонн в 1880 году до 19 миллионов тонн в 1913 г., производство стали в 8.007.000 тонн до 19 миллионов. Германия, которая в 1913 году была данницей других стран по отношению к питательным продуктам на 5 миллиардов марок, извлекла только от экспорта своих металлургических продуктов чистую прибыль в 1 миллиард марок. Своим железом она платила за свой хлеб.

Металлургия была арматурой Германии. Именно благодаря металлургии Германия до войны могла жить и конкурировать с другими государствами. После войны Германия в своей металлургии будет искать средство возродиться и залечить свои страшные раны.

Этого не должно быть.

Поразить Германию в ее металлургии — значит самым верным образом поразить ее на смерть, и это должно быть неизбежным последствием победы союзников и в особенности и победы Франции.

Вспомним, что немецкая руда почти вся находится на Лотарингской границе и что здесь производится более 21 миллиона тонн руды из 29 миллионов, добываемых в Германии.

Потеряв Эльзас-Лотарингию, Германия потеряет эту руду, которой она не имеет, не может иметь, не будет иметь иначе как по цене, которую мы будем устанавливать. Таким образом держа в своих руках один из основных элементов цены производства немецких товаров, мы сумеем сломить все ее попытки к международной конкуренции, парализовать ее крайности.

Это будет решительным ударом, и только мы, французы, в состоянии нанести его.

Обнаружив силу металлургии, война показала, что самая верная гарантия мира заключается в отнятии у Германии ее металлургической мощи. Это отнятие у зарейнской металлургии ее супрематии на континенте и подчинение германской металлургии сидеругической промышленности других стран и будет законом нового европейского равновесия. Иначе Германия скоро вернет себе все потерянные позиции.

Однако Англия своими собственными силами не в состоянии достигнуть такого результата—сокращения мощи германской металлургии. Великобритания нуждается в помощи со стороны континентального союзника, и таким союзником может быть только Франция, ибо только Франция имеет в изобилии первичный материал—руду.

Эту важную необходимую роль Франция сумеет выполнить только, когда она будет иметь в изобилии и уголь, что даст ей возможность удешевить производство в степени, недоступной для Германии.

Французы и наши союзники не должны забывать, что этим углем Франция располагала в изобилии в пределах своих естественных границ, что Лотарингский бассейн Саары является естественным дополнением бассейна Брией. Англия должна вспомнить, что только благодаря тому, что она позволила в 1815 г. Пруссии аннексировать угольные копи Саары, а в 1871 г. лотарингские рудники, английская политика заложила фундамент металлургического могущества Германии и навязала гегемона другим народам и самой себе".

Итак, война за Эльзас-Лотарингию и немецкие владения по левую сторону Рейна была прежде всего войной за металлургическую промышленность, за ее первичные материалы, уголь и железо, наконец, за гегемонию, или по крайней мере за видную роль Франции на мировом рынке,—роль, которая является естественным, неизбежным результатом могущества, расцвета французской металлургической промышленности.

ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО БЛАГОСЛОВЛЯЕТ ПРЕДСТОЯЩЕЕ ОГРАБЛЕНИЕ ГЕРМАНИИ ФРАНЦИЕЙ

(М. Павлович. „Что такое империализм").

Копия ноты министра иностранных дел от 1—14 февраля 1917 года за № 26 французскому посланнику в Петрограде.

„В ноте от сегодняшнего числа ваше превосходительство соблаговолило сообщить императорскому правительству, что правительство республики предполагало включить в число условий мира, которые будут предложены Германии, следующие требования и гарантии территориального порядка:

1) Эльзас-Лотарингия будет возвращена Франции.

2) Границы будут расширены, по меньшей мере, до пределов прежнего княжества Лотарингии и будут установлены по усмотрению

французского правительства, причем должны быть приняты в соображение стратегические потребности, чтобы состоялось включение во французскую территорию всего железопромышленного бассейна Лотарингии и всего углепромышленного бассейна долины Саары.

3) Прочие территории, расположенные по левому берегу Рейна, входящие в настоящее время в состав Германской империи, будут совершенно отделены от Германии и освобождены от всякой политической и экономической зависимости по отношению к ней.

4) Территории левого берега Рейна, не входящие в состав французской территории, составят автономное и нейтральное государство и будут заняты французскими войсками до тех пор, пока враждебные государства окончательно не удовлетворят всех условий и гарантий, помеченных в трактате о мире.

Ваше превосходительство заявило, что правительство республики было бы счастливо иметь возможность рассчитывать на поддержку императорского правительства для приведения в исполнение своих намерений. По приказу его императорского величества, моего августейшего повелителя, имею честь от имени русского правительства сообщить в настоящей ноте вашему превосходительству, что правительство республики может рассчитывать на поддержку императорского правительства для приведения в исполнение своих вышеизложенных намерений. Соблаговолите" и т. д.

В награду за готовность России поддержать притязания Франции на железо-промышленный бассейн Лотарингии и весь угле-промышленный бассейн долины Саары, Франция обязалась отстаивать права России на обладание проливами.

СТРЕМЛЕНИЕ РОССИИ ЗАХВАТИТЬ КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ПРОЛИВЫ ЧЕРНОГО МОРЯ

(„Нейтрализация Дарданелл и Босфора". Статья П. Н. Милюкова в сборнике „Вопросы мировой войны").

Мы стоим в настоящее время перед решением вековой русской национальной задачи,—распространением суверенитета русского государства на проливы, закрывающие вход в Черное море и открывающие из него выход. Задача эта должна быть разрешена в интересах России. Но она будет решаться не в пустом пространстве. Проливы суть морские пути, долженствующие быть, по международному праву и обычаю, открыты для мировой торговли. Черное море не есть наше внутреннее „территориальное" море, а свободный бассейн, на который выходят, кроме России, также и другие прибрежные государства. Таким образом русский суверенитет над проливами должен быть примирен с интересами соседних государств и с требованиями прогрессивного международного права....

В настоящее время вопрос о проливах вновь открывается при условиях, исключительно для нас благоприятных. С одной стороны, окончательно решается вопрос о существовании европейской Турции, и вся прежняя постановка вопроса о проливах, рассчитанная на сохранение Оттоманской империи, должна коренным образом измениться. Вопрос ставится так, как он не стоял со времени Екатерины II и Александра I. Желание Дашкова в секретном комитете 1829 г. взять „два каменистые уголка" на берегах Босфора, предложение Киселева требовать у султана гавани при входе в Босфор, предписание Муравьеву занять на противоположных берегах Босфора два пункта, над которыми бы не господствовали окружающие высоты, и укрепить их пушками и гарнизонами по тысяче человек,—все эти предположения имели в виду лишь возможное в будущем „наступление окончательной развязки на берегах Босфора" (доклад Нессельроде). В настоящее время развязка наступила, и дело идет уже не о предварительных, а об окончательных мерах.

С другой стороны, вопрос решается при небывалом до сих пор условии—союзе с Англией и Францией против Турции. То упорное сопротивление, которое оказывалось обеими морскими державами присоединению проливов Россией, прежде всего, значительно ослабело с тех пор, как Константинополь и проливы, с открытием Суэзского канала, потеряли значение мирового пути в Индию. Если, в результате войны, утвердится непрерывное влияние Англии от Александрии до Рангуна, то нельзя уже ожидать сопротивления утверждению суверенитета России в Босфоре и в Дарданеллах. Общественное мнение обеих стран на наших глазах изменяется с каждым днем в пользу передачи проливов России.

СОГЛАСИЕ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ НА ЗАХВАТ РОССИЕЙ ПРОЛИВОВ ПРИ УСЛОВИИ РАЗРЕШЕНИЯ ИМ ЦЕЛОГО РЯДА ГРАБЕЖЕЙ

(М. Павлович. „Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего").

Соглашение о Константинополе и проливах.

Второй политический отдел.

(Справка).

19 февраля (4-го марта 1915 г.) министром иностранных дел была передана французскому и великобританскому послам памятная записка, в коей было изложено пожелание о присоединении к России в результате настоящей войны следующих территорий: города Константинополя; западного побережья Босфора; Мраморного моря и Дарданелл, южной Фракии до линии Энос-Мидия, побережья Малой Азии между Босфором, рекою Сакирия и подлежащим позднейшим определением пунктом Измидского залива; островов Мраморного моря и островов Имброс

и Танедос. Специальные права Франции и Англии в пределах указанных территорий остались бы ненарушимы. Как французское, так и Великобританское правительства изъявили свое согласие на удовлетворение наших пожеланий при условии успешного окончания войны и удовлетворения целого ряда притязаний Франции и Англии как в пределах Оттоманской империи, так и в иных местах.

Притязания эти, поскольку они касаются Турции, сводятся к следующему: признание Константинополя свободным портом для транзита товаров, не следующих из России и не идущих в Россию, и свободы прохода через проливы коммерческих судов.

Признание прав Англии и Франции в Азиатской Турции, подлежащих точному определению путем особого соглашения между Францией, Англией и Россией.

Сохранение священных мусульманских мест и Аравии под независимым мусульманским владычеством.

Включение установленной соглашением между Англией и Россией 1907 г. нейтральной зоны Персии в английскую сферу влияния.

Признав эти требования в общем подлежащими удовлетворению, российское правительство сделало однако некоторые оговорки.

В видах формулирования наших пожеланий касательно священных мусульманских мест, необходимо теперь же выяснить, останутся ли эти местности под властью Турции с сохранением за султаном звания халифа, или же предполагается создать новые самостоятельные государства. По нашему мнению, было бы желательно отделить халифат от Турции. Во всяком случае свобода паломничества должна быть обеспечена.

Справка по малоазиатскому вопросу.

В результате переговоров, происходивших весной 1916 года в Лондоне и Петрограде, союзные: великобританское, французское и русское правительства пришли к соглашению относительно будущего распределения их зон влияния и территориальных приобретений в Азиатской Турции, а также касательно образования в пределах Аравии независимого Арабского государства или конфедерации арабских государств.

Соглашение это в общих чертах сводится к следующему: Россия приобретает области: Эрзерумскую, Трапезондскую, Ванскую и Битлисскую, а равно и территорию южного Курдистана по линии Муша-Серт-Ибн-Омар-Амалия - Персидская граница. Конечной точкой русских приобретений на черноморском побережьи явился бы подлежащий определению в будущем пункт на запад Трапезонда.

Франция получает прибрежную полосу Сирии, Аданский вилайэт и территорию, ограниченную на юге линией Айнтао-Мардин до будущей русской границы и на севере линией Ала-Дага-Кесарий-Ак-Дага-Ильдыз-Даг-Зара-Огиб-Харпут.

Великобритания приобретает южную часть Мессопотамии с Багдадом и выговаривает себе в Сирии порты Кайфу и Акку.

По соглашению между Францией и Англией, зона между французской и английской областями образует конфедерацию арабских государств или независимое Арабское государство, зоны влияния на каковое одновременно определяются.

Александретта об'является свободным портом.

В целях обеспечения религиозных интересов союзных держав Палестина со святыми местами выделяется из состава турецкой территории и будет подчинена особому режиму по соглашению России, Франции и Англии.

В виде общего правила договаривающиеся державы обязуются взаимно признавать уже существовавшие до войны концессии и преимущества в приобретенных ими районах.

Они соглашаются принять на себя соответствующую их приобретениям долю оттоманского долга.

ЗАХВАТНИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ ЦАРСКОЙ РОССИИ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

(«Великая Сербия, как разрешение южно-славянского вопроса в великой войне 1914—1915 гг.». Статья Н. В. Ястребова в сборнике „Вопросы мировой войны", изданном в 1915 г. под редакцией проф. Туган-Барановского).

Всем ясно, что борьба, которую Россия вместе с союзниками ведет против коалиции трех империй—Германии, Австро-Венгрии и Турции, имеет целью не только изгнание с родной русской земли неприятельских армий: она должна сделать невозможным, если не навсегда, то на долгое время повторение вражеского нашествия, повести в этих видах к решительному обессилению противников, к уничтожению Австро-Венгрии и Турции, если еще и не Германии, как думают некоторые, закончиться поэтому приобретением нами от них известной пограничной доли земель их. Великая Россия должна стать после войны еще более великой, более сильной...

Великая Россия, стремясь увеличиться после войны за счет Австро-Венгрии, желает довершить дело освобождения и об'единения русского народа, т. е. освободить из-под немецко-мадьярского ига и воссоединить с остальной 115-миллионной Русью и Русь Червоную, Галицкую, Буковинскую и Угорьскую, в составе 6 милл. чел. Добиваясь победы над Германией и Турцией, Россия хочет получить свободу выхода из Балтийского моря и из моря Черного (через русские, после войны, проливы и Царьград), выбиться из положения государства, почти совсем отрезанного от вольных морей и океанов и связанного в своем мировом товарообмене.

Столь же—если не более еще—насущные интересы свободного сербства связаны и с созданием великой Сербии...

Но ведь и после разгрома Германии с Австрией и Турцией, с появлением великой Сербии, в Европе не исчезнут великие державы, не прекратится их борьба за экономические и политические интересы, часто расходящиеся с сербскими. Среди этих великих держав великая Сербия все же окажется малой. Для борьбы за свое существование и законные интересы великая Сербия, подобно другим малым славянским политическим организмам, уже существующим, или имеющим еще создаться, должна будет войти в прочную, могучую политическую систему, славянскую федерацию, где все эти организмы, как и Румыния, Греция и, наконец, и будущая Мадьярия, об'единились бы под гегемонией России.

Такая федерация предоставила бы великой Сербии, как и другим членам союза, возможность бытия и развития всей полноты внутреннего их суверенитета и обеспечивала бы ей все блага силы и единения в области экономической политики, дипломатии, военной защиты. Для России такая федерация, облегчая мировую борьбу за существование, ручалась бы за невозможность использования врагом славянского политического сепаратизма.

В заключение этой главы мы приведем отрывок из книги т. Зиновьева—„Война и кризис социализма". Отрывок этот тем более интересен, что он заимствован автором книги из буржуазного журнала. И тем не менее этот буржуазный журнал в очень яркой форме изображает тот обман, помощью которого каждое из воюющих государств уверяло трудящиеся массы в необходимости и полезности для них (трудящихся) убивать и истреблять таких же, как и они, обманутых людей.

ЧТО ГОВОРИЛА О ВОЙНЕ ОБМАНУТЫМ НАРОДАМ ВОЮЮЩАЯ БУРЖУАЗИЯ?

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма").

В международном органе пацифистов (буржуазных сторонников мира)—„Голос человечности" от 5 января 1916 г. мы находим следующую не лишенную остроумия табличку:

Каждое воюющее государство утверждает:

1) что оно ведет оборонительную войну и борется за справедливое дело;

2) что оно ведет борьбу за свободу и цивилизацию всех народов;

3) что оно добивается только прочного мира;

4) что оно напряжет все силы и будет бороться, пока противник будет окончательно низвергнут;

5) что в его окончательной победе не может быть никакого сомнения;

6) что оно всегда идет победоносно вперед и несет только незначительные потери;

7) что бомбы его летчиков попадают только в военные учреждения противников и всегда с большим успехом,

8) что его летчики и его артиллерия гораздо лучше летчиков и артиллерии противников;

9) что оно как раз теперь подготовляет крупные предприятия, которые сулят несомненный успех;

10) что его великий бог на его стороне.

Каждое воюющее государство утверждает:

1) что противник хотел войны и давно подготовлял ее,

2) что противник первый начал войну и напал на „нас",

3) что противник ведет завоевательную войну и хочет властвовать над миром,

4) что противник топчет ногами международное право,

5) что противник попрал нейтралитет ряда маленьких государств и угрожает нейтралитету других маленьких государств,

6) что противник ведет войну варварскими приемами,

7) что противник употребляет пули дум-дум,

8) что противник злоупотребляет красным крестом,

9) что противник калечит пленных,

10) что противник насилует женщин, грабит и убивает,

11) что военные суды противника — сплошное надругательство над законом,

12) что противник убивает или издевается над пленными,

13) что противник бросает бомбы на незащищенные города, убивает женщин и детей, но никогда не причиняет „нам" этим военного ущерба,

14) что нападение противника всегда подавляется в зародыше или отбивается с огромными потерями для врага,

15) что противник употребляет газовые бомбы,

16) что противник является пиратом,

17) что противник без толку вредит нейтральной торговле,

18) что информация противника — сплошь ложь и клевета,

19) что противник обрабатывает нейтральных посредством лжи, угроз и подкупа,

20) что противник загоняет в войну оставшиеся до сих пор нейтральными государства — к глубокому несчастью для последних,

21) что противник страдает от недостатка денег, дороговизны, промышленного застоя,

22) что военные займы противника терпят фиаско и реализуются только посредством обмана,

23) что у противника свирепствуют разные эпидемии,

24) что у противника происходят стачки и внутренние нелады,

25) что у противника меняются министры и генералы,

26) что противник больше не в силах воевать [1]).

Можно бы еще увеличить этот список. Если бы широкая народная масса читала газеты всех стран, она увидела бы, что правящие классы всюду говорят одно и то же, она убедилась бы, что буржуазия решительно везде прибегает к одному и тому же методу для обмана „своего“ народа, к одной и той же „технике“. Но народная масса в каждой стране читает, если читает только, печать „своей“ буржуазии и „своих“ социал-шовинистов, повторяющих премудрость своей отечественной буржуазии. И таким-то образом одни и те же доводы, одна и та же „хитрая механика“ действует во всех воюющих странах. Буржуазным и социал-шовинистским писакам остается только поставить название одного отечества вместо названия другого отечества, написать слово Германия вместо слова Россия, и—дело в шляпе.

---

[1]) В комитете этого издания участвует ряд видных политических деятелей Франции, Германии и других стран.

IV. Наука и печать на службе у воюющей буржуазии

Кто смеет помогать, возбуждать рабочий класс для ада войны—всех их, всех до одного—в случае войны—нужно заставить поплясать на огневой линии под отвратительную музыку пушечного рева, пока его собственный, разорванный на части труп не украсит собою поля «великого сраженья».

Киркпатрик.

«Война... ради чего?»

НАУКА И ПЕЧАТЬ НА СЛУЖБЕ У ВОЮЮЩЕЙ БУРЖУАЗИИ

В „Коммунистическом Манифесте“, в котором впервые были изложены мировоззрение рабочего класса, его цели и стремления, авторы манифеста, великие основоположники революционного социализма—Маркс и Энгельс—говорят: „Буржуазия лишила обаяния все те почетные роды деятельности, на которые до сих пор смотрели с благоговейным трепетом. Врача и юриста, священника и поэта, человека науки она превратила в своих наемных работников“. Когда мы говорили о милитаризме, мы приводили описание заводов Круппа. Там упоминалось об ученых, которые работают в лабораториях крупповских заводов и которые, будучи наняты буржуазией, вынуждены за деньги продавать ей свои открытия—результат работы их ученой мысли. Мало того: все эти открытия буржуазия прежде всего старалась использовать для целей будущей войны, войны 1914—1918 гг., к которой она лихорадочно готовилась, для целей истребления миллионов людей. Уже один этот пример заводов Круппа блестяще подтверждает приведенную выше мысль Маркса и Энгельса.

Однако буржуазия во время войны 1914—1918 гг. не ограничивалась этим. Ей необходимо было влияние ученых, имя, их славу и авторитет наук, служителями которых были эти ученые, использовать для того, чтобы оправдать мировую бойню, чтобы освятить истребление цвета трудящегося человечества, заливающего по воле буржуазий своей кровью поля Бельгии, Франции, Пруссии, России и др. стран Европы и Азии. Пользуясь своей властью, своей силой и своими деньгами, буржуазия добилась и этого, как она вообще добилась в каждой стране всего того, что нужно было для беспрепятственного начала и ведения войны. Буржуазии удалось добиться того, что в каждой стране ученые этой страны целиком перешли на ее сторону и начали благословлять оружие и доказывать, что война ведется этой страной во имя „цивилизации, права, справедливости и свободы“, что именно эта страна—жертва коварного нападения врагов, что она не хотела войны, но раз войну ей навязали, то вынуждена обороняться и защищаться.

8*

Ниже мы приводим воззвания ученых четырех главнейших воевавших в мировую войну европейских стран. Каждое воззвание сыплет тысячи обвинений на головы врагов, доказывает и правоты буржуазии данной страны и клеймит позором буржуазию и ученых другой страны. Мы приводим эти воззвания, считая, что они чрезвычайно ярко разоблачают всю лживость и продажность буржуазного строя, доказывая рабочим и крестьянам, что буржуазия покупает всех и все, заставляя служить своим преступным целям. Вместе с тем рабочие и крестьяне, читая эти воззвания, убедятся, что все клятвы буржуазии о „независимости“ науки—ложь, убедятся, что буржуазные ученые целиком и полностью привязаны к старому миру и что трудящимся надо получить скорее своих ученых, которые не будут благословлять взаимное истребление рабочих и крестьян, да еще уверять, что это делается во имя „цивилизации, свободы, права и справедливости“.

ВОЗЗВАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГЕРМАНСКОЙ НАУКИ И ГЕРМАНСКОГО ИСКУССТВА

В качестве представителей науки и искусства германских, мы, нижеподписавшиеся, торжественно протестуем перед всем цивилизованным миром против лжи и клевет, которыми наши враги пытаются загрязнить справедливое и хорошее дело, защищаемое Германией в ужасной борьбе, которая нам навязана и которая угрожает самому существованию нашему, не менее. Самый ход событий опровергает ту лживую пропаганду, которая об'являла лишь о германских поражениях. Но с большой горячностью трудились также на извращении истины еще для того, чтобы вызвать к нам отвращение. Против этих именно махинаций мы и протестуем громко, и этот наш голос протеста есть голос правды.

Не правда, что Германия вызвала эту войну. Ни народ германский, ни правительство, ни император не хотели ее. До последнего момента, до последней возможности Германия боролась для поддержки мира. Весь мир не должен судить иначе, как на основании доказательств, которые представляют ему подлинные документы. Много раз в продолжение своего двадцатишестилетнего правления Вильгельм II сохранил мир—факт, который много раз признавали даже наши неприятели. Они забывают, что этот император, которого они сравнивают с Аттилой, в продолжение многих лет был предметом их шуток за свою непоколебимую любовь к миру. И только тогда, когда сначала начали ему угрожать, а вслед затем и напали на него из засады три великие державы, наш народ поднялся, как один человек.

Не правда, что мы преступно нарушили нейтралитет Бельгии. Мы имеем неоспоримые доказательства, что Франция и Англия, уве-

ренные в попустительстве Бельгии, сами решились было нарушить этот нейтралитет. Со стороны нашего отечества было бы равносильно самоубийству, если бы оно не предупредило их в этом.

Не правда, что наши солдаты повредили жизнь и имущество одного единственного гражданина бельгийского, если не были к этому вызваны грубой необходимостью законной самообороны. Ибо, вопреки нашим оповещениям, население не переставало предательски стрелять в наши войска, уродовать раненых и убивать врачей при исполнении ими их человеколюбивых занятий. Нельзя совершить более позорного поступка, чем обойти молчанием жестокости этих убийц и считать преступлением со стороны германцев то заслуженное наказание, которому они подвергли этих бандитов.

Не правда, что наши войска грубо разрушили Лувен. Подвергшись предательскому нападению в своей лагерной стоянке, они должны были, хотя и неохотно, прибегнуть к репрессалиям и обстрелять часть города. Значительно большая часть Лувена осталась нетронутой. Знаменитая ратуша целиком охранена; с опасностью для своей жизни наши солдаты защищали ее от огня. Если в этой ужасной войне и были уничтожены предметы искусства, вся Германия, наверное, будет оплакивать это. Оспаривая первенство какой бы то ни было из наций перед нашею любовью к искусству, мы энергично отвергаем возможность купить сохранение какого-нибудь предмета искусства ценою поражения нашей армии. Неверно, что мы ведем войну с презрением к международному праву. Наши солдаты не совершают ни актов против дисциплины, ни жестокостей. В отместку на востоке нашего отечества земля напивается кровью женщин и детей, зарезанных русскими ордами, и на полях сражения у Узы пули дум-дум наших противников раздирают грудь наших храбрых солдат. Те, которые вступают в союз с русскими и сербами и которые не боятся возбуждать монголов и негров против белой расы, предлагая таким образом цивилизованному миру зрелище самое постыдное, какое только можно представить, являются, несомненно, последними, которые имели бы право претендовать на роль защитников европейской цивилизации.

Не правда, что борьба против так называемого нашего милитаризма не направлена против нашей культуры, как утверждают наши лицемерные враги. Без нашего милитаризма наша цивилизация была бы давно уничтожена. Для ее поддержки и создан этот милитаризм в нашей стране, более других подверженной опасности нашествия, которая повторялась из столетия в столетие. Германская армия и германский народ — одно и то же. В этих чувствах единства и братаются ныне миллионы населения, без различия степени культуры, класса и партии.

Ложь—ядовитое оружие, которого мы не можем вырвать из рук наших врагов. Мы только можем громко перед всем миром заявить, что они представляют против нас ложные свидетельства.

Вам, которые нас понимают и которые, как и мы, были хранителями самых дорогих для человечества благ, мы кричим: „Верьте нам. Верьте, что в этой борьбе мы до конца пойдем, как народ цивилизованный, как народ, которому наследие Гете, Бетховена и Канта так же священно, как его земля и его родной очаг. За это мы вам отвечаем нашими именами и нашей честью.

Под этим манифестом подписалось 93 самых известных в Германии представителей науки и искусств, среди которых мы находим мировые знаменитости, людей, осчастлививших в свое время человечество своими открытиями. Но как только началась война, они нашли возможным доказывать, что эта война—„справедливое и хорошее дело", что Германия защищается в навязанной ей борьбе, что на нее напали „из-за засады" три великие державы, что Вильгельм отличался во всю свою жизнь „непоколебимой любовью к миру", что „без нашего (германского) милитаризма наша цивилизация была бы давно уничтожена", что этот милитаризм, оказывается, был создан „для поддержки цивилизации". Читая эти рассуждения о связи милитаризма и цивилизации, вспоминаешь, что глубоко прав был тот корреспондент английской буржуазной газеты, который, как мы видели в начале книги, несмотря на всю его преданность буржуазным порядкам, вынужден был говорить о „гнусности цивилизации".

МАНИФЕСТ ФРАНЦУЗСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Немецкие университеты только что протестовали против обвинений, которые вызвала Германия со времени начала войны. Французские университеты ограничатся со своей стороны следующими вопросами:

Кто хотел войны? Кто в течение короткого времени, пока еще были возможны переговоры, употреблял все усилия к тому, чтобы найти какую-нибудь примиряющую формулу? Кто, напротив, упорно отклонял все те предложения, которые исходили из Англии, России, Франции и Италии? Кто в тот самый момент, когда, казалось, уже стало возможно предупредить конфликт, обрушил на мир войну, как будто не желая упускать удобного и давно ожидаемого момента? Кто нарушил нейтралитет Бельгии, хотя сам же раньше этот нейтралитет гарантировал своей подписью? Кто выразился по этому поводу, что нейтралитет не более, как слово, что „трактаты"—это клочки бумаги, что в военное время надо пользоваться „всеми возможными средствами"? Кто нисколько не считается с международными соглашениями, в силу которых договаривающиеся стороны обязались не пользоваться такими сред-

ствами, которые можно было бы считать проявлением „варварства“ или „вероломства“, обязались далее относиться с уважением к историческим памятникам и церковным зданиям, зданиям, служащим целям науки, искусства и благотворительности, кроме тех случаев, когда враг стал бы пользоваться такими зданиями для военных целей? При каких условиях был уничтожен университет в Лувене? При каких условиях был сожжен собор в Реймсе? При каких условиях были брошены бомбы в собор Парижской богоматери?

На эти вопросы надо отвечать фактами.

Ведь уже теперь вы можете пользоваться разными опубликованными документами, результатами анкет, произведенных лицами, принадлежащими к странам нейтральным, свидетеоьствами, извлеченными из записных книжек немцев, наконец, свидетельством руин Бельгии, руин Франции.

Таковы наши доказательства, таковы наши аргументы. Чтобы их опровергнуть, недостаточно, как это сделали некоторые представители немецкой науки и искусства, ссылаться на отрицания, подкрепленные одним только „честным словом“. Недостаточно так же, как это сделали немецкие университеты, заявить только: „вы знаете, как у нас поставлено образование, мы не могли готовить варваров“.

Мы хорошо знаем цену этого образования, но нам известно также, что, порвав с традициями Лейбница, Канта и Гете, немецкая мысль провогласила себя солидарной с прусским милитаризмом, мало того, ему подчиненной, ему служащей, и что, увлекаемая последним, она претендует на мировое господство.

Доказательств для этого более, чем достаточно. Еще на-днях один из столпов Лейпцигского университета писал: „Ведь на наши плечи возложенно все бремя защиты и охраны будущей культуры Европы“. Не так смотрят на это университеты Франции. Они думали и продолжали думать, что цивилизация, культура есть результат работы не одного какого-нибудь избранного народа, что она результат труда всего человечества, что умственное и нравственное достояние человечества создается естественным разнообразием в дарованиях народов, что независимость нужна для проявления гения каждой национальности. Заодно с армиями союзников французские университеты защищают дело свободы мира.

Под этим воззванием имеются подписи всех университетов Франции. Из него мы узнаем совсем противоположное тому, что писали немецкие ученые. Оказывается, что не на Германию напали, а сама Германия напала, что все жестокости войны исходят от этой страны, а вот французские университеты, те чище снега Альпийских вершин, потому что „заодно с армиями союзников защищают дело свободы мира“.

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ УЧЕНЫХ

...Нам больно видеть под обвинительным актом против Великобритании имена многих германских профессоров и людей науки, которых мы уважаем, с которыми мы связаны в иных случаях узами личной дружбы. Выдвинутые ими против Великобритании обвинения настолько неосновательны, что мы с трудом верим, что это воззвание выражает их твердое, обдуманное мнение. Мы не сомневаемся ни на минуту в их личной искренности, когда они выражают ужас перед войной или свое внимание к „приобретениям культуры"...

Мы должны также отметить, что только германские армии в настоящее время занимаются обдуманным разрешением и бомбардировкой таких памятников человеческой культуры, как библиотека Лувена, как соборы Реймса и Малина.

...Нет сомнения, что людям трудно отнестись беспристрастно к спору, в который замешана их страна. Тем не менее обязанность ученых—убедиться в тех фактах, о которых они говорят. Германская „Белая книга" содержит только скудные и тщательно подобранные выборки из предшествовавшей переписки. Мы смеем надеяться, что наши германские товарищи рано или поздно добьются доступа к этой корреспонденции в целом и тогда составят себе на основании ее независимое мнение.

...Германские профессора, как кажется, считают, что в университетском мире Великобритании многие симпатизируют Германии. Это полное недоразумение. Никогда еще наша страна не была так единодушна в вопросе политики. Мы глубоко уважаем германскую науку. Мы связаны с Германией узами дружбы, уважения и любви. Но глубоко скорбим, что Германия, которую мы уважаем, под влиянием своей милитаристской системы и мечтаний о завоеваниях заняла положение общего врага всей Европы. Войну, которая теперь началась, мы должны довести до конца. Для нас, как и для Бельгии, это—война оборонительная, война во имя свободы и мира.

Немецким ученым достается от их английских собратьев. Английские ученые ни минуты не сомневаются в том, что обвинения, выдвинутые немецкими учеными против Англии, не основательны, что милитаризм свойствен только одной Германии. Они смело заявляют, что для англичан, как и для Бельгии, „это—война оборонительная, война во имя свободы и мира". То, что Англия была всегда первой хищницей в мире, что она смертельно боялась Германии и ненавидела ее, как опасную конкурентку, что „война за свободу и мир" влечет за собой истребление миллионов людей, об этих „пустяках" английские ученые „забывают" упомянуть. И хорошо делают, что забывают, так как это наверно придется не по вкусу хозяевам Англии—крупным капиталистам—и рассердит их.

ПРОТЕСТ РУССКИХ УЧЕНЫХ

Три месяца войны с достаточной полнотой обрисовали характер и способ ее ведения союзными Германией и Австро-Венгрией: нет такого правонарушения, которого не совершали бы правительства и военные силы этих союзниц. Начав свое вооруженное выступление ничем неоправдываемым нарушением нейтралитета Бельгии и Люксембурга, союзницы повели военные действия с совершенным пренебрежением к требованиям веками освященного обычного права войны в международном конвенте, скрепленных подписями представителей воюющих с нами империй: осквернение и поругание христианских святынь и обстреливание подвижных и полевых лазаретов „Красного Креста", употребление разрывных пуль, злоупотребление белым флагом и национальными флагами своих противников, жестокости и зверства в отношении раненых, военнопленных и мирного населения, уничтожение памятников и сокровищ науки и художественной старины, бесцельное разрушение городов, грабеж частной собственности—вот яркие образчики преступных бесчинств, которые дозволяют себе наши враги.

Мы ожидали, что если не в Австро-Венгрии, то в Германии, кичащейся своей культурой, это гнусное поведение правительства и войск вызовет осуждение, по крайней мере, со стороны просвещенных людей. Мы ошиблись. Вместо осуждения мы услышали оправдание и одобрение преступных деяний даже со стороны пасторов, немецких ученых и писателей. Мы вправе поэтому говорить уже не о случайных гнусностях отдельных лиц или отдельных войсковых частей, мы вправе думать, что к позорному вооруженному разбою, который немцы хотят называть войной, причастны представители всех слоев немецкого народа. Полувековой культ бронированного кулака не прошел безнаказанно: Германия Канта и Фихте, Гете и Шиллера, звавших к добру и совету, отошла в прошлое.

Мы уверены, что доблестное воинство наше и наших союзников сумеет покарать преступников, оставаясь в ореоле благородства, чести и неомраченной славы. Но в ожидании желанного и грозного часа расплаты, во имя заветов божественного учителя, во имя всего прошлого христианской культуры, во имя светлых идеалов современной цивилизации, мы возвышаем свой негодующий и протестующий голос против деяний варваров двадцатого века.

Русские ученые не отстают от французских и английских и, как требовалось в то время для пользы буржуазии и войны, сыплют все обвинения на Германию и ее ученых.

Бог призывается в свидетели того, что немцы превратили войну в разбой, и весь протест об'являетея писанным во имя христианского человеколюбия. Конечно, и русские ученые „забывают" указать на многие „пустяки": на то, что Россия вмешалась в спор Австрии с Сербией, что она об'явила мобилизацию едва ли не первой, что Россия давно готовилась к войне и что французский союз был исключительно воен-

ным союзом против Германии и т. д. „Забыли“ русские ученые указать и на другие пустяки, которые тоже заслуживали бы внимания с точки зрения „заветов божественного учителя“: что заняв Галицию, принадлежащую Австрии, русское правительство начало свое хозяйничание с еврейских погромов и изгнания оттуда нескольких тысяч беднейших еврейских семей, огульно обвиненных в шпионстве, что тысячи семей были по тому же ничем не доказанному, гнусному обвинению изгнаны из Прибалтийских губерний, что исход семей представлял собой ужасную картину ни с чем не сравнимых мук более чем десятка тысяч людей, в том числе женщин и детей и т. д. О прошлых „подвигах“ русского царя ученые и подавно не упоминают: они забыли о преследовании рабочих и крестьян, о тысячах людей, боровшихся за освобождение трудящихся и за это расстрелянных по приговорам военно-полевых судов царского правительства или брошенных на каторгу и в тюрьмы; о девятом января и ленских расстрелах, о еврейских погромах, устраиваемых царской полицией, и т. д.

Приведенный выше протест русских ученых исходил от правых профессоров, т. е. от профессоров, принадлежавших к правым партиям. Так называемые левые профессора, члены либеральных партий, в свою очередь выпустили протест, в котором, подобно другим ученым, винили во всех смертных грехах только одну Германию и заявляли, что видят свою честь „в горячем протесте против германского милитаризма и в защите попранной правды“. Чтобы покончить с протестами ученых, всецело перешедших в лагерь своей буржуазии и великолепно использованных этой буржуазией для оправдания преступлений войны, затеянной ею, добавим, что немецкие университеты настолько склонили свою голову перед бронированным кулаком, что избрали главнокомандующего немецкой армией фельдмаршала Гинденбурга „за его почетные заслуги“ доктором прав германских университетов. От них не отстали французские и русские университеты: главнокомандующий французской армией „мясник“ Жоффр и главнокомандующий русской армией Николай Николаевич наперебой избирались университетами почетными членами, докторами прав и всяких наук. Не правда ли, великолепная картина великой цивилизации XX века, которою так гордится буржуазия всех стран? Убийцы миллионов людей, главные ремесленники войны—в роли почетных членов университетов, знаменующие союз буржуазной науки с военщиной, истребляющей трудящихся и в мирное время, и на войне...

Использование буржуазией всех средств для войны выразилось, между прочим, не только в использовании ученых и университетов и в использовании социалистов, о чем речь еще впереди, но и в широком использовании печати, того орудия духовного порабощения широких масс, которым буржуазия в мирное время пользуется для удержания своего господства над трудящимися. Нижеприводимые отрывки поясняют, как работала и успевала буржуазия в этой области.

ГАЗЕТА В БУРЖУАЗНОМ ОБЩЕСТВЕ

(П. Керженцева. „Газета“).

Хотя газета живет только один день, точнее всего несколько часов, хотя газетные строки читаются всего один раз и не перечитываются, — нет печатного слова, которое бы действовало сильнее на читателя, чем газетный материал, точно так же, как нет никаких печатных произведений, которые бы читались с большим вниманием и таким грандиозным количеством читателей всякого рода...

В эпоху мировых кризисов и революций и тираж, и значение газет возрастают с особенной быстротой. Лихорадочный темп событий привлекает к газете специальное внимание. Газета становится фокусом, который концентрирует все лучи читательского внимания и интереса.

Это позволяет прессе являться законодателем общественного мнения. Путем сознательного подбора фактов, благодаря замалчиванию одних событий и подчеркиванию других, вследствие искусного освещения происходящего, буржуазная печать современности диктует широким массам свою идеологию, а господствующие классы—свою волю.

И надо призвать, что буржуазная печать приобрела большое искусство в области замалчивания, искажения или ложного освещения фактов...

Уже давно минуло то время, когда периодическая печать была отражением мнений отдельных талантливых журналистов, когда газета или журнал созидались вокруг одного крупного литературного имени, задававшего тон изданию. Такие газеты и издания исчезли в буржуазном обществе без остатка. Отдельный писатель уже не имеет возможности влиять на общественное мнение при помощи какого-то „своего“ издания. Общие условия капиталистического хозяйства и, в частности, исключительная дороговизна технического оборудования газеты свели на-нет такие попытки. Теперь газеты всегда являются собственностью партий, синдикатов, крупых финансистов, банков и т. д. За всяким газетным предприятием неизбежно стоит предприниматель или какая-либо социальная группа, а потому и общественное мнение, создаваемое ежедневной печатью, неизбежно отражает вкусы и симпатии этих владельцев газеты, чаще всего скрытых от взоров читателя за фиктивными, ничего не значащими именами редактора и издателя...

Газетные синдикаты в конечном счете руководятся крупными финансовыми тузами и финансовыми группами и являются послушными орудиями правящих верхов. В подготовке мировой войны газетная пресса, находившаяся на откупу у финансового капитала, имела значение исключительное. Эта империалистическая печать угодливо служила вождям тяжелой промышленности и воинствующим политиканам, развивая шовинистические чувства и распространяя фантастические сведения о внешних врагах и их коварных замыслах.

Все сотрудники буржуазных газет имеют всегда достаточно точные инструкции, не только какую линию вести, но и на какие социальные группы или на каких отдельных лиц можно нападать и какие являются для газеты неприкосновенными...

Правящие верхи имели возможность влиять на печать и на общественное мнение не только путем непосредственного руководства периодическими изданиями, но и просто благодаря подкупу печати. С полным правом первое место среди продажной печати мира должна занять французская печать. Недаром одна из газет Франции в один прекрасный день с гордостью заявила, что в „ее сегодняшнем номере нет ни одной неоплаченной строчки“, неоплаченной не редакцией, а редакции. Иными словами, за все, что в этот день газета поместила, начиная со статей, фельетонов, рецензий и кончая об‘явлениями, газета получила деньги со стороны лиц, заинтересованных в опубликовании материалов.

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕЧАТИ В ПОДГОТОВКЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(М. Павлович. „Мировая война 1914—1918 гг.“)

Нынешняя война явилась трагической необходимостью, роковым сюрпризом для современников...

Если франко-прусская война 1871 г., испано-американская 1898 г., англо-бурская 1899—1901 гг., русско-японская 1904 г., балканские войны 1912—1913 гг. явились неожиданностью для многих буржуазных публицистов и государственных деятелей, внимательно следивших за всеми событиями внешней политики масс Европы, того же нельзя сказать о мировой войне, в которой приняли участие величайшие государства Европы и всего земного шара. Буржуазная печать всех стран делала с своей стороны все от нее зависящее, чтобы внушить народным массам, глубоко вкоренить в их сознание идею о неизбежности кровавого конфликта между великими государствами Европы.

Чуть ли не каждый день в течение последних 44 лет буржузные газеты трубили о неотвратимости грозной войны, в которую будут втянуты все важнейшие страны Европы... В течение последних лет, предшествовавших роковым событиям 1914—1918 гг., вопрос о неизбежности мировой войны приобрел небывалую остроту и стал с особым усердием трактоваться в международной печати.

Французская печать ежедневно напоминала читателям о Танжере и Агадире и подчеркивала вызывающий образ действий германского правительства в марокском вопросе; германская печать, не уставая, писала о политике „окружения“, об аркане, который Англия, Франция, Россия набрасывают на шею миролюбивой Германии, чтобы задушить последнюю.

Нельзя не видеть, что значительная доля ответственности за войну 1914—1918 г.г. лежит на тех писателях и публицистах, которые годами ревностно подготовляли к мысли о „неизбежности“ и „неустранимости“ надвигающейся войны... Когда в течение десятков лет печать трубит о неизбежности войны, об опасности, грозящей со стороны соседнего народа, мысль о фатальной войне становится навязчивой, и наступает момент, когда ружья сами начинают стрелять.

Подчеркивая незадолго до войны ту опасность, которой грозит сохранению международного мира провокационная, алармистская кампания желтой прессы, автор приводил слова одного миролюбивого коммерсанта, сказавшего одному французскому депутату: „Я желал бы быть диктатором в течение 24-х часов. Я приказал бы расстрелять 20 журналистов немецких и 20 французских. К этому числу я присоединил бы нескольких важнейших дипломатов той и другой стороны— и международный мир был бы обеспечен на 50 лет“.

Само собой разумеется, что, подчеркивая роль желтой прессы в кровавых событиях 1914—1918 гг., мы этим самым не закрываем глаза на колоссальное влияние тех экономических факторов, которые явились движущей причиной всей этой кампании и были основной причиной этой страшной войны, в которую оказались втянутыми 13 государств. Буржуазный мир дышит войной и насилием, несет в самом себе зерна новых и новых конфликтов.

БУРЖУАЗНАЯ ПЕЧАТЬ НАКАНУНЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(М. Павлович. „Мировая война 1914—1918 гг.“)

Недаром накануне войны буржуазная печать каждой страны с таким рвением сеяла панику в населении, рисуя призрак неизбежного нападения на „отечество“ со стороны того или другого врага, не заикаясь, конечно, ни словом о собственных приготовлениях к нападению на соседа. Это усердие буржуазной прессы об'яснялось, во-первых, тем, что страх населения перед неприятельским нашествием, сделался выгодной статьей, которая приносила ежегодно громадные барыши металлургистам и пушечным королям, благодаря непрерывным и все возраставшим кредитам на новые и новые вооружения; во-вторых, самый этот страх народных масс перед перспективами кровавой бойни, мучительная неизвестность завтрашнего дня, длительный, казавшийся бесконечным период всеобщей тревоги порождали в широких слоях населения каждой страны глухое раздражение против „внешнего врага“, разжигали и обостряли озлобление против соседнего государства и создавали крайне удобную психологическую почву для распространения всякого рода нелепых легенд о вражеских кознях, для массовых нервных припадков и неожиданных импульсивных движений, содействовавших видам правящих классов. В этом отношении роль буржуазной прессы в прово-

цировании нынешней войны была ужасающая. Вся свобода ... накануне мировой войны фактически выразилась в полной свободе для таких газет, как „Новое Время“, „Русское Слово“ и т. д. в России, „Матен“, „Журналь“ и т. д. во Франции, „Берлинер Тагеблат“ в Германии, „Таймс“ в Англии, подготовлять кровавую баню, провоцируя один народ против другого сокрытием преступлений в области внешней политики правительства своей страны и подчеркиванием империалистических планов правительства другой. По своему моральному содержанию буржуазная свобода печати явилась таким же преступлением, как свобода торговать опиумом, спиртными напитками и др. опасными для жизни и здоровья населения продуктами. И в преступном деле провоцирования мировой войны, стоившей пока человечеству около 25 миллионов человеческих жизней и более 1.500 миллиардов франков на военные расходы, корреспонденты и сотрудники многочисленных буржуазных газет всех стран старались не уступить друг другу в выдумке всякого рода сенсационных новостей, в разжигании национальных страстей—одним словом, в создании во всех государствах удобной психологической почвы для облегчения правительству возможности об'явить войну соседней стране в любой момент. Война 1914—1918 гг. доказала, что сохранение мира между народами немыслимо без обуздания буржуазной печати, без ограничения ее свободы отравлять народные массы ядом шовинизма и провоцировать массовые убийства в форме кровавых конфликтов, уносящих миллионы человеческих жертв в угоду пушечным королям Круппам, Тиссенам, Армстронгам и другим вдохновителям желтой печати.

В доказательство того, что газеты играли во время войны роль ревностных помощников буржуазии, разжигающих страсти и натравливающих население одной страны против другой, мы приведем три выдержки из либеральных русских газет, которые называли себя до войны сторонниками „демократии“ и прочих прелестей буржуазной свободы. Одна из этих газет, „Русское Слово“, издавалась в Москве разбогатевшим от ее издания и издания книг Сытиным и во время войны печатала ежедневно до миллиона экземпляров, разносивших отраву по всей стране. Подвиги газеты во время войны были настолько оценены правительством, что когда праздновался юбилей издателя, кровавый Николай—последний русский царь—прислал ему через московского градоначальника поздравление и свой портрет в раме, усыпанной, кажется, еще вдобавок бриллиантами. „Русские Ведомости“ считались „профессорской“ газетой (большинство сотрудников—профессора) и притом слыли за свободолюбивую газету. Что касается газеты „День“, то она очень близко примыкала к меньшевикам. Вот что писала эта благочестивая тройка.

«РУССКОЕ СЛОВО» О ПРИЧИНЕ И СМЫСЛЕ ВОЙНЫ

Германия напала на Россию, не выставив никаких требований, кроме прекращения мобилизации, и нарушив таким образом Гаагскую конвенцию 1907 года. Молниеносные удары бронированного кулака для немцев гораздо важнее, чем жалкие клочки бумаги; хотя бы и скрепленные подписью уполномоченных императора Вильгельма. Этот грубый вызов через 2 дня после пламенных уверений в миролюбии показывает, чего мы можем ждать от германских вождей. Война будет беспощадная и безжалостная, и там, куда занесут ногу тевтонские (немецкие) поляки, не должно оставаться камня на камне. Несколько дней назад по всей Германии пронесся вихрем взрыв дикой, беспричинной ненависти к России и всему русскому. Нам навязывают свирепую расовую войну. Побежденные в этой войне будут уничтожены, если не поголовно, то как нация, и вся их культура будет сметена с лица земли. Как сто лет назад, русскому народу предстоит вести вторую Отечественную войну.

... Вставай же, великий русский народ. История зовет тебя совершить великий русский подвиг, перед которым побледнеет все, что когда-либо видел мир. Мы должны бороться не только за свою честь, попранное право и справедливость, но и за самое свое существование, как государства и народа. Мы будем бороться за светлое будущее всего человечества, за уничтожение чудовищного гнезда милитаризма и за освобождение великого немецкого народа от ига тупого юнкерства. И кому суждено пережить эту величайшую эру всемирной истории, тот увидит осуществление самых пылких мечтаний о братстве народов и о царстве мира, правды и любви. Если когда-либо свет воссияет миру с востока, то или теперь, или никогда. Не будем же останавливаться на полдороге. Святое дело освобождения человечества от бремени насилия и вечных угроз должно быть доведено до конца. Страшны жертвы, труден путь, но велика награда.

(20 июля 1914 г.))

«РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ» О ПРИЧИНЕ ВОЙНЫ

Решительный час пробил. Германия, не дожидаясь исхода переговоров, об'явила войну России. Австрия первая приложила старания к тому, чтобы зажечь общеевропейский пожар, Германия сделала окончательный шаг в этом направлении. Все поведение этих держав показывает, что австро-сербский конфликт был лишь предлогом, искусственно созданным в качестве вызова для России. Сербия сразу пошла на уступки, Россия своим посредническим представлением в Вене достаточно засвидетельствовала о полном отсутствии у нее завоевательных стремлений, нейтральные государства, как Англия, прилагали все усилия к тому, чтобы успокоить разгоревшиеся страсти и решить

конфликт мирным путем на общеевропейской конференции. И все это оказалось тщетным. Австрия и Германия отклоняли одно за другим делавшиеся им примирительные предложения и настойчиво шли к поставленной себе цели. Они не убоялись великой ответственности перед беспристрастным судом истории и навлекли на Европу потрясения, которые она еще никогда не испытывала. Им нужна была война, они ее хотели и к ней стремились, и они достигли поставленной себе цели. Сейчас не известны их точные расчеты, не известно, почему они сочли наиболее удобным для войны именно настоящий момент; это неизвестно, да и не важно. Важен факт сознательного стремления вызвать войну, а этот факт не подлежит теперь никакому сомнению.

Россия не искала войны и к ней не стремилась. Помимо своей воли она вовлечена в кровавую распрю.

Сознание, что Россия не только неповинна во вспыхнувшем европейском пожаре, но и что она всеми мерами старалась предотвратить его, что в событиях последних дней она стояла за интересы права и культуры и что теперь дело идет о защите отечества от напавшего на него врага,—это сознание создает великую нравственную силу, которая сплотит всех русских без различия мнений в единое могучее целое. Россия мужественно идет навстречу грядущему и каждый из нас исполнит свой долг.

(20-го июля 1294 г.).

«ДЕНЬ» О ПРИЧИНАХ И ИСТОРИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В сердце Европы, а стало быть, и в сердце цивилизованного мира, возник вооруженный лагерь—Германия.

Сдавленный со всех сторон соседями, германский вооруженный лагерь развил в себе большое напряжение духовное и также техническое, обложился изнутри стальной щетиной и теперь заявляет притязание на владычество в мире. Он перебрасывает все свои силы по внутренним линиям, миллион штыков в шесть дней с Рейна на Вислу. Словно гнездо легендарного Соловья-разбойника он залегает на скрещении торговых путей и телеграфных линий. Вот и теперь телеграммы из Парижа и Лондона стали приходить к нам через Швецию и даже через Египет.

Бебель на фабрике Круппа под указкой Мольтке—это современная Германия.

Лучшие мысли ее отравлены жаждой власти. В жилах ее кровь струится с примесью нитроглицерина. Словно живая мелинитовая бомба, заложенная в сердце Европы...

Берлин заявляет претензию сделаться мозгом человечества, по преимуществу технически-военным. Та мечта, которою грезил Александр

Македонский, на которой сорвался Наполеон, встает перед нами теперь как призрак, закованный сталью. Германия трудилась над ней полвека с точностью живой машины и с упорством одержимого...

Но если она победит, то вместо всемирного братства, о котором мечтают пророки, будет всемирное рабство, империя невиданной силы, владычество избранной нации, которая и ныне считает себя сверхнародом, аристократией блондинов, сливками белой расы, и соседей своих рассматривает, как нации низшего сорта.

Германия, всемирный чемпион, в погоне за военными рекордами, обрезала тонкую нитку, на которой висел над землей угрожающий меч равновесия Европы...

Болгарский Фердинанд, воин и дипломат, является пародией немецкого Вильгельма.

Болгария, срединная в Балканском сплетении, служит как будто моделью срединной Германии. Помните, как весь мир удивлялся болгарской подготовке, крепко организованной армии, искусной дипломатии и даже бесцеремонности, с которой она нарушала, не хуже Германии, простейшие нормы права народов...

Болгария стала для мира наглядным предостережением и ныне восседает у разбитого корыта. Навеки погибла ее мечта о гегемонии на Балканах.

Дай бог, чтобы тоже случилось с Германией и со всеми ее [redacted]

Газеты, выдержки из которых мы приводили, до войны считались, как мы уже говорили, свободолюбивыми и даже, в особенности „День" и „Русские Ведомости", выступали против царизма. Но стоило начаться войне, и газеты пали ниц перед троном самодержавного русского царя и с лакейским усердием стали лизать военный сапог русского правительства, не без успеха помогая ему одурачивать массы населения и посылать на убой миллионы русских рабочих и крестьян. Мы в особенности обращаем внимание на то, что писала газета „День". Эта газетка воскресла теперь за-границей и столь же усердно, как она служила в свое время воюющему царю, служит теперь белогвардейцам, клевеща на Советскую Россию и обливая помоями русских рабочих и крестьян, взявших власть в свои руки.

Не бесполезно будет привести еще один маленький образчик того, как изображали буржуазные газеты происходившее на войне:

„Распространение ложных известий—говорит Нитти—также принадлежит к числу военных приемов.

Весь мир думал долгое время, что немецкие солдаты отрезывают руки бельгийским детям. В настоящее время мы знаем, что в Бельгии нет и никогда не было детей с отрубленными руками и что все

сообщения об этом газет и телеграфных агентств были только военной ложью". Нитти, о книге которого мы говорили, имеет в виду те невероятные обвинения, которые сыпались газетами Антанты на немецкие войска за исключительно будто бы им присущую жестокость и зверство. Как фабриковались все эти известия и какая цена всем военным сообщениям буржуазных газет воюющих стран, насквозь пропитанных ложью и угодничеством перед хозяевами-капиталистами, видно из приводимого отрывка.

ФАБРИКАЦИЯ ЛЖИВЫХ ИЗВЕСТИЙ ГАЗЕТАМИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

(П. Керженцев. „Газета").

В Париже издана работа в семь томов под заглавием „Ложные новости о войне". В этой своеобразной работе автор подобрал довольно большую коллекцию многочисленных ложных сообщений о мировой войне, но надо заметить, что при этом он, главным образом, старался цитировать немецкие ложные сообщения, обходя молчанием ложные сообщения союзников, число которых составляло бы тоже не меньше семи больших томов.

Во время войны немецкая газета „Кельнише Цейтунг" поместила такую заметку: „Когда стало известно о падении Антверпена, колокола церковные зазвонили" (разумеется, в Германии). Парижская „Матен" через пару дней напечатала это сообщение в такой редакции: „Согласно сообщению „Кельнише Цейтунг", когда Антверпен был взят, то его духовенство заставили звонить в колокола".

Через несколько дней английская газета „Таймс" то же сообщение дает в такой редакции: „По сведениям „Матен", полученным из Кельна, бельгийские священники, которые отказывались звонить в колокола после взятия Антверпена, были удалены со своих должностей".

Итальянская печать не осталась в долгу: „Корьера де-ла-Сера" напечатала: „По сведениям, полученным „Корьера де-ла-Сера" из Кельна через Лондон, подтверждается сообщение, что варвары-завоеватели Антверпена решили наказать несчастных священников за их героический отказ звонить в церковные колокола и повесили их вниз головой, как живые языки для колоколов"...

В заключение мы приводим отрывок из книги известного французского писателя, сторонника Коммунистического Интернационала, Анри Барбюсса—„В огне" (дневник одного взвода), о которой Горький говорит: „В этой книге, удивительно простой и беспощадно правдивой, рассказано о том, как люди разных наций, но одинаково разумные, истребляют друг друга, разрушают вековые плоды своего каторжного и великолепного труда, превращая в кучи мусора храмы, дворцы, дома,

уничтожая до тла города, деревни, виноградники, как они испортили сотни тысяч десятин земли, прекрасно возделанной их предками и ныне надолго засоренной осколками железа и отравленной гнилым мясом безвинно убитых людей".

Отрывок изображает посещение французских окопов журналистами и оценку, данную им и газетам солдатами, оценившими ужасы окопной жизни и войны. К сожалению, только после этих ужасов и то очень немногие трудящиеся знают настоящую цену буржуазной печати.

СОЛДАТЫ В ОКОПАХ О ГАЗЕТАХ

(Анри Барбюсс: «В огне»).

...Некоторые из группы (журналистов) поворачивают головы в нашу сторону. Один господин, в мягкой шляпе и в галстуке бантом, направляется к нам. У него седая бородка; он кажется артистом или художником. За ним следует другой, в черном пальто, в черном котелке, в черной бороде, в белом галстуке и в очках.

— А,—восклицает первый из них,—вот они, пуалю (немцы)... Это настоящее пуалю.

Он подходит к нам, слегка робеет, точно в зоологическом саду, и протягивает руку тому, кто поближе. И делает он это так неловко, как если бы давал кусок хлеба слону.

— Хи-хи, они пьют кофе,—замечает он.

— У нас это называется соком,—поправляет его человек-сорока.

— Вкусно, друзья мои?

Солдат, так же оробевший от этой странной встречи, что-то бормоча, смеется и краснеет, а господин хихикает.

Затем кивает головой и пятится назад.

— Очень хорошо, очень хорошо, друзья мои! Вы храбрецы!

Группа, составленная из нейтральных оттенков штатского платья, в которое вкраплены более яркие военные цвета, точно герани и гортензии на темном фоне клумбы, проходит и удаляется в противоположную сторону. До нас доносятся слова офицера:

— Нам еще многое предстоит осмотреть, господа журналисты.

Когда блестящая свита исчезает, мы переглядываемся. Постепенно вылезают и те, кто попрятался. Люди приходят в себя и пожимают плечами.

— Это журналисты,—замечает Тиретт.

— Журналисты, говоришь?

— Ну да, те самые птички, которые высиживают газеты. Ты как будто не совсем понимаешь, китаец: ведь для того, чтобы газеты выходили, нужны же люди, которые их пишут.

— Так это они набивают нам башку всякой дребеденью?—спрашивает Мартро.

Барк фальцетом начинает читать воображаемую газету, делая вид, будто держит ее перед носом:

„...Кронпринц рехнулся, после того, как был убит в начале войны, а пока он одержим всеми болезнями. Вильгельм умрет сегодня вечером и снова умрет завтра. У немцев нет больше снаряжения, они питаются деревом. Больше они не могут выдержать. По вычислениям компетентных людей, они в состоянии продержаться только до конца недели. Мы с ними справимся, когда захотим, не снимая ружья с плеча. Если мы не очень торопимся, то только потому, что у нас нет никакого желания расстаться с жизнью в окопах. Там очень хорошо. Проведена вода, есть газ и холодные души во всех этажах. Единственное неудобство только в том, что там слишком жарко зимой. Что же касается австрийцев, то они уже давно больше не выдерживают, они только притворяются". И вот пятнадцать месяцев, как это продолжается, а редактор говорит своим писакам: „Эй, вы, слуги верные, изложите мне все это в пять минут на всех четырех страницах, которые надо перемарать".

— Правильно,—говорит Фуйяд.

— Смеешься, капрал? Разве не верно все это?

— Кое-что верно, но вы преувеличиваете, братцы, и вы же сами первые захныкали бы, если бы вас лишили газет. Ведь, небось, когда приходит газетчик, вы все бросаетесь к нему и наперебой рвете газеты из рук.

— А тебе-то что до этого?—восклицает дядюшка Блор.—Ты вот все издеваешься над газетами. Лучше делай, как я: не думай о них.

V. Первый и второй Интернационал об империализме, милитаризме и грядущей войне

Мы напомним рабочим мира и, прежде всего, рабочим, идущим за социал-демократией, что главнейшие виновники этой войны — вожди социал-демократии.

Г. Зиновьев.

Речь на 5-м конгрессе Коммунистического Интернационала.

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ ОБ ИМПЕРИАЛИЗМЕ, МИЛИТАРИЗМЕ И ГРЯДУЩЕЙ ВОЙНЕ

В первой главе были изложены причины мировой войны и показано, как экономическое развитие с неизбежностью приводит буржуазию различных стран к столкновению из-за дележа тех областей, где в той или иной форме возможно получение сверх-прибыли. Во второй главе было показано, как эта политика буржуазии эпохи финансового капитала—империализм—влечет за собой милитаризм-горячку лихорадочного вооружения, помощью которого до поры до времени поддерживается „вооруженный мир", а затем начинает разрешаться спор буржуазии.

Главная масса тех миллионных армий (едва ли не девять десятых), которые с первых дней войны вводятся в бой, состоит из рабочих и крестьян, т. е. из трудящихся. С первого дня войны одетые в солдатские шинели, трудящиеся разных стран взаимно истребляют друг друга, на радость буржуазии, которая уменьшает таким образом число своих классовых врагов, помимо того, что кровью и муками трудящихся она добивается осуществления своих классовых целей, стоящих в полном противоречии с классовыми целями этих трудящихся. Само собой напрашивается вопрос: а что же трудящиеся? Каким образом буржуазии разных стран удается увлечь их на взаимное истребление? Ответ на эти вопросы есть изображение одной из самых трагических сторон мировой войны—картины того, как рабочий класс был предан своими вождями, был предан теми, которые, завоевав его доверие, использовали это доверие с одной целью: помочь буржуазии своей страны обмануть трудящихся и вовлечь их в войну, которую эта буржуазия затеяла против буржуазии чужой страны. Этому ответу будет посвящена отдельная глава книги. Для того же однако, чтобы были ясны размеры предательства и чтобы была оценена та кровавая бездна, в какую увлекли рабочий класс вожди, необходимо предварительно осветить вопрос о том, что говорили вожди рабочему классу о войне и ее подготовке до того, как началась война, и до того, как они в каждой стране начали

благословлять оружие своей буржуазии и жаждать его победы, хотя бы путем истребления штыками, пулями, пушками и газами воюющих рабочих и крестьян другой страны.

Приводимые ниже отрывки, относящиеся к эпохе первого и второго Интернационала—международного об‘единения трудящихся—показывают, что война отнюдь не явилась неожиданностью для вождей второго Интернационала, что они отлично уясняли себе, отчего возникают войны в капиталистическом обществе, что такое империализм и милитаризм и чего следует ждать рабочим всех стран от бешеного роста вооружений. Больше того: они даже разработали едва ли не программу действий на случай об‘явления войны, программу, которую они обещались пустить в ход, едва только они почувствуют угрозу войны.

РЕЗОЛЮЦИЯ ВТОРОГО КОНГРЕССА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ АССОЦИАЦИИ В ЛОЗАННЕ

(1867 г.)

Война своею тяжестью ложится главным образом на рабочий класс, не только лишая его средств к существованию, но и принуждая его проливать свою кровь. Вооруженный мир парализует производительные силы, требует от труда производства бесполезных предметов и держит под страхом военной угрозы все производство. Мир, являясь первым условием всеобщего благосостояния, должен быть в свою очередь закреплен порядком вещей, не допускающим более деления общества на два класса, из которых один эксплоатируется другим. Первой и главной причиной войны является пауперизм и отсутствие экономического равновесия; для уничтожения войны не достаточно лишь распустить армии, но необходимо еще изменить общественный строй в смысле все более и более справедливого распределения продуктов производства.

Это постановление, относящееся к эпохе I Интернационала, не имеет еще выдержанного классового характера. Указывая, что „война своей тяжестью ложится на рабочий класс“, оно вместе с тем говорит не об уничтожении капитализма, а всего на всего об изменении общественного строя „в смысле все более и более справедливого распределения продуктов производства“.

Гораздо более решительный характер имеют постановления конгрессов II Интернационала. События, непосредственно предшествовавшие мировой войне, и самая война показали, что эта решительность не шла дальше постановлений и что она в какие-нибудь 48 часов сменилась не менее решительным переходом на сторону той буржуазии, которой резолюции угрожали громами и молниями.

РЕЗОЛЮЦИЯ ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КОНГРЕССА В БРЮССЕЛЕ

(1891 г.)

Конгресс заявляет, что гнетущий Европу милитаризм является роковым последствием постоянного состояния открытой или скрытой войны, навязанной обществу режимом эксплоатации одного человека другим и вытекающею отсюда борьбою классов. Всякие попытки, направленные к уничтожению милитаризма и к восстановлению мира между народами, какими бы благородными побуждениями они ни диктовались, окажутся утопичными и бесплодными, если оставят нетронутыми экономические корни зла. Одно лишь установление социалистического строя, уничтожающее эксплоатацию человека человеком, положит конец милитаризму и окончательно утвердит мир. Поэтому обязанность и интерес всех тех, которые желают уничтожить войну, должны побудить их вступить в Интернациональную Социалистическую партию, которая является истинною и единственною партиею мира.

На этом основании Конгресс, имея в виду теперешнее положение Европы, становящееся с каждым днем все более и более угрожающим, и шовинистическое подстрекательство правящих классов различных государств, обращается ко всем трудящимся с призывом протестовать путем беспрерывной агитации против воинственных поползновений и против союзов, которые этому покровительствуют, и деятельно работать, развивая пролетариат и создавая его интернациональную организацию, для ускорения торжества социализма. Конгресс утверждает, что в этом заключается единственное средство предотвратить катастрофу всеобщей войны, весь ущерб от которой должны будут нести рабочие, и перед лицом истории и человечества возлагает, во всяком случае, всю ответственность за то, что может произойти, на правящие классы.

РЕЗОЛЮЦИЯ ТРЕТЬЕГО ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КОНГРЕССА В ЦЮРИХЕ

(1893 г.)

Положение рабочих в случае войны точным образом определено в резолюции Брюссельского Конгресса по вопросу о милитаризме. Интернациональная революционная социал-демократия во всех государствах должна всеми силами восстать против шовинистических стремлений правящих классов, она должна все более и более укреплять тесные связи солидарности между рабочими всех стран; она должна неустанно работать над разрушением капитализма, который делит человечество на два больших враждующих лагеря и провоцирует один народ против другого. С падением классового господства исчезнет и война. Крушение капитализма означает собою всеобщий мир. Представители рабочих партий в собраниях, где рассматриваются законопроекты, должны

отвергать военные кредиты. Они обязаны беспрестанно протестовать против содержания постоянных армий и требовать разоружения. Всякая социалистическая партия должна оказывать содействие всем ассоциациям, имеющим целью установление всеобщего мира.

Резолюция II Конгресса говорит о милитаризме, являющемся последствием капитализма, об угрозе войны, но призывает „протестовать путем беспрерывной агитации“ и работать „для ускорения торжества социализма“. Буржуазия предупреждается об ответственности, которая падет на нее „за то, что может произойти“. Резолюция III Конгресса говорит уже „о необходимости неустанно работать над разрушением капитализма“, однако далее ограничивается предложением отвергать военные кредиты, протестовать против содержания постоянных армий и требовать разоружения. Зато резолюция IV Конгресса носит уже печать растущего классового сознания пролетариата.

РЕЗОЛЮЦИЯ ЧЕТВЕРТОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КОНГРЕССА В ЛОНДОНЕ

(1896 г.)

В период капитализма главными причинами войн являются не религиозные или национальные разногласия, но экономический антагонизм правящих классов различных государств, в который они вовлекаются самим способом производства. Подобно тому, как капитализм постоянно приносит в жертву жизнь и здоровье рабочих на поприще труда, он не испытывает никаких угрызений совести, заставляя их проливать свою кровь ради получения выгод путем завоевания новых рынков.

Поэтому трудящийся класс всех стран должен восстать против военного угнетения из тех же побуждений, как и против всех других форм эксплоатации со стороны правящих классов, жертвою которых он является. В этих видах он должен захватить политическую власть для того, чтобы уничтожить капиталистический способ производства и одновременно во всех странах отнять у правительств, являющихся орудиями капиталистического класса, средства к поддержанию современного порядка вещей.

Постоянные армии, содержание которых уже в мирное время истощает нации и стоимость которых оплачивается рабочим классом, увеличивают опасность войны между народами и особенно содействуют все более и более грубому угнетению рабочего класса во всех странах. Вот почему капиталистический класс остается так же глух к лозунгу „долой оружие“, как и к другим воззваниям к его гуманным чувствам.

Один лишь пролетарский класс может иметь серьезное намерение и возможность осуществить всеобщий мир.

МИЛИТАРИЗМ И ТРУДЯЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ

(А. Леонтьев. „Пролетарское юношеское движение").

Всей своей тяжестью милитаризм ложится на трудящиеся народные массы. Массы доставляют денежные средства для вооружений, массы составляют современную армию, массы же погибают на войне в угоду своим капиталистическим правителям. В довершение всего милитаризм является прекрасным средством для буржуазного государства против рабочих масс: известно, что армия, в особенности в мирное время, гораздо чаще употребляется против „внутреннего врага", чем против врага внешнего. А внутренний враг—это рабочее движение, это социализм.

Не удивительно поэтому, что социалистические рабочие партии всех стран давно ополчились против милитаризма. Борьба против милитаризма выражалась в протесте против чудовищных вооружений, в агитации за мир, в работе среди войск. Начав революционную агитацию в войсках, рабочие организации столкнулись с огромными, подчас непреодолимыми трудностями. А между тем, было крайне важно выбить из рук буржуазии то орудие колоссальной силы, каким является армия. Необходимо было сделать армию неспособной для „внутреннего употребления" против борющихся рабочих. Тогда вполне естественно возникла мысль о работе и агитации среди трудящейся молодежи до ее призыва в армию.

С другой стороны, рабочее юношество, выносившее всю каторгу военной службы на своих плечах, не могло не протестовать против нее, не бороться против милитаризма. Военный гнет, прибавившийся к гнету экономической эксплоатации и политического бесправия трудящейся молодежи, был также причиной возникновения юношеского движения.

Многие юношеские организации возникли главным образом для борьбы против милитаризма.

Так было, например, в Бельгии с образованием самой старой организации молодежи. В некоторых случаях юношеские организации создавались по почину социалистических партий с главной задачей борьбы против милитаризма. Это относится к скандинавским странам. Борьба с милитаризмом проводилась слабо лишь в трех странах, где этого не позволяли тяжелые политические условия, как, напр., в Австрии, где слишком силен был гнет Габсбургской монархии.

„Что организация молодежи борется против милитаризма, знает почти всякий ребенок. Милитаристическое воспитание молодежи в стремлении к шовинизму вело к слепой ненависти между народами; оно виновато, главным образом, в кошмарном преступлении, которое теперь опустошает землю и убивает лучших людей. Этой милитаристической подготовке к войне с.-д. союз молодежи противопоставляет социалистическую подготовку к миру" [1]).

---

[1]) В. Мюнценберг. „Программа свободной молодежи".

Но „социалистической подготовкой к миру“ — пропагандой антимилитаристических идей—работа юношеских союзов в этом направлении далеко не ограничивалась. Велась и более непосредственная антимилитаристическая деятельность, которая выражалась в демонстрациях протеста против военщины, в грандиозных многотысячных манифестациях юношей, протестовавших против военной службы. Особенно крупные демонстрации устраивались во время рекрутских наборов в Бельгии.

„По всему городу проходили шествия с красными знаменами с пением революционных песен, при чем участники одевались в траурное платье и надевали на шляпы креп. Первый из членов „Молодой Гвардии“ (так называется бельгийская социалистическая юношеская организация), которому нужно было вытаскивать жребий, вместо этого произносил зажигательные речи и отказывался тащить жребий, так что вместо этого подвергался зачислению в армию насильственно. Точно так же и другие члены „Молодой Гвардии“ следовали его примеру“ [1]).

Наконец, в некоторых случаях практиковалось уклонение от военной службы, как самый действенный метод борьбы.

ПРОПАГАНДА БЕЛЬГИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПРОТИВ МИЛИТАРИЗМА

(А. Леонтьев. „Пролетарское юношеское движение“).

Рабочий класс Бельгии и, прежде всего, его молодежь стремились к тому, чтобы вырвать у буржуазии силу, которую ей дает слепое повиновение одетых в мундиры пролетарских сынов.

Эту пропаганду значительно облегчает самая организация бельгийской армии. Она покоится на крайне утонченном „разделении труда“ между пролетарской (по составу) армией, которая должна, главным образом, выступать против внешнего врага, и только в случае крайности против внутреннего,—и армией буржуазной, так называемой „гражданской гвардией“, которую в первую очередь направляют против внутреннего врага и только в случае крайней нужды—против врага внешнего.

Каждый год в феврале жребий призывал на действительную военную службу около половины (13.000) всех двадцатилетних молодых людей.

Рекрут, вытянувший неблагоприятный жребий, может, однако, откупиться от службы, заплатив 1.600 франков, за которые правительство доставляет ему заместителя. Для этой цели правительство содержит особых агентов, их зовут в народе „торговцы душами, которые вербуют „добровольцев“ за премию среди беднейших сельских жителей или беднейшего населения города.

---

[1]) Г. Чичерин. „Очерки по истории юношеского Интернационала“, гл. I.

Таким образом действующая армия состоит исключительно из рабочих, которые слишком бедны, чтобы найти себе „заместителя“ за 1.600 франков.

Однако буржуазные сынки, которые вытянули благоприятный жребий или же „купили“ себе заместителя, зачисляются в гвардию. Во всех общинах с населением не менее 20.000 жителей эта гвардия числится только на бумаге, но в более крупных городах она очень деятельна. Упражнения происходят в вечерние часы и по воскресеньям.

Поскольку социалистическая пропаганда делала все более непригодной для правительства действительную армию, постольку правительство усиливало и все более милитаризовало буржуазную „гвардию“. У нее была отнята прежняя самостоятельность; затем усилена была дисциплина, усовершенствовано вооружение; во главе гвардии поставлены были, вместо прежних выборных офицеров, назначенные правительством и им оплачиваемые армейские офицеры.

Начиная со второй всеобщей забастовки (1902 г.), в защиту буржуазии стала всегда выступать „гражданская гвардия“, армию же больше не посылали против рабочих ни при одной забастовке. Гвардия доказала свою полную пригодность тем, что 18-го апреля 1902 г. она одним залпом убила в Лувене шесть бастующих рабочих.

Такое „разделение труда“, при всей его утонченности, является однако обоюдоострым. Действительная армия, которая набирается возмутительными, в высшей степени непопулярными „способами“, состоит исключительно из пролетариев, у которых относительно легко пробудить при таких обстоятельствах классовое сознание.

В этом—слабость бельгийской военной системы, а пропаганда „Молодой Гвардии“ старалась всячески ее использовать.

Она обращалась к молодым людям уже в тот момент, когда они впервые знакомились с постановлениями военных законов: один раз в январе-феврале при жеребьевке, второй раз—в сентябре-октябре при вступлении в казармы.

Собирались адреса новобранцев; по этим адресам рассылались (большею частью, по почте) газеты, нередко с приложением какой-нибудь летучки, или приглашения на собрание, на прощальный вечер в честь новобранцев. Кроме того на улицах и в собраниях продавалось огромное количество газет, расклеивались плакаты (большею частью с траурной каймой) и маленькие листки и раздавались тысячи летучек.

За несколько дней до жеребьевки всюду происходили собрания протеста. В более крупных городах накануне жеребьевки устраивались демонстрации, которые заканчивались большим народным собранием. В день жеребьевки во всех помещениях союзов вывешивалось красное знамя под черным флером. Перед ратушей, где происходила жеребьевка, ожидающим новобранцам продавали карточки с антимилитаристскими надписями, и молодые люди прикалывали эти карточки

к шляпам. Первый из членов „Молодой Гвардии", которому приходилось подойти к урне, передавал бургомистру, занимавшему председательское место, протест, подписанный многочисленными новобранцами, и протест этот должен был быть внесен в протокол. Членам „Молодой Гвардии" вменялось в обязанность отказаться вынимать номер из урны и громко заявлять о причине отказа.

Такие демонстрации отдельных новобранцев возбуждали всегда общее внимание. За них не полагалось никакого наказания, но виновников почти всегда очень грубо схватывали присутствующие в ратуше жандармы и сажали их в тюрьму на несколько часов. Тогда бургомистр вынимал за них номера из урн. В некоторых местах на жеребьевку являлись сомкнутыми рядами матери вместо сыновей: они приходили в траурных платьях. Во время жеребьевки на площади перед ратушей происходили собрания перед открытым небом. Повсюду раздавались социалистические и антимилитаристские песни.

ПРОТИВО-МИЛИТАРИСТСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ БЕЛЬГИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

(А. Леонтьев. „Пролетарское юношеское движение").

Наиболее ясное понятие о характере противо-милитаристской пропаганды бельгийской молодежи дает нижеследующее воззвание:

„Новобранец!

Завтра ты сделаешься солдатом. Но сегодня ты еще рабочий, и мы, молодые рабочие, можем говорить с тобою свободно, и вместе с нашим братским приветом мы даем тебе последний совет, прежде чем ты вступишь в казарму.

Когда по слепой случайности ты вытянул дурной номер, ты проклял позорный кровавый налог, который отрывает тебя от твоей семьи, от твоей возлюбленной, от твоей работы.

Твой дух возмущается против несправедливого закона, который заставляет тебя провести лучшие твои годы в казармах, в то время как сынки богачей откупаются несколькими золотыми, отчеканенными твоим потом, от того, что они называют „священным долгом".

Ты знаешь, что отправляешься в казармы, чтобы стать человеком, который по приказу начальства, без размышления и ропота убивает твоих собратьев, чтобы стать сторожевым псом правительства и предпринимателя, который обогащается на твой счет и на счет работы твоих братьев. В случае войны, забастовки или восстания тебе могут дать приказ стрелять в рабочих, таких же рабочих, как ты, чьи интересы и воля—твои интересы и твоя воля. Для этого ты идешь в казармы.

Когда ты туда попадешь, старайся исполнять возможно лучше твою службу. Ты этим много выиграешь и ничего не потеряешь. Веди себя хорошо, будь скромен и доброжелателен к товарищам; если ты выкажешь себя достойным и сознательным человеком, ты даже вызовешь уважение со стороны твоего начальства.

Не упускай при этом никакого случая раз'яснять твоим братьям, для чего они находятся в казарме, чему служит армия и чего от них требуют.

Тогда твоя ненависть против милитаризма не останется бессильной, ибо внутри, как и вне казармы, рабочие составляют большинство, и как только они это поймут, то сделаются величайшей силой.

Никогда не забывай, когда ты будешь стоять во время забастовки или восстания в рядах против твоих братьев рабочих, когда за твоей спиной будут револьверы офицеров, что рабочие всех стран имеют одно только знамя, одно только отечество и единственный лозунг „Да здравствует социализм"!

Фламандская федерация социалистической „Молодой Гвардии".

Выраженные в этом манифесте мысли служили всегда лейтмотивом пропаганды „Молодой Гвардии".

В то же время с'езд 1896 г. принял следующую резолюцию:

„Принимая во внимание, что на войне существуют только два враждебных класса, пролетариат и капиталистические угнетатели, с'езд обращается к социалистам всех стран с предложением организовать всюду рабочую молодежь в смысле антимилитаризма и интернационализма, чтобы сделать невозможной войну".

Тов. Ленин, как мы видели выше, относит империализм, как новейшую фазу капитализма, к XX веку. На пороге этого века резолюция Лондонского конгресса с определенностью говорит, что причинами войн является „экономический антагонизм правящих классов различных государств", т. е. та противоположность интересов государственно-монополистических трестов различных стран, которая, со слов теоретиков империализма, описывалась в первой главе. „Уничтожить же войны,—говорит далее резолюция,—возможно только уничтожением капитализма, для чего необходимо „захватить политическую власть". Еще более определенно выявляют отношение к империализму, милитаризму и грядущей войне резолюции Штутгартского и Копенгагенского конгресссов II Интернационала. Из них Штутгартская обращает на себя внимание, помимо остального своего содержания, и тем, что в ней впервые говорится о мерах, которые II Интернационал предпримет в случае угрозы войны, и о том, что он будет делать во время войны, если последняя возникнет, несмотря на все противодействие ей.

РЕЗОЛЮЦИЯ СЕДЬМОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КОНГРЕССА В ШТУТГАРТЕ (1907 г.)

Конгресс подтверждает резолюции прежних Интернациональных конгрессов по вопросу о борьбе с милитаризмом и империализмом и напоминает, что деятельность против милитаризма не может быть отделена от деятельности против капитализма.

Войны между капиталистическими государствами являются в общем последствием их конкуренции на мировом рынке, так как каждое государство стремится не только к обеспечению за собой известного рынка, но и к приобретению новых рынков, преимущественно путем порабощения другого народа и отнятия его территории.

Эти войны являются результатом непрекращающейся конкуренции, вызванной милитаристическими вооружениями, которые представляют собой одно из главных средств властвования буржуазии и экономического и политического порабощения рабочего класса.

Войны поддерживаются националистическими предрассудками, которые систематически культивируются в интересах господствующих классов для того, чтобы отвлечь пролетариат от его классовых обязанностей и от его долга международной солидарности.

Таким образом войны носят капиталистический характер и прекратятся лишь вместе с падением капиталистического строя или же тогда, когда необходимое для развития военной техники обилие жертв людьми и деньгами и вызванный вооружениями бурный протест заставят народы отказаться от этой системы.

Рабочий класс, из среды которого главным образом вербуются бойцы и который преимущественно и несет все материальные тягости войны, является естественным противником войны, так как она противоречит той цели, которую он преследует, т. е. созданию нового экономического строя, основанного на социалистических воззрениях и имеющего в виду осуществить в действительности солидарность народов.

Поэтому конгресс считает обязанностью всех рабочих и их представителей в парламентах всеми мерами бороться с вооружениями как на суше, так и на море, изобличая классовый характер буржуазного общества и мотивы, которые ими руководят при поддержании национального антагонизма, а также отказывать во всякой денежной поддержке такой политике и стараться, чтобы пролетарская молодежь воспитывалась в социалистических идеях братства народов и чтобы в ней постоянно поддерживалось ее классовое самосознание.

Конгресс смотрит на демократическую организацию системы милиции, которая должна заменить собою постоянные армии, как на реальную гарантию, которая сделает невозможными агрессивные войны и будет способствовать исчезновению национального антагонизма.

Интернационал не может наперед очертить в строго определенных рамках деятельность отдельных национальных партий, которая по необходимости должна быть различной, в зависимости от условий места и

времени, но он считает своим долгом, поскольку возможно, усиливать и координировать усилия рабочего класса, направленные против милитаризма и войны.

Действительно, со времени Брюссельского Интернационального конгресса пролетариат, ведя беспрестанную борьбу с милитаризмом путем отказа в разрешении военных и морских кредитов и путем стремления к демократизации армии, прибегал с возраставшей энергией и силой к самым разнообразным средствам для того, чтобы предупреждать войны или чтобы прекращать их, или для того, чтобы использовать в интересах раскрепощения рабочего класса те потрясения, которые вызывались войной во всех слоях общества... Вся деятельность указывает на растущее могущество рабочего класса и на его постоянное стремление поддержать мир посредством энергичного вмешательства. Для успеха этой деятельности необходимо, чтобы постоянная пропаганда подготовляла людей к мощным выступлениям и чтобы действия отдельных национальных партий были постоянно вызываемы и координируемы Интернационалом. Конгресс, кроме того, убежден, что под давлением пролетариата серьезное применение на практике международного арбитража заменит собой для всех разногласий жалкие попытки буржуазных правительств, и таким образом народу будет обеспечено благодетельное всеобщее разоружение, которое даст возможность обратить в пользу цивилизации неисчислимые запасы энергии и богатств, поглощаемые вооружениями и войнами. Конгресс заявляет: если грозит вспыхнуть война, то обязанностью рабочего класса во всех заинтересованных странах и долгом их представителей в парламентах является приложение, при помощи Интернационального Бюро, путем энергичных и координированных действий, всех возможных усилий для того, чтобы помешать войне всеми способами, которые будут ими признаны наиболее подходящими и которые, само собой разумеется, могут быть различными в зависимости от степени обостренности классовой борьбы и общего политического положения.

Если же война уже возникла, несмотря на все эти меры, то они обязаны приложить все усилия к тому, чтобы ее как можно скорее прекратить и всеми силами использовать вызванный войною экономический и политический кризис для того, чтобы всколыхнуть наиболее глубоко лежащие общественные слои и ускорить падение капиталистического господства.

МИРОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КО ВРЕМЕНИ ШТУТГАРТСКОГО КОНГРЕССА ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА (1907 г.)

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма", ч. 2-я).

Революция 1905 года не оказалась победоносной, но она показала, какие громадные революционные силы таит в себе современная Россия. С другой стороны, события 1905 года показали глубоко реакционную роль современных западных „демократий", способных, как это сделала

империалистическая Франция в угоду кучке магнатов капитала, спасать разбойничью монархию Романовых. Судьбы русской буржуазно-демократической революции оказались теснейшим образом связанными с борьбой западно-европейского пролетариата за социалистический переворот.

Революция 1905 года не победила, но она тем не менее пробудила народы Азии, она занесла свежий ветер свободы и в Европу.

И в то же время на арене международной политики произошли решающие события. Войны 1892—1895 гг. (японо-китайская), 1898 (американо-испанская), 1900—1902 (англо-бурская, европейско-китайская) носили явно выраженныйи мпериалистический характер и завязывали новые империалистические узлы. Надвинулась целая эпоха чисто-империалистических войн. Франко-русский союз превращался в тройственное согласие. Италия, подкупленная империалистами Англии и Франции, фактически отходила от тройственного союза, нацеливаясь на Триполитанию. Марокко — за Египет, за Марокко—Триполи. По этой „формуле" совершалось сближение англо-франко-итальянских империалистов. Английские и русские империалисты, старые традиционные противники, теперь „миролюбиво" поделили между собой Персию, которую решили грабить сообща. Из-за „влияния" в Марокко империалисты Германии и Франции чуть было не довели уже дела до мировой войны. Европейский мир находился на лезвие ножа. Империалистический конфликт между Англией и Германией назревал у всех на глазах. Вооружения на суше и на море принимали все более безумные размеры. Империализм вступил в полосу своего апогея. Очертание надвигающейся все-европейской войны, в которой два империалистских треста во имя своих рабовладельческих интересов поставят на карту десятки миллионов жизней,—очертания этой войны вырисовывались уже с полной ясностью. Империалистская реакция наглела с каждым днем. Становилось очевидным, что предстоящая война поставит II Интернационал перед вопросом жизни или смерти.

Такова в самых общих чертах была обстановка, при которой собирался Штутгартский конгрес.

ПОЗИЦИЯ ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА НА ШТУТГАРТСКОМ КОНГРЕССЕ (1907 г.)

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма", ч. 2-я).

Какую же позицию занял II Интернационал перед лицом такого положения вещей?

Говорить теперь о слабости движения, сваливать все на недостаток сил не было возможности. Число социалистических избирателей, число членов социалистических профессиональных союзов достигло почти десятка миллионов.

Но зато в это время в Интернационале фактически брал уже верх оппортунизм. То обстоятельство, что за социализмом стояла уже такая численно-громадная армия, все больше вдохновляло государственных мужей оппортунизма к „положительной“, „органической“ работе в рамках капитализма и в „сотрудничестве“ с буржуазией.

Достаточно вспомнить, что на том же Штутгартском конгрессе чуть было не победили оппортунисты, требовавшие „признания“ социалистами современной колониальной политики. В сущности говоря, это означало, что уже тогда едва ли не большинство „европейских“ социалистов скатывалось к социал-шовинизму. Это обстоятельство надо всегда помнить при суждениях о Штутгартском конгрессе. Тогда мы поймем, почему то, что он в 1907 г. сказал о борьбе против войны, в 1914 году оказалось—слова, слова, слова...

Главные прения по вопросу о милитаризме и борьбе против войны произошли в комиссии конгресса, а не на самом конгрессе. Но в комиссии присутствовали сотни делегатов. Все партии послали в эту комиссию лучшие свои силы. Ибо все сознавали, что здесь решается важнейший вопрос, вопрос о том, быть или не быть Интернационалу.

Главная борьба сосредоточилась между немецким и французским большинствами: на одной стороне Бебель и Фольмар, на другой Жорес и Вальян.

Разногласия между этими двумя лагерями на самом деле были гораздо меньше, чем это могло показаться. И Бебель, и Жорес, и Брантинг, и Вандервельде, и Фольмар, и Вальян говорили на этом конгрессе о „нации“ и об „отечестве“ в таких выражениях, которые социал-патриоты всех стран очень легко использовывают теперь для оправдания „новой“ тактики. И Бебель, и Жорес продолжали говорить просто о „защите отечества“, не проводя отчетливой разницы между подлинной защитой отечества в прежних национальных войнах и обманным характером этого лозунга в нынешних империалистических войнах.

Делая уступку оппортунизму, Бебель, например, отрекся в Штутгарте от положения „Коммун. Манифеста“, гласящего, что „рабочие не имеют отечества“. (То же самое сделали раньше Эд. Бернштейн, Жорес и др.).

Бебель продолжает настаивать на том, что критерий оборонительной и наступательной войны должен остаться в силе и применительно к близящейся войне. „Я оспариваю утверждение, будто нельзя будет различить, где оборонительная, где наступательная война,—говорил Бебель.—Теперь положение дел уже не таково, чтобы наблюдательный и достаточно подготовленный политик не мог видеть тех нитей, которые привели к военной катастрофе. Политика кабинетов отошла в прошлое“.

Увы. Эти слова показывают только, как даже самые ясные умы могут заблуждаться—из приверженности к старой, неприменимой в новых условиях формуле.

Политика кабинетов отошла в прошлое. Это говорилось в Германии в 1907 году.

Больше того. Бебель утверждает, что правящая Германия вовсе не хочет войны. „В руководящих кругах Германии никто не хочет войны, и это в значительной степени из-за того, что существует социалистическое движение. Сам Бюлов признал в ответ на мою речь, что правительства сознают, какая ставка будет поставлена на карту для государства и общества в случае европейской войны, „и что поэтому этой войны будут стараться по возможности избегнуть“.

Поистине, какое-то ослепление...

Предположение Бебеля (и германской с.-д. вообще) первоначально сводилось к тому, чтобы оставить все по-старому, утвердить старые решения и т. п. А главное—не говорить ясно, что в случае войны с.-д. должна будет прибегнуть к определенным революционным мерам. Мы сделаем, что сможем, но не ставьте нас в невозможное положение сейчас, не приводите к тому, что прокурорская власть получит прямое орудие против нашей легальной партии. Таков был смысл речей Бебеля и его „единомышленников“ в Штутгарте.

А позиция Жореса и французского большинства?

В их резолюции говорилось прямо, что для предотвращения войны следует прибегать ко всем средствам „вплоть до массовой стачки и восстания“. Сакраментальные слова были сказаны. Значит ли это, что Жорес и жоресисты больше были революционерами, чем Бебель и его сторонники?

Отнюдь нет.

Ключа к позиции Жореса надо искать в другом направлении. Он, как и Бебель, не проводил резкой и ясной черты между защитой отечества в национальных войнах и „защитой отечества“ в войнах капиталистических. Он тоже признавал защиту отечества в „оборонительной“ войне. Но он знал и чувствовал, что его французское отечество слабее немецкого. Он сознавал, что „обороняться“ придется скорее всего Франции, его отечеству, „родине революции“, „хранительнице культуры“ и т. д. Отсюда его стремление заручиться согласием социалистов других стран, в первую голову немецких социалистов, прямым обязательством прибегнуть не только к платоническому протесту, но к стачке и восстанию.

Здесь не было какого-нибудь сознательного и тем более худого расчета. Но мнимая „революционность“ жоресистов в этом вопросе, на наш взляд, шла именно из этого источника. На самом деле это была вовсе не революционность, это был своеобразно выраженный оппортунизм.

В той же резолюции жоресистов, где говорится о стачке и восстании, содержится следующее важнейшее положение: „угрожаемые нации и рабочий класс имеют повелительную обязанность защищать свою независимость и самостоятельность от этих нападений. И они имеют

право рассчитывать на помощь со стороны рабочего класса всего мира". Эту политику Жорес, как и Бебель, в той же резолюции, несколькими строками ниже, называет „оборонительной политикой".

И французское, и немецкое большинство стоит на одной и той же принципиальной позиции. Разница вытекала только из того, что одни принадлежат к стране, в военном отношении более сильной, другие — к стране, в военном отношении более слабой. У одних психология обусловлена больше всего тем, что в 1870—71 гг. их отечество было побеждено, у них отняли две провинции. У других психология обратная. Ни те, ни другие не дают цельной оценки новой империалистической эпохи, когда самый принцип защиты отечества и оборонительной войны потерял свое прежнее значение. Французы вопреки внешней видимости на самом деле вовсе не противопоставили в Штутгарте немцам особой тактики. Они стояли на той же почве, что и немцы.

ПОЗИЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ НА ШТУТГАРТСКОМ КОНГРЕССЕ

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма", ч. 2-я).

От обеих этих позиций принципиально отличалась только одна речь, произнесенная в Штутгарте. Это речь Розы Люксембург. Эта речь давала хотя и в не вполне законченной еще форме обоснование революционно-марксистской позиции. Она ближе всего подошла к той концепции, которая служит теперь основной позицией интернационалистов.

Роза Люксембург говорила „от имени русской и польской делегаций". В подкомиссию конгресса, выработавшую текст Штутгартской резолюции, Роза Люксембург вошла, как делегатка русских большевиков.

Вот что сказала Роза Люксембург: „На последнем конгрессе в Амстердаме в 1904 году подвергся обсуждению вопрос о массовой стачке. Было принято решение, об'явившее нас несозревшими и неподготовленными для массовой стачки. Но материалистическая диалектика... очень скоро осуществила то, что мы об'явили невозможным. Я должна выступить против Фольмара (Фольмар произнес довольно откровенную „патриотическую" речь) и, к сожалению, также против Бебеля, которые сказали, что мы не можем сделать больше, чем делали до сих пор. Но русская революция не только вышла из войны, она сама также послужила к тому, чтобы прекратить войну. Историческую диалектику мы понимаем не в том смысле, что мы „со скрещенными руками должны ждать, пока она принесет нам зрелые плоды". Я — убежденная сторонница марксизма, и именно поэтому я вижу великую опасность в том, что марксистским взглядам придают мертвящую фаталистскую форму. После речи Фольмара и отчасти Бебеля мы (русские и польские с.-д.) считаем нужным сделать более точной, более резкой

резолюцию Бебеля, и мы вносим с этой целью дополнение. Я должна прибавить, что наше дополнение отчасти идет еще дальше, чем товарищей Жорес и Вальян, ибо мы хотим, чтобы в случае войны агитация велась не только за скорейшее прекращение ее, мы требуем, чтобы сама война была использована для ускорения краха классового господства вообще".

Мы видим: никакой „защиты отечества" в войнах, подобных нынешней, оратор левой не допускает. В его речах содержится решительная критика по адресу людей, говоривших об этой защите,—критика, направленная не только против Фольмара, но и против Бебеля. Слова против „марксистского фатализма" попадают не в бровь, а в глаз нынешним каутскианцам. Тогда они направлялись против Адлера и отчасти Бебеля, которые успокоительно указывали на то, что милитаризм, обременяя население, сам постепенно создает положение, при котором его дальнейшее существование станет невозможным. Оратор левой отгораживается от фразерства. Но массовой стачки он ничуть не отвергает. И наконец именно оратор левой вносит в виде „поправки" то главное положение Штутгартской резолюции, которое гласит: „В случае войны надо бороться за ее скорейшее прекращение и в то же время „подымать массы использовать созданный войной кризис для ускорения краха всего капиталистического строя" [1]).

Эта „поправка" была подписана Н. Лениным, Р. Люксембург и другими. Она была принята конгрессом. И она стала центральным местом Штутгартской резолюции. Ее теперь цитируют больше всего. Ибо она одна с полной ясностью выражает марксистские взгляды...

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ПОЗИЦИИ ОФИЦИАЛЬНЫХ ВОЖДЕЙ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА НА ШТУТГАРТСКОМ КОНГРЕССЕ

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма", ч. 2-я).

При выработке самой резолюции вообще создалось чрезвычайно своеобразное положение.

Замечательная вещь. Оба главных лагеря—и немецкое и французское большинство—стояли в принципе „за защиту отечества". Им было обеспечено громадное большинство конгресса. И, однако, в самой резолюции конгресса нет ни звука о признании „защиты отечества". И, однако, приведенное нами основное положение жоресистов об оборонительной войне и защите отечества—положение, которое вполне разделялось немцами, в резолюцию самого конгресса не попало.

---

[1]) Я хорошо помню, что окончательному редактированию этой поправки предшествовали продолжительные непосредственные переговоры наши с Бебелем. Первая редакция говорила гораздо прямее о революционной агитации и революционных действиях. Мы показали ее Бебелю; он ответил: не принимаю, ибо прокурорская власть распустит тогда наши партийные организации, а мы на это не идем, пока еще нет ничего серьезного. После совещания с юристами по специальности и многократной переделки текста, чтобы выразить ту же мысль легально, была найдена окончательная формула, на принятие которой Бебель дал согласие. Н. Ленин.

Спрашивается: почему? Как это случилось? Чем это об'яснить? Это — очень важный вопрос.

На первый взгляд этот факт совершенно не об'ясним. А между тем именно он дает нам ключ к позиции всего II Интернационала в этом вопросе.

Позиция эта была двойственна и противоречива.

Оппортунисты, которые в „верхах" партии всюду в „Европе" составляли большинство, совершенно сознательно соединяли реформизм с „патриотизмом". Они были правы, когда на упреки буржуазии в недостатке „патриотизма" они отвечали, что по этой части „социалисты-реформисты могут дать буржуазии несколько очков вперед". Оппортунисты совершенно сознательно вели II Интернационал к социал-шовинизму.

Не так просто обстояло дело с другой частью Интернационала. Марксистский центр в Германии, революционеры старого закала во Франции (их наиболее типичный представитель—покойный Вальян) не освободились от старой идеологии, порожденной эпохой национальных войн. С другой стороны, они, как достаточно опытные политики, видели, что та реальная война, которая надвигается на Европу, будет войной иного рода, что, если война разразится, это будет война грабителей между собой, война, в которой нельзя будет проводить отличие нападающей стороны от обороняющейся, война, в которой только в насмешку можно будет говорить о справедливости, праве, морали.

В статье, написанной сейчас же после Штутгартского конгресса, Каутский писал:

„При нынешней всемирно-политической ситуации не может быть и речи о такой войне, относительно которой можно было бы допустить, чтобы пролетариат или демократия были заинтересованы в защите или нападении... Единственная опасность войны угрожает теперь со стороны колониальной мировой политики, по отношению к которой пролетариат с самого начала занимает резко отрицательную позицию".

Этими словами Каутский, несомненно, выразил тогдашнее убеждение (или настроение) целого ряда старых деятелей II Интернационала, быть может, в том числе и лучших из оппортунистов.

Ближайшая война, к которой буржуазия „великих" держав неуклонно ведет Европу, будет война империалистической, грабительской, войной, в которой, с точки зрения пролетариата и демократии, не может быть и речи об обороне и нападении. Эта мысль не могла не стучаться в дверь II Интернационала. Эта мысль должна была неотвязно сверлить мозг всех тех деятелей II Интернационала, для которых кровь рабочих не вода, для которых пролетарский интерес не пустое слово.

Из сознания этого и родилась та Штутгартская резолюция, в которой ни слова нет о „защите отечества", но зато есть аннибалова клятва использовать грядущую войну, чтобы поднять народ и ускорить падение буржуазного строя.

Вот почему Штутгартский конгресс в своей резолюции не реко-

мендовал „защиты отечества“ в предстоящей войне и ни слова не проронил о разграничении современных войн на оборонительные и отступательные.

Теперь мы видим, чем об'ясняется то обстоятельство, что ни Жорес, ни Бебель не пробовали внести в резолюцию признания „защиты отечества“.

Дело об'ясняется тем, что в современную империалистическую эпоху старая постановка вопроса о защите отечества и оборонительной войне неудержима. Стоя на этой точке зрения, просто нельзя свести концы с концами, нельзя сказать ничего политически-членораздельного. Составители резолюции, если не сознавали, то чувствовали это. Если бы они захотели в резолюции сказать сколько-нибудь отчетливо, сколько-нибудь конкретно, какую именно войну между современными „великими“ державами при данной стадии развития следовало бы признать справедливой, оборонительной, при каких именно военных столкновениях в Европе социалистам в данную эпоху надо защищать отечество,—они, во-первых, никогда не согласились бы между собой. А, во-вторых, и это главное, они сразу попали бы в нелепое, смешное, безвыходное положение. Все политически мыслящие люди, повторяем, знали, что, если какая-либо война надвигается, так это грандиозная мировая империалистическая война между двумя коалициями. Все знали, что и предстоящие частные конфликты будут носить резко выраженный империалистический характер—в роде войны Италии и Турции из-за Триполи, столкновения из-за Марокко и т. п. Это—тип современных войн, войн из-за колониальной добычи, в основе—войн двух гигантских империалистских трестов из-за окончательного раздела и передела мира. Спрашивается: при таком положении вещей, что смогли бы сказать в резолюции сторонники „защиты отечества“? Кому защищаться? Кого признать ведущим справедливую войну? Чью политику признать „оборонительной“, чью—наступательной?

Стоит только поставить эти вопросы, чтобы стало ясно: написать в 1907 г. от имени международного конгресса резолюцию, открыто проводящую „защиту отечества“, было просто политически немыслимо.

Если не хотеть витать в облаках, надо было говорить о борьбе между тройственным союзом и тройственным согласием, о тех реальных конфликтах, которые вот уже ряд лет занимают политическую авансцену в Европе, о том состязании между двумя империалистскими трестами, которое единственно и чревато войной. Но спрашивается: что могли сказать названные вожди Интернационала, стоя на этой единственной реальной почве? Какую сторону признать защищающей „культуру“: тройственный союз или тройственное согласие?

Когда война 1914 г. началась, никаких разумных доводов уже не требовалось. Когда разгорелись военные страсти, можно было пичкать рабочих фразами о „борьбе против царизма“, о низвержении „прусского милитаризма“, об основных правилах нравственности и права, защищаемых царем Николаем II, и о „немецком человечестве“, защищаемом Вильгельмом II. Но в 1907 г. это было невозможно. Ни один

честный социалист не мог тогда „взять сторону“ ни одной из коалиций. Каждый должен был признать, что обе группировки стоят под знаком грабительского и реакционного империализма.

Вот почему не надо смешивать отдельных заявлений хотя бы самых влиятельных вождей II Интернационала с официальной позицией этого Интернационала. Сказать в речи или в статье „я за защиту отечества“, „я самый лучший немецкий (или французский) патриот“, „я поддержу оборонительную войну“—можно было. Но на интернациональной арене, от имени рабочих всех стран, провести систематически и цельно такую точку зрения было уже невозможно. Этого нельзя было бы ни обосновать, ни защитить. С этим нельзя было пойти к рабочим. По крайней мере, одновременно к рабочим всех стран. Это неизбежно приводило бы к национальному „социализму“, а не к интернационализму, это неизбежно означало бы разрушение самого II Интернационала, что и случилось сейчас.

Для вождей II Интернационала создавалось противоречивое положение. Вот почему небольшая группа левых могла оказать такое большое влияние на принятую резолюцию. Вот почему вместо „защиты отечества“ в резолюции очутилось восхваление тех способов борьбы против войны, которые практиковались русскими рабочими в 1904—1905 годах.

Революционные марксисты, представительницей которых выступила Роза Люксембург, были в Штутгарте только небольшим меньшинством. Оппортунисты и „центр“ бесспорно составляли подавляющее большинство. Но логика положения была за революционных марксистов. Они единственные последовательно защищали интересы миллионов рабочих всех стран. И рабочие массы, которые невидимо присутствовали на конгрессе, заставили официальных вождей II Интернационала принять многое из того, что предлагали революционные марксисты устами Розы Люксембург.

ШТУТГАРТСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЕЖИ (1907 г.) И МИЛИТАРИЗМ

(В. Мюнценберг. „Социалистические организации молодежи до и во время войны“).

Характерное для первого периода стремление социалистических организаций молодежи к самостоятельности, к обособленным политическим действиям и энергичной антимилитаристской пропаганде обнаружилось на первой международной конференции социалистических организаций молодежи. Она происходила 24—26 августа в Штутгарте.

Карл Либкнехт сделал блестящий доклад о борьбе против милитаризма.

В введении к своему докладу докладчик изобразил картину развития милитаризма и отметил двойную задачу современного милитаризма, который с одной стороны служит для борьбы с „внешним врагом“, а с дру-

той стороны—для подавления внутреннего врага. Карл Либкнехт обосновал затем необходимость пропаганды против этого опаснейшего орудия классовых врагов пролетариата и закончил следующим положением:

„Позаботимся о том, чтобы международное движение молодежи сыграло почетную роль в антимилитаристской борьбе“.

Либкнехт предложил следующую резолюцию по этому вопросу:

„Конференция подтверждает резолюцию Штутгартского международного конгресса [1]) о милитаризме и принимает формулированные на нем задания относительно антимилитаристской борьбы и организации молодежи. Она обращает внимание также на опасность милитаризма для внутренней классовой борьбы и вменяет в обязанность международному движению молодежи бороться с милитаризмом в смысле, указанном резолюцией того конгресса“.

Это постановление прямо обязывало социалистические организации молодежи к ревностной антимилитаристской деятельности.

В высшей степени интересно и показательно для духа конгресса, что отдельные делегаты требовали еще более резкого обоснования и более подробного определения антимилитаристских задач социалистической молодежи.

Так, например, бельгийский делегат Жоро внес свою собственную резолюцию по этому поводу. В результате конференция приняла резолюцию Либкнехта и, не отклоняя резолюции Жоро, передала последнюю, как материал для ближайшей международной конференции молодежи.

Когда Бадер (Цюрих) заявил, что некоторые профессиональные союзы предлагали швейцарскому юношескому союзу финансовую поддержку, если он откажется от своей антимилитаристской пропаганды, и что молодежь, само собой разумеется, отказалась от этой поддержки,— это заявление встречено было оживленными аплодисментами.

К сожалению, в большинстве социалистических организаций молодежи произошел слишком скоро поворот, и Международное Бюро не предприняло почти ничего, чтобы провести в жизнь решения, принятые в Штутгарте в ясной и совершенно определенной форме.

РЕЗОЛЮЦИЯ ВОСЬМОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КОНГРЕССА В КОПЕНГАГЕНЕ

Конгресс констатирует, что в течение последних лет, несмотря на конгрессы мира и пацифистские декларации правительств, вооружения увеличились весьма значительно. В частности, соперничество в морских сооружениях, последней стадией которого является сооружение дредноутов, не только влечет за собой безумную трату народного достояния на ненужные цели, но вместе с тем служит причиною недо-

---

[1]) Здесь имеется в виду резолюция Штутгартского Интернационала взрослых рабочих. Этот конгресс заседал непосредственно перед Международной конференцией молодежи.

статка средств и отсутствия ассигнований на проведение социальных реформ и законодательства, охраняющего труд. Оно грозит также материально истощить все нации, вызывая непосильное бремя косвенных налогов, а также все государства путем совершенного расстройства государственных финансов. Вместе с тем именно эти вооружения в последнее время угрожают всеобщему миру и постоянно будут угрожать таковому и впредь. В виду такого развития вооружений, представляющего собою опасность одновременно для человеческой цивилизации, для счастья народов и для существования масс, конгресс, подтверждая резолюции предыдущих конгрессов, в частности Штутгартского, напоминает следующее.

У трудящихся всех стран нет никаких взаимных ссор и разногласий, которые могли бы вызвать войну. Войны вызываются, в сущности, не чем иным, как капитализмом и в частности международной экономической конкуренцией капиталистических государств на мировом рынке, а также милитаризмом, являющимся одним из самых могущественных орудий внутригосударственного господства буржуазии и экономического и политического порабощения пролетариата. Войны не исчезнут окончательно, пока будет существовать капиталистический строй. Рабочий класс, больше всех несущий тягости войны и больше всех от нее страдающий, должен быть поэтому и больше всего заинтересован в ее уничтожении. Отсюда следует, что организованный социалистический пролетариат всех стран является единственною надежною гарантией всеобщего мира. Вот почему конгресс снова приглашает рабочие партии освещать истинные причины войны всему пролетариату, а в частности, молодежи, воспитывая последнюю в духе братства народов... На случай военных осложнений конгресс подтверждает антимилитаристическую резолюцию Штутгартского конгресса.

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ПОЗИЦИИ ОФИЦИАЛЬНЫХ ВОЖДЕЙ ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА НА КОНГРЕССЕ В КОПЕНГАГЕНЕ (1910 г.)

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма“, ч. 2-я).

В 1910 году в Копенгагене мы видели повторение Штутгарта в маленьком масштабе. Формальная победа опять осталась за немцами. Но немцы далеко не выступили с открытым забралом и не высказали того, что есть. От их имени говорили не Фольмар, не Легин и не Давид, оппортунистические взгляды которых в действительности господствовали в германской с.-д. партии. От их имени—и от имени всей комиссии конгресса—выступил каутскианец Ледебур. Он наговорил пацифистских („мирных“) фраз о „разоружении“ и „третейских судах“ (хотя тут же признал, что „за учреждение третейских судов высказываются, как известно, также все буржуазные, даже монархические и аристократические партии“). Но он вместе с тем высказал ряд очень здоровых мыслей о войнах современной эпохи. „Кто,—говорил Ледебур,—

вызывает ныне войны? Ведь правящие классы, капиталисты, заинтересованные в военных поставках, все эти Круппы, Армстронги или как их там еще зовут... Стремление подчинять себе чужие народы и эксплоатировать их — вот экономическая причина современных войн". Защищая право наций на самоопределение, Ледебур говорил о том, что „Германия угнетает не только поляков и датчан, но и французское население Эльзас-Лотарингии"... „Мы требуем, — заявлял он, — свободного самоуправления для всех народов, не только в Европе, но и в Азии и Африке".

Наиболее горячие прения разыгрались вокруг известного предложения Кейр-Гарди и Вальяна. Это предложение гласило:

„Среди всех тех средств, которые должны быть применены для предупреждения войн, конгресс считает особенно целесообразным — общую стачку рабочих, главным образом, в тех отраслях промышленности, которые поставляют материалы для войн (оружие, амуниция, средства транспорта и т. д.). Столь же необходимы агитация и акция в народе, притом самыми энергичными средствами".

Предложение Вальяна — Кейр-Гарди опять-таки бросает яркий свет на противоречивость позиции старых вождей II Интернационала, ныне перешедших на точку зрения социал-шовинизма. В самом деле, взгляните на это предложение под углом оборонительной войны и защиты отечества. Могли ли люди, последовательно отстаивающие и в нынешнее время необходимость защиты отечества в „оборонительной" войне, внести такое предложение, какое внесли Вальян и Кейр-Гарди? Если бы они были последовательны в своей приверженности к теории оборонительной войны, они должны были бы сказать: мы предлагаем, чтобы для борьбы против войны рабочие прибегли к стачке, но только в тех странах, которые напали или готовятся напасть, только в тех государствах, которые являются стороной нападающей. В „обороняющихся" же странах рабочие должны „защищать отечество", а не стачки устраивать.

Почему однако Вальян и Кейр-Гарди этого не сказали? Потому, что и они более или менее ясно сознавали, что этого деления в предстоящей империалистической войне провести нельзя. Потому, что и они, если не сознавали, то смутно предчувствовали, что предстоящие войны будут не справедливыми, а нечестивыми войнами. И таково же было настроение большинства конгресса. Ни противники, ни сторонники Вальяна — Гарди и не заикнулись о том, что оно не вяжется с теорией оборонительной войны.

Штутгартская резолюция носит на себе печать эпохи империализма и подчеркивает, что причинами войн является конкуренция на рынках и борьба за захват новых рынков. Что же касается милитаризма, то для характеристики предательства II Интернационала крайне интересно указание, что милитаризм является одним „из главных средств властвования буржуазии и экономического и политиче-

ского порабощения рабочего класса". Через семь лет после этой резолюции II Интернационал целиком перешел на службу к милитаризованным правительствам, а ныне, в наши дни, он же является главной опорой правительств, довоенный милитаризм которых является забавой по сравнению с нынешней горячкой вооружений. В тех же странах, где II Интернационал находится у власти, он обслуживает свою буржуазию, непосредственно продолжая с усердием выслуживающегося лакея ее политику сооружения сверх-дредноутов, воздушных военных кораблей, газовых заводов и т. д.

В дни Штутгартского (и других) конгрессов II Интернационал еще угрожал буржуазии энергичными и координированными действиями рабочих всех стран помешать возникающей войне. Если же война,—продолжала резолюция,—возникнет, несмотря на все противодействие, то II Интернационал считает своей обязанностью всеми силами содействовать резолюции с целью ускорения падения капитализма. Верили ли однако вожди II Интернационала в свои резолюции и в то, что они будут осуществлять в отношении буржуазии свои угрозы? Этот вопрос невольно возникает, потому что уже резолюция Копенгагенского конгресса вынуждена констатировать непрекращающееся усиление милитаризма, влекущего безумную растрату народных средств, сбираемых путем косвенных налогов, всей своей тяжестью обрушивающихся на трудящихся. По крайней мере, буржуазия стран-поджигательниц мирового пожара обращала мало внимания на резолюции II Интернационала, не веря в способность социалистов, заседавших в парламентах, к серьезным действиям. Буржуазия продолжала вооружаться, и чем ближе к войне, тем виднее было, что дело идет уже не о вооруженном мире, а о стремительной подготовке к очень близкой войне. Ощущением этой близкой войны полны Манифест Чрезвычайного Интернационального Социалистического конгресса в Базеле, манифест английской социалистической партии и германо-французский манифест против увеличения вооружений.

МАНИФЕСТ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КОНГРЕССА В БАЗЕЛЕ (1912 г.)

(Грюмберг: „Интернационал и мировая война").

Более чем когда-либо обстоятельства предписывают теперь интернациональному пролетариату придать своей согласованной деятельности всю возможную мощь и энергию. С одной стороны всеобщая безумная погоня за вооружениями, увеличивая дороговизну жизни, обострила классовую рознь и довела рабочих до невыносимого положения. Рабочие решили положить конец этому режиму бессмысленной траты средств и паники. С другой стороны периодически возникающая опасность войны возмущает народ все более и более. Великие европейские народы

находятся постоянно перед возможностью быть брошенными друг на друга, при чем такое нарушение всяких принципов человеколюбия и разума не может быть оправдано даже в малейшей степени интересами самих народов. Балканский кризис, который уже принес столько бедствий, может, в случае своего распространения, представить самую ужасную опасность для цивилизации и пролетариата. Вместе с тем такое явление оказалось бы позорным историческим событием, благодаря несоответствию между неизмеримостью катастрофы и ничтожности вызвавших ее интересов.

Поэтому конгресс с большим удовлетворением отмечает полное единодушие социалистических партий и об'единений во всех воюющих государствах в их отрицательном отношении к войне. Пролетариат повсюду в одно время восстал против империализма, и каждая секция Интернационала противопоставила правительству своей страны сопротивление пролетариата и восстановила общественное мнение своего народа против всяких воинственных фантазий. Таким путем осуществилось грандиозное сотрудничество рабочих всех стран, которое уже много сделало для сохранения мира. Страх правящих классов перед пролетарской революцией, которая явилась бы последствием всеобщей войны, служит весьма прочной гарантией мира. Конгресс требует от социалистических партий энергичного продолжения их деятельности и применения всех тех мер, которые покажутся им необходимыми.

Для этой общей деятельности конгресс определяет каждой социалистической партии ее специальную задачу...

Но в общей интернациональной деятельности самая важная задача выпадает на долю рабочих Германии, Франции и Англии. В данную минуту рабочие этих стран должны потребовать от своих правительств отказа от предоставления какой-либо помощи Австро-Венгрии и России, воздержание от всякого вмешательства в балканские неурядицы и соблюдения абсолютного нейтралитета. Если между тремя великими государствами, стоящими во главе человеческой цивилизации, вспыхнет война из-за сербско-австрийских разногласий по поводу порта, то это будет преступным безумием. Рабочие Германии и Франции не допустят, чтобы тайные договоры могли когда-либо создать для них обязанность вмешательства в Балканскую войну. Если бы впоследствии военный разгром Турции подорвал ее господство в Малой Азии, то обязанностью социалистов Англии, Франции и Германии будет всеми силами препятствовать ведению завоевательной политики в Малой Азии, которая неминуемо ведет ко всеобщей войне.

Конгресс считает, что искусственно поддерживаемая вражда между Великобританией и Германской империей представляет собой самую большую опасность для европейского мира. Он приветствует попытки рабочего класса обоих этих государств уничтожить этот антагонизм. Он полагает, что наилучшим средством в этом отношении будет заключение соглашения об ограничении морских вооружений и об уничтожении права морских призов. Конгресс приглашает английских

и германских социалистов усилить их пропаганду в целях заключения такого соглашения. Смягчение антагонизма между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, устранит величайшую опасность для всеобщего мира. Оно поколеблет могущество царизма, который эксплоатирует этот антагонизм в своих интересах. Оно сделает невозможным всякое нападение Австрии на Сербию и обеспечит общий покой. Все усилия Интернационала должны быть направлены к этой цели. Конгресс констатирует, что весь Социалистический Интернационал единогласно признает эти существенные принципы внешней политики. Он требует, чтобы рабочие всех стран противопоставили капиталистическому империализму могущество интернациональной солидарности пролетариата. Он предостерегает правящие классы всех государств против того, чтобы они военными действиями не увеличивали еще больше те несчастия, которые терпит рабочий класс благодаря капиталистическому способу производства. Он требует мира, он на нем настаивает. Пусть правительства хорошо запомнят, что при современном состоянии Европы и настроении умов в среде рабочего класса возникновение войны не окажется безопасным для них самих. Пусть они вспомнят, что франко-германская война вызвала революционный взрыв коммуны, что русско-японская война пробудила движение революционных сил русского народа. Пусть они не забудут того, что затруднения, вызванные взаимным соперничеством государств в производстве чудовищных затрат на военные и морские вооружения, были причиной того, что социальные конфликты в Англии и на континенте стали осложняться забастовками в небывалой степени. Они безумцы, если не понимают, что одна лишь мысль о страшной войне возбуждает у пролетариата всех стран чувство гнева и негодования. Рабочие считают преступлением стрелять друг в друга из-за выгод капиталистов, из-за честолюбия династий, или из-за хитросплетений тайных соглашений. Если правительства, удушая всякую возможность правильной эволюции, вынуждают пролетариат всей Европы принимать отчаянные решения, то на них именно и будет лежать вся ответственность за вызванный ими кризис. Интернационал удвоит все усилия, чтобы предупредить войну своей усиленной пропагандой, своим непримиримым и постоянным протестом. С этой целью Конгресс поручает Интернациональному Социалистическому бюро с тщательным вниманием следить за событиями и при всяких условиях поддерживать сообщения и связь между пролетарскими партиями всех стран. Пролетариат сознает, что от него именно зависит в данный момент все будущее человечества, и он употребит всю свою энергию для того, чтоб помешать истреблению лучшего цвета всех народов, которым угрожают все ужасы бесчисленных кровопролитий, голода и болезней. Конгресс обращается к вам, пролетарии и социалисты всех стран, чтобы в этот решительный час вы не оставались безгласны. Высказывайте вашу волю повсюду и всеми способами. Выражайте всеми силами ваш единодушный протест в парламентах, об'единяйтесь в массовых манифестациях и выступлениях,

используйте все средства, которые предоставляет вам организация и мощь пролетариата, так, чтобы правительства постоянно видели перед собой волю внимательного и деятельного рабочего класса, решительно настаивающего на сохранении мира. Противополагайте таким образом капиталистическому миру эксплоатации и истребления масс пролетарский мир согласия и единения между народами.

БАЗЕЛЬСКИЙ МАНИФЕСТ С ОСОБЕННОЙ СИЛОЙ ИЗОБЛИЧАЕТ ВОЖДЕЙ ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА, ИЗМЕНИВШИХ ПРОЛЕТАРИАТУ

(Г. Зиновьев. „Война и кризис социализма", ч. 2-я).

Особенно авторитетным документом является, конечно, единогласно принятая резолюция чрезвычайного международного конгресса в Базеле. Базельский манифест писан именно в ожидании той самой общеевропейской войны, которая разразилась теперь. Он исходил из того, что это будет империалистская война, вызванная столкновением различных клик европейского финансового капитала. Манифест разбирает подробно положение социалистов в каждой стране. Он дает программу действий для социалистов всех стран. И что же? Есть ли там хоть допущение мысли о том, что социалисты каких-либо стран, которые будут втянуты в войну, должны будут „защищать отечество", применять критерий „оборонительной" войны? Ни слова, ни звука в этом духе. Вы найдете в этом документе призыв к организации гражданской войны, ссылки на Коммуну, на 1905 г. и т. п. Но вы не найдете там ничего относительно „оборонительной" войны.

Да, накануне империалистской войны, это, повторяем, и не могло быть иначе, пока европейские „социалисты" не перешли открыто на точку зрения национал-либерализма.

Мы можем не распространяться подробнее о базельской резолюции, она достаточно хорошо известна. Не только резолюция, но и речи, произнесенные на этом конгрессе, являются самым убедительным обвинительным актом против „нового курса" нынешних соц.-шовинистов. Что пролетариат ответит на войну революцией — этим в своих речах на конгрессе угрожали европейской буржуазии не только Жорес, Гаазе, Кейр-Гарди, Цеткина, Вальян. Даже архи-осторожный и архи-умеренный Виктор Адлер вопрошал в своей речи: „Да разве пролетарии в самом деле теперь бараны, чтобы они, как немые, позволили повести себя на бойню?" И он прибавлял: „Близок час, когда пролетариат подымет свой голос, чтобы бросить в лицо обвинение, и наступает момент, когда пролетариат будет также иметь в руке тот меч, который нужен для того, чтобы привести приговор в исполнение".

Простая перепечатка речей, произнесенных вождями II Интернационала, показала бы в самом ярком свете чудовищную измену, совершенную теперь большинством этих вождей.

Штутгартский конгресс принял одно из основных положений революционных марксистов, стоящее теперь немым укором всему поведению главных партий II Интернационала.

В Копенгагене мы видели новые колебания в сторону оппортунизма. Конгресс принимает формулировки, которые теперь используются социал-шовинистами для оправдания „нового курса“.

Базельский манифест составлялся тогда, когда всеевропейская империалистская война надвигалась вплотную. Базельское решение было не хуже, а лучше штутгартского. Каждое его слово есть пощечина для нынешней тактики „руководящих“ партий II Интернационала.

И тем не менее—чаша 4-го августа 1914 года не миновала нас.

II Интернационал такой, какой он был, был безнадежен, сколько бы хороших резолюций он ни принимал.

Это однако вовсе не значит, что эти резолюции не имели никакого значения. Это не значит, что в нынешней борьбе с социал-шовинистами интернационалисты должны „прощать“ им принятые резолюции, не ссылаться на них, не требовать к ответу людей, присягавших этим резолюциям и теперь цинично им изменивших.

Признаем честно: никому из нас не приходило в голову, что возможно нечто хоть отдаленно похожее на то, чего мы стали свидетелями 4-го августа 1914 года. Неверно, будто в Базеле обратились в бегство. В бегство официальные с.-д. партии „Европы“ обратились только 4-го августа 1914 года. В Базеле рабочим массам ни слова не было сказано о „защите отечества“ в предстоящей войне. Наоборот, в Базеле пролетариям всего мира было сказано о примере Коммуны, о примере „пятого“ года, о том, что „стрелять друг в друга есть преступление“, о том, что надвигающаяся война есть война из-за интересов кучки капиталистов.

РЕЗОЛЮЦИЯ БАЗЕЛЬСКОГО КОНГРЕССА ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ О ВОЙНЕ

(В. Мюнценберг. „Социалистические организации молодежи до и во время войны“).

Конгресс Интернационала Молодежи происходил в связи с социалистическим конгрессом осенью 1912 г. в Базеле.

Официально были представлены лишь немногие страны.

По единственному, стоявшему в порядке дня, вопросу „Интернационал Молодежи и война“ была принята без прений единогласно следующая резолюция.

„Собравшаяся в Базеле конференция Социалистического Интернационала Молодежи всецело присоединяется к протесту международ-

ного социалистического конгресса против войны. Представляя собой те пролетарские группы, которые в первую очередь должны отправляться на войну, как жертвы хищнических, политических и экономических властителей, для того, чтобы убивать своих классовых товарищей других стран, конференция горячо протестует против образа действий господствующих классов.

Конференция напоминает о том, что резолюция штутгартского международного социалистического конгресса считает одним из самых действительных средств борьбы с милитаризмом и опасностью международных конфликтов, чтобы молодежь рабочего класса прониклась духом всенародного братства и социализма и классовым сознанием.

Поэтому в борьбе против милитаризма и опасности войны движению молодежи предстоит особая задача. Конференция требует, чтобы организации молодежи всех стран уделяли величайшее внимание вопросу о социалистическом воспитании. Необходимо, чтобы рост нашей армии и внутренняя ее мощь сделали в конце концов невозможным для господствующих классов повести свои армии одну против другой.

Конференция, в которой представлено движение молодежи семи народов, опять подчеркивает и подтверждает международную солидарность молодых пролетариев, из рядов которых в случае войны будут отправлены десятки тысяч, чтобы убивать друг друга в боях.

Социалистическая молодежь всех стран, в качестве молодой гвардии современного рабочего движения, воодушевлена готовностью бороться за интересы и конечные цели международного пролетариата. Она употребит все средства, чтобы поднять революционный дух пролетарской молодежи и этим воспрепятствовать возможности эксплоатации рабочей молодежи в интересах господствующих классов".

МАНИФЕСТ АНГЛИЙСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ
от 20-го октября 1912 г., подписанный всеми ее членами и членами социал-демократической фракции германского рейхстага

Рабочим Германии и Англии.

Парламенты обоих государств, Германии и Англии, снова постановили удовлетворить требования своих правительств об ассигновании кредитов на морские сооружения и, таким образом, еще более увеличили огромную сумму, расходуемую на вооружение. Представители рабочего класса обеих стран, члены социал-демократической партии в Германии и члены рабочей партии в Англии, боролись против такого увеличения и голосовали за отклонение кредитов. Но в настоящее время они еще не настолько многочисленны в парламенте для того, чтобы помешать принятию военного и морского бюджета. Вследствие этого соревнование государств в громадных расходах на вооружение продолжает свое роковое и пагубное развитие, взваливая на плечи

народа в момент общего повышения цен на все предметы необходимости новое тяжелое бремя и вместе с тем усиливая опасность возникновения ужасной войны.

Рабочий класс всех цивилизованных государств начинает все яснее и яснее сознавать, что такое возрастание вооружений совершается в интересах меньшинства, которое никогда не довольствуется скопленными им богатствами, в то время, как массы населения, в особенности рабочие, большею частью находятся в положении, граничащем с нуждою.

Германские рабочие не питают никаких враждебных чувств к английским рабочим, равно как и английские рабочие ничего не имеют против рабочих германских. Они далеки от того, чтобы к тем жертвам жизнью и здоровьем, которые рабочие вынуждены приносить на ежедневной подневольной службе капитализму в рудниках и на фабриках, присоединять еще жертвы в боях морских и сухопутных.

Они восстают самым решительным образом против тех, кто подстрекает к войне как в Германии, так и в Англии. Они требуют не увеличения капиталистического соперничества в вооружении, а его уничтожения, не возбуждения войны, но мирного соглашения между народами.

Война между Германией и Англией приведет к такой катастрофе, какой еще не видывала история. Все те, кто вызывают такую опасность, совершают ужасное преступление по отношению к человечеству. Возможность предупредить эту катастрофу находится в руках рабочего класса обеих стран.

Мы, как представители организованного и сознательного рабочего класса обоих государств, настоятельно поэтому приглашаем всех рабочих как Германии, так и Англии присоединиться к нашим организациям для того, чтобы спасти от гибели нашу цивилизацию и культуру и сохранить бесчисленное множество человеческих жизней.

Английские и германские рабочие. Где бы вы ни собирались, вы должны помнить, что вам предстоит сыграть историческую роль и оказать содействие сохранению благополучного существования народов. Агитируйте и организуйтесь для установления мирного соглашения между народами.

ГЕРМАНО-ФРАНЦУЗСКИЙ МАНИФЕСТ ПРОТИВ УВЕЛИЧЕНИЯ ВООРУЖЕНИЙ (1913 г.)

В тот момент, когда правительства Германии и Франции готовят для внесения новые законопроекты, которые еще более увеличат уже и без того громадные военные тяжести, социалисты французские и социалисты германские считают своим долгом об'единиться теснее, чем когда-либо, для совместной борьбы против этих безумных действий правящих классов.

Социалисты французские и социалисты германские единодушно и единогласно протестуют против беспрестанных вооружений, которые истощают народы, вынуждая их откладывать удовлетворение наиболее культурных потребностей, усиливают взаимное недоверие и, вместо того, чтобы упрочить мир, вызывают конфликты, ведущие к всеобщей катастрофе, к нищете и разорению масс.

Социалисты обеих стран имеют право считать себя выразителями воли одновременно и германского, и французского народов, когда они утверждают, что те и другие народные массы, в их подавляющем большинстве, желают мира и испытывают ужас перед войной. Это правящие классы по ту и по другую сторону границы, вместо успокоения национальной розни, искусственно вызывают ее, возбуждают взаимную вражду и таким образом отвлекают народы от культурной работы в своих государствах и от борьбы за свою эмансипацию.

Для одновременного обеспечения мира, независимости наций и прогресса во всех областях жизни демократии обоих государств социалисты требуют, чтобы все международные споры разрешались на основании договоров об арбитраже, так как они полагают, что разрешение их силою является лишь варварством и позором для человечества.

Они требуют, чтобы постоянная армия, которая представляет собою постоянную угрозу для народов, была заменена народною милицией, построенной на демократических основаниях и имеющею своею задачей лишь оборону страны.

Если же, в конце концов, несмотря на самое энергичное их сопротивление, на народы будут взвалены новые военные издержки, социалисты обоих государств будут всеми своими силами бороться за то, чтобы финансовое бремя падало на имущих и богатых.

Социалисты Германии и Франции своим поведением в прошлом уже разоблачили двойственную и коварную игру шовинистов и военных поставщиков обеих стран, которые во Франции говорят перед народом о мнимых симпатиях германских социалистов к милитаризму, а в Германии твердят о том же по отношению к социалистам французским.

Общая борьба с шовинизмом по обе стороны границы, общая работа над созданием мирного и дружественного союза обоих цивилизованных народов должны положить конец этому гнусному обману.

В обоих государствах в одно и то же время раздается один и тот же вопль против войны, один и тот же протест против вооруженного мира. Под одним и тем же знаменем Интернационала—того Интернационала, который стоит за обеспечение всем народам свободы и независимости,—социалисты французские и социалисты германские борются с возрастающими силами против ненасытного милитаризма, против опустошительной войны, за взаимное согласие и за прочный мир между народами.

Для того, чтобы покончить с изображением отношения II Интернационала к грядущей войне, мы приведем еще отрывок из книги Бебеля, вождя германских социал-демократов, и одного из вождей II Интернационала, умершего еще до европейской войны. Бебель, как показали последующие события, был неправ, когда считал, что буржуазия не справится с войной, что она не сумеет руководить громадными армиями и обеспечить их снабжение. Однако он совершенно правильно представил себе, что война будет исключительной по своему размаху, жестокости и тем последствиям, которые она вызовет. Казалось бы, что размеры ужасов войны, которые вожди II Интернационала ясно себе представляли, должны были побудить их с непреклонной решимостью бороться против войны и попробовать все силы, чтобы не допустить ее. Этого однако не случилось, и вожди II Интернационала вместо борьбы против войны приняли живейшее участие в самой войне, на стороне тех правительств, на головы которых они лицемерно грозили обрушить всю мощь и весь гнев пролетариата.

ГРЯДУЩАЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

(А. Бебель. „Женщина и социализм").

Все возрастающие армии захватывают самую здоровую и сильную часть народов; для развития и выработки войска все духовные и физические силы до такой степени напрягаются, как будто высшей задачей нашего времени является подготовление к массовому убийству. При этом военные орудия убийства продолжают улучшаться; они достигли в отношении скорострельности, дальнобойности и силы такого совершенства, что стали страшны другу и врагу. Если в один прекрасный день этот аппарат будет пущен в действие, при чем враждебно стоящие друг против друга европейские державы выдвинут от 12 до 14 миллионов войска, то окажется, что им нельзя управлять и его нельзя направлять. Нет генерала, который может им командовать; нет поля битвы, на котором его можно выстроить; нет административной машины, которая могла бы долгое время его кормить.

В случае битвы не будет лазаретов, чтобы вместить раненых, и почти не будет возможности похоронить убитых.

Если присоединить сюда еще ужасное замешательство и опустошение, которые в будущем произведет европейская война, то можно без преувеличения сказать: следующая большая война — последняя война. Число банкротств будет небывалое. Вывоз прекратится, и тысячи фабрик остановятся, привоз жизненных средств приостановится и вследствие этого они страшно вздорожают; число семей, кормильцы которых будут находиться на войне и которые необходимо поддерживать, достигнет миллионов.

Итоги и оценку тому, что проповедывал II Интернационал, с исключительной яркостью подводит т. Ленин.

ЧТО ГОВОРИЛ ВТОРОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ О ВОЙНЕ ДО 1914 г.

(Из ст. т. Ленина в сборнике „Против течения").

Не только Жорес заявил: „Мы не идем на войну против наших братьев, мы не станем стрелять в них; если дело дойдет до столкновения, тогда—война по другому фронту, тогда—революция", но и Виктор Адлер категорически провозгласил: „Близится час, когда пролетариат воспользуется тем оружием мести, которое в его руках; пролетариат выступит с обвинительным актом; наступает час, когда рабочий класс будет иметь в руке и тот меч, посредством которого он приведет в исполнение обвинительный приговор".

Вот каким языком говорил до сих пор Интернационал. Тщетно вы стали бы искать в его решениях благословения войн, хотя бы и „оборонительных". Он давал указания, как бороться против войны, как действовать, когда она наступит. Он говорил: надо голосовать против кредитов, поднимать массу на борьбу, подготовлять гражданскую войну (вспомните указание на Коммуну), он говорил о том, что войны суть насилие командующих классов над рабочими, что войны порожденние всего капиталистического строя. Он звал на борьбу против современной войны. В своих резолюциях о колониальной политике он вопреки ревизионистам, желавшим вести „социалистическую" колониальную политику, не раз говорил, что войны капиталистического периода суть войны исключительно из-за захвата чужих земель, грабежа конкурента, войны из-за рынков и миллиардов....

Интернационал никогда не говорил, что социалисты должны „защищать отечество" в каждой оборонительной войне. В эпоху империалистических войн это было бы прямой бессмыслицей. Было время, когда сам Каутский писал:

„При данной всемирно-политической ситуации нельзя и представить себе такой войны, при которой можно было бы допустить, чтобы пролетариат или демократия были заинтересованы в защите или нападении. Конечно, принципы демократии обязуют нас защищать национальную самостоятельность, а принципы интернационализма диктуют нам защиту самостоятельности каждой нации. Но нигде теперь не угрожает опасность самостоятельности тех больших наций, которые надо принимать в расчет при войне. Единственная опасность войны угрожает теперь со стороны колониальной мировой политики, по отношению к которой пролетариат с самого начала занимает самую резко отрицательную позицию... При этом положении вещей надо не заверять правительство, что оно может рассчитывать на энтузиазм рабочих, если оно в результате своей иностранной политики подвергнется нападению со стороны внешнего врага, а надо клеймить, как преступление по отношению к интересам народа, всякую войну, которая может возникнуть".

В империалистских войнах, которыми характеризуется вся переживаемая эпоха, нападающая сторона завтра может оказаться обороняющейся, и обратно. Уже по одному этому Интернационал не мог дать лозунга: всегда и во всех случаях поддерживай оборонительную войну и те страны, которые попали в оборону. Не надо смешивать отдельных неудачных заявлений, отдельных вождей социализма с мнениями Интернационала. Интернационал не раз высказывался за национальное самоопределение. Это верно. Еще в Копенгагене (1910 г.) он рекомендовал „отстаивать право всех народов на самоопределение". Такие же заявления делал и старый Интернационал. Но может ли это относиться к типичной империалистской войне, какой является война 1914 года.

„Отличие наступательной от оборонительной войны вообще, в большинстве случаев, очень сомнительно",—писал в 1905 г. сам Каутский. А в 1907 г. на Эссенском партейтаге тот же Каутский, возражая Бебелю, говорил: „В действительности для нас в случае войны вопрос станет не относительно той или другой нации, ибо война между большими державами станет мировой войной, она коснется не только 2-х стран. И вот окажется, что в один прекрасный день германское правительство попытается одурачить германских рабочих, будто на Германию напали, а французское правительство сделает то же во Франции. И тогда мы стали бы свидетелями войны, в которой французские и немецкие пролетарии с одинаковым энтузиазмом, следуя за своими правительствами, перерезывали бы друг другу горло".

VI. Накануне войны и предательства второго Интернационала

Одна из важнейших наших задач—это развернуть свиток преступлений второго Интернационала и, в связи с предстоящим десятилетием империалистической войны, развернуть перед рабочим классом всего мира этот махровый букет вождей второго Интернационала, напомнив всему миру, что они виновны в мировой бойне нисколько не меньше, чем империалистические правительства.

Г. Зиновьев.

Из речи на 5-м конгрессе Коммунистического Интернационала.

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ И ПРЕДАТЕЛЬСТВА ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

23 июля 1914 г. Австро-Венгрия вручила Сербии ультиматум, угрожая разрывом в случае невыполнения требований, поставленных в нем. 25 июля Австрия, неудовлетворенная ответом, прервала дипломатические сношения с Сербией. 28 июля со стороны Австрии последовало об'явление войны Сербии. После об'явления войны Интернациональный союз профессиональных организаций получил целый ряд телеграмм, рисующих отношение профсоюзов к войне. Приводим некорые из них.

БЕЛЬГИЙСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ И ВОЙНА

(Телеграмма Бельгийского конгресса профсоюзов 31 июля 1914 г.).

В Бельгии делегаты профессиональных союзов собрались 26 и 27 июля на конгресс, который принял следующий порядок дня:

Конгресс профессиональных союзов рабочей партии и независимых профессиональных союзов придерживается убеждения, что продолжающиеся вооружения европейских стран, на которых держится система вооруженного мира, подогреваемые подстрекательствами буржуазной печати, во многом благоприятствовали развитию шовинизма. Под глубоким впечатлением того известия, что могут предстоять новые бойни благодаря австро-сербскому конфликту, бойни, которые могут повлечь выступление других держав и, таким образом, иметь последствием всеобщее столкновение, конгресс выражает свое непоколебимое решение противодействовать всякой войне. Конгресс бьет тревогу, призывая интернациональный пролетариат воспрепятствовать этому преступлению перед человечеством.

Бельгийский рабочий класс решил соединить свой протест ужасов войны с протестом рабочих всех стран. Бельгийские рабочие, которые уже перенесли тяжелые испытания в своей хозяйственной жизни,

выражают горячее желание, чтобы конфликт между Сербией и Австрией был локализирован и устранен в короткое время путем мирного улажения его.

Единодушно рабочий класс стремится к сохранению мира между народами и возлагает, несмотря на трагичность положения, свою надежду на то, что ужасы войны станут невозможными благодаря соглашению интернационального пролетариата.

РАБОЧИЕ ФРАНЦИИ И ВОЙНА

(Телеграмма французского Генерального Союза Рабочих 31 июля 1914 года).

Французский Генеральный Союз Рабочих решительно противодействует войне и требует, чтобы интернациональный пролетариат оказал воздействие на свои правительства в целях достижения локализации конфликта. Мир должен сохраниться и восторжествовать, если организованные интернациональные рабочие единодушно останутся при мысли о необходимости помешать военному столкновению. Мир находится в руках интернационального рабочего класса, если даже опасность достигнет высшего напряжения. Здесь имеет успех пропаганда мира, так как мы твердо решились избежать войны.

В том же духе были телеграммы от профсоюзных об'единений других стран.

1-го августа в Париже происходил обмен мнений между членом президиума германской социал-демократической партии Мюллером, специально посланным в Париж, и французской социалистической партией. Сущность переговоров приводится ниже, так как в них содержится указание на предстоящее предательство французских социалистов, поднявших вопрос о различии между нападающей и обороняющейся страной (читай: буржуазией), и на всю гнусность предательства германской социал-демократии, устами Мюллера заверявшей, что социал-демократы во всяком случае не будут голосовать за военные кредиты, тогда как через три дня голосовали за них.

ПЕРЕГОВОРЫ МЕЖДУ ГЕРМАНСКИМИ И ФРАНЦУЗСКИМИ СОЦИАЛИСТАМИ

Мюллер был командирован президиумом партии не для того, чтобы присутствовать на похоронах Жореса, о смерти которого он узнал только во время пути (в Брюсселе), но с целью „взаимной информации“, если употребить его собственную формулу. Президиум германской партии считал нужным информировать французских товарищей относительно положения дел и существующего в Германии настроения и желал в то же время получить для себя сведения о вероятном отношении французской социалистической группы к предстоящему голосованию военных кредитов. Он желал получить эти сведения в виду назначенного на ближайший вторник заседания рейхстага, кото-

рому должно предшествовать заседание социал-демократической группы, где последняя должна была выяснить свое отношение к военным кредитам.

Как только мы появились на заседании, Мюллер определил задачу своей миссии и сделал декларацию, в которой указал, что ни президиум партии, ни германская социал-демократическая группа не обсуждали до сих пор вопроса об их отношении к военным кредитам и что положение еще может измениться до того, как им придется это сделать; поэтому он ограничится по возможности чисто об'ективным изложением положения социалистической партии к моменту его от'езда из Берлина. Он прибавил, кроме того, что германские социалисты желали бы перед тем, как самим принять решение, осведомиться о вероятности отношений французских социалистов к этому вопросу, чтобы иметь возможность согласовать с ними линию своего поведения.

Затем Мюллер заявил самым формальным образом, повторив это несколько раз, что германская социал-демократическая группа определенно не будет голосовать в пользу военных кредитов. „Я считаю исключенной возможность голосования за военные кредиты",—таковы были его подлинные слова. Среди руководителей партии и членов германской социал-демократической группы имеются лишь два заметных течения: одно, высказывающееся за голосование против кредитов, и другое, рекомендующее воздержание от голосования. Повидимому, сторонников тех, кто желает голосовать против, больше, чем тех, которые предлагают воздержаться.

Когда один из французских социалистов заметил, что внезапное и грубое нападение со стороны одной из участвующих в конфликте стран может создать законное состояние обороны для страны, подвергшейся нападению, то Мюллер заявил, что, по мнению германских социалистов, различие между нападающей и обороняющейся стороной, которому социалисты еще недавно придавали существенное значение, является устаревшим. Настоящий конфликт, сказал он, вытекает из общих причин, которые резюмируются в понятии капиталистического империализма, и ответственность за этот конфликт падает на правящие классы участвующих стран. Таким образом, Мюллер заявил, что весьма мало вероятна гипотеза, при которой одна страна явится исключительно нападающей (как, напр., Россия, которая произвела внезапное вторжение в восточные прусские провинции); единственно допустимой для социалистов гипотезой явилось бы признание такой страны находящейся в состоянии необходимой обороны.

Подобная гипотеза, прибавил он, была бы маловероятной именно потому, что было бы желательно, чтобы социалисты во всех странах, в особенности социалисты по сю и по ту сторону Вогезов, заняли тождественную позицию.

Обмен мнений, который последовал вслед за этим, показал, что французские социалисты убеждены, что правительство республики

искренно желает сохранения мира и что, следовательно, если война разразилась против желания Франции, то им не остается ничего, как выбрать одно из альтернативы: вотировать в пользу военных кредитов или воздержаться от голосования. Мюллер в конце концов присоединился к мнению, выраженному председателем заседания, именно, что воздержание от голосования в обеих странах является единственным средством обеспечить единство действий социалистических партий Франции и Германии. Однако с обеих сторон подразумевалось само собой, что на этот счет не принимается каких-либо обязательств и что обмен мнений, который имел место, не преследовал другой цели, как желания осветить друг другу те решения, которые в соответственный момент придется принять каждой из сторон, при чем каждая сторона сохраняет свою автономию, не теряя однако желания сохранить по возможности интернациональное единство поведения пролетариата.

В общем, заявления Мюллера оставили следующее вполне определившееся впечатление: 1) что большинство германской социал-демократической группы настроено в пользу голосования против кредитов на войну; 2) что если, несмотря на это, сторонники воздержания от голосования победят, то это будет сделано, чтобы сохранить единство поведения с французскими социалистами; 3) что единственной гипотезой, которую не следует допускать, является возможность голосования германских социалистов в пользу военных кредитов.

После этих документов, относящихся к деятельности Интернационала в целом накануне войны, мы приведем некоторые материалы, относящиеся к деятельности отдельных секций. Все они относятся к последней неделе, предшествовавшей войне.

УЛЬТИМАТУМ

(Из статьи „Форвертса", центрального органа германской социал-демократической партии, от 25 июля 1914 г.)

Войны желают те бессовестные элементы, которые пользуются влиянием при венском дворе и производят решительный удар. Они желают войны—это ясно из диких выкриков черно-желтой прессы, раздающихся уже несколько недель. Они желают войны—австрийский ультиматум Сербии показывает это открыто перед всем светом.

Коронованные властители, политика которых за последние годы во всех округах служила предметом насмешки и порицания, словно желают теперь показать нам, что им не чужды серьезность и энергия, что они могут действовать, и вот они ударяют по столу своим бронированным кулаком, превращая фарфор в обломки и вызывая ужас во всей Европе. При всех осложнениях во время Балканской войны мы никогда не стояли так близко перед великим кровавым хаосом, как

в эти двадцать четыре часа, которые указаны правительством Берхтольда[1]) сербскому министерству, как крайний срок для ответа на его угрожающую ноту. И если с наступлением 6 часов субботы сербское правительство не пришлет ответа или если оно сочтет ниже своего достоинства отвечать на подобную бумагу, что тогда будет? Тогда австрийские мониторы на Дунае станут бомбардировать Белград, тогда австрийские полки перейдут через Саву и Дрину, тогда начнется, даже если конфликт будет „локализирован", такое истребление людей, по сравнению с которым балканская война была детской игрой. Так как кровь Франца-Фердинанда и его супруги была пролита от выстрелов безумного фанатика, то должна пролиться кровь многих тысяч рабочих и крестьян; безумное преступление должно повлечь за собой еще более безумное преступление. Но, когда заговорят пушки, тогда надежда на „локализацию" конфликта останется очень слабой повсюду: в союзе с Сербией находятся Греция и Черногория, которые не оставят своих ружей без употребления, если над белградским конаком будет развиваться австрийский двуглавый орел, а далее в игру вмешается и русский царизм, который „ради своекорыстных целей" считает себя покровителем балканских славян, а после этого естественно начинается выступление тройственного союза против тройственного согласия на всем необ'ятном фронте. Таким образом австрийский ультиматум может явиться зажигательной бумажкой, от которой вся Европа запылает во всех четырех углах...

ВОЗЗВАНИЕ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (25 июля 1914 г.)

Еще не высохли балканские поля от крови тысячи убитых, еще пылают развалины опустошенных городов и разоренных сел, еще бродят по стране голодные люди, овдовевшие жены и осиротелые дети, и уже снова разорвавшая свои цепи фурия войны со стороны австрийского империализма шлет смерть и разорение по всей Европе...

Сознательный пролетариат Германии во имя человечности и культуры поднимает голос горячего протеста против преступных натравливаний сторонников войны. Он настоятельно требует от германского правительства, чтобы оно употребило все свое влияние на австрийское правительство для сохранения мира и, если нельзя будет предотвратить позорную войну, чтобы оно воздержалось от всякого военного вмешательства в нее. Не должна быть принесена в жертву честолюбию австрийских властителей или империалистическим интересам наживы ни одна капля крови германского солдата.

Товарищи, мы требуем от вас на массовых собраниях дать выражение непоколебимой воле сознательного пролетариата к сохранению мира. Наступил серьезный час, более серьезный, чем какой-либо другой

---

[1]) Берхтольд—австрийский министр иностранных дел при начале войны.

12*

за последние десятилетия. Промедление опасно. Угрожает мировая война. Господствующие классы, которые во время мира угнетают, презирают и эксплоатируют вас, теперь используют вас как пушечное мясо. Отовсюду должен доноситься до ушей властителей клик: „Мы не желаем войны! Долой войну! Да здравствует международное братство народов!“

ОБ'ЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ АВСТРИЕЙ

(Из статьи „Форвертса“ от 26 июля 1914 г.)

То, что до последнего момента признавалось невозможным, теперь стало фактом. Австрийское правительство через своего посланника в Белграде прервало дипломатические сношения с Сербией, так как сербское правительство дало „неудовлетворительный“ ответ на австро-венгерскую ноту. Это означает по всем формам международного права об'явление войны.

Игра в железные кости началась. Зверь войны выпущен на свободу. Где окончится пожар, не знает никто...

Что же будет теперь? Что опасность всеобщего пожара на-лицо, это ясно каждому непосвященному...

Опасность международных осложнений является тем большей, что в течение ряда лет военное соперничество вооружений охватило все народы Европы. Конечно, если бы в настоящее время международные отношения народов были мирными, то, в конце концов, имелась бы основательная надежда на то, что неравный поединок между Австрией и Сербией будет локализирован. Но грандиозные вооружения Германии настолько встревожили Англию, Францию и, далеко напоследок, Россию, государственные финансы настолько стали напряженными и недовольство плательщиков налогов настолько угрожающим, что легко ожидать разряжения скоплявшейся из года в год электрической энергии в форме взрыва.

Как говорят наши немецкие сторонники войны, взрыв воинственного напряжения теперь стал неизбежным, и если ту же мысль усвоят себе другие народы, то не вызовет ли австро-германская коалиция (ибо на Италию нельзя особенно полагаться) противодействие так часто провоцировавшейся ею коалиции остальных европейских народов.

Как бы ни смотреть на положение, в промедлении лежит ужасная опасность—у ворот стоит всеобщая европейская война.

И ради чего? Ради того, что австрийское правительство, австрийская военная партия, которая представляет собою столь же ничтожную кучку людей, как и немецкие шовинисты, желает еще раз развернуть свое насильственное нападение.

Для германского международного пролетариата, поэтому, обстоятельства представляются совершенно ясно. Он не должен в этот

момент, когда решается и его судьба, остаться сидеть со сложенными руками. Он должен прежде всего вполне уяснить себе все последствия, проистекающие из теперешнего положения. Если в намерения германского рабочего класса постоянно входило поддержание мира народов и предотвращение угрожающих международных конфликтов, то именно теперь он должен быть на своем посту...

Международное положение—запутаннее, чем когда-либо. Правительства все более склоняются к тому, чтобы поставить на карту все... В это время общего испуга и полного замешательства единственной указательницей поведения трудящихся масс должна являться пролетарско-социалистическая политика. Народ не желает никаких военных авантюр, никаких бумагописаний, никакой политики бандитизма или поддержания престижа, но единственно ждет такой политики, которая могла бы гарантировать сохранение мира на предвидимое время. Всякая шовинистическая травля, всякие империалистические фантазии встречают у него ответ в форме категорического требования: „Мы желаем только свободного политического, хозяйственного и культурного развития. Всякая война является смертельным врагом такого развития. Поэтому рабочий класс является заклятым врагом всякой военной политики".

Но Австрия стоит еще перед решением, ее полки еще не выступили в поход. Пусть же австрийские властители и их явные и тайные пособники имеют в виду, что каждый ошибочный шаг их политики азартного игрока может вызвать неожиданное народное движение, которое положит конец всякой политике бандитизма и империалистического рискования всем.

ВОЗЗВАНИЕ ГЕРМАНСКОЙ СОЦ.-ДЕМ. ПАРТИИ: «ДОЛОЙ ВОЙНУ!»

от 27 июля 1914 года

В страшно серьезный час раздается этот клич среди пролетариата и всего населения. Необходимо образовать фронт против безответственных и ответственных подстрекателей к войне, которые не отступают даже перед опасностью зажечь мировой пожар.

На 27-и собраниях весь Берлин должен ополчиться против грозящей несчастьем опасности, народ должен проявить единую волю в пользу сохранения мира. Ни один мужчина или женщина не должны остаться дома при таких важных манифестациях. Пусть каждый идет на собрания и приводит других.

27-и собраний четверга должны показать властителям и всему миру, что широкие массы чувствуют себя солидарными с их братьями и сестрами по ту сторону границы. Мир и согласие, а не народная резня и ненависть —такова воля народа.

ОПАСНОСТЬ ВОЙНЫ

(Из статьи органа германских профсоюзов от 1 августа 1914 г.)

С точки зрения профессионального движения нас особенно побуждают выступить против накликания войны ужасающие хозяйственные опустошения, которыми грозит грядущая война. Уже и теперь, при нарушении политического спокойствия, наблюдается экономический поворот назад, хозяйственный оборот становится менее надежным, армия безработных увеличивается с каждым днем. Промышленность, работающая на войну, не сможет поглотить все те массы рабочих, которые будут выброшены крахом других отраслей промышленности.

Война подорвет все наши заработки в промышленности и торговле, за исключением промышленности, работающей на войну; эта война подорвет нашу внешнюю торговлю, создаст для нас недостаток с'естных припасов, постоянно растущую дороговизну. Германия зависит от ввоза с'естных припасов, и нет сомнения, что с началом войны на трех фронтах этот ввоз пресечется. К внутреннему хозяйственному кризису присоединится полная блокада извне. Подобного положения не имелось у нас до сих пор ни при одном из военных предприятий. Кроме того, укажем на колоссальные суммы, поглощаемые войной. 4—5 миллионов вооруженных людей, находящихся под ружьем, содержание флота и вооружение армии требуют для каждого дня мобилизации 30-40 миллионов марок. Неисчислимые суммы потребуются, если военные действия затянутся на несколько месяцев. Кто возместит эти тяготы? Кто позаботится об оставшихся без средств женах и детях призванных на военную службу людей, кто поможет оставшимся без заработка, выброшенным на улицу войной? Разве можно молчать совершенно, когда кровавая борьба в родной земле творит свою разрушительную работу по горящим селам и городам? Война 1870-71 года покажется незначительной, не выдержит никакого сравнения по своей опустошительности для хозяйственных и культурных ценностей и для человеческой жизни с войной, грозно стоящей теперь перед нами. Мы не можем, рисуя даже самыми мрачными красками, представить себе всю картину ее разрушительного действия: это будет картина стенаний и ужаса, какой еще не видала мировая история.

Всей тяжестью падает ужас войны на рабочие классы, они прежде всех испытывают на себе ее тяжелое давление. Мы сожалеем глупцов, которые увлекаются националистическими фантазиями: среди рабочих не должно оказаться таких, так как им придется испить чашу страданий до дна...

Рабочие должны требовать от нашего немецкого правительства, чтобы оно склонило своего союзника к умеренности, избегало всего, что может привести к дальнейшим военным осложнениям и, наконец, поддерживало всеми силами всякие попытки, направленные к улажению начавшейся ныне между Австрией и Сербией войны.

Мы уверены, что наши русские и французские друзья в своих собственных странах приложат все усилия для пропаганды мира, чтобы к австрийскому преступлению не присоединилось еще русское преступление. Предупреждение войны является обязанностью всякого; эта цель должна затронуть самые глубокие чувства каждого человека, вывести его из состояния равнодушия, даже если он стоит далеко от политики.

Многое, чрезвычайно многое поставлено на карту для рабочего класса, и потому мы поднимаем наш голос против преступной травли и желаем вместе с нашими заграничными друзьями приложить все силы на службу миру и для устранения опасности войны.

Австрия была первой начавшей войну. Тем больший интерес представляет поведение австрийской социал-демократии накануне войны. Мы приводим выдержки из воззвания социал-демократов немецкой части Австрии, выпущенного после отправки австрийским правительством ультиматума Сербии. Оно характерно тем, что в нем даже нет намека на намерение противодействовать войне.

ИЗ ВОЗЗВАНИЯ НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ АВСТРИИ

(Напечатано в центральном органе партии 25 июля 1914 г.)

В необычайно серьезное время мы обращаем к вам, товарищи, наше слово. Опасность военных осложнений с Сербией стоит за нашей спиной, и быть может, еще раньше чем кончится день, когда наше обращение дойдет до вас, война уже разразится...

Мы заявляем от имени рабочего класса, как представители немецких рабочих Австрии, что мы не принимаем на себя ответственности за эту войну, что ответственность за нее и за все те ужасающие последствия, которые она может повлечь, мы возлагаем на тех, которые измыслили, поддерживали и развивали роковой шаг, поставивший нас лицом к лицу с войной...

Народу не предоставлено решать вопроса о войне и о мире. Парламент, через который он мог бы высказаться, безмолвен. На политические свободы собраний и печати наложены путы. В роковой час определения нашей судьбы мы должны еще раз громко сделать предупреждение: мир является драгоценнейшим благом людей, высшей потребностью народов...

Мы отклоняем от себя всякую ответственность за эту войну; торжественно и решительно мы возлагаем эту ответственность на тех, которые и там и здесь подстрекали к ней и начали ее. И мы сознаем, что, поступая так, мы находимся в согласии с сознательным рабочим классом всего мира и, в частности, с социал-демократами Сербии.

Торжественно присоединяемся мы к культурной работе интернационального социализма, которому мы остаемся верными и с которым мы связаны до гроба.

О роли Франции в европейской политике и в частности о франко-русском союзе, специально заключенном в предвидении войны с Германией, с тем, чтобы обрушить на Германию многомиллионную массу русских крестьян и рабочих, переодетых в солдатские шинели,—говорилось выше. Приводимый ниже (в выдержках) манифест французской социалистической партии рисует поведение французских социалистов накануне войны.

ИЗ МАНИФЕСТА ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
(28 июля 1914 года)

Против политики насилия, против грубых способов действия, которые способны во всякую минуту навлечь на Европу неслыханную катастрофу, восстают и протестуют пролетарии всех стран. Они заявляют о своем отвращении к войне и о желании предупредить ее. Социалисты, рабочие Франции, призывают все население государства оказать всеми силами содействие к поддержанию мира. Им известно, что французское правительство в настоящую критическую минуту явно и искренно озабочено предупреждением или ослаблением опасности столкновения. Они требуют от него лишь принятия мер к тому, чтобы восторжествовал путь соглашения и посредничества, который облегчается еще готовностью Сербии принять большую часть австрийских требований. Они требуют от него воздействия на его союзницу—Россию в том смысле, чтобы она в защите славянских интересов не имела повода к агрессивному выступлению. Таким образом их стремления вполне согласуются со стремлениями германских социалистов, требующих от германского правительства оказать влияние на свою союзницу—Австрию с тем, чтобы она умерила свои требования.

Эту мощную и повелительную волю к миру, граждане, вы должны неуклонно подтверждать в собраниях, созывать которые мы приглашаем вас как можно чаще. Именно для того, чтобы с большей силой и единством подтвердить общее желание европейского пролетариата сохранить мир, для того, чтобы обеспечить согласованность широкой деятельности в этом направлении, Интернационал собирается завтра в Брюсселе. Вместе с ним, в его рядах мы боремся со всей нашей энергией против грозящего миру отвратительного преступления. Самая возможность такого преступления представляется позором и осуждением для всего режима.

В манифесте говорится о деятельности, направленной к сохранению мира, о борьбе „против грозящего миру отвратительного преступления“, но эти мысли (или подобные им) развивались и в целом ряде других документов, исходивших до войны от II Интернационала. Мы подчеркнули другое утверждение французских социалистов о том, что французское правительство „явно и искренно“ озабочено предупреждением войны. Это утверждение—провозвестник очень близкого падения французских социалистов. С этого комплимента по адресу реакционнейшего французского правительства, связавшего ради войны с Германией свою судьбу с подлым русским царизмом, и начинается предательство интересов рабочего класса и крестьянства Франции. Интереснее всего, что в тот же день один из подписавших манифест левых французских социалистов, Эрве, в своей газете „Социальная война“, оценивал франко-русский союз так ярко, что его слова должны быть приведены здесь.

ФРАНКО-РУССКИЙ СОЮЗ

(Из статьи Эрве).

...Европа уже давно представляет собой глухой лес, полный разбойников, и нет ни одной великой нации, у которой руки не были бы обагрены кровью.

Эта война будет вестись не для защиты маленького сербского народа, но для спасения престижа нашего союзника—царя.

Честь нашего союзника! Честь русского правительства! Честь мрака! Наш союзник не был так щепетилен в вопросах чести, когда он душил Финляндию, когда он угнетал Польшу, когда он спускал свои черные своры на киевских и одесских евреев!

Биться за спасение царского престижа—благородный стимул для того народа, предки которого создали Великую Революцию! Какое блаженство умереть за такое великое дело!

Так вот в чем состоит союз с Россией?!

Нас, граждан независимого народа—так как мы, повидимому, независимы,—в день подписания франко-русского союзного договора уверяли в том, что имеется в виду заключение чисто оборонительного союза. Мы все думали, что если бы Россия подверглась непосредственному нападению, то мы были бы обязаны, по долгу взаимности, оказать ей помощь.

Но нам не говорили, что мы должны выступать также и тогда, когда подвергнется нападению кто-нибудь стоящий под русским покровительством; нам не говорили, что мы должны мобилизовать свои силы по произволу царя, если для спасения его престижа ему угодно будет напасть на Австрию.

На этом мы обрываем приведение документов, рисующих поведение II Интернационала и его секций накануне войны. При желании можно было бы привести еще целый ряд манифестов, воззваний и т. д., но они мало отличались бы от только что приведенных: во всех говорится о противодействии войне, о борьбе с ней, о бессмысленности войны с точки зрения интересов пролетариата, о преступности правящей буржуазии и т. д., но нигде нет намека (кроме подчеркнутой нами фразы манифеста французских социалистов) на возможность перехода II Интернационала на сторону буржуазии, на благословение вождями оружия *своей* буржуазии и на оправдание войны.

Нам предстоит теперь ознакомиться с несколькими документами, относящимися к первым дням августа 1914 г., к началу мировой войны, с документами, которые писаны через несколько дней после приведенных выше.

Германский рейхстаг был созван 4-го августа, а днем раньше, 3-го августа, социал-демократическая фракция рейхстага собралась на заседание и вынесла постановление голосовать за требуемые правительством кредиты, т. е. дать правительству деньги на ведение войны.

Описывая это заседание, Каутский говорит: „Действительно можно было рассматривать согласие на военные кредиты так, что мы *за одну ночь изменили нашу прежнюю политику и обратились к противоположной*“. Хотя Каутский робко заявляет дальше, что „такое толкование не было единственно возможным“, однако дело происходило именно так: за одну ночь немецкие социал-демократы перебежали в лагерь врагов пролетариата. Подробности предательства рассказывает другой предатель Бернштейн, еще задолго до войны запятнавший себя „пересмотром“ (ревизией) марксизма.

ПЕРЕХОД ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ НА СТОРОНУ ИМПЕРИАЛИСТОВ

(Отчет Бернштейна о заседании соц.-дем. фракции германского рейхстага 3 августа 1914 г.)

Положение в Германии было таково. Было твердо установлено, что Россия первая начала, по крайней мере, официальную мобилизацию, а официальная мобилизация есть угроза войной. На обращенный германским правительством ультиматум, срок которого был продлен до 5-и часов пополудни 1-го авг., русское правительство, по заявлению „Белой книги“, опубликованной имперским правительством 3-го авг., вовсе не дало ответа. На ультиматум, обращенный к Франции, словам того же источника, французское правительство дало ответ, звучащий не очень сочувственно в ушах социалистов, а именно, что Франция поступит так, как того требуют ее интересы.

Таким образом Франция и Россия являются такими странами,

которые открыли военные действия враждебного характера. На востоке и на западе, согласно официальным сведениям, находятся солдаты ныне враждебных стран на германской территории.

Имея 4 августа перед глазами такие сведения, парламентская фракция германской социал-демократии должна была решить, следует ли ей дать свое согласие на требуемые германским правительством для ведения войны кредиты или нет. Думаю, что я не окажусь виновным в нескромности, если замечу, что при обсуждении этого вопроса едва ли был затрогиваем австро-сербский конфликт, послуживший толчком к положению войны,—настолько мобилизация и известия об открытии враждебных средств отодвинули на задний план все другие точки зрения. Для значительного большинства фракции речь шла только о том, чтобы выяснить, должны ли мы, партия, представляющая одну треть германского народа, которому предстоит теперь защищать свою страну, должны ли мы отказать воинам и их семьям в средствах защиты и обеспечения их семей, когда враг уже вступил в нашу страну, и притом главный враг, каким считается Россия. Это казалось невозможным тем, которые ставили вопрос таким образом. Меньшинство, напротив, спрашивало себя, подобает ли отпускать средства на такую войну, о непосредственно предшествовавшей истории которой мы имеем лишь односторонний отчет и которая притом является проявлением такой политической системы, против какой социал-демократия всегда боролась с величайшей энергией. Признавать кредиты на такую войну означало бы, по их мнению, для социал-демократии впадать в противоречие с собой же самой и могло бы произвести на рабочих других стран наихудшее впечатление, а в Интернационале создать величайшее замешательство.

Этот последний взгляд, однако, при голосовании во фракции не смог собрать более $^1/_6$ или $^1/_7$ всех голосов. $^6/_7$ фракции голосовали вместе с докладчиком, который высказался за ассигнование кредитов. Заранее было постановленно во всяком случае голосовать в рейхстаге единогласно, чтобы это заседание от 4 августа 1914 г. показало, что социал-демократия вместе с буржуазными партиями одобряет кредит в 5 миллиардов марок на военные цели, и таким образом представительство немецкого народа представится для враждебных стран единым фронтом.

«ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА»

(Из декларации германских социал-демократов на заседании рейхстага).

Теперь мы стоим перед железным фактом войны. Нам грозят ужасы военных нашествий. Мы должны теперь голосовать не за войну или против нее, а решать вопрос об отпуске средств, необходимых для защиты страны.

Здесь нам приходится вспомнить о миллионах товарищей, которые без всякой вины вовлечены в это роковое дело. Их сильнее всего

коснется опустошительное действие войны. Наши горячие пожелания сопровождают наших призванных под знамена братьев без различия их партийной принадлежности.

Мы вспоминаем о матерях, которые должны отдать своих сыновей, о женах и детях, которые лишаются своих кормильцев и у которых к страху за своих любимых примешивается ужас грозящего голода. К ним скоро присоединятся десятки тысяч раненых и искалеченных воинов. И мы считаем своей настоятельной задачей быть с ними, облегчить их участь, ослабить их невыразимую нужду.

Для нашего народа и его свободной будущности очень многое поставлено на карту в случае победы русского деспотизма, который запятнал себя кровью лучших сынов своего народа. Необходимо предотвратить эту опасность, обеспечить культуру и независимость нашего собственного отечества. Поступим же так, как мы всегда заявляли: мы не оставим отечества без помощи в час опасности. Мы сознаем себя действующими солидарно с Интернационалом, всегда признававшим право *каждого народа на самостоятельность и самозащиту*, и точно так же в согласии с ним мы осуждаем всякую завоевательную войну.

Еще более подлой в своем падении оказалась социал-демократия Австрии. Вот статья из центрального органа немецкой социал-демократии Австрии, помещенная назавтра после голосования социал-демократов Германии за военные кредиты.

ДЕНЬ ГЕРМАНСКОГО НАРОДА

(„Арбейтер Цейтунг", 5 августа 1914 г.)

Этот день четвертого августа мы не забудем. Как бы ни выпали роковые игральные кости, а мы с самым искренним устремлением нашего сердца надеемся, что они выпадут благоприятно для священного дела германского народа,—картина, которую представлял собой сегодня германский рейхстаг, представитель всей нации, неизгладимо запомнится всем немецким народом и будет в истории рассматриваться, как день мощного и гордого под'ема немецкого духа. И этот день покажет всей Европе, большая часть которой подняла уничтожительную войну против Германской империи, что в борьбе за свою независимость и за свою национальную честь Германия является единой и останется единой до последней капли крови. Последующее время решит, правильно ли действовала дипломатия, должно ли было произойти то, что произошло. Теперь на ставку поставлена немецкая жизнь, и здесь не должно быть никаких колебаний, никакой трусости. Немецкий народ об'единен непреклонным железным решением не допустить своего подчинения, и даже чорту и смерти не удастся победить наш великий и энергичный народ, наш немецкий народ. Это заседание рейхстага, в котором он

проявил всю полноту своего мужества и силы, показало врагам, что они в своих попытках хитро заложить мины под безопасность государства наталкиваются на весь народ, полный железной силы и бронзовой выдержки.

Один за другим голосовали все немецкие социал-демократы за заем. Как и вся интернациональная социал-демократия, так и наша имперско-германская партия, этот перл организации сознательного пролетариата, является горячей противницей войны и страстной приверженницей согласия и солидарности народов. И она не оставила неиспользованной ни одной попытки предотвратить мировую войну, которая прежде всего явилась войной против германизма, она хотела избавить человечество от ужасающего землетрясения. И, конечно, не ее виной является, если Германская империя и вместе с нею весь европейский мир испытал наказание войной. Но теперь, когда наше немецкое отечество оказывается в опасности, когда независимость нашего народа находится под угрозой, социал-демократия выступает на защиту родины, и те „лишенные родины товарищи", „красная рота", как их когда-то попрекал кайзер, несет государству добро и кровь трудящихся масс. Рабочие не вспоминают о том презрительном отношении, которое проявляло к ним прусское юнкерское государство, о тех бесчисленных издевательствах, несправедливостях и преследованиях, которые изо дня в день совершались над ними,—они думают только о любимом немецком народе, который находится в нужде и нуждается в силе рабочих; бесстрашно и мужественно они встают на его защиту. Они не торгуются и не спорят, и никогда политическая партия не поступала более возвышенно, чем теперь немецкая социал-демократия, которая показала себя достойной переживаемого ныне необычайного серьезного момента.

И вот германский народ единодушно выступает на борьбу за сохранение своего государственного и национального существования. На другой стороне мы видим жалкие рассуждения, барышнические коалиции, лишенные в своей основе всякой нравственной идеи. Здесь же единый сильный и одушевленный народ; мировая история повернет свое течение вспять, если немцы не получат своего права.

На 29 июля 1914 г. генеральная конфедерация труда—об'единение профсоюзов Франции—назначила митинг, который был запрещен правительством на том основании, что „правительство не находит возможным при теперешних обстоятельствах допустить такое собрание, в котором, если судить по программе, ораторы будут обсуждать способы воспрепятствования мобилизации". Генеральная конфедерация труда выпустила в ответ на запрещение протест, в котором писала: „Окончательная судьба международного мира находится в руках рабочего класса... Пусть в каждом государстве растет демонстрация протеста против войны, пусть будет больше сил у глашатаев мира. В этом спасение".

31 июля 1914 г. после полудня был убит агентом французского правительства виднейший вождь II Интернационала — знаменитый французский социалист Жорес, которого французское правительство имело некоторые основания бояться, как антимилитариста, особенно при об'явлении мобилизации. На следующий день, вечером, последовало об'явление о всеобщей мобилизации. При этом правительство, едва ли не специально для французских социалистов, которые ему поверили, подло уверяло: „Мобилизация не есть война. При теперешних обстоятельствах она представляется, наоборот, наилучшим средством сохранить и мир и честь".

2 августа 1914 г. в Париже состоялось общее собрание французских социалистов. Послушаем тех, кого в приведенном выше воззвании генеральная конфедерация труда именовала „глашатаями мира".

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ СОЦИАЛИСТОВ ПОСЛЕ ОБ'ЯВЛЕНИЯ МОБИЛИЗАЦИИ 2 АВГУСТА 1914 ГОДА

(Отчет центрального органа партии)

Из речи Дюбрейля, социалиста, депутата палаты (французского парламента).

„Оставаясь верным тем обязательствам, которые мы всегда признавали, мы считаем своим долгом отстаивать независимость и неприкосновенность нашей республиканской и желающей мира Франции в том случае, если она подвергнется нападению.

Но мы не забываем, с другой стороны, и того, что мы состоим членами рабочего и социалистического Интернационала. Печальная судьба насильно приводит нас к оборонительной войне. Мы поведем ее, но с единственной лишь целью обеспечить право на жизнь нашей дорогой родине—Франции, без всякой мысли о реванше и с полной решимостью с уважением относиться ко всякому чужому отечеству".

Из речи Вальяна — другого виднейшего французского социалиста.

„В настоящее же время социалистическая партия, французская и интернациональная, может проявить мощное усилие в пользу сохранения мира, как она доказала это в течение минувшей недели. Ради мира она сделает все. Использует все средства. Но если мир окажется невозможным, то социалистическая организация все-таки должна продолжать свою деятельность, сохранять и увеличивать свои силы, чтобы при всяком возможном случае выполнять свою мирную миссию. Социалисты выполнят одновременно свой долг патриотический и долг социалистический: если они окажутся лицом к лицу с нашествием, то они выполнят весь их долг перед отечеством, перед республикой и революцией".

3-го августа, т. е. через два дня после об'явления мобилизации Францией, последовало об'явление Германией войны Франции, пред'явление Германией ультиматума Бельгии с требованием пропустить немецкие войска через Бельгию к французской границе и отказ Бельгии выполнить это требование. В ночь с 3-го на 4-е августа германские войска вступили на территорию Бельгии.

4-го августа, т. е. в тот день, когда немецкие социал-демократы, считая Германию обороняющейся страной, голосовали за предоставление правительству денег на ведение войны,—в этот же самый день происходило заседание французской палаты депутатов. Французские социалисты, считая Францию обороняющейся страной, согласились без прений голосовать за законопроекты, внесенные правительством в связи с началом войны. Законопроекты были поэтому без прений приняты единогласно.

От социал-предателей Запада, конечно, не отстали и русские меньшевики. Вот достаточно показательное постановление петербургской группы меньшевиков, принятое в связи с войной и забастовкой, происходившей в Петербурге перед самой войной, как раз в то время, когда Пуанкаре приезжал из Франции для закрепления военного союза французской буржуазии с подлым царским правительством.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГРУППЫ МЕНЬШЕВИКОВ

„Признавая всякую войну злом, но принимая во внимание, что в последнем столкновении между Россией и Австрией наше государство оказывается в положении втянутого в войну и что предстоящая война не вызвана завоевательными замыслами, а продиктована лишь соображениями необходимой защиты, районный комитет считает нужным прекратить всякие активные выступления со стороны рабочих, как ослабляющие военную мощь России".

Общую оценку поведения господ из II Интернационала дает т. Зиновьев.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

(Из предисловия т. Зиновьева к книге Грюнберга: „Интернационал и мировая война").

Балканские войны были предисловием к империалистической мировой войне. Честные социалисты всех стран уже в 1912 г. превосходно сознавали, что Балканская война обязательно повлечет за собой в ближайшие годы мировую войну.

Вырабатывая свою тактику по отношению к войне в 1912 году, деятели II Интернационала пытались предвосхитить свою линию поведения на тот момент, когда нагрянет война мировая. Каждая

из резолюций, принятых в 1912 году, и особенно манифест Базельского конгресса, принятый единогласно, являются Аннибаловой клятвой: бороться против империалистической бойни до последней капли крови, ответить на империалистическую войну войной гражданской.

Но особенно показательны те документы, которые написаны за день, за два до 4 августа 1914 года (начало мировой войны) и через 24 или 48 часов после начала этой войны.

За день, за два до того, как раздался первый выстрел, и германская социал-демократия, и французские официальные социалисты, и английские тред-юнионисты—все без различия рабочие организации, входившие в состав II Интернационала, говорили открыто, что надвинувшаяся война явится империалистической бойней, вызванной буржуазией обеих коалиций. Все эти партии и организации звали рабочих бороться против преступнейшей из войн, которую провоцировали империалисты всех стран. Но вот грянул первый выстрел, вот произошел разрыв между двумя империалистическими коалициями. И как бы по мановению волшебной палочки все официальные вожди всех официальных партий признали белым то, что они же вчера называли черным. Каждая из этих партий заявила, что правительство „ее“ страны ведет войну „освободительную“, войну „оборонительную“, войну „за свободу“. И каждая из этих партий призывала рабочих своей страны „защищать“ отечество вотировать военные кредиты на империалистическую бойню, отдать последнего человека на защиту „своей“ буржуазии, прекратить стачки, прекратить классовую борьбу и заключить пресловутый „гражданский мир“ с буржуазией...

Документы II Интернационала — превосходнейший обвинительный акт против всего II Интернационала. Сколько-нибудь толковый честный рабочий, прочитав эти документы, скажет: „да ведь эти люди сами расписались в предательстве“. Вожди II Интернационала являются сознательными и заведомыми обманщиками рабочего класса. Ведь камни вопиют...

Мы предлагаем читателю проделать следующее: сопоставить заявления предателей из II Интернационала с напечатанными выше манифестами коронованных властителей. И там и тут одинаковые по своей подлости уверения, что все эти страны подверглись нападению и что оборона является вынужденной. Одинаковые, должно быть, потому, что подлость одинаково звучит, из чьих бы уст она ни исходила.

VII. Картины войны

АНГЛИЙСКИЕ СОЛДАТЫ, ВОЮЮЩИЕ ПОТОМУ, ЧТО ОНИ НИЧЕГО НЕ ЗНАЮТ О ВОЙНЕ

(Гиббс. „Душа войны“).

Когда наша английская маленькая профессиональная армия высадилась на берегу Франции, вряд ли хотя бы один из тысячи солдат имел ясное представление о том, из-за чего он идет драться с немцами и каков будет характер этой войны. Если бы его спросили, из-за чего мы воюем с Германией, солдат регулярной армии почесал бы в затылке и пробормотал бы что-нибудь о „проклятых немцах“ и о том, что нужно помочь „лягушатникам“, т. е. французам. О международной политике, мировых вопросах, немецком честолюбии, славянской опасности, „белых“ или „желтых“ книгах он ровно ничего не знал и нисколько ими не интересовался. Его долг профессионального солдата заключался в том, чтобы драться со всякими, с кем ему прикажут, какого бы цвета кожи и какой бы национальности ни был противник. Вообще говоря, он был рад, что враг, против которого ему действительно пришлось выступить, говорил на иностранном языке. Это было более ему по вкусу. Что такое писали газеты о немцах? Редактор „Клэрисна“ не мог припомнить содержание статей, кроме того, что немцы готовились годами для того, чтобы разгромить Англию, хотели захватить все наши колонии и чертовски усиливали свой флот. Конечно, наше правительство, как и всегда, спало и нисколько не интересовалось этим. Так поступало всегда британское правительство, насколько можно припомнить. Как бы то ни было, немцы были нашими врагами, а французы друзьями, что было странно, и британская армия опять шла спасать Европу, согласно с славными традициями этой армии, как неоднократно упоминал полковник Блэчфорд. Славное это было время, пока не пришлось расставаться с женой и ребятишками. Каждый солдат был героем для соотечественников, которые хлопали его по спине и угощали его спиртными напитками.

ВОЙНА, КОТОРУЮ ПРАВЯЩИЕ ОКРУЖАЮТ ТАЙНОЙ И ОБМАНОМ

(Гиббс. „Душа войны").

Всего удивительнее в современной войне та таинственность, которая окружает передвижение армий и сражения. Для цивилизованного мира, привыкшего к подробным описаниям всех новостей, было что-то поразительное в том покрове молчания, который был наброшен на действия армий, противопоставленных одна другой на границах. Одним росчерком военной цензуры печать была приведена к молчанию. Все линии сообщения были внезапно прерваны. Например, я говорил из Парижа с Англией, и вдруг остановился с полуоконченной фразой перед телефоном, который прекратил действие. Наказания и штрафы грозили всякой газете, которая осмелилась бы опубликовать хоть одно слово о военных действиях помимо официальных сводок, выпускаемых с тем, чтобы скрыть действительное положение дел. Только тщательно изучая планы местностей изо дня в день и, так сказать, микроскопически читая между строк, можно было ощупью набрести на что-нибудь приближающееся к точному факту, который мог обнаружить побольше того расплывчатого оптимизма и патриотических фраз, которыми были проникнуты первые сообщения военного министерства. По временам в эти сообщения вкрадывалось какое-нибудь название, которое после взгляда на карту вызывало состояние озабоченности и сомнения: Возможно ли, что неприятель достиг такого-то пункта? Если так, передвижение немцев было изумительно и угрожало Франции. Но французский военный министр был в поразительно хорошем настроении духа. Он уверял французов день за днем, что их героическая армия быстро подвигается вперед. Он не сообщал подробностей постоянных побед. Он не опубликовывал списки потерь. Сначала казалось, как будто бы война была бескровной.

Я припоминаю одну парижскую картину в первые дни августа. В большой комнате, направо от лестницы, ведущей в военное министерство, группа людей в штатских костюмах сидит в золоченых креслах с озабоченным видом, как бы ожидая какой-то роковой вести. У них интересные лица. Мои пальцы так и просят набросать их на бумагу, но только великий художник был бы в состоянии зарисовать эти парижские типы, которые, повидимому, принадлежат к литературной братии или же к парижской богеме. Что им нужно в военном министерстве? Они без устали курят папиросы, говорят по секрету или пристально смотрят на стальные каски и кирасы, развешенные по стенам, или на большие стеклянные канделябры, висящие с потолка, как будто бы они могут сдержать свое нетерпение, только устремив свои взоры на какой-нибудь неподвижный предмет. Среди вызолоченных кресел, под зеркалами ампир, отражающими свет, стоят три железных кровати с матрацами, набитыми соломой. По временам один из присутствующих встает с кресла с прямой спинкой и ложится во всю длину на одну из этих кроватей. Но спустя несколько минут он бесшумно

встает и прислушивается внимательно и нервно к звуку резких шагов по блестящему паркету. Оказывается, все люди ждут новостей. Они вскакивают на ноги и толпятся вокруг стола, когда входит господин с охапкой бумаги, из которой он раздает по листу каждой протянутой руке. Эти парижские журналисты получают последний бюллетень войны. Они читают его молча, пожирая глазами несколько строк, написанных на машинке. Вот она, роковая весть. Эти клочки бумаги скажут им, хорошо ли идут дела Франции или нет. Один из них говорит соседу: „Все идет хорошо!"

Да, все идет хорошо, если верить официальным бюллетеням, но на этом клочке бумаги немного напечатано, и во всяком случае совершенно недостаточно для людей, жаждущих подробного изложения новостей. Может быть, в следующей депеше фактов будет побольше. Газетные сотрудники опять придут сюда курить папиросы, смотреть на стальные кирасы и испытывать свое терпение. Эта маленькая сценка разыгрывается в военном министерстве четыре раза в день, и напряженная нервность всей страны скрывается за терпеливым ожиданием этих людей, работа которых состоит в том, чтобы рассказать Франции и всему миру, что этот день принес для французского оружия.

ПАРИЖ, ОТ КОТОРОГО ПРАВИТЕЛЬСТВО СКРЫВАЕТ УЖАСЫ ВОЙНЫ

(Гиббс. „Душа войны").

Французское правительство боялось больше всего природных парижан. Для того, чтобы охладить их пылкий ум, улицы Парижа держали в темноте, и все места развлечения были закрыты тотчас же, как только была об'явлена война. На тот случай, если бы мятеж и бунт разразились революционной пропагандой, по городу день и ночь следовали патрули республиканской гвардии, и агенты полиции были усилены отрядами — флотскими стрелками с заряженными ружьями... Во всяком случае Париж не должен был знать правды о войне, если эта правда была неприятна. Для Парижа должны быть только победы, и ни в каком случае не должны быть поражения. Парижане не должны были даже знать, что на войне людей ранят и калечат, они могли впасть в такое уныние или в такое бешенство, что—так думало французское правительство—снова мог раздаться старый крик „мы преданы", обезглавливание министров и дикие оргии, во время которых улицы Парижа покраснеют от крови.

Прекрасно оборудованные госпитали Парижа пустовали.

Это была комедия, за которой таилась страшная трагедия. Доктора, стоявшие возле этих пустых кроватей, и хирурги-специалисты, разгуливающие по великолепно оборудованным операционным, задавались вопросом, почему они остаются без дела, когда такая масса француз-

ских солдат умирает от недостатка в помощи, и почему Париж, этот нервный центр всех железнодорожных линий, так близко лежавший к фронту, где поля были усеяны жертвами войны, должен быть устранен от всякой работы по облегчению страданий. Это была та самая нотка лживости, которая всегда пробегает по французской официальной жизни. „Политика, — говорили парижские доктора, — проклятая политика!“

Но на самом деле это был страх. Правительство боялось Парижа, боялось, что его нервы не выдержат, и поэтому все поезда с ранеными были направлены в обход столицы, передвигаясь по длинным и сложным маршрутам, стоя часами на запасных путях, и если раненых и привозили в Париж, то только ночью, когда санитарные моторы пробирались по глухим улицам под покровом темноты из опасения, чтобы их не увидали.

ПАНИЧЕСКОЕ БЕГСТВО ИЗ ПАРИЖА

(Гиббс. „Душа войны“).

Я добрался до Парижа ночью на 2-е сентября и увидал невероятные сцены. В продолжение дня стало известно, что немецкие аванпосты дошли до Санли и Шантильи и что Париж не был больше местопребыванием правительства. Тихо и без всякого предупреждения французское правительство потихоньку удалилось из Парижа после заседания кабинета (министров), на котором были и бешенство и слезы, и после отчаянной упаковки своих бумаг. Это бегство оглушило, как громом, парижан и явилось указанием того, что можно ждать самого худшего — новой осады Парижа с более страшными пушками, чем те, которые опоясывали его в предшествующую войну.

Прошел слух, что населению дадут только пять дней, чтобы очистить дома в пределах укреплений, и как бы для того, чтобы усилить угрозу после полудня, в этот день немецкий аэроплан сбросил бомбы на Восточный вокзал. Началось паническое бегство из столицы, и железнодорожные станции превратились как бы в огромные лагери беглецов, в которых смешались самые богатые и бедные из горожан с их женами и детьми. Трагедия усилилась, когда население услышало, что большинство железнодорожных линий к морскому берегу было отрезано, и что единственная оставшаяся линия Диенни, вероятно, будет разрушена в течение нескольких будущих часов. Из толпы, ожидавшей весь день, чтобы добраться до касс, послышался ропот, который казался мне как бы гигантским вздохом раненых сердец. Среди толпы было много старых мужчин и женщин, которые знали, что значит осада Парижа. Они рассказывали теперь молодому поколению старую знакомую всем правду о прошлом с трясущимися головами и дрожащими указательными пальцами, поднятыми вверх в виде предостережения. — „Голод“. „Мы ели крыс, когда мы находили их“. „Они

не поколеблются снести парижский собор". „Я собирался уехать не ради самого себя, а из-за детей. Бедные, несчастные создания".

В этой толпе не было шума и не было паники. Крики и плач женщин не покрывали собой обычного говора толпы. Не было и свалки около платформ станций, закрытых для всех. Несколько женщин тихо плакали, вытирая свои глаза. Возможно, что они плакали просто из-за усталости, просидев целые часы на своем багаже. У большинства мужчин был угрюмый вид, и они повторяли старое избитое слово „невероятно!" смущенно и мрачно. Печаль и страх сказывались в настроении этих беглецов, печаль о том, что Париж, прекрасный Париж, может быть разрушен, и что все их надежды на победу погибли благодаря поражению.

ИСХОД ИЗ ПАРИЖА ЛЮДЕЙ, ОХВАЧЕННЫХ СТРАХОМ

(Гиббс. „Душа войны").

Некоторые утверждают, что в Париже не было никакой паники, когда у его ворот стояли немцы... „Спокойствие, с которым Париж ждет осады, изумительно, — пишет один из моих коллег и добавляет к этой фразе:—здесь нет и следа паники". Он прав, если под паникой подразумевать дикий страх толпы людей, бегающих кругом, вырывающих у себя целые пучки волос и кричащих в припадке ужаса. Нет, в Париже не было слышно криков отчаяния, когда неприятель подошел к его воротам. Но если под паникой позволено разуметь сильный страх, быстро распространяющийся среди огромной массы людей, заразительный до такой степени, что обычно храбрые люди чувствовали внезапный холод в сердце и отчаянно искали возможности бежать от угрожавшей опасности, тогда Париж был охвачен паникой.

Я много писал о храбрости Парижа. Но если держаться правды, я должен описать исход из Парижа полутора миллиона людей, охваченных страхом,—иначе что же это было?—и бежавших всяким способом и по всем дорогам из столицы, которую они любили больше всех городов в мире, потому что там они жили и там находилось все то, чем они гордились.

В те последние дни, прежде чем миновала опасность, железнодорожные станции осаждались днем и ночью огромными толпами, одну из которых я видел в ночь на 2-е сентября. Так как множество мостов было взорвано и много железнодорожных линий в Калэ и Булони было разрушено с тем, чтобы затруднить наступление неприятеля, а также и вследствие того, что оставшиеся пути были заняты перевозкой войск, заготовить поезда для беженцев было совершенно невозможно. К югу от Парижа дороги были свободнее, хотя опять-таки с юга к местности, угрожаемой неприятелем, были быстро двинуты полки французских солдат. Железнодорожные служащие работали со страшным напряжением, приложили все свои старания к тому, чтобы

так или иначе уменьшить население Парижа. С военной точки зрения уменьшение населения представлялось крайне желательным. Чем меньше ртов кормить в осажденном городе, тем лучше. Таким образом были заняты все пассажирские поезда, пришлось обратиться к скотским вагонам, и в них-то, благодаря бога и всех святых, бросились изящные французские дамы, не обращая внимания на грязь, которая пачкала их шелковые платья, и богатые американцы, приехавшие ради безопасности издалека в Париж и предлагавшие огромные деньги каждому, кто уступит им свое место за деревянной решеткой вагона, и семейства буржуа, закрывших магазины, равнодушных к убыткам и разорению и всей душой стремившихся избегнуть немецких снарядов и ужасов осажденного города.

Среди толпившихся на станциях встречались люди, переживавшие страшную трагедию. Я мог только догадываться о том, какова была их жизнь, по болезненному выражению глаз и рта старых дев, скрывавших свое жалкое существование в дешевых квартирах Парижа и появившихся на ослепительно ярком солнце парижских улиц подобно узникам, выпущенным на свободу благодаря землетрясению, и по удивленному выражению лица тех бедняков, которые избегали радостей жизни и проводили свои дни в изучении наук и искусств, ниспровергнутых ужасами войны.

Люди всех классов общества и всех разновидностей жизни смешались в Париже во время этого похода, и среди них были и те, которых я знал, так что нечего мне было догадываться, какова была их жизнь. Некоторые из них целые недели занимались своими делами, стараясь не замечать окружающей их нервности и слушая с презрительной усмешкой все разговоры о грозящей опасности. Но незаметный страх овладел ими, их нервы не выдержали, мужество и чувство долга покинуло их, и они украдкой пробирались на станции, как бы опасаясь света дня.

ТРАГИЧЕСКАЯ ДОРОГА

(Гиббс. „Душа войны").

Тысячи и сотни тысяч парижан не могли или не хотели ждать поездов. На южной дороге, которая идет до Тура, тянулась сплошная стена беглецов. Они передвигались в экипажах всякого рода: в таксомоторах, за которых богатые люди платили баснословные деньги, в автомобилях, которые избегнули военной реквизиции, на фермерских телегах, нагруженных несколькими семействами и грудами домашних вещей, которые тащили лошади уже усталые до полусмерти, благодаря груза; на фаэтонах, догкартах и на бесчисленных велосипедах.

Но большинство шло пешком, и сначала пешеходы шли бодро и весело: матери со своими младенцами на руках, отцы с детьми на плечах. Беженцы принадлежали ко всем классам общества, так как

их положение и состояние были уничтожены общей традицией. Элегантные дамы, красота которых известна в парижских салонах и легкомыслие которых было главной целью их жизни, теперь уравнялись с крестьянами французских пригородов и мидинетками Монмартра, и бодрость духа не скоро оставляла этих женщин.

Это была трагическая дорога. На каждой миле встречались лишившиеся чувств и бедные старики, которые не были в силах итти дальше, а сидели на скамьях около изгороди, тихо плача и упрашивая своих молодых спутников оставить их на произвол судьбы.

Молодые женщины, которые пустились в путь так весело и живо, набили себе ноги и, прихрамывая, подвигались вперед с лицом, искаженным болью и усталостью. Многие из таксомоторов, купленные за огромные деньги, поломались и были оставлены собственниками, которые продолжали свой путь пешком.

Фермерские телеги попали в рытвины и поломали колеса. Тачки, слишком тяжелые, чтобы их тащить, стояли опрокинутыми с домашними вещами, разбросанными на дороге, и детей несли дальше на руках, пока не настала тьма, и единственным убежищем для путников служил стог сена в поле, под лучами месяца.

БЕЛЬГИЙСКИЕ БЕЖЕНЦЫ

(Гиббс. „Душа войны").

Прошло некоторое время, прежде чем мы услышали гром пушек, но мы увидали последствия войны, кровь, отчаяние и слезы очень скоро.

Французские газеты, уделяющие по необходимости весьма мало места действительности, дающие только один голый факт и страницу героических фраз, не могли нам сказать, что за пределами Франции враг делал свое ужасное дело с быстротой и жестокостью и что после задержки у Льежа его деятельность представляла страшную угрозу для союзных армий. Я понял это во всей неприглядности истины, когда я очутился в водовороте беженцев.

Волна панического бегства туристов была просто шуткой, правда, несколько жестокой, в сравнении с дальнейшим. Последовавшая за нею широко разливавшаяся волна на этот раз действительно несчастных беглецов достигла высоты трагедии, поглотившей все мелочные огорчения. В продолжение многих месяцев с начала августа я на каждом шагу сталкивался с несчастными бельгийскими изгнанниками. Я окунулся в самый омут их горя, в волны крови и хаос развалин и находился в самом разгаре ужасов, ожидая каждое мгновение смерти. Неделя за неделей, месяц за месяцем я странствовал по разоренным местностям и говорил с бельгийскими беженцами. Я отдавался этому потоку изгнанников и наблюдал их жизнь в местах, отдаленных от их

жилищ, где они располагались под открытым небом в полной безнадежности, ничего не требуя от судьбы, нанесшей им такие тяжкие удары, и ничего не ожидая от будущего. Однако я живо помню мои первые впечатления о жестокости войны к этим простым людям, которые хотели жить в мире и не имели повода для ссоры ни с кем из своих соседей. Как бы в каком-то страшном сновидении я видел первые толпы бежавшего населения Бельгии: бедных старух, седые волосы которых были растрепаны этим ураганом бедствия, приличные черные платья которых были измяты, разорваны и запачканы в стремлении избежать ужасов нашествия; фламандских матерей, прижимавших к груди младенцев, с дико горящими глазами, как у диких зверей из-за страха за эти крошечные существа; маленьких детей, вырванных из беспечности этим бегством из домов, казавшихся им мирами и терроризованных неизвестным ужасом, называемым Германией; людей всех классов и всех возрастов, интеллигентов и крестьян; пожилых буржуа, толщина которых служила помехой в их бегстве; бедных студентов, чьи усталые от чтения глаза были полны недоумения; богатых и влиятельных людей, доведенных до нищенства и унижения; учащихся девушек, чье неведение действительной жизни столкнулось лицом к лицу с безобразными и непристойными фактами, жестокими, как ад.

БЕДСТВИЯ БЕЛЬГИЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ

(Гиббс. „Душа войны“).

Я думаю, что тем, кто не был свидетелем этого исхода, невозможно передать бедствия бельгийцев. Даже находясь в разгаре бегства, я в первое время часто был охвачен странной мыслью, что все это только фантазия и что такие факты не могут быть действительными. Впоследствии я до такой степени привык ко всему этому, что начинал думать, что мир всегда был таков; что люди всегда куда-то бежали; семьи и толпы семейств странствовали бесцельно из города в город, садясь в поезда только потому, что они направлялись куда-то откуда-то; просиживая часами на узлах, в которых было все их имущество, оставшееся после разрушения их жилищ; теряя на пути своих детей без особенного беспокойства и подбирая других детей, о которых они пеклись, как о своих собственных; не умываясь ни разу в этом странствовании, так что изящные женщины, душившиеся раньше тонкими духами, были грязны, как цыганки, и не стыдились своих запачканных платьев и грязных рук; питаясь, когда они находили пищу, подаваемую им, как милостыню, и проводя ночи на запасных железнодорожных путях, в угольных сараях и на заброшенных поездах, поставленных на покрытые травой рельсы; относясь равнодушно, наподобие бродячих собак, к тому, что готовит для них будущее, после того как они потеряли все, что им принадлежало в прошлом.

На запасных путях около Калэ можно было видеть зрелище, которое указывало на поражение Бельгии еще отчетливее, чем тысячи беженцев. Сотни бельгийских паровозов были пущены через границу во Францию, чтобы избежать рук неприятеля. Эти брошенные паровозы стояли длинными рядами с печальным видом безжизненности и заброшенности, и когда я смотрел на них, я понял, что, хотя остатки бельгийской армии еще сражаются в последних окопах и держатся в Антверпене против осадных германских орудий, надежды на долгое сопротивление бельгийцев не оставалось больше никакой. Эти машины, которые должны были бы служить для перевозки бельгийских солдат, провианта и пушек, стояли неподвижно и представляли из себя мертвые символы побежденного и разоренного народа.

БЕЖЕНЦЫ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ

(Гиббс. „Душа войны").

На севере Франции, поблизости к неприятелю, и на восточной границе чувствовался великий страх перед нашествием врага, распространившийся на подобие чумы, хотя более быстро и ужасно. Он заставлял бледнеть храбрейших из мужчин при мысли об их женщинах и детях. Он заставлял самых бесчувственных из мужчин испытывать муки сострадания при виде женщин с их маленькими детьми и стариков, место которых было у их очагов, тянувшихся по большим дорогам, мучимых голодом и усталостью или умоляющих о том, чтобы их пустили в скотские вагоны, уже переполненные беглецами, или блуждающих ночью по неосвещенным городам в поисках хоть какого-нибудь пристанища и затем спящих на крыльце заколоченных домов и под заборами.

Целые месяцы повсюду во Франции были тысячи мужей, потерявших своих жен и детей, тысячи семейств, которые были надолго разлучены в сумятице беспорядочного бегства от жестокой солдатчины. Они исчезли в этом мальштроме беженцев—жены, дети, матери и старые бабки, большинство их без денег—и жизнь их зависела исключительно от случая. Каждый день во французских газетах помещались длинные столбцы об'явлений о пропавших родственниках...

Каждый день я читал эти столбцы, находя трагедию в каждой строчке, и думал о том, не было ли кого-нибудь из пропавших среди тех, с кем я встречался в служебных вагонах воинских поездов, втиснутых среди их вещей, или на платформах станций, или среди отступающих длинными вереницами жителей городка в лесистой долине между холмами, откуда немецкие пушки изрыгали шрапнель.

БЕЗДОМНЫЕ

(Гиббс. „Душа войны").

Я помню сутки, проведенные мною в Булони. Узкие улицы с отвратительными испарениями, вызванными горячими лучами солнца, были заполнены волнующимися толпами, которые становились все гуще и гуще, когда новые поезда прибывали из Калэ, Дюнкирхена и узловых станций северных линий. Беженцы несли с собой остатки своего имущества, завязанные в одеяла, простыни, полотенца и в куски рваной бумаги. Узлы странных форм, содержащие медные кастрюли, сковороды, часы, посуду и домашний скарб всякого рода, а также особенно дорогие для беглецов вещи были сложены в огромные кучи на мостовых или на набережных, где сидели целые семьи. Дюжие матери из Нормандии или Пикардии еле тащились по улицам с детьми, цепляющимися за их юбки, с младенцами, прижатыми к их груди вместе с большими французскими ковригами хлеба, их продовольствием во время горького путешествия. Старые деды и бабки, вид которых как бы давал понять, что они до сих пор ни разу не покидали своих деревень, шли держась за руки, с трясущимися головами и слезящимися глазами, растерянные от всей этой массы волнующихся людей, выбитых, как и они, из жизненной колеи. Состоятельные буржуа с раздраженными нервами, благодаря волнению и усталости, искали помещения где угодно и за какую угодно цену. Их чуть не сбивали с ног толпы лохматых крестьян в тяжелых сабо, с узлами за плечами, которые ходили по улицам в поисках того же самого для своих женщин и детей, сонных и еле плетущихся за ними. Я услышал, как одна женщина вдруг закричала с отчаянием: „Я не могу больше!". Измученная и не способная итти дальше, она вдруг остановилась, бросила свои узлы и своих детей и, прислонившись к раскаленной солнцем стене, провела загрубелой рукой по своему лбу со стоном душевной боли:

— Это слишком! Это слишком!

Целый день эти сцены повторялись без конца пока наконец, я не был в состоянии выносить их больше, и ушел в свой номер гостиницы, что заставило меня почувствовать, что я чудовище, так как я разделял комнату только с двумя моими друзьями. Когда стемнело, в Булони стало тихо. Может быть, благодаря как-му-нибудь чуду все эти бездомные нашли себе приют... Я пробудился от тяжелого сна и услышал шаги бесчисленных ног. Новая армия беженцев вошла в город. Я услыхал жалобные голоса под моим окном, спорящие и умоляющие. Послышались удары в дверь, выходившую на улицу.

— Это невозможно! Места нет! Целая толпа спит под открытым небом. Посмотрите! Посмотрите!

Ночной привратник захлопнул с бешенством двери. Может быть, и он почувствовал жалость на ряду с бешенством, но что он мог поделать, когда с улицы требовали доступа туда, где уже шесть человек

спало в ванной и шестьдесят на полу в зале, а неподвижные фигуры, закутанные в одеяла, подобно трупам, лежали по всем коридорам?

— Массы людей спят под открытым небом,—сказал он, и когда я высунулся из окна, всматриваясь во мрак ночи и вдыхая воздух, проникнутый осенним холодком, я смутно разобрал внизу на мостовой фигуры, лежавшие у входа в дома и под стенами. Младенец заплакал своим тонким голоском. Под моим окном послышались рыдания женщины и мужской голос, успокаивающий ее.

— Это война!

Эти слова донеслись ко мне, как бы в виде ответа на вопрос, возникший в моем уме: к чему все это и зачем?

— Это война!

Да, это была война, с ее жестокостью к женщинам и детям, во всей ее чудовищной нелепости, с ее бессмысленным разрушением всего того, что было создано цивилизацией. Мирные люди не должны были ждать пощады, хотя они не просили войны и ненавидели ее.

ПРИЛИВ ВООРУЖЕННЫХ ЛЮДЕЙ

(Гиббс. „Душа войны").

Поля были залиты золотыми лучами солнца, и тяжелая листва деревьев колебалась и как бы напевала нечто при легком ветерке. Белые прямые дороги с бесконечными рядами тополей, стоящих наподобие часовых, тянулись далеко среди полей и холмов, и в клубах сероватой пыли, поднимавшейся на подобие дыма, проходили полки пехоты, пушки медленно двигались по дорогам под яркими лучами солнца, которое блестело на стальных дугах полевой артиллерии и превращало в серебро каждую спицу колеса. Я слышал скрип колес, грохот передков, крики возниц своим запряжкам, и дрожь проходила по моему телу каждый раз, когда мы обгоняли одну из этих батарей, так как я знал, что в скором времени эти орудия, которые провозились по большим дорогам Франции, будут окутаны дымом еще более густым, чем пыль, вздымавшаяся под ними, когда они будут извергать снаряды в невидимого врага, пушки которого ответят им ревом смерти.

Пушки и люди, лошади и повозки, бесконечные обозы, целые армии, марширующие к границе, поезда с солдатами на всех боковых ветвях железной дороги, солдаты, стоявшие на биваке на дорогах и на рыночных площадях, длинные вереницы молодых людей в штатском, несущих узелки к сборным пунктам, где они должны были обменять свое платье и весь образ их жизни,—все эти картины войны, которые были видны из окон, проходили передо мною миля за милей до тех пор, пока я не закрывал свои глаза, чтобы отдохнуть от всего блеска и сиянья этого калейдоскопа, от кроваво-красного цвета этих французских шаровар, продвигавшихся среди полей, от грязно - синего

отгенка шинелей всех этих солдат, от блеска всех этих колес. Что означает этот поднимающийся волнами прилив вооруженных людей? Что будет он значить через несколько дней, когда другой прилив людей ударится с шумом и грохотом об эту волну, пытаясь поглотить Францию и, прорвавши ее плотины, затопить ее волнами крови? Как бессмысленно казалось, что эти добродушные молодые люди, болтавшие с девушками около нашего вагона, пока мы ожидали сигнала к отправлению, идут убивать других добродушных людей, которые, быть может тоже целуют девушек Германии в благодарность за цветы и фрукты.

КТО ОНИ—ЭТИ СОЛДАТЫ?

(А. Барбюсс. „В огне").

Наши возрасты? Самые разнообразные. Наш полк—резервный и постепенно пополняемый отчасти запасными, отчасти ополченцами...

Когда наш сержант, Вижиль, милый паренек с тонким пушком на губе, еще недавно прыгавший вместе с ребятами через веревочку, ведет нас на работу, мы производим странное впечатление. В нашей разношерстной группе, в этой семье без семьи, в этом очаге без очага, где мы сгруппированы, вы найдете рядом три поколения.

Наше происхождение? Самое разное. Мы собрались отовсюду...

Наши профессии? Всего понемногу. В те времена, когда мы еще были на свободе и не зарывали своей судьбы в кротовые норы, поливаемые дождем и снарядами, чем были мы? Пахарями и рабочими в большинстве случаев. Ламюз был батраком. Парадиз—ломовым извозчиком. Кадильяк, детская каска которого покачивается на его заостренном черепе, точно купол на колокольне, как говорит Тиретт, владеет землей. Дядюшка Блэр был фермером в Бри. Барк служил развозчиком покупок в магазине и на своем трехколесном велосипеде ловко шмыгал среди парижских трамваев и автомобилей, ругаясь с пешеходами направо и налево. Капрал Бертран, который держится всегда в стороне, молчаливый и корректный, с красивым мужественным лицом и прямым взглядом, был подмастерьем в мануфактурном предприятии. Тирлуар был каретным маляром. Тюлак держал кабачок у заставы, а Эвдор, с добродушным и бледным лицом,—корчму на краю дороги, невдалеке от нынешнего фронта. Его заведение было потрепано, разумеется, снарядами, ибо, как известно, Эвдору не везет. Мениль Андрэ, еще приличный с виду и причесанный, продавал соду и всякие патентованные средства. Его брат Жозеф торговал иллюстрированными романами и газетами на одном из вокзалов, меж тем как Кокон на другом конце Франции, в Лионе, сидел за конторкой в посудной лавке и выводил цифры, а Адольф Бекюв и Потерлу работали в угольных копях.

И сколько еще других, ремесла которых никак не упомнить

и которых путаешь с другими, не говоря уже о тех, которые, странствуя по проселочным дорогам, занимались десятью ремеслами сразу...

Среди тех, кто меня окружает, нет представителей свободной профессии. Учителя состоят унтер-офицерами в роте, либо санитарами. Какой-то тенор состоит велосипедистом-рассыльным при майоре. Адвокат секретарствует у полковника. Рантье—капрал в нестроевой роте. Здесь же всего этого нет. Все мы настоящие солдаты, и среди нас почти нет интеллигентов, артистов, художников или просто богачей, которые бы в эту войну пожелали рискнуть своими физиономиями у окопов. Разве только временно, да и то в офицерской фуражке.

Да, это правда, мы все глубоко различны. И все-таки мы похожи друг на друга.

Несмотря на разницу возрастов, происхождения, культуры, положения и всего прошлого, несмотря на пропасти, которые нас разделяли прежде, мы в общих чертах—одинаковы. Тот же грубо очерченный силуэт, те же нравы, те же привычки, те же упрощенные характеры людей, вернувшихся в первобытное состояние.

Тот же говор, составленный из смеси наречия мастерских и казарм и жаргона, подновленного несколькими свежими словечками, нас об'единяет в одну компактную человеческую массу, вот уже скоро два года уходящую из недр Франции на ее северо-восточные рубежи.

И затем, связанные здесь общей судьбой, вовлеченные вопреки своему желанию в эту колоссальную авантюру, мы вынуждены силой вещей походить друг на друга. Страшная теснота общей жизни нас сближает, заставляет взаимно применяться и стирает особенности. Это своего рода роковая зараза. И потому солдаты кажутся все на одно лицо, даже когда смотришь на них не с такого дальнего расстояния, когда люди кажутся пылинками, которые ветер несет по равнине.

ЧЕРНЫЕ ВОЙСКА

(А. Барбюсс. „В огне“).

Меж тем часы текут; вечер начинает затемнять предметы и затягивать небо серостью. Он покрывает темную участь этих людей, спускается в темные души этой массы, которая зарыта в окопах.

В полумраке раздается топот ног, гомон; затем прокладывает себе дорогу новый отряд.

— Африканцы.

Они проходят с коричневыми, желтыми или каштановыми лицами, с редкими или, наоборот, густыми и вьющимися жесткими бородами, в зеленовато-желтых шинелях и в грязных касках, украшенных полумесяцем, вместо нашего значка—гранаты. На этих широких или угловатых и заостренных лицах, блестящих, как новенькие монеты, глаза сверкают подобно шарам из слоновой кости и оникса. От времени и до времени над рядами выделяется черное, как уголь лицо сенегальского стрелка. Позади роты несут красное знамя с зеленой рукой посредине.

На них смотрят и молчат. Этих никто не задевает. Они импонируют нам, их даже побаиваются.

А между тем эти африканцы кажутся веселыми и оживленными. Разумеется, они идут в перволинейные окопы. Это их обычное место, и их появление—лучший признак близкой атаки. Они созданы для наступления.

— Они и „семидесятипятимиллиметровки“ стоят того, чтобы поставить за них свечку... В решительные моменты марокканская дивизия всегда была впереди.

— Они никак не могут примениться к нам. Они шагают слишком быстро, и нет возможности остановить их...

Среди этих бронзовых, черных и коричневых чертей некоторые сосредочены. Их лица будят тревогу и пугают своим молчанием, как расставленная западня. Другие смеются; их смех звенит подобно странным звукам их экзотической музыки и обнажает белые зубы.

Рассказывают об особенностях этих молодцов: об их ожесточении в атаках, об их страсти итти в штыки и об их беспощадности. Снова повторяются все истории, которые они сами охотно рассказывают, приблизительно в одних и тех же выражениях и с теми же жестами: „Немец поднимает руки... камрад, камрад... Нет тебе камрада“. И они жестом показывают, как всаживали в живот сверху штык и как его затем вытягивали снизу, помогая ногой.

Один из сенегальских стрелков, проходя мимо, слышит, о чем говорят. Он смотрит на нас, широко улыбается из-под своего тюрбана и повторяет, отрицательно качая головой: „Нет, нет, не камрад, никогда не камрад. Севим башка“...

— Они вправду другой породы, чем мы, и кожа на них точно парусина для палаток,—говорит Бикэ, который однако и сам не робкого десятка. На отдыхе они скучают и только ждут той минуты, когда офицер, положив часы в карман, скомандует: „Вперед, марш!“

В сущности говоря, они и есть настоящие солдаты.

— А мы не солдаты: мы люди,—говорит толстый Ламюз.

Уже темно, и однако это верное слово как бы озаряет тех, кто ждет здесь чего-то уже долгие месяцы.

Все это—люди, просто люди, обыватели, внезапно оторванные от жизни. Как всякий заурядный обыватель, они невежественны, лишены пыла и огня, ограничены, полны здравого смысла, который, впрочем, подчас и хромает. Они позволяют руководить собой и делают, что им велят, слабо противясь; они долготерпеливы.

Это простые люди, которые еще больше опростились и в которых силой вещей обострились самые элементарные инстинкты: инстинкт самосохранения, эгоизм, цепкая надежда все пережить, радость поесть, попить и поспать.

Иногда крик человечности, глубокий трепет поднимается из темного безмолвия их великих человеческих душ.

У СОЛДАТ НЕТ НЕНАВИСТИ К ВРАГУ

(Гиббс. „Душа войны").

Немцам не удалась ни одна атака на позиции бельгийцев, которые оставались в своих окопах, несмотря на кровь, лужи которой увеличивались под их ногами, и на трупы, которые грудами лежали вокруг них. Живые и мертвые образовали преграду, которую не удалось сокрушить врагам. Непрестанный свинцовый дождь бельгийских пулеметов и ружей косил немцев, когда они приближались в тесных колоннах, так что в течение этих 8-и раз неприятельские атаки были отбиты и отброшены назад. Немцы падали подобно листьям, которые тогда носил по полям осенний ветер и усеяли своими телами все пространство перед окопами. Некоторые из их убитых были совсем молодые люди, бедные юноши 16 и 18 лет из немецких гимназий и университетов, сыновья знатных и богатых семей, принятые в качестве добровольцев прусскими повелителями армий, безразличными к человеческим жизням в их отчаянной игре с судьбой. Несколько этих мальчиков, тяжело раненые, были приведены в госпитали Фюрнеса. Один из них, доставленный во двор монастыря, улыбнулся, лежа на носилках, и очень вежливо говорил на плохом французском языке с англичанкой, которая наклонилась над ним с той жалостью, с какой девушки видят раненую птичку. Он, казалось, был рад, что отделался так дешево, так как он был ранен только в ногу, что должно было оставить его хромым на всю жизнь. Он был очень рад, что совсем избавился от всех ужасов окопов на немецкой стороне Изера. Едва ли можно было назвать врагом этого мальчика. Он был только невинной жертвой, захваченной дьявольской силой и брошенной на произвол судьбы, как только в нем миновала надобность. Жалость, испытываемая в присутствии одного из таких искалеченных существ, не приходит в душу людей на полях битвы, где нет отдельной личности, но только дикий конфликт невидимых сил, бесчеловечных, как удары молнии. Сердца солдат там наполнены ненавистью, основанием которой является страх. Там ликуют при виде снаряда, разорвавшегося над батареей врага, и радуются при мысли о смерти, которую приносит это облачко дыма. Но я видел, что такой враждебности совсем не встречается в присутствии отдельного врага или толпы пленных. Остается только изумляться ужасу того преступления, которое заставляет людей убивать один другого без всякого желания с их стороны, но по указанию сил, далеко стоящих от их жизненных интересов и им неизвестных.

ЗИМНЯЯ КАМПАНИЯ ВО ФЛАНДРИИ

(Окопное сидение).

(Гиббс. „Душа войны“).

Война во Фландрии перешла в монотонную зимнюю кампанию. Здесь слышно было только завывание резкого пронзительного ветра, вздымающего тучами песок на дюнах и дувшего с такой силой по болотистым равнинам, что казалось, как будто все невидимые боги языческого мира гонятся друг за другом на своих колесницах.

В окопах вдоль Изера солдаты прижимались к грязным и мокрым стенам, чтобы укрыться от ветра, от которого труднее спрятаться, чем от шрапнельных пуль. Он хлестал их со свирепой яростью. Несмотря на все шерстяные шарфы и жилеты, связанные руками женщин, ветер пронизывал солдат до костей. Ночью холод не давал спать, если бы даже защитники траншей и могли спать, когда снаряды искали их с воплем смерти.

Артиллеристы рыли ямы и заползали в эти ямы, куря табак через отверстия в мокрых одеялах, которыми они закрывали головы и плечи. Они привязывали пуки соломы к ногам, засовывали газетную бумагу под одежду и старались согреться хотя бы в воображении.

Поля битвы в старом смысле этого слова больше не существовало. Сколько раз нужно повторять это людям, сидящим дома и воображающим, что современная армия располагается по полям с бивуачными кострами и палатками. Поле битвы раскинулось на широкой площади среди деревень, разрушенных городов, разбитых ферм и чистых маленьких домиков, еще не тронутых огнем или снарядами. Дороги служили только, как пути сообщения между этими пунктами, в которых находились части войск.

Несмотря на холодную погоду, в Удкапеле и Никапеле, а также вдоль линии по Стивекенкеру и Ломбардзиде было очень жарко. Батареи неприятеля опять работали во-всю, изрыгая неистощимый запас снарядов. Над этой местностью тьма прорезывалась красными языками пламени, и небо было покрыто зигзагами ослепительного блеска, который освещал на момент бледные лица людей, ожидавших смерти.

В темноте по дорогам к линии окопов маршировала пехота, чтобы сменить товарищей, которые находились там под угрозой смерти. Солдаты нагибались, подвигаясь вперед против резких порывов ветра, который раздирал их синие шинели, рвал их красные панталоны и бил их лица как бы жестокими бичами. Их штыки в ножнах звенели от острых порывов ветра, который старался вырвать ружья из их рук. Они не поднимали головы ни разу, чтобы взглянуть на повозки Красного Креста, возвращающиеся оттуда, куда они держали путь.

ВО ЧТО ПРЕВРАТИЛИСЬ ЛЮДИ В ОКОПАХ

(Гиббс. „Душа войны").

В течение нескольких месяцев на британском фронте установилось сравнительное спокойствие после страшных атак на наши позиции у Суассона, Веннизоля и Вик-сюр-Эна и еще более кровопролитных битв вокруг Ипра осенью первого года войны. Каждый из противников устроился на зиму, истребление друг друга происходило главным образом благодаря постоянному артиллерийскому огню, изредка прерываемому штыковыми боями между засевшими в траншеях. Этот долгий период мрачных, дождливых дней был самым тяжелым испытанием для наших солдат, когда угнетение духа тяжко чувствовалось ими, и когда при всей их храбрости такие пышные слова, как „честь" и „слава" не будили энтузиазма в их сердцах. На улице „Сточной Канавы" и в других траншеях, получивших такое же красноречивое название, между двух стен липкой грязи, где ноги покрывались коростой и болячками, люди стояли по колено в воде до тех пор, пока многие из них не были отправлены в тыл с бронхитом и пневмонией, а оставшиеся, напоминая собой вороньи пугала,—до того они были облеплены грязью,—дрожали от холода и сырости, несмотря на все их шарфы и фуфайки. Вши кишели на англичанах, этих джентльменов из приличных уважаемых семей, на этих франтах, которые когда-то прогуливались по теневой стороне Поль-Мэля, чистые и безукоризненные, как их лавендовые перчатки. Отвратительные насекомые ели их живьем и причиняли невыносимые зуд и страдания. Неслыханные и страшные заболевания начались между ними, хотя распространение ядовитых микробов и было приостановлено бдительными людьми науки в лабораториях, находящихся далеко от фронта. Впервые люди, чуждые науки, услышали название цереброспинального менингита и содрогнулись. Война превратилась в безнадежную, нудную процедуру без всяких впечатлений, за исключением случаев, когда люди, по колена стоявшие в воде, разрывались на части снарядами и плавали в кровавой каше, наполнявшей траншею. Это было уродливо, безобразно и не придавало бодрости защитникам траншей. Сильные страсти, если они пылали когда-нибудь в сердцах этих британских солдат, сгорели и превратились в белую золу терпеливого страдания. Конечно, у них не было никакой ненависти к врагам, находившимся к ним так близко. Эти немцы переносили те же мучения. Англичане испытывали к ним только жалость и чувство товарищества, как к людям, осужденным жестокими богами испытывать те же муки.

НА КОГО СТАЛИ ПОХОЖИ ЛЮДИ В ОКОПАХ

(Анри Барбюсс. „В огне").

Понемногу все из взвода Бертрана и нашего отделения собрались у поворота окопа. В этом месте он слегка шире, чем в его ровной части, где обыкновенно, чтобы разминуться, надо прижаться спиной к стене, а животом упереться в товарища. Наша рота в резерве и за-

нимает окоп второй линии. Здесь нет службы секретов и часовых. Ночью нас употребляют для работ по рытью окопов в первой линии, но весь день мы ничего не делаем. Скученные на небольшом пространстве, локоть к локтю, мы убиваем время до вечера, как умеем и можем.

Дневной свет проник, наконец, в бесконечные трещины, бороздящие этот район; добирается он и до наших ног. Печальный северный свет; узкое мутное небо, как бы затянутое дымом заводских труб. При этом бледном освещении разношерстные костюмы обитателей дна выступают во всем своем убожестве. Но, как и в отношении ружейной пальбы и канонады, великая трагедия, в которой мы участвуем, тянется уж слишком долго для того, чтобы мы еще удивлялись или замечали странности нашего одеяния, изобретенного нами для защиты от дождя, падающего сверху, от грязи, поднимающейся снизу, и от холода, веющего отовсюду.

Шкуры животных, кучи одеял, холст, брезент, шерстяные колпаки, кашнэ, накрученные на голову тюрбаном, всевозможные фуфайки, просмоленные и резиновые капюшоны всех цветов радуги,—все это покрывает людей и почти стирает признаки форменной одежды. Один нацепил себе на спину квадрат из клеенки, разграфленной для шашечной игры и найденной где-нибудь в столовой во время стоянки. Это Попэн, и его легко узнать издалека по этой вывеске клоуна,—больше, чем по его бледному лицу апаша. Здесь вздувает колесом пластрон Барка, вырезанный из пикейного одеяла, когда-то розового, но теперь от пыли и дождя выцветшего и в разводах. Там огромный Ламюз, похожий на развалившийся киоск с остатками афиш. Кирасса из молескина придает маленькому Эвдору вид какого-то насекомого. И среди всех Тюлак выделяется своим оранжевым нагрудником верховного вождя.

Только каска придает известное единообразие верхней части тела этих людей, да и то, привычка некоторых надевать каску поверх кепи, как Бикэ, либо поверх колпака, как Кадильяк, создает разнообразие внешнего мира.

А наши ноги? Я согнувшись вдвое только что спустился в нашу нору, маленький, низкий погребок, пахнувший плесенью и сыростью, где натыкаешься на пустые коробки из-под консервов и грязные тряпки, и где, подобно узлам грязного белья, в два ряда лежали и спали люди, меж тем как в углу при свете свечи, кто-то стоя на коленях, рылся в своем мешке. Поднимаясь назад, я в квадрат отверстия увидел ноги. В самых различных положениях, — горизонтальном, вертикальном, наклонном, согнутом, вытянутом,—мешая проходящим они являли собой разноцветную и разнообразную коллекцию. Гетры, черные и желтые наколенники, кожаные из просмоленного холста, или какой-либо иной непромокаемой материи бинты — темно-синие, голубые, черные, коричневые, серые, защитного цвета. Один только Вольнат сохранил свою обувь времен мобилизации. Мениль Андре вот уже две недели щеголяет в толстых чулках из зеленой шерсти в полоску,

а Тиред носит обмотки из серого драпа в белую полоску, вырезанные из штатских брюк, висевших бог весь где в начале войны. У Мауро бинты на ногах разного цвета, ибо ему не удалось найти двух кусков шинели, которые были бы одинаково изношены и грязны. А затем есть еще ноги, завернутые в тряпки, даже в газеты с намотанными вокруг них веревками, а порой и телефонной проволокой. Шомен поражает товарищей и прохожих парой гетр коричневого цвета, снятых с мертвеца. Барк, претендующий на изобретательность, носит белые наколенники: он намотал вокруг штанов марлевый бинт. Эти два белых пятна на нижнем конце его особы, вместе с вязаным колпаком, выглядывающим из-под каски и обнажающим рыжий локон, придают ему вид клоуна. Потерлу вот уже месяц разгуливает в сапогах немецкого пехотинца почти новых и с подковками на каблуках. Карон дал их ему на хранение, когда был эвакуирован после ранения в руку. Сам же Карон снял их с баварского пулеметчика, убитого на Пилонской дороге...

И в ожидании пока вернется Карон, Потерлу изнашивает его сапоги, которых не успел износить баварский пулеметчик.

Так каждый, по мере сил и разумения, старается бороться с ужасающими неудобствами. Словно каждый показывая себя говорит: „Вот все, что я сумел, смог и ухитрился сделать в той огромной беде, в которую я попал".

Мениль Жозеф дремлет, Блэр зевает, Мартро, уставившись глазами в пространство, курит, Ламюз чешется, как горилла, а Эвдор, как мартышка, Вольпатт покашливает и все твердит: „подохну". Мениль Андрэ вынул свое зеркало и любовно расчесывает свою красивую светлую бороду. Монотонная тишина то здесь, то там прерывается приступами неистового возбуждения, вызываемого повсеместно вечным и заразительным присутствием паразита. Барк, отличающийся наблюдательностью, обводит все взглядом, вынимает изо рта трубку, плюет, подмигивает и говорит:—Однако какие мы все разные.—А с чего же нам быть похожими?—говорит Ламюз,—это было бы чудом.

АТАКА

(Гиббс. „Душа войны").

На протяжении пятисот миль по всему фронту от Артуа до Аргона сцены атаки следовали одна за другой, неделя за неделей, месяц за месяцем, не всегда с горючей жидкостью, но с ручными гранатами, бомбами, снарядами с удушливым газом, воспламеняющими бомбами, снарядами, выпускающими облака дыма, и градом шрапнелей. Убийственная монотонность жизни в сырых траншеях, где продрогшие люди сидели скорчившись в грязи, испытывая голод и тоску, не смея высунуть головы из окопов хотя бы на секунду, прерывалась только атаками и контр-атаками, когда давался приказ выйти из окопов

и кинуться вперед ярдов на сто, при чем шансов на жизнь было гораздо меньше, чем шансов на смерть. Вот как французский солдат описывает одну из таких атак:

„Взвод пехоты залег с утра на опушке леса, ожидая приказа взять приступом ту несложную и грозную позицию, которая состоит из колючей проволоки впереди неприятельских окопов. Пушки гремят с полудня беспрерывно, сметая все на земле. Немцы отвечают страшными ударами и так идет артиллерийская дуэль, служащая вступлением к атаке. Каждый знает, что когда замолчат пушки, прозвучит короткая команда, обещая смерть. Однако, солдаты спокойно говорят друг с другом, и между ними находятся и такие, которые в минуту грозящей гибели находят какое-то мучительное удовольствие, смягчающее их тоску, в том, чтобы вызвать в памяти те дорогие им существа, которых, возможно, они больше никогда не увидят. Я слышу, как огромный белокурый парень повествует соседям о своей маленькой восьмилетней дочурке. Сухой треск прерывает его рассказ. Телефон, установленный на дереве, вызывает лейтенанта. В тот же самый момент артиллерия выпускает один за другим несколько снарядов, и затем наступает тишина. Офицер вынимает свои часы, ждет пока не пройдут 10 минут, и затем говорит: „поднимайся“ так же спокойно, как капрал произносит „смирно“ на учении. Это приказ итти вперед. Каждый понимает в чем дело и встает, за исключением пяти человек, которых приковала к земле нервная агония. Они деморализованы долгим ожиданием и воспоминаниями о своих семьях и пригвождены к земле страхом. Лейтенант, запасной офицер с сединой в бороде, смотрит на пятерых ослушников без гнева. Он вынимает не саблю из ножен, а папиросу из портсигара, закуривает ее и говорит просто: „Поднимайся!“.

ЛЮДИ, ПРЕВРАТИВШИЕСЯ В ЗВЕРЕЙ

(Гиббс. „Душа войны“).

При криках „вперед!“ французы выскакивают из окопов и бросаются на немцев, закалывая их штыками, разбивая им головы прикладами, и тогда они на несколько минут дьявольского опьянения, с налитыми кровью глазами, чуют запах крови и находят дикую радость в резне.

„Мы не обращали внимания на мольбы раненых, на крики о сдаче,— говорил французский солдат, описывая одну из таких сцен.—Нам не нужны были пленные, и в Аргоннском лесу обе стороны не давали пощады. Штык в руке, наподобие кинжала, был лучше штыка, примкнутого к ружью. Еще лучше всякого штыка был кусок железа, сломанное ложе ружья или острый нож. В рукопашном бою не было выстрелов, но только борьба переплетавшихся тел с пальцами, вцепившимися в горло. Я видел, как люди действовали зубами и загрызали своего противника на смерть, впиваясь в его горло. Такова война в XX веке

или одна из сцен этой войны. Только впоследствии, избежав смерти, начинаешь содрогаться при мысли обо всем том ужасе, который низвел нас до зверей, даже хуже чем до зверей, потому что у нас есть разум и душа, чтобы знать, как это отвратительно".

Солдаты Франции настолько разумны, что большинство их возмущается отвратительным делом, которое они должны совершать, и проклинают войну, навязанную им немцами. Уже более девяти месяцев я постоянно слышу, как французские солдаты задают вопрос: почему бог допускает такие ужасы? Какой толк в цивилизации, если она ведет к этому? И честное слово, я не в состоянии ответить им.

УЖАСЫ БОЕВ В ЛОТАРИНГИИ

(Гиббс. „Душа войны").

В лесистой местности двух „утраченных провинций" (Эльзаса и Лотарингии) редко приходилось хоронить мертвых, загромождавших холмы и поля, да и времени для этого не было. В течение 6-и недель с начала войны ужас царил в областях, лежащих к востоку от Мерта, между деревнями Бланом и Бандонрвиллье, Сирэ-ла-Форж и Арракур, Шато-Салэн и Бодрекур. Склоны Гартманс-Вейлеркопфа были омыты волнами крови, которая стремилась по ним более 9-и месяцев до окончательного захвата этой горы французами. Сен-Миель и Лез-Эпарж и тот треугольник, который немцы вбили между французскими позициями, был местом ужасающей бойни, прежде чем листья облетели с деревьев в первый год войны. В Аргоннах люди дрались, как волки, и там началась партизанская война небольших отрядов, сражавшихся от дерева до дерева, от одной деревни до другой, при чем отряды обоих противников были разбросаны по широкой площади впереди главных сил. Там они зарывались в окопы, из которых выползали по ночам, подкрадывались к неприятельским позициям, бросаясь друг на друга, действуя штыками и прикладами, зверски убивая один другого без жалости и в сумасшедшей ярости ужаса, который представляет из себя самый бешеный род храбрости. В Лотарингии война проходила неоднократно по тем же самым местам, и ни та, ни другая сторона не подбирала своих убитых и раненых. Люди лежали там живыми целыми днями и ночами, медленно истекая кровью, пока не умирали. Горячее солнце жгло их, и жажда доводила их до сумасшествия, так что они пили свою мочу и несвязно бормотали в диком бреду. Некоторые из них лежали там в течение 3-х недель все еще живые, с членами, пораженными гангреной, в которых ползали вши, и от этих несчастных исходило отвратительное зловоние.

— Я не могу описать вам всего, что я видел,—сказал мне один молодой солдат, который ехал со мной из Лотарингии. Он рассказал мне, как поля были усеяны мертвыми, разложившимися и покрытыми мухами, при чем трупы лежали скорчившись, но некоторые из них были

в таком положении, что их открытые глаза были неподвижно устремлены на те трупы, что находились рядом с ними. И он рассказал мне, как в ту ночь, когда он сам был ранен, французские и немецкие солдаты, еще не умершие, говорили в одно и то же время при свете луны, которая проливала свое бледное сияние на всех этих распростертых на земле людей, придавая их лицам мертвенно-бледный оттенок. Он слышал кругом шопот голосов и стоны умирающих, поднимавшиеся до ужасающих воплей. В эту ночь вражда была забыта теми людьми, которые дрались как звери и теперь лежали и мучились. Французский солдат дал свою флягу с водой немецкому офицеру, который кричал от жажды. Немец отпил немного и затем поцеловал руку того, кто был его врагом. „На том свете не будет войны",—сказал он.

Другой солдат, уроженец Монмартра, нашел в двух шагах от себя люксембуржца, которого он знал, как посыльного в огромном парижском отеле. Молодой немец заплакал, увидав своего старого знакомого. „Эта война—глупость,—сказал он.—Вы и я, мы были счастливыми, когда мы были приятелями в Париже. Зачем нас заставили драться друг с другом?"—Он умер охватив руками шею солдата, который рассказал мне об этом, не стыдясь своих слез.

За неделю до этой встречи шею того же солдата охватывали руки немецкого офицера на поле битвы во время одной из бесчисленных стычек, которые происходили за 4 дня до французского отступления. Снаряд раздробил обе ноги этому молодому немцу, получившему кроме того еще несколько ран. У него хватило силы жалобно застонать, но когда солдат поднял его, смерть уже ждала несчастного.

— Он весь сгнил,—сказал солдат. От него шел такой отвратительный запах, что я чуть не выронил его, и меня рвало, когда я тащил его.

Я узнал кое-что из психологии французского солдата от того молодого пехотинца, вместе с которым я ехал в поезде, набитом ранеными, вскоре после той ночи в Лотарингии, когда месяц светил на поле, усеянное мертвыми и умирающими, где и он лежал с перебитой ногой. Он выдержал страшное испытание. Его нервы были страшно расшатаны, и мне казалось, что он боялся сойти с ума при воспоминании о том, что он видел и выстрадал, так как он старался принудить себя говорить о тривиальных вещах, как-то о красоте цветов, растущих рядом с полотном железной дороги, и о гербах на английских фуражках. Но затем он опять возвращался к своему рассказу о боях в Лотарингии и продолжал свой длинный и быстрый монолог, в котором одна за другой пробегали картины ужаса, как будто его ум был кинематограф, показывающий мелодраму. Странные отрывки философии прерывали его рассказ. „Эту войну только потому и можно вынести, что она создаст окончательный мир в Европе". „Люди откажутся выносить такие страдания в другой раз". „Это конец милитаризма". „Если бы я думал, что мой маленький сын должен испытать все то, что я вынес, я задушил бы его в колыбели, чтобы спасти его от этого ужаса".

— Конечно, я готов умереть за Францию. Она по праву может потребовать мою жизнь. Я принадлежу ей, и она может сделать со мной, что ей угодно. Сражаться в ее защиту — мой долг, и хотя я говорю вам, мосье, всякие ужасы о войне, я вовсе не хочу сказать, что я не рад был сделать все, что от меня требовалось. Через несколько недель моя рана залечится, и я снова пойду в этот ад. Это ад!

РЯДОМ С ОКОПАМИ ВРАГА

(Гиббс. „Душа войны").

Некоторые из солдатских писем, нацарапанных в грязи траншей, представляют из себя документы, в которых французские солдаты говорят о себе с необыкновенной откровенностью и в которых они излагают всю правду, не скрывая своего ужаса и жажды крови в диком сумашествии штыковых атак, ни той тоски, которая нападает на них, когда они думают о женщинах, которых они любят, ни тех странных чувств, которые охватывают их в страшные часы битв. Они наблюдают восход солнца и улавливают его красоту в нескольких строках своих писем. Они описывают с литературным умением, вызываемым силой душевных волнений, мрак и ужас долгих ночей рядом с окопами врага, откуда каждое мгновение можно ждать новой атаки.

„Я пишу это письмо,—пишет молодой зуав,—прячась под кучкой земли в двадцати ярдах от немецкой траншеи и находясь в худшем положении, нежели кролик в своей норе, потому что, когда охотник уйдет, кролик может выйти и щипать травку в свое удовольствие. Ты, старый друг, находишься в таких же мучительных условиях, и ты должен знать и радоваться, что произведен в унтер-офицеры в ночь на 13 ноября на берегах Изера. Нас оставалось в роте семьдесят человек из 200, остальные спят вечным сном около дома перевозчика, который прославлен газетами... Какие нравственные страдания я вынес! Теперь нас перевели к югу от Изера, и мы продолжаем вести унылую жизнь в передовых окопах. У нас нет ни минуты отдыха: снаряды, бомбы и пули падают вокруг нас непрерывно. Как изменилась храбрость в современной войне! Герой прежних времен принимал красивые позы и как бы играл для галерки, потому что он дрался перед восхищавшимися им зрителями. В настоящее время, если не считать смертоносных ночных атак, в которых храбрости не видно, так как едва ли можно рассмотреть своего соседа, наша доблесть состоит исключительно в стойкости. Только что сейчас у меня убили одного из солдат около бойницы. Товарищи оттащили его в сторону и совершенно спокойно заменили выбывшего из строя другим солдатом. Разве это не храбрость? Разве не храбрость получить прямо в лицо мозги товарища и затем стоять на страже в том же самом

месте, где стоял павший, невыносимо страдая от холода и сырости?... В ночь на 13-е я командовал отрядом трупов, во что превратил моих товарищей огонь пулеметов. Мне повезло, я избегнул смерти и закричал этим беднякам, чтобы они шли последний раз на штурм. Тогда я понял что случилось и увидал, что мое ружье сломано, и моя одежда вся в лохмотьях"...

„Много трупов все еще лежит между окопами",—пишет один солдат,—и у нас нет возможности подобрать их. Это страшное зрелище постоянно у нас перед глазами. Некоторые из трупов совершенно целы, а другие разорваны на части снарядами, которые продожают падать на них. Зловоние этого разложившегося мяса распространяется кругом и доносится до нас. Куски гниющих трупов летят нам в лицо или над нашими головами, когда взрываются новые снаряды и разбрасывают их во все стороны. Мы как будто бы живем на кладбище, где дьявол забавляется тем, что бросает мясо мертвецов в живых людей со злобной насмешкой. Запах гниющих трупов пропитывает нашу пищу и наши души, так что мы больны духовно и физически. Такова война".

„Эта ужасная потеха ведется со всей страстью в нашем углу,—пишет другой солдат.—в течение 74-х дней мы продвинулись на 1200 ярдов. Это скажет вам все. Мы продвигаемся вперед, так сказать, по одному дюйму и теперь мы все знаем, чего стоит вернуть обратно кусочек Франции".

РАНЕНЫЕ, НАВОДЯЩИЕ УЖАС

(Гиббс. „Душа войны").

Бывали моменты, когда мне приходило на ум, что мое воображение преувеличивало то, что я видел и слышал, и что в конце-концов война не так уж страшна, а попросту походит на опасную охоту на дикого зверя. Только когда я проходил среди тяжело раненых, я снова убеждался в необ'ятности того ужаса, который испытали эти люди, и к которому некоторые из них возвращались снова. Когда крики бедных страдальцев раздавались в моих ушах, когда однажды я прошел мимо офицера, сидевшего на своей кровати и с безумным хохотом смотревшего на себя в зеркало, и когда я увидал людей с обеими ногами, ампутированными до бедер, или с одной ногой, разорванной в клочья, и другой ногой, уже отпиленной, находившихся среди слепых, парализованных и обезображенных до того, что в них трудно было признать человеческие существа, тогда я оценил храбрость тех, кто видел и знал все это, но шел опять навстречу тому же самому ужасу.

НА МОНАСТЫРСКОМ ДВОРЕ, ОБРАЩЕННОМ В ЛАЗАРЕТ

(Гиббс. „Душа войны").

Монастырский двор в Фюрнесе будет всегда памятен мне, как арена чудовищной драмы.

По временам, стоя там в одиночестве и темноте около санитарного мотора, я смотрел вверх на звезды и задавался вопросом, что думает обо всем этом бог, если предположить, что в старых верованиях человечества имеется хоть сколько-нибудь правды. Хорошенькую штуку сделали мы смертные из жизни! Я почти хохотал при мысли об иронии всего этого, если бы не боялся, что мой смех застрянет у меня в горле, что со мной сделается истерика. Люди были зверями и даже хуже зверей, калеча и уродуя друг друга без всякой ненависти в сердцах, повинуясь глупой и ложной мысли, что массы их должны кинуться друг на друга для того, чтобы резать, стрелять и жечь по приказу тех, кто были их величайшими врагами — министров с холодным и расчетливым умом, бесчеловечных повелителей армий, которые видели в битве шахматную игру в большом масштабе. Таким-то думам предавался я, маленькое ничтожное насекомое на темном полушарии земли под вечным небом, и, чтобы прогнать эти глупые раздражающие мысли, принимался за дело, которое обыкновенно заключалось в том, чтобы нести носилки солдату, который упирался на него, и ковыляя шел в открытую дверь, которая вела к операционному столу или к свободной кровати, где он мог умереть, если счастье изменяло ему... Приучить свое ухо к страшным крикам раненых было невозможно. Они пронизывали ужасом душу. Можно было только стоять, сжав до боли руки в этой темной камере пыток, среди высоких стен и с невидимыми призраками, дико кричащими из пучины мрака.

ВОЗДУХ СМЕРТИ И РАЗРУШЕНИЯ (В ЛАЗАРЕТЕ)

(Гиббс. „Душа войны").

Я помогал выносить мертвых, как каждый из нас помогал во всякой работе, если его руки были свободны в данный момент. В этом заключалось спасение рассудка и самоуважения каждого из нас. Все же мне, более чувствительному, чем следует, войти в ту комнату, где лежали раненые и подойти к мертвецу через ряды умирающих стоило больших усилий. Как много их умирало, переночевав в нашей гостинице! Все искусство и ловкость врачей не могли зачинить некоторых из этих тел, страшно разорванных немецкими снарядами. Запах сырой воды и грязной одежды, запекшейся крови и омертвелых членов, иодина и хлороформа, рвоты и предсмертного пота производили на меня одуряющее действие. Я старался не дышать, задерживая свое

дыхание, чтобы меня не вырвало. Я старался смотреть вниз на пол, чтобы не видеть зрелища этих обезображенных лиц, выбитых глаз и разорванных тел, лежавших с обеих сторон возле меня на кроватях или на носилках, поставленных на полу между кроватями. Я старался не слышать звуков, наполнявших эту комнату, страшного храпения умирающих, длительных стонов людей, испытывающих дьявольскую боль, дикого бреда охваченных лихорадкой, кричавших, как маленькие дети: „Мама! О, мама!“, или повторявших без конца какое-нибудь сердитое возражение далекому товарищу. Но все же, несмотря ни на что, картины, звуки и запахи завладевали моими чувствами. Я должен был видеть, слышать и дышать воздухом смерти и разрушения. В продолжение целых часов впоследствии меня преследовало мертвенное лицо какого-нибудь молодого солдата, лежавшего полуобнаженным на кровати, в то время, как сестры промывали и перевязывали его ужасные раны. Какая трата людей! Какое обезображивание юношеской красоты! Бородатые солдаты лежали здесь в спокойствии, которое говорило о приближающейся смерти. Они были такие сильные и крепкие люди, обрабатывавшие свои фламандские поля и жившие со спокойной верой в их сердцах. Теперь они умирали преждевременно, при чем некоторые из них признавали, что смерть была близка, так что слезы катились по их бородам, и в их глазах были страх и тоска.

ВОЙНА — БОЙНЯ

(Гиббс. „Душа войны“).

— Это не хирург,—сказал мне один из молодых врачей, выходя из операционной и моя руки у кухонного ушата для помоев,—это дело мясника.

Доктор сказал мне, что он никогда не видал таких ран и даже не представлял их себе, а что касалось до условий, в которых он работал... Он поднял руки и захохотал, потому что лучше смеяться, когда нечем помочь. Не хватало ни перевязочного материала, ни инструментов, ни стерилизации. Палаты были забиты настолько, что в них едва можно было двигаться, а раненые прибывали так быстро, что только и оставалось резать и зашивать.

— Я привык к крови,—продолжал молодой хирург.—Несколько лет тому назад я прошел мой искус, препарируя трупы и затем переходя на живых, но здесь...—Он окинул глазами комнату, куда входили раненые.—Это мне несколько действует на нервы. Массовое истребление, крайняя бессмысленность всего этого, порча такого хорошего человеческого материала—все это заставляет чувствовать отвращение к войне. Да, война дьявольская штука. И мне жаль всех этих бедных бельгийцев, которым пришлось испытать всю ее жестокость. Ведь они-то не жаждали войны.

Деревянные ворота распахнулись для того, чтобы пропустить новый груз раненых бельгийцев, и молодой хирург с улыбкой кивнул мне головой.

— Еще. Я должен спешить в мою мясную лавку. Пока до свидания...

Двор старого монастыря походил на двор бойни, и действительно он был двором бойни, за исключением того, что здесь живые существа не убивались сразу, а еще мучились в страшных страданиях.

МУКИ ВОЙНЫ

(Гиббс. „Душа войны").

Несколько дней под ряд продолжалось это выкуривание немцев по деревням на левом берегу Урка, и мы чувствовали себя не очень-то хорошо. Сказать правду, у нас не было воды, и мы в течение четырех дней не могли утолить муки жажды. Это было поистине ужасно, так как жара во время дня стояла страшная, и некоторые из нас почти обезумели. Наши языки вспухли и потрескались, наши глаза были как у безумцев, и по ночам нам снились отвратительные сны. Уверяю вас, это было невыносимое мучение.

Но мы делали все, что могли для наших лошадей. Я уже сказал, что мы не пили воды в продолжение четырех дней. Это происходило потому, что мы отдавали последние капли этим бедным животным. Благородный человек обязан так поступать—вы согласны?—и французский солдат не варвар. Несмотря на это, лошади должны были остаться без капли воды в течение двух дней, и я не стыжусь сказать, что я плакал горькими слезами при виде мучений этих бедных невинных животных, которые не понимали значения всего этого кровавого побоища и удивлялись нашей жестокости.

Ночи были ужасны. Повсюду вокруг нас горели наши милые французские деревни, и при каждом слабом дуновении ветра искры сыпались вокруг их подобно падающим звездам. Но рядом горели и другие огни. Под покровом темноты немцы собирали трупы своих солдат и, свалив их в большие кучи, покрывали соломой и парафином. Затем они поджигали эти погребальные костры.

На рассвете после битвы появились птицы, питающиеся падалью. Немного их было, но они спускались, хлопая крыльями не только около мертвых, но и около живых еще. Один из моих товарищей лежал тяжело раненый и, когда он пришел в себя, одна из этих отвратительных птиц сидела у него на груди, ожидая его смерти. Вот какова война!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ АДА

(А. Барбюсс. „В огне“).

Наконец-то! Кончилась эта проклятая смена, начавшаяся вчера в 6 час. вечера и тянувшаяся всю ночь. Последний человек вышел из последнего соединительного хода.

На сей раз пребывание в окопах было ужасно. Впереди находилась 18-я рота. От нее осталась горсточка: 18 человек убитых, больше 50-и раненых; в течение 4-х дней из каждых трех человек выбыло по одному. И ведь атаки не было: все это наделала бомбардировка.

Нам это известно и по мере того, как искалеченный батальон приближается, и мы встречаемся с прибывающими, начинаются оклики.

— Не восемнадцатая ли?

И, говоря это, каждый думает: „Если так будет продолжаться, что станется с нами, что станется со мной?...

Семнадцатая, девятнадцатая и двадцатая роты постепенно подходят и составляют ружья.

— Вот и восемнадцатая.

Она приходит после всех других. В окопах она была первой, а сняли ее последней.

День слегка посветлел и бледным светом заливает окружающее. Мы различаем на дороге, впереди солдат, ротного командира. Он идет с трудом, опираясь на палку, вследствие ревматизма и старого ранения еще на Марне. С поднятым капюшоном он идет, опустив голову, и, кажется, будто он провожает покойника. Да почти-что так оно и есть.

Вот и рота.

Она в большом беспорядке. У всех нас сжимается сердце. Она заметно короче, чем остальные три.

Я выхожу на дорогу и иду навстречу возвращающимся. Шинели этих мучеников одновременно пожелтели от земли. Можно подумать, что все они одеты в хаки. Сукно точно накрахмаленное от липкой грязи, засохшей на нем. Полы шинелей напоминают доски, стукающиеся о желтую кору, покрывающую колени. Лица бледные, землистые, глаза расширены и лихорадочно сверкают. От пыли и грязи лица словно в морщинах.

Среди солдат, вернувшихся с этого страшного дна, царит оглушительный шум, они говорят все сразу, громко смеются, поют, жестикулируют.

И, глядя на них, можно подумать, что это праздничная толпа, запрудившая дорогу.

Вот второй полуввзвод со своим длинным подпоручиком, шинель которого закручена вокруг тела подобно свернутому зонтику. Я проталкиваюсь и добираюсь до части Маршаля, которая больше всех

пострадала: из одиннадцати товарищей, неразлучных в течение полутора лет, осталось трое, считая с капралом Маршалем.

Он меня видит, радостно вскрикивает и улыбается; сняв руку с ремня, на котором висит ружье, он протягивает ее мне.

— Ну что, старина, как дела?

Я отворачиваю голову и говорю вполголоса:

— Плохо вам пришлось, бедняга...

Он сразу мрачнеет и становится серьезным.

— Да, брат, что поделаешь, на сей раз это было ужасно... Барбье убит.

— Да, слышал... Барбье...

— Это было в субботу, в одиннадцатом часу вечера. Ему снесло снарядом всю верхнюю часть туловища,—рассказывает Маршаль,—точно бритвой срезало... А Бэссу осколком прошибло живот и желудок. Бартельми и Бөбэ ранены: один в голову, другой в шею. Целую ночь мы галопом носились по окопам то в одну, то в другую сторону, спасаясь от снарядов. Ты знал маленького Годфруа? У него вырвало всю середину тела. Из него, точно из опрокинутого ведра, вся кровь вылилась в один миг. Ведь как он был мал, а между тем, это прямо невероятно, сколько в нем было крови,—целый ручей, по крайней мере в 50 метров длины. Гуньяру перебило ноги осколками: его подобрали еще не совсем мертвым. Это было на сторожевом посту. Вместе с ними там был и я. Но как раз перед тем, как прилетел этот снаряд, я вошел в окоп узнать который час. Я нашел свое ружье, которое оставил там, согнутым вдвое, а дуло стало похожим на пробочник. Приклад и магазинная часть превратились в опилки. Пахло свежей кровью до того, что меня затошнило.

— И Монден также, неправда ли?..

— Да, он на другой день утром,—значит, вчера. Это было в лисьей норе, которую разрушил чемодан. Ему перешибло грудь... А тебе ничего не говорили о Франко, который был рядом с Монденом? Обвалом ему сломало позвоночник.

Когда его вытащили и посадили на землю, он сказал: „умираю“..., свесил голову на бок и умер. Был также с ними Вижиль; его тело осталось нетронутым, но голова вся была совершенно расплющена, как лепешка. Он лежал на земле весь черный, огромный, и мне казалось, что это не он, а его гигантская тень, какая ложится на землю ночью при свете факелов.

— Это тот Вижиль... Молодой, призыва 13-го года?.. Совсем еще ребенок. А Монден и Франко такие милые ребята, хоть и с нашивками. Вот у нас с тобой и меньше стало двумя добрыми товарищами, дружище Маршаль.

— Да,—говорит Маршаль.

Но его уже окружила целая толпа товарищей, накинувшихся на него с распросами. Он отвечает, отшучивается; все толкаются, смеются.

Я перевожу взгляд с лица на лицо. Все веселы и сквозь налет усталости и грязную кору пыли так и брызжет радость.

Если бы во время пребывания в первой линии окопов разрешалось пить вино, я подумал бы, что все они пьяны.

Я приглядываюсь к одному из уцелевших, который напевает, шагая в такт, подобно гусарам в песенке; это Вандерборн.

Обыкновенно спокойный и сдержанный, он кричит мне:

— Как видишь, моя очередь еще не пришла. На сей раз уцелел.

И жестом сумасшедшего хлопает меня по плечу.

Я его понимаю.

Если эти люди, вернувшись из ада, наперекор всему, счастливы, то именно потому, что они из него вышли. Они спасены. Еще раз подстерегавшая их смерть пощадила их. По установленному порядку каждая рота идет в перволинейные окопы раз в шесть недель. Шесть недель! У солдат на войне в важных и не важных делах своя детская философия: они не заглядывают далеко вперед. Они думают только о завтрашнем дне. Сегодня каждый из этих людей уверен, что он еще немножко поживет на свете.

Вот почему, несмотря на усталость и бойню, которая обдала их своими кровавыми брызгами, несмотря на павших вокруг них товарищей, несмотря на все, они веселы и довольны, они бесконечно счастливы, что они живы и невредимы.

ПОХОРОНЫ УБИТЫХ И СЖИГАНИЕ ТРУПОВ

(Гиббс. „Душа войны“).

В моей жизни мне много приходилось бродить во всех частях света по странным местам и со странными спутниками, но мне ни разу не случалось совершить такую прогулку и с таким проводником, как в это воскресенье, при грохоте пушек. Мой спутник в этот день был могильщик.

По-настоящему, он был полевой сторож или деревенский полицейский, но в течение 3-х недель он все время работал своим заступом, который он нес на плече, шагая рядом со мной. Вместе с другими крестьянами, призванными для той же печальной работы, он следовал за линией битв на 20 километров от своей деревни Рувиля, вблизи Левиньена, помогая хоронить павших французов и британцев и сжигая немецкие трупы.

Его труд был уже почти кончен, когда я встретился с ним. Во время сражения в этой местности, вокруг леса Виллье-Котере, бывшей два раза полем битвы, а именно при наступлении немцев и при их отступлении, здесь осталось 3.000 немецких трупов и 1.000 французов и англичан. Работая заступом, как только он мог, мой приятель-могильщик все еще не успел схоронить всех собратий по оружию, которые лежали под дождем.

Я пробирался по полю среди их наскоро засыпанных могил и недалеко от груды вражеских трупов, которые ждали похоронного костра.

Мой проводник схватил меня за руку и указал мне на овраг позади покинутой деревни Левиньен.

—Смотрите туда,—сказал он,—понадобится не мало времени, чтобы они сгорели.

Он говорил деловито, как садовник, указывающий на костер из осенних листьев.

Но там, куда направлялся его указательный палец, среди дождя и под свинцовыми облаками поднимался дым тяжелыми и медленными клубами, и я понял, что листья, на которые он мне указывал, упали с великого дерева человеческой жизни и что этот костер был сложен из чудовищной жатвы войны.

Французские и британские мертвые были сложены в одни и те же могилы...

Немецкие трупы, облитые слегка керосином и обложенные соломой, были преданы огню, так что только обуглившийся прах немцев, разбросанный ветром и смоченный проливным дождем, указывал на место их смерти.

ПОДЛОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЛЮДЕЙ, ИГРАЮЩИХ ОДНИМ НАРОДОМ ПРОТИВ ДРУГОГО

(Гиббс. „Душа войны“).

Когда я стоял и наблюдал живые огни сжигаемых трупов среди красоты лесов, тянущихся до отдаленных холмов и окаймляющих деревню, казавшуюся мирным уголком с ее старой церковной башней и красно-коричневыми крышами, я был весь охвачен жалостью ко всему этому горю и ненужной смерти, прошедшей ураганом по прекрасным полям Франции.

В чем смысл всего этого? Из-за чего люди убивают друг друга, как здесь на полях Франции, так что человеческая жизнь не представляет большей ценности, чем существование комара, убиваемого без милосердия?. Каждый из этих немецких трупов, который жарился под маслянистыми клубами дыма, был недавно молодым человеком со светлыми надеждами, со способностью смеяться и с кое-какими инстинктами любви в его сердце. По крайней мере, у него было два глаза и нос, и другие черты, общие человеческому братству. Действительно ли он носил на себе печать зверя, так что его следовало убить при первой встрече без всякого милосердия?...

В этой войне виновна была Германия. Может быть. У меня не было возможности прочесть все тайны нашего министерства за двадцать лет, а то и более, для того, чтобы убедиться с каким тактом или бестактностью, с какой честностью или вниманием, с какой надмен-

ностью или безразличием наши государственные люди относились к притязаниям Германии. Но, по крайней мере, я знал, наблюдая эти дымящиеся костры смерти, что ни одного из этих мертвецов нельзя обвинить в преступлении, которое вызвало эту войну; они повиновались приказаниям, они шли под звуки гимна, воспевающего отечество, они верили, как и мы, в правоту своего дела. Но как и мертвые тела французов и англичан, лежавших неподалеку, они были обречены на смерть, благодаря подлости государственных людей, играющих одним народом против другого, как мы играем пешками в шахматы. Прежнее колдовство было невиннее этого нового колдовства, и не было так мошеннически подло в своем могуществе одурачивать невежественные массы...

ВОЙНА, КОТОРАЯ СВЕЛАСЬ ТОЛЬКО К ОЖИДАНИЮ СМЕРТИ

(Гиббс. „Душа войны").

В общем современное оружие ведет к тому, чтобы обезличить бойцов, и у Ипра большинство не столько сражалось, сколько стояло под огнем, пока не умирало.

— Мы только ждем смерти, — сказал мне бельгийский офицер,—и дивимся, если она щадит нас в этом урагане снарядов. Эта война без души и без интересных эпизодов. Вначале, когда я колесил взад и вперед по Бельгии с целой партией разведчиков на мотоциклетках, война была интересна. Наша смелость или наша хитрость значила тогда очень много. В то время считались с личностью. Но теперь, вокруг Ипра—что тут могут поделать люди, пехота, кавалерия, разведчики? Все дело делает пушка, извергая снаряды и посылая безжалостно смерть. Да, значат только пушки, а люди представляют из себя только мишени. Наши солдаты падают на подобие вот этих листьев, сорванных бурей, и решительной победы нет ни у нас, ни у неприятеля. Одна неделя смерти следует за другой неделей смерти. Позиции немного изменяются—вот и все, а остальное идет попрежнему. Это ужасно...

Те же самые слова я услышал в ту же самую ночь от доктора, который только что прибыл со станции Дюнкирхена, где тысяча раненых, последних в тот день, лежали на соломе.

— Это ужасно!—сказал он.—Артиллерийский огонь превращает людей прямо-таки в кучу мяса. Как можем мы бороться с этим? Что можем мы поделать при такой бойне?..

Снаряды прилетали из облака тумана и разрывались в местности, окутанной его белыми клубами. Невидимый враг убивал невидимых людей, и пушки отвечали врагу, стреляя в угрюмую серую даль.

КАК ЖИВУТ СОЛДАТЫ ВНЕ ОКОПОВ

(А. Барбюсс. „В огне").

Дело в том, что наш сарай почти не приспособлен для жилья. Он темен, узок, как колодезь, и пропускает дождь. Наполовину он залит водой, по поверхности которой плавают крысы. Люди сбились в кучу в другой половине. Стены, сделанные из тонких досок и покрытые высохшей грязью, потрескались и просвечивают во многих местах. По прибытии мы всю ночь затыкали щели, где могли, листьями и ветками. Но отверстия в верхней части стены и в крыше зияют попрежнему. В них проникает слабый свет, но зато ветер врывается со всех сторон, и мы находимся на вечном сквозняке.

Когда входишь туда, приходится оставаться на ногах и бродить наощупь, ляская зубами от холода.

Сесть? Невозможно. Кругом слишком грязно. Земля и каменные плиты покрыты грязью, а настланная солома вся промокла от проникающего дождя и грязных ног, которые об нее вытирают. К тому же, когда садишься, становится еще холоднее, а когда ложишься на солому, дуреешь от вони навоза и запаха отхожего места... Фуйяд, позевывая, смотрит на свое место.

— Не думайте,—говорит Мартро,—что другие устроились лучше нашего. После обеда я навестил товарищей из одиннадцатой роты на ферме подле лазарета. Но там еще хуже, чем у нас: прямо некуда ногу поставить. Все толкаются и бранятся. Я тотчас же сбежал оттуда...

Остается одно: растянуться на соломе, завернув голову в платок или полотенце, чтобы не слышать вони от гниющей соломы, и уснуть...

В сарае все промокло; отовсюду течет, и к запаху гнили присоединяются теперь тяжелые испарения мокрого тела.

Мы собираемся в кучку вокруг столбов, поддерживающих крышу сарая, и остаемся на ногах.

— Вот они!—восклицают все.

На пороге, одна вслед за другой, появляются две тени, с которых струится вода: это Ламюз и Барк, которые пошли добыть огня. Они возвращаются злые и расстроенные: „нет нигде ни уголька; хоть лопни, нигде не достанешь ни дерева, ни угля".

Значит огня у нас не будет.

— Уж если мне не удалось, так не удастся никому!—с гордостью заявляет Барк, который достаточно доказал свою расторопность прежними подвигами...

Мы стоим на месте или медленно ходим по небольшому пространству, не залитому водой.

— Чья это газета?

— Моя,—отвечает Бекюв.

— Что там пишут? Тьфу, чорт возьми, в этой темноте не разберешь.

— Там сказано, что в настоящее время для солдат сделано все, что требуется, и что им будет тепло в окопах. У них, мол, есть и шерстяное белье, и рубашки, и печи, и огонь, и дрова, и уголь... И все это имеется даже в передовых окопах...

— Ах, дьяволы,—ворчит кто-то из несчастных обитателей сарая и грозит кулаком в пространство и газете.

Но Фуйяд не прислушивается к тому, что говорят. Он скрючил во мраке свое тело, тощее, как у Дон-Кихота, и над чем-то возится.

НА «ОТДЫХЕ».

(А. Барбюсс. „В огне").

Погода портится все больше. Дождь и ветер усиливаются и снаружи и внутри.

Как же быть, если нет возможности ни оставаться неподвижным, ни сесть, ни лечь, ни работать, ни пойти пошляться?

Глубокое отчаяние охватывает кучку усталых и промокших людей, не знающих, что с собой начать делать.

— Господи, как тут плохо...

Несчастные выкрикивают свою жалобу, точно призыв на помощь.

Затем они инстинктивно отдаются единственно возможному здесь занятию—шаганию взад и вперед, чтобы размяться и согреться.

И вот они начинают шагать вдоль и поперек по узкому помещению, кружатся, сталкиваются, засунув руки в карманы и топая ногами. Эти существа, обдаваемые холодным ветром, кажутся сбродом несчастных городских бродяг, которые под нависшим зимним небом ждут, когда откроется дверь ночлежки. Но дверь не откроется для этих людей, а если и откроется дня через четыре, в конце отдыха, то лишь для того, чтобы вернуть их в окопы.

Только Кокон одиноко присел в углу. Его поедом едят вши, но, ослабев от холода и сырости, он не имеет даже достаточно мужества, чтобы переменить белье. И он замер, мрачный, неподвижный...

Затем Фуйяд возвращается в сарай. Там все так же холодно и мокро. Фуйяд зажигает свечу и при ее колеблющемся пламени подходит к Лабри.

Присев на корточки перед бедной собачкой, которая, быть может, умрет раньше его, он глядит на нее.

Лабри спит, но очень чутко; он тотчас же приоткрывает один глаз и помахивает хвостом.

Южанин ласкает его и тихо говорит:

— Ничего не поделаешь... Ничего...

Больше он ничего не говорит Лабри, чтобы не слишком опечалить его; но пес одобрительно качает головой и снова закрывает глаза.

Фуйяд с трудом встает, потому что его сочленения уже начали „ржаветь“, и идет спать. Теперь он надеется только на одно: уснуть как можно скорее, чтобы кончился этот мрачный день, каких еще будет много впереди, прежде чем наступит последний день войны или жизни...

МОГИЛА РАССТРЕЛЕННОГО СОЛДАТА

(А. Барбюсс. „В огне“).

Сюилар шел впереди. Он вел меня по углубленной дороге, которая круто заворачивала. С обеих сторон росли кусты, и верхушки их сближались. Несколько минут мы шли, сплошь закрытые этой нежной зеленью. Последний отблеск света, косо падавший на дорогу, покрывал листву желтыми точками, круглыми, как золотые монеты.

— Как тут красиво!—проговорил я.

Он ничего не ответил и все поглядывал в сторону. Наконец он остановился.

— Это, кажется, здесь.

По небольшой тропинке мы взобрались на поле, окруженное большими деревьями и благоухавшее свежескошенным сеном.

— Что это?—проговорил я, глядя на землю.—Как здесь утоптано. Что здесь происходило?

— Пойдем,—сказал мне Сюилар.

Он повел меня немного дальше. Там стояла кучка солдат, говоривших вполголоса. Мой спутник протянул руку.

— Это здесь,—сказал он.

Низенький столбик, не выше метра, был вбит в нескольких шагах от изгороди, образуемой в этом месте молодыми деревцами.

— Тут расстреляли сегодня утром солдата 204-го полка. Ночью вбили столбик, на рассвете привели беднягу и заставили товарищей по взводу расстрелять его. Он хотел увильнуть от своей очереди итти в окопы. Во время отправки он отстал, потом потихоньку вернулся в свое расположение. В этом вся его вина. Я полагаю, что его расстреляли для острастки.

Мы стали вслушиваться в разговоры солдат.

— Да нет, совсем нет,—говорил один.—Он не был негодяй. Мы с ним пошли в одно время. Он был такой же человек, как и мы, не хуже, не лучше: немножко ленивый, правда, но это все. Он был в первой линии с самого начала войны, и я ни разу не видел его пьяным.

— Горе в том, что у него было плохое прошлое. Как тебе известно, они сбежали вдвоем. Другого засадили только на 2 года в тюрьму. Но за Кажаром, в виду того, что он был под судом до военной службы, не признали смягчающих обстоятельств. Оказывается, что когда он еще был на воле, он как-то с пьяных глаз набедокурил и был осужден по суду.

— Если вглядеться, то на земле заметно немного крови,—сказал один из солдат, нагнувшись.

— Здесь проделали всю церемонию с начала до конца,—сказал другой.—Полковник верхом, разжалование... Затем его привязали к этому столбику, который так невысок, что бедняге, вероятно, пришлось стать на колени или сесть на землю.

Понять не могу,—заметил третий после молчания,—почему такая строгость. Разве только, действительно, для острастки, как сказал сержант.

На столбике солдаты нацарапали целый ряд надписей и протестов.

ДОРОГА, ЧЕРЕЗ КОТОРУЮ ПРОШЛА ВОЙНА

(А. Барбюсс. „В огне").

Вылезаем из окопов и вот мы оба на Бетюнской дороге.

Я впервые здесь при дневном свете. Мы видели ее всегда только издалека, эту страшную дорогу, которую столь часто перебегали прыжками, согнувшись под свистящими пулями и падающими снарядами.

— Ну, что же, идешь, брат?

Через несколько шагов Потерлу остановился посреди дороги и, выпучив свои глубокие глаза, открыл рот.

— Ай-ай-ай!..—кричит он.

Я поворачиваюсь к нему, он указывает мне на дорогу и говорит, качая головой:

— Это она... Господи, сказать только, что это она... Я знаю ее так хорошо, что, закрыв глаза, вижу ее, какой она была. А теперь страшно на нее смотреть. Какая была прекрасная дорога, вся обсаженная большими деревьями... и во что она превратилась! Вся изрыта, обезображена... Печальное зрелище... Взгляни на эти линии окопов с обеих сторон, на разрытое шоссе, продырявленное воронками, на эти вырванные с корнем, изодранные в клочья, обожженные деревья, раскиданные во все стороны. Эх, брат, ты представить себе не можешь, до чего эта дорога изуродована.

И он идет вперед, озираясь на каждом шагу и продолжая ужасаться.

Он прав. Это нечто фантастическое. Нельзя представить себе ничего ужаснее этой дороги, по обе стороны которой зарылись две армии и перекидываются снарядами в течение полутора лет. Это страдный путь, и по нему проносятся лишь пули и снаряды, изрезавшие его по всем направлениям, засыпавшие его землей, снесенной с полей, и вспахавшие его до самой глубины.

— Если бы ты ее знал раньше!.. Она была ровная и опрятная,—говорит Потерлу.—Деревья были тут самых разнообразных видов. Их покрывали листья всех цветов и оттенков, подобно бабочкам, и почти

всегда кто-нибудь проходил по ней и приветливо здоровался с путником: то женщина, нагруженная двумя корзинами, то крестьяне, проезжающие на возу, громко беседуя под приятным веянием ветерка, вдувающего их блузы. Да, счастливо здесь жилось когда-то...

И Потерлу подходит к краю туманной реки, как бы текущей по руслу дороги. Он нагибается и останавливается у еле заметных бугорков, над которыми водружены кресты: это могилы; они покрывают обочины дороги подобно крестовому пути в церквах.

Я зову его.

—Если мы будем подвигаться так медленно, то никогда не доберемся. Прибавим шагу.

Мы приближаемся к цели; я впереди, Потерлу—несколько отставая от меня. Он идет, опустив голову, тяжелую от дум, и напрасно пытается разглядеть знакомые предметы. Здесь дорога идет уклоном, образуя выступ, который скрывает ее продолжение со стороны севера. Это место достаточно защищено, и тут чувствуется немного жизни и движения.

На невспаханной земле, засоренной и больной, покрытой высохшей травой, лежат мертвые. Их переносят сюда, когда опоражнивают окопы или очищают по ночам равнину. И мертвецы ждут здесь, многие уж очень давно,—когда их, наконец, ночью отвезут в тыл, на кладбище.

Мы медленно к ним приближаемся. Они лежат, тесно прижавшись друг к другу. Каждый из них застыл в том положении, в каком его оставила агония. У некоторых лицо заплесневело, кожа покрылась желтым налетом с черными пятнами. У многих лица черные, смолистые, губы вздутые и огромные: точно головы негров, надутые, как пузыри. Между двух тел высовывается неизвестно кому принадлежащая отрезанная кисть руки, она заканчивается целым мотком спутанных нитей.

Другие представляют какие-то бесформенные массы, из которых выступают принадлежности обмундировки и обломки костей. Еще дальше лежат трупы, привезенные сюда в таком состоянии, что они уже совершенно рассыпались; чтобы не растерять их по дороге частями, пришлось нагрузить их на железные сетки, подвешенные по углам. В этих металлических гамаках их и оставили. В таком трупе нельзя различить, где верх и где низ тела. В бесформенной куче заметен только свисающий карман брюк. Какое-то насекомое подползает в карман, то снова выползает.

Вокруг мертвых летают письма, выскользнувшие из карманов или из патронташей, когда тела выгружались на землю. На одном из листков бумаги я, наклонившись слегка, читаю такую фразу: „Мой дорогой Анри, какая дивная погода в день твоего рождения". Человек лежит на животе. У него тело перерезано на высоте поясницы глубокой бороздой. Голова повернута в полоборота, видны опустевшие орбиты глаз, а на виске, щеке и шее пророс как бы зеленый мох.

Отвратительная вонь разносится ветром во все стороны. Кругом—полотнища палаток, обрывки платья, затвердевшего от высохшей крови

и обуглившегося от снарядов. Все кишит червями. Мы переглядываемся, покачивая головой, не решаясь громко сказать, что здесь невыносимая вонь; удаляемся отсюда не торопясь.

В тумане мы различаем согнутые спины людей, которые что-то несут. Это санитары, нагруженные новыми трупами. Они идут, опустив старые головы, кряхтя и потея. Нести мертвого вдвоем в соединительном ходу, когда кругом грязно и мокро, это почти сверхчеловеческий труд.

Они кладут мертвеца, который одет во все новое.

— Он еще недавно был на ногах,—говорит один из носильщиков.— Всего только 2 часа, как он получил пулю в голову, когда вздумал пойти поискать на равнине немецкую винтовку. В среду ему предстояло поехать в отпуск, и он непременно хотел повезти такую штучку в подарок. Это сержант 405-го полка призыва 1914 года. Славный паренек был...

Мы продолжаем свой путь, который с этого места начинает спускаться вглубь к суше. Дорога представляется нам в белесом тумане страшной долиной скорби. Груды обломков и нечистот нагромоздились на ней, и она становится непроходимой. Деревья устилают землю. Скаты изрыты снарядами. Вдоль всей дороги, по обе стороны, где сохранились только водруженные кресты, тянутся окопы, двадцать раз засыпанные и снова открытые, воронки, провалы.

По мере того, как мы подвигаемся вперед, все кажется чудовищно изуродованным, полным гнили и разложения. Во всем чувствуется катаклизм. Мы ступаем по земле, усеянной осколками, на каждом шагу натыкаемся на обломки оружия, на остатки кухонной утвари, бидонов, печей, швейных машин, мотков проволоки, немецкого и французского форменного платья, покрытого потемневшей кровью. И надо осторожно ступать, потому что кругом валяются также не взорвавшиеся снаряды, повсюду высовывающие свои конические концы и бока разных цветов и оттенков.

Это бывший немецкий окоп, из которого их наконец выбили.

Местами он засыпан, в других изрешетен снарядами. Мешки с землей прорваны, рассыпались и теперь, опустевшие, треплются на ветру. Деревянные обшивки раскололо в щепы и разнесло во все стороны. Прикрытия доверху наполнены землей и еще бог весть чем. Можно подумать, что перед вами наполовину высохшее русло реки. В одном месте окоп совершенно стерт артиллерийским огнем. Расширяющийся кверху ров прерывается и переходит просто во вспаханное поле, покрытое симметрично расположенными в длину и ширину ямами.

Я указываю Потерлу на это необычайное поле, по которому как бы прошел гигантский плуг. Но он занят своими мыслями и все ужасается страшной перемене пейзажа.

СОЖЖЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

(Гиббс. „Душа войны").

Самое страшное разрушение во Франции я видел в Шампани, когда я ходил по тем местам, где раньше были деревни Сермес, Гельк-ле-Морю, Блем и Гюирон. Сермес была совершенно сметена с лица земли. Насколько я мог видеть, там не осталось ни одного дома, не было пощажено ни одной стены. Все, что осталось, лежало на земле, и только кое-где торчали груды кирпичей и золы, обуглившиеся печные трубы. Жалкие остатки домашней обстановки лежали в грудах пепла, указывая на то, что здесь жили люди, ценившие жизненный уют. Вывеска сгоревшей гостиницы, дававшей приют многим проезжавшим, лежала боком на массе разбитых кирпичей с надписью „Центральное отопление". „Центральное отопление" по системе, изобретенной немцами в эту войну, было слишком уже горячо для гостиницы и сожгло ее до основания. Полдюжины крестьян стояло на одной из этих „улиц", между кучами мусора всякого рода, где когда-то были их дома. Некоторые из крестьян оставались в своих жилищах до тех пор, пока снаряды не сорвали с их домов печные трубы. Некоторые из их соседей, не спешившие выбраться, были раздавлены падающими домами. Однако нужно заметить, что разрушение домов было вызвано не артиллерийским огнем. Немцы разбросали по домам черные воспламеняющиеся таблетки, подожгли оконные занавески для того, чтобы устроить иллюминацию в честь своего отступления. Сермес превратился в огненную улицу; из каждого дома, об'ятого тяжелым покровом дыма, вылетало пламя на подобие красных змей. Крестьяне, спрятавшиеся в оврагах за милю от деревни, с ужасом смотрели на яркий столб пламени, поглощавший их дома и обстановку, и им казалось, как будто бы горела их жизнь, оставляя за собой только золу и пепел их надежд и счастья.

— Это был мой дом,—сказал один из крестьн, указывая на развалины.—Я провел через порог, который был здесь, мою жену. Она была красивая девушка с волосами, как золото, мосье. Теперь ее волосы стали совсем седыми в продолжение последних недель. Вот что война делает с женщинами! Здесь много таких поседевших до времени. Я видел этих седых женщин в Блеме, Гюироне и др. деревнях, превращенных в пепел. Они безутешно бродили среди развалин.

ПОЛОСА СОЖЖЕННЫХ И РАЗГРАБЛЕННЫХ ДЕРЕВЕНЬ

(Гиббс. „Душа войны").

Не мало французских деревень было захвачено страшным ураганом нашествия и не одна бедная женщина поседела в это время. В продолжение длинных месяцев осадной войны на картах помещалась длинная черная полоса, и эти карты печатались по всему миру изо дня в день с удручающим однообразием. Интересно было бы знать, многие ли

понимают значение этой полосы, обозначающей длину немецкого фронта во Франции, и многие ли представляют в своем уме черную полосу всех сожженных и разграбленных деревень в десять миль шириной. Не менее интересно знать, сколько людей, ищущих в газетах геройских штыковых атак или леденящих кровь рассказов о том, как рядовой Джон Смит в единственном числе удерживал целый корпус с улыбкой на устах, представляли себе, хотя бы смутно, бегство несчастных жителей этой полосы, страх женщин и детей, попавших в эту адскую западню, и отвратительное зрелище длинных дорог Франции, где мертвые тела лежали и гнили под дождем и солнцем, а жилища крестьян представляли развалины от Артуа до Лотарингии.

Дух разрушения как бы основал свое царство по долине Эна и Веля. Это была долина смерти. В официальных сообщениях было упомянуто только несколько деревень благодаря их стратегической важности, но о сотнях селений, которых коснулась рука смерти и превратила их в развалины и кладбище, не было сказано ни слова.

В маленьких поселках Дистрикта Вик-сюр-Эн, а именно в Сакonене, Пернане, Амблени и Рессоне, очаровательных уголках во время мира, где природа проявила всю свою красоту на берегах извивающейся реки и где само время как будто бы спало, французские солдаты угрюмо смотрели на придавленные крыши, разбитые стены, на искривленные железные части плугов, на разбитые телеги и на весь хаос, причиненный беспощадной войной. Неделю за неделей немецкие, французские и британские снаряды разбивали эти деревни, превращая их в прах и пепел.

Однако при терпении мало-по-малу от них можно было получить более интересные сведения. Напр., старик из Супира рассказал мне более живо о пережитом. В его доме остановилось несколько немцев, когда их армия проходила по этой местности. Жители Супира, по его словам, были разделены на две группы. Здоровые мужчины были отосланы в Германию, а женщины и дети, захваченные при отступлении, были потом отпущены после того, как несколько детей было убито и хорошенькие девушки подверглись насилию. Вступивши в Супир, французские войска нашли 30 челов., укрывшихся в погребах. Эти несчастные сошли с ума и плакали, и умоляли, чтобы их оставили в их убежище, так как они все еще слышали взрывы снарядов и боялись смерти. „Война об'единяет народ,—говорят философы,—война освобождает народы от их пустой гордости“. Если существует дьявол,—а многие теперь верят не в одного, а в сотни тысят дьяволов,—как должен хохотать старый мошенник, слыша такие слова.

———

НА ПУТИ НЕМЕЦКОГО ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ ПАРИЖА

(Гиббс. „Душа войны“).

По всему пути немецкого отступления от Парижа сама природа была осквернена и загажена, а старые мирные жилища были разрушены. Пробиваясь назад, неприятель сжег много деревень или же укрывался в них от убийственного огня преследующих его войск, так что только обгорелые бревна и обуглившиеся, разрушенные стены с грудами золы—все, что недавно было фермами и амбарами, осталось в качестве свидетеля ужаса, который пронесся по местности. По дорогам лежали трупы лошадей. Мириады мух чернели на их гниющих телах, от которых шло зловоние, отравляющее воздух и заглушающее запах сена и благоухание цветов. В деревнях, на улицах которых происходили бои, белые домики и старые фермы, служившие прикрытием для немецких солдат, прежде чем они были выгнаны оттуда орудийным огнем или штыковыми атаками, превратились в бесформенные развалины. Кое-где среди развалин один домик избежал общей участи. Он стоял хорошенький и чистенький среди всеобщего разрушения. Кое-где стояли целые улицы сохранившихся домов, а на улице рядом с ними дома свалились, на подобие карточных домиков, сбитых рукою шаловливого ребенка. В других деревнях трудно было поверить, что там прошла война; скорее казалось, будто чума выгнала все их население. Дома все еще были заколочены, как тогда, когда буржуа и крестьяне бежали при первом известии о наступлении немцев. Только полное безлюдье и молчание указывали, что здесь произошло что-то ужасное. Только это и слабый запах разложения от темной массы чего-то страшного, лежавшего под каменной стеной, а также глубокие колеи и ямы на дороге, выбитые пушками и повозками...

Кругом валялись расстрелянные патроны и осколки снарядов, и кое-где лежали, зарывшись в землю, неразорвавшиеся снаряды...

Я все еще не видал настоящей войны и не видал действия пушечного огня на живых людях. Я только бродил по тем местам, где она уже прошла.

Я подвинулся ближе к настоящей войне в одно воскресенье в сентябре месяце. К этому времени отступление неприятеля закончилось, и немецкая партия под командой генерала фон-Клука была наконец на твердынях холмов, которые напрасно громили французские и анлийские пушки в начале долгой и страшной осады укрепленных немецких позиций.

В продолжение всего этого воскресенья я бродил по полям, все еще покрытым ужасами недавнего сражения, по направлению к железнодорожным путям, простирающимся к северу и к востоку от Вик-сюр-Эна к Пуайону и Суассону, где в течение шести дней тянулась одна из величайших битв в истории, не прерываясь ни на минуту.

Когда я шел рядом с рельсами от города Крепп-ан-Валуа, пострадавшего от грабежа, и дальше через лес Вилье-Которе, и по

полям, засаженным рецой и пшеницей, по которым только несколько дней тому назад шли французские и британские войска, преследуя неприятеля, отступавшего к северному берегу Эна, гигантские пушки нашей тяжелой артиллерии потрясали воздух громовыми раскатами.

Их грохот прекращался не более как на минуту или две. В эти промежутки кругом царило какое-то мертвое молчание, как будто бы дух этих лесов и холмов испуганно прислушивался, затаив дыхание, и ждал нового удара. По мере того как я подвигался ближе к боевой линии, гул становился громче и превращался в ошеломляющий грохот, как будто бы вершины холмов падали в глубокие долины. Ответом ему служило смутное, отдаленное, ворчащее эхо, в котором я признал голос неприятельских орудий.

В скором времени, когда я шел, пробираясь среди луж и колдобин, вырытых колесами пушек, я услышал более низкий и воющий гул, за который следовало сотрясение воздуха, как будто сильный ветер вторгался в пустое пространство. Эти странные зловещие звуки исходили от тяжелых орудий, которые неприятель поместил на высотах над болотами Эна, от страшных одиннадцатидюймовых пушек.

VIII. Последствия войны и мирных договоров

Надо, чтобы не отдельные люди, а целые партии, весь международный пролетариат в годовщину мировой войны спросил вождей... где миллионы немецких, французских, русских и рабочих других наций, угнанных этими господами на войну.

Мы напомним им, что 13 миллионов людей погибли в этой мировой войне, что 10 миллионов осталось калек, 20 миллионов раненых и 250 миллиардов золотых марок стоила эта война по самым скромным подсчетам.

Г. Зиновьев.

Из речи на 5-м Конгрессе Коммунистического Интернационала.

Группы капиталистов, залившие землю кровью из-за дележа земель, рынков, концессий, не могут заключить «почетного» мира. Они могут заключить только позорный мир, мир о дележе награбленной добычи, о дележе Турции и колоний.

Ленин.

„Письма из далека“.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ И МИРНЫХ ДОГОВОРОВ

Нам пришлось выше приводить указание знаменитого немецкого социал-демократа Бебеля, что подготовка к войне есть подготовка к массовому убийству и что в случае войны не будет лазаретов, чтобы вместить раненых, и почти не будет возможности похоронить убитых. Предсказание Бебеля не оправдалось: воюющие державы справились и с созданием соответствующего количества лазаретов и с погребением массы убитых. Но Бебель несомненно был прав, когда хотел указать, что число убитых и раненых будет чудовищным и неслыханным по величине. И действительно: во всех воюющих странах было призвано сорок миллионов человек, из коих десять миллионов было убито, а двадцать ранено и искалечено. Военный корреспондент одной английской газеты, который имел возможность видеть снаряжение германской армии, писал, что его больше всего поразила машина для рытья траншей. „Это—род плуга-автомобиля, который, быстро подвигаясь вперед, оставляет за собой ров в 4 фута глубины и 4 ширины. Этими машинами пользуются немцы также для погребения убитых. Такие автоматические похороны производили жуткое впечатление: впереди идет плуг-автомобиль; за ним следует мотор, нагруженный мертвыми телами, и бросает их в ров, вырытый плугом; третья машина засыпает трупы землей, а четвертая выравнивает и укатывает землю. Таким образом, „братская могила," длиной в одну версту, готова в четверть часа".

Об итогах мировой войны в части, касающейся истребления людей, один из ежегодников на 1919 год писал: „Мировая война разрушила миллионы человеческих жизней и одновременно уничтожила несметные богатства, накопленные десятками лет упорного труда. Для этой преступной цели правящие классы поставили под оружие около 35 миллионов человек,—население целой огромной страны. Франция выставила до сих пор 5 миллионов человек, Англия—4 миллиона, Италия—2 мил-

лиона, С. Штаты 1,5 милл., Россия 8 миллионов, Австро-Венгрия — 3,5 миллионов, Германия — 6 милл., Турция 1½ милл., Румыния — 800.000 чел., Бельгия — 600.000 чел., Болгария — 600.000, Сербия более 1 миллиона бойцов. С. Штаты предполагают высадить во Франции еще 2 миллиона; наконец, все воюющие страны призывают под оружие новые классы, 17-летних и 18-летних юнцов, и скоро численность мужчин, принимавших непосредственное участие в мировой войне, будет доведена до чудовищной цифры — 40 миллионов.

До января 1918 г. все воюющие армии потеряли убитыми, пленными, пропавшими без вести, умершими от болезней, тяжело ранеными, наконец, легко ранеными и такими ранеными, которые были оставлены в строю, минимум двадцать пять миллионов (25.000.000) человек. Сотни и сотни тысяч легко раненых немедленно по выздоровлении были обратно возвращены на фронт, где они нашли, наконец, смерть. Потеря одними убитыми и умершими во всех воюющих странах по 1 января 1918 г. должна быть определена по самому скромному подсчету в 6—7 милл. человек. О величине этой цифры можно судить по тому, что она втрое превышает число умерших за все войны от 1790 г. по август 1914 г., т. е. за 125 лет, и втрое превышает число умерших за двадцатипятилетний период войны Великой французской революции (1790—1815). По относительному количеству людей, погибающих в среднем ежедневно, нынешняя война почти в 30 раз губительнее, чем Наполеоновские войны.

Если война протянется до 1 января 1919 г., число убитых и умерших от ран, вероятно, дойдет до чудовищной цифры, 8—9 милл.“ Цифры эти, как уже указывалось выше, к концу войны, выросли до 10 милл. убитых и 20 милл. раненых и искалеченных. Подсчет количества погибших и искалеченных на войне людей и перечисление болезней, явившихся следствием ее, мы находим у бывшего итальянского министра Нитти, о книге которого мы еще будем говорить дальше.

СМЕРТЬ И БОЛЕЗНИ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

(Ф. Нитти „Европа над бездной“).

Война и дороговизна, которая во многих странах явилась ее спутницей, стоили Европе такого числа человеческих жизней, которое быть-может в совокупности превышает население одного из самых крупных, участвовавших в войне государств.

По достоверным официальным данным число павших на войне офицеров и солдат превышает восемь миллионов, сюда надо прибавить более двадцати милл. раненых и семь милл. пленных и пропавших без вести. Наибольшее число убитых дает Германия, которая принуждена была одновременно сражаться на различных фронтах. Но потери всех почти государств, если и не в такой мере, все же огромны: Франция,

Англия и Италия в совокупности потеряли значительно более двух с половиной миллионов человек убитыми. Во время войны цифры смертности не только в воюющих странах, но и в нейтральных, были выше обычных, в то время как число рождений падало. Убыль в людях, происшедшую вследствие уменьшившейся рождаемости и увеличившейся смертности, определяют в восемь милл. человек, не считая России, относительно которой нет достоверных данных, но потери которой несомненно самые значительные.

После войны восточную Европу стали опустошать эпидемии тифа, оспы, холеры и инфлуэнцы; в Средней Европе господствует туберкулез, в Южной Европе, кроме туберкулеза, который за последнее время широко распространился, свили себе прочное гнездо малярия и холера.

Число раненых на войне, согласно заслуживающих доверия официальных отчетов, превышает двадцать миллионов человек, не считая России. Почти четвертая часть их утратила трудоспособность полностью или частично.

Во всех почти странах угрожающим образом развился туберкулез: в Германии, Австрии и даже странах-победительницах он делает быстрые успехи. У нас нет общих статистических цифр; но если рассмотреть данные больших городов, которые одни только имеются во всех странах, то можно заметить развитие этой болезни, способное вызвать тревогу. Сифилис получил чрезвычайное распространение во всех государствах, участвовавших в войне. В Италии, Балканских государствах, в Греции и Турции малярия весьма усилилась и в некоторых местностях приняла повальный характер. В Центральной Европе есть много городов, где число умерших от туберкулеза удвоилось и утроилось, и всему населению грозит та же опасность.

Погибшие на войне были не только способнейшими, но и в нравственном отношении выше других стоящими элементами населения, ибо во время войны они не прятались по своим домам, но проявили величайшее самопожертвование. Те, которые во время бойни проповедывали войну на улицах больших городов и провозглашали неумолимую ненависть к врагам, [1]) лишь в малой степени внесли свою долю в число погибших. Наибольшее опустошение смерть произвела среди трудящихся классов, которые смотрели на войну, как на национальный долг, а не как на политическое средство борьбы.

Чтобы дополнить эту картину, приводим выдержки из газетных отчетов, напечатанных в 1919 г. Приводя эти отчеты, англичанин Кейнс утверждает, что их „правдивость не подлежит спору“.

---

1) Речь идет о буржуазии. М. Г.

КОЛОССАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТУБЕРКУЛЕЗА И ДЕТСКИХ БОЛЕЗНЕЙ В РЕЗУЛЬТЬТЕ ВОЙНЫ

(Д. Кейнс. «Экономические последствия Версальского мирного договора»).

В последние годы войны в одной лишь Австрии не менее 35.000 человек умерло от туберкулеза (чахотки); из этого числа в одной лишь Вене 12.000. В настоящее время, по крайней мере, 350 или 400 тысяч требуют лечения от туберкулеза... В результате недоедания в Австрии подрастает малокровное поколение с недоразвитыми мускулами, связками и мозгом. Врачебная комиссия, отправленная медицинскими факультетами Голландии, Швеции и Норвегии для изучения условий жизни в Германии, напечатала следующий отчет в шведской печати в апреле 1919 г.: „Туберкулез, в особенности среди детей, усиливается в устрашающей степени. Английская болезнь представляет еще более серьезное зло и распространяется еще шире. Невозможно бороться с этими болезнями, так как для туберкулезных нехватает молока, а для рахитиков рыбьего жира. Туберкулез принимает еще невиданные формы, которые раньше бывали лишь в исключительных случаях. Болезнь поражает сразу все части тела, излечить ее практически невозможно... Почти такие же роковые формы принимает туберкулез и среди взрослых. В госпиталях от него умирают 90% больных. В виду недостатка пищи бороться с ним невозможно... он выражается в самых страшных формах, напр. в форме туберкулеза желез, который превращается в гнойное разложение тела. Сообщение сотрудника немецкой газеты от 5-го июня 1919 г., который сопровождал миссию Гувера (Ара) в Рудные горы, рассказывает следующее: „Я посетил крупные сельские округа, в которых 90% всех детей страдали рахитом, и где трехлетние дети едва начинали ходить... Заглянемте в любую школу в Рудных горах (в Германии). Вы подумаете, что это детский сад для малюток. Нет, это дети семи и восьми лет. Крохотные лица с большими унылыми глазами, с огромным выдающимся рахитическим лбом, слабые руки, представляющие одну кожу и кости, а над искривленными ногами живот, вспухший от голодного отека... Этот ребенок,—об'яснил дежурный врач,—получает массу хлеба, но не становится сильнее от этого. Я открыл, что он прячет его под свой матрац. Страх голода так вкоренился в его душе, что он собирает запасы пищи вместо того, чтобы питаться ею: искаженный голодный инстинкт делает страх голода ужаснее, чем самые его страдания. И все же находятся люди, которые думают, что во имя справедливости подобные существа должны платить дань до сорока или пятидесятилетнего возраста, чтобы облегчить бремя налогов британских граждан“ (намек на контрибуцию, наложенную на Германию, которую придется выплачивать в течение более сорока лет).

Надо ли добавлять (это, впрочем, отмечает в вышеприведенном отрывке и буржуазный ученый Нитти), что горы трупов убитых и раненых составлялись почти исключительно из трудящихся, из взаимно-

истреблявших друг друга рабочих и крестьян? В подтверждение этого приведем отрывок из книги т. Павловича, в котором он рассказывает о сотне тысяч „прятавшихся в кусты“ от войны во Франции или, проще говоря, о тех „окопавшихся“, которые устраивались в тылу, чтобы избежать отправки на фронт.

«ПРЯЧУЩИЕСЯ В КУСТЫ» («ОКОПАВШИЕСЯ») ОТ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ

(По М. Павловичу. „Мировая война 1914—1918 г.“).

„Прячущиеся в кусты“—это люди, уклонившиеся от опасности отбывать воинскую повинность на фронте и сумевшие скрыться от неприятельских пуль и всех тягостей войны где-нибудь в арьергарде, в службе тыла, на тех или других должностях: в военном министерстве, в генеральном штабе, в военных судах, в интендантстве, рекрутских бюро, наконец на фабриках и заводах, работающих на армию и т. д. Таких „амбюске“, лиц, уклонившихся от обязанности отбывать службу на фронте, одним словом „учетников“, числилось во Франции в конце первого года войны около 500 — 600 тысяч человек, по другим выкладкам около миллиона. Во всяком случае, этих героев было так много, что французский министр Клемансо в своей статье от 7 апреля 1915 г. уверял, что если бы удалось высадить из уютных нор всех „амбюске“ (учетников) и послать этих молодцов на фронт, победа была бы решена одним вмешательством этой многочисленной армии, ибо на фронте эти „амбюске“ вели бы себя не хуже других. Кто же заполнял собой ряды этой многочисленной армии, каков ее социальный состав? На этот вопрос дает отчасти ответ известная, поднявшая много шуму в правой печати фраза буржуазной газеты: „Пусть мне покажут пуалю (немца), который видел хотя бы одного миллионера или кюре (священника) в траншее“... Дело, однако не в том, можно ли было найти хотя бы одного миллионера в траншее, а в том, что всякий богатый человек, имеющий связи, мог легко улониться от службы, и таких „патриотов“ оказалось столько, что из них, как мы видели по словам Клемансо, не трудно было бы образовать целые армии, которые своим вмешательством могли бы в первый же год войны решить ее участь. Если среди представителей господствующих классов находились отдельные личности, не желавшие уклоняться от службы на фронте и жертвовавшие своей жизнью во имя отечества, эти факты не говорят ничего против положений об уклонении богачей и вообще состоятельных или имеющих связи людей от опасностей и тягот войны. И не подлежит сомнению, что высадить этих людей из их нор не было никакой возможности...

Громадная армия уклонившихся от действительной воинской повинности формируется из так называемых „папиных сынков“, из предста-

вителей господствующих классов, из чинов духовенства, ибо во Франции последние не освобождены от воинской повинности. Клемансо в серии статей разоблачил все те приемы, к которым прибегают представители господствующих классов, чтобы переложить с себя „налог крови“ на народные массы. Молодые, здоровенные, краснощекие католические священники занимаются, словно сестры милосердия, уходом за ранеными солдатами. Занятие несомненно благородное. Но дело в том, что эти священники мобилизованы, и они предпочли, вместо того чтобы итти в опасные для жизни и неудобные траншеи, укрыться здесь в госпиталях от дождя, сырости, немецких пуль и гранат. Буржуазные сынки, занимавшиеся всегда спортом, отбывавшие в мирное время воинскую повинность и прекрасно владеющие оружием, прибегают к другим приемам. Будучи мобилизованы, они с помощью покровителей получают назначение в автомобильную часть и мчатся по улицам отдаленных от фронта городов, давя прохожих, в то время как заправские пролетарии, всю жизнь управлявшие автомобилями, лежат где-нибудь в траншеях. „Папины сынки“ назначаются ординарными писцами к полковникам и генералам, находящимся в данный момент вне линии огня, наконец с помощью всякого рода родственных и других связей, а порой и подложных свидетельств они поступают рабочими на казенные и частные военные заводы и приготовляют там снаряды, в то время как специалисты, с юных лет работавшие на этих заводах, находятся на фронте... Не подлежит сомнению, что армия „скрывшихся в засаде“ сыграла громадную роль в ходе войны и была одной из главных виновниц ее длительности.

Это уклонение от военной службы имело место не только во Франции, но и в Германии и во всех других странах. По крайней мере Людендорф, один из руководителей войны со стороны Германии, говорит, что при оставлении в тылу незаменимых специалистов „были случаи попустительства, вызывавшие во всех такое же озлобление, как и „окапывание в тылу“. Я не раз просил военное министерство прекратить это безобразие“. Конечно, Людендорф не добавляет, что окопаться в тылу могли только люди имущие, имевшие средства и связи, и что рабочие и крестьяне платили „налог крови“ натурой—горами трупов. Десять миллионов убитых и двадцать миллионов раненых и искалеченных—вот та цифра жизней, которыми трудящееся человечество заплатило за преступление правящих групп, не сумевших поделить между собой сверх-прибылей. Этим, однако, не исчерпывается „стоимость“ мировой бойни. Война произвела коллосальные уничтожения городов, зданий, полей, лесов и т. д. и вызвала расход денег в таких больших суммах, что по словам английского министра „мир до войны не знал таких чисел“. Приблизительная стоимость войны в этой части определяется в нижеприводимом отрывке.

«СТОИМОСТЬ» МИРОВОЙ БОЙНИ

(Советский Календарь на 1919 г. Изд. ВЦИК).

Современная статистика может с большей или меньшей точностью определить число человеческих жизней, загубленных войной, но в распоряжении современной научной мысли нет никаких средств исчислить хотя бы приблизительно те материальные потери, которые понесли воюющие страны в результате разрушения целых городов и сел, лесов, садов, туннелей, железных дорог и т. д., приведения в полную негодность тысяч вагонов и паровозов, гибели редких памятников зодчества и произведений искусства. Во всяком случае, по некоторым подсчетам, мировая война обошлась человечеству по 1 января 1918 г. в 600 миллиардов руб., или 1500 миллиард. франк., считая, конечно, рубль по его нормальному довоенному курсу, т. е. в 2,65 франка. Эта огромная сумма превышает все национальное богатство Англии, Германии, Франции, России, Австрии, Бельгии, вместе взятых. К 1 января 1919 г. „стоимость“ мировой бойни определится,—принимая во внимание, что стоимость каждого последующего года войны в $1^1/_2$ или 2 раза превышает стоимость предшествующего,—в 1000 миллиард. руб.

Выше мы определили материальный ущерб, причиненный войной, принимая во внимание, кроме прямых расходов, убытки войны, вследствие разрушенного имущества, потери производства и капитализированную ценность погибших миллионов человеческих жизней. Однако, подобные вычисления „стоимости войны“ верны лишь приблизительно. Есть, однако, одна область государственной, экономической жизни, где, сравнительно, с большой точностью определяются военные убытки. Это финансовые расходы европейских государств на военные нужды. Военные расходы в нынешнюю мировую войну достигли таких необычайных расходов, какие не могла бы вообразить себе накануне войны самая разнузданная фантазия.

Воюющие державы затратили непосредственно на военные нужды до 1 января 1918 г.—600 (шестьсот) миллиард. франков. О чудовищности этой суммы можно судить по тому, что она в $5^1/_2$ раз превышает сумму военных расходов (110 миллиард. франк.), поглощенных за все войны, которые велись в течение последних 125 лет.

Война довела государственный долг Европы до 1000 (тысяча) миллиард. фр. Одни проценты по этой сумме равняются 60 миллиард. франков ежегодно. Понятно, что европейские народы не будут в состоянии оплатить проценты по внутренним и внешним займам, заключенным на покрытие военных расходов, и будущие поколения откажутся от этого дьявольского наследства, которое оставят им безумные отцы.

РАСХОДЫ НА ВОЙНУ

(И. М. Кулишер. „Обзор мирового хозяйства за время войны и после войны").

По вычислениям Эрнеста Богардта (приведены в английском финансовом журнале) расходы на войны 1793—1905 гг. составляли 41,1 миллиарда рублей золотом, а на войну 1914—1918 гг. составляли (в обоих случаях в золотых рублях, считая доллар=2 рублям):

РАСХОДЫ ВОЙНЫ 1914—1918 гг.

Великобритания	88,0
Франция	51,6
Россия	45,2
Италия	24,6
Бельгия	2,3
Сербия	0,8
Румыния	3,2
Греция	0,5
Соединенные Штаты	64,1
Канада	3,3
Австралия	2.9
Новая Зеландия	0,8
Южно-Африканский союз	0,6
Индия	1,2
Прочие британские колонии	0,3
Япония	0,1
Прочие союзники Антанты	1,0
Германия	80,3
Австро-Венгрия	41,2
Турция	2,8
Болгария	1,6
Итого	416,4

Многочисленные войны, происходившие в течение 113 лет (1793—1905), обошлись миру в 41 миллиард. руб. зол., одна война 1914—1918 гг.—в четыреста шестнадцать мил., т. е. в десять раз больше. Из них Антанта истратила 290,5 миллиардов, Германия и ее союзники—125,9 миллиард. руб. зол.

Впрочем, в этом подсчете некоторые расходы считаны дважды, ибо одни государства оказывали кредит другим и эти суммы попали в число расходов и тех и других. Соединенные Штаты снабдили Европу 20 миллиардами руб. зол., Англия дала союзникам 17,3 миллиард. и своим колониям 1,2 миллиард. руб. зол. Вычтя эти 38,5 миллиард., получим стоимость войны—378 миллиардов, все-таки в 9 раз больше расходов на все предыдущие войны, вместе взятые.

Разница между расходами Антанты и Германии с союзниками становится меньше—253 и 126 миллиард. руб. зол.

Конечно, и мировое богатство за последние десятилетия сильно возросло, только поэтому Европа могла выдержать такую войну. Но

война была ей и теперь в сущности не по силам, превышала ее средства. Это видно хотя бы из сравнения расходов на войну с мировым запасом процентных бумаг, которые имелись до войны и в которых выражался капитал мирового хозяйства. Размеры этого капитала, по данным Соединенных Штатов за 1910 г., оценивались следующим образом:

МИРОВОЙ ЗАПАС ПРОЦЕНТНЫХ БУМАГ

	В миллиард. руб. зол.
Великобритания	54
Соединенные Штаты	50
Франция	42
Германия	35
Россия	11
Австро-Венгрия	9
Италия	5
Япония	4
Прочие страны	14
Итого	224

Расходы на мировую войну следовательно, более, чем в полтора раза превышали мировой капитал, заключающийся в акциях промышленных, железно-дорожных, горных, и проч. предпр., в государственных займах и т. д.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛГИ ЕВРОПЫ ДО И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

(И. М. Кулишер. „Обзор мирового хозяйства за время войны и после войны").

Европа истратила гораздо более, чем составлял ее капитал, вошла в огромнейшие долги. Государственный долг важнейших стран мира выражался, по данным National City Bank в Нью-Иорке, в следующих цифрах:

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛГИ ДО ВОЙНЫ

Годы.		В миллиард. рубл.
1713	Утрехтский мир	3
1793	Накануне Наполеоновских войн	5
1816	После Наполеоновских войн.	14
1848	Накануне крымской войны	16,8
1864	Накануне междуусобной войны С. Ш.	26,8
1873	После франко-прусской войны.	44,8
1897	Накануне испанско-американской войны	60,4
1914	Накануне мировой войны	88,2
1915	Мировая война.	113,8
1916	„ „	241,0
1917	„ „	398,0
1918	„ „	451,0
1919	После мировой войны	486,0
1920	„	500,0

За двести лет 1713—1914 г. мировая задолженность возросла всего до 88 милл. руб. зол., а за 4 года: 1914—1918 гг. она увеличилась на 363 миллиарда (с 88 до 451 миллиарда), т. е. более, чем в четыре раза.

Не одним уклонением от войны характеризуется „любовь к отечеству" буржуазии во время войны. Чтобы иметь ясное представление о ценности криков буржуазии о „защите отечества", „об освободительной войне" и т. д., чем ей удалось обмануть и завлечь в свои сети трудящихся, каждый рабочий и крестьянин должен знать о тех грудах золота, которые буржуазия загребает во время войны, обогащаясь за счет крови, голода и мук трудящихся в то время, когда народы в целом превращаются в нищих. Ниже мы приводим несколько отрывков, которые покажут, каким исключительно выгодным делом была война для буржуазии всех воюющих стран.

БАСНОСЛОВНЫЕ ДОХОДЫ ПУШЕЧНЫХ И ДРУГИХ КОРОЛЕЙ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В АНГЛИИ

(М. Павлович. „Мировая война 1914—1918 г.").

Благодаря войне многие английские фирмы значительно поправили свои дела. Война разорила многих, но в то же время она создала громадные состояния и дала возможность некоторым предприятиям, стоявшим чуть ли не накануне банкротства, получить такие доходы, что они оказались в состоянии выплатить своим акционерам громадные прибыли...

Прибыль, получаемая английскими предпринимателями, была настолько велика, что министр военных снаряжений, пресловутый Ллойд-Джорж, внес закон об ограничении несоразмерной прибыли фабрикантов и заводчиков, работающих на армию. Этот закон об „амуниции", проведенный в парламенте в июле 1915 г., устанавливает, что прибыль промышленников за военный год не должна превышать больше чем на 20% среднюю прибыль последних двух лет до войны. Весь излишек сверх указанной нормы поступает в государственное казначейство. Этим путем должна быть отнята у капиталистов возможность наживать колосальные доходы на высоких ценах и спекуляциях.

Это ограничение сверх-прибыли, столь тяжкое для капиталистов, было обусловлено желанием министерства показать рабочим, что приносимым последними жертвам, в роде отказа от права стачек, соответствуют известные жертвы и со стороны предпринимателей, что плодами их усиленного труда будет пользоваться исключительно государство. Следует заметить, что закон о сокращении предпринимательской прибыли едва ли мог иметь какое-либо серьезное влияние на ограничение баснословных доходов военной индустрии. В руках предпринимателей имеется много способов, чтобы скрыть свою действительную прибыль,

да и государственный контроль за частной промышленностью слишком слаб, чтобы дать правительству средство конфисковать все доходы сверх 20-процентной нормы. Во всяком случае сама эта норма „не выше 20%, по сравнению с средней прибылью последних 2-х лет до войны“ указывает, как высоки должны были быть доходы английских металлургических, пушечных, ружейных, пороховых и других фабрик, работавших на армию.

Однако и это скромное „ограничение“ прибыли капиталистов касалось первоначально лишь предприятий, работавших непосредственно на армию и подчиненных „контролю министерства военных снабжений“... Частные же электрические фабрики, телефонные, консервные, каучуковые, сахарные, бисквитные, химические и мног. другие собирали обильную жатву благодаря войне и получали порой чистую прибыль, на 100%—150% превышающую прибыль мирного времени.

Доходы капиталистов благодаря войне продолжали расти со сказочной быстротой, и 4-го апреля 1916 г. Мак-Кенна, внося на рассмотрение Палаты четвертый военный бюджет, предложил повысить специальный налог на военную прибыль с 50 до 60% с излишка прибыли.

Целый ряд опубликованных не только в английской рабочей, но и буржуазной печати фактов о сказочных доходах английских капиталистов за время войны вызвал сильное волнение в рядах даже патриотически настроенных пролетариев, поддерживавших правительство в вопросе о введении воинской повинности и т. д. 10 июля 1916 г. депутация рабочих посетила премьер-министра Асквита и, обратив внимание последнего на скандальный образ действий капаталистов, накопляющих в своих карманах новые миллионы фунтов стерлингов на монбланах (горах) трупов их соотечественников, пред‘явили требование, чтобы богачи отдали их деньги на алтарь отечества, раз пролетарии обязаны отдавать свою жизнь на полях битв.

КОЛОССАЛЬНЫЕ БАРЫШИ АНГЛИЙСКИХ ПАРОХОДЧИКОВ И УГЛЕТОРГОВЦЕВ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

(М. Павлович. „Мировая война 1914—1918 г.“).

Удивительно повезло во время войны углеторговцам и владельцам пароходов. Многие английские и французские пароходчики признавались, что в мирное время они боялись войны, как чумы, думая, что их постигнет та же участь, что и германских пароходовладельцев. Известно, в каком жалком положении очутились немецкие пароходные компании— Северо-Германский Ллойд и пресловутая Гамбурго-Американская линия. Правда, сотни английских судов пошли ко дну, но в общем пароходный трест нажил сотни миллионов рублей благодаря войне, и деятельность немецких подводных лодок пошла лишь на пользу владельцам уцелевших пароходов...

Благодаря войне английские пароходчики получили неслыханные выгоды. Чтобы получить такие колоссальные барыши, английским морским компаниям пришлось повысить в пять, десять и более раз фрахт (плату за перевозку грузов), т. е. вызвать рост цен на все продукты, ввозившиеся в дорогую им отчизну. По мнению многих английских газет, необычайная дороговизна жизни в Англии, рост цен на главнейшие пищевые продукты за время войны вызваны были в значительной мере, если не исключительно, владельцами пароходов.

В то время как тысячи пролетариев отдавали на фронте свою жизнь во имя отечества, их семьи на родине должны были жить впроголодь, чтобы давать возможность наживаться жадным предпринимателям.

Разбойничья деятельность английских пароходчиков возбудила, между прочим, сильное возмущение в Италии и чуть было не отозвалась на исходе войны, поставив было союзные с Англией державы в невыносимое положение. Были моменты, когда некоторым союзникам Англии приходилось втайне сожалеть о том, что Северо-Германский Ллойд и Гамбургско - Американская линия прекратили свое существование и конкуренцию с английским пароходным трестом. Нищей Италии в момент напряжения всех ее сил для борьбы с грозным врагом приходилось платить за один уголь английским пароходным и угольным трестам более 2 миллиард. фр., т. е. в семь раз больше, чем в мирное время. Понятно, что в результате такого необычайного удорожания цены угля итальянские железные дороги, итальянская электрическая промышленность и особенно итальянские металлургические заводы и все военные фабрики очутились в критическом положении, а это, понятно, не могло не отразиться на ходе военных событий. Где тут было думать о мобилизации миллионной армии, когда с трудом удавалось снабжать всеми необходимыми боевыми припасами 500-тысячную армию и когда сотни итальянских фабрик закрыли свои ворота в виду отсутствия угля, который английские предприниматели удерживали у себя в расчете на еще большее повышение цен.

В момент запрещения итальянским правительством всякой торговли с Германией немецкие углепромышленники брали за доставку тонны угля в Ломбардию 24 франка. Между тем, как только это запрещение вошло в силу, англичане за доставку в Геную тонны угля стали брать 200 фр., т. е. в 8 раз дороже. Такое беззастенчивое пользование английских предпринимателей вступлением Италии в союз с Великобританией для небывалой эксплоатации нового союзника не могло не содействовать усилению „германофильских" стремлений в некоторых кругах Италии...

Само собой разумеется, что английские пароходчики действовали вышеописанным образом не только по отношению к Италии. 24-го марта 1916 г. во французской палате депутатов обсуждался вопрос о транспорте. Депутат Есс привел данные о повышении цен в десять раз и больше для угля...

Возмутительный образ действий английских пароходчиков и углеторговцев как по отношению к собственным согражданам, так и по отношению к Франции и Италии, вызвавший такое негодование, такую язвительную критику в прессе Аппенинского полуострова, является лишь одним из наиболее ярких и бьющих в глаза примеров той жадности, того своекорыстия, того антипатриотизма, который проявили одна за другой все категории владетельных классов всех стран в „великой“ освободительной войне, где только крестьянские массы и пролетариат и отдельные представители мелкой и средней буржуазии бескорыстно жертвовали не только своим имуществом, но и своей жизнью во имя „долга“ перед „отечеством“.

От английских хищников, наживавшихся на войне, ничем не отличались немецкие и французские, которые в свою очередь загребали десятки миллионов. Мы приведем ниже отрывки, в которых имеются данные о доходах немецкой и французской буржуазии. В первую очередь приводится отрывок, где речь идет о доходах пушечного короля Германии—Круппа, о фабрике смерти которого мы говорили в другой главе.

ДОХОДЫ ПУШЕЧНОГО КОРОЛЯ ГЕРМАНИИ—КРУППА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

(М. Павлович. „Мировая война 1914—1918 г.“).

Само собой разумеется, что во время войны посреди всеобщего разрушения и ужаса доходы фирмы Круппа возросли с громадной силой. Заводы Круппа с самого начала войны увеличили число своих рабочих с 80.000 до 120.000, т. е. на 50%. Они значительно сократили производство всякого рода машин, паровых молотов и т. д., сосредоточились почти исключительно на выделке орудий, снарядов и вообще всякого рода принадлежностей военного аппарата германской армии.

По официальным сообщениям фирмы Круппа, опубликованным в Эссене в ноябре 1915 г., фирма получила в 1914—1915 г. 95.850.958 марок чистой прибыли вместо 40.830.558 марок чистой прибыли предшествующих 1913—1914 г. Таким образом чистый доход от эксплоатации заводов за год войны увеличился на 55.020.400 марок по сравнению с 1913—1914 г., т. е. приблизительно на 140%.

В марте 1916 г. швейцарский журнал опубликовал одно интересное сообщение, которое прошло незамеченным в европейской печати. Фирма Круппа открыла в начале 1916 г. отделение в Мюнхене (в Баварии), которое по плану должно было иметь в недалеком будущем

„колоссальные“ размеры. С этой целью фирма приобрела в окрестностях Мюнхена земельную площадь в 11.000 поз (поз—1/2 десятины), т. е. пространство, занимаемое целым городом, как замечает журнал. Сооружение зданий должно было начаться скоро, и по плану заводы начали бы работать в первых месяцах 1917 г. Чтобы дать удовлетворение баварцам, это отделение получает некоторую самостоятельность и будет иметь свое главное управление в Мюнхене. Согласно положению, это отделение будет доставлять вооружение прежде всего баварской армии, а затем „иностранным государствам, дружественным Германии“.

Итак, фирме Круппа было мало тех гигантских заводов, которыми она владела накануне войны. С помощью тайных доходов, полученных ею за первый же год войны, фирма закладывает фундамент новой „колоссальной“ пушечной фабрики, чтобы сейчас же после подписания мира предстать перед вооруженной до зубов Европой, перед развившей необычайно свои силы военной промышленностью Франции, Англии, России в невиданном дотоле могуществе. Вероятно, что доходы второго года войны дали возможность фирме приступить к осуществлению новых планов, о которых пока еще не проникло никаких сообщений в печать. Во всяком случае, все эти планы показывали, какие перспективы стоят перед Европой после окончания нынешней войны, если только движение снизу не положит конца стремлениям милитаристов, явно обнаруживаемым всеми этими планами создания новых пушечных, динамитных, снарядных фабрик в придачу к тем, которые возникли во время войны и сохраняются после мира.

Доходы Крупповских заводов за время войны должны быть колоссальны, если принять во внимание, что с самого начала военных действий немецкие войска захватили в свои руки богатейшие угольные копи в Бельгии и железные рудники во Франции и, между прочим, знаменитый французский бассейн Брией. Запасы угля и железа в Бельгии и Франции достались заводам Вильгельма, если не даром, то во всяком случае, не по рыночной цене.

ЧУДОВИЩНАЯ ПРИБЫЛЬ НЕМЕЦКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

(М. Павлович. „Мировая война 1914—1918 г.“).

Громадные доходы, которые получили предприятия, работавшие на армию, об‘ясняются целым рядом причин. Среди последних важнейшую роль играла страшная эксплоатация рабочего персонала, подчиненного в период войны железной дисциплине, лишенного возможности пользоваться единственным средством самозащиты—стачкой,

которая во время войны рассматривалась как государственное преступление. На многих немецких фабриках подростки в нарушение закона работали без смены целые сутки. Немецкая социал-демократическая газета отмечала случаи, когда на фабриках дети работали трое суток под ряд, имея всего 12 час. отдыху за это время, не считая ежедневного получаса на обед. На одной фабрике у ребенка, вследствие страшного переутомления, позвоночный хребет совершенно искривился. Газета приглашала правительство положить предел этой зверской эксплоатации, указывая что от нее не спасает ни возраст, ни пол, что на ряду с детьми и подростками работают старики и женщины. Доходность германских фабрик в период войны об'яснялась и тем, что многие предприниматели, работавшие в мирное время в кредит с рассрочкой своим клиентам расплатой товаров на три, шесть, девять месяцев, стали сбывать товар правительству за наличные, при чем частью получили громадный аванс одновременно с принятием заказов. Не удивительно, что при таких благоприятных условиях—полном подчинении рабочего персонала воле предпринимателя, удлинении рабочего дня и понижении заработной платы, наконец, обеспеченности сбыта изготовляемого товара по самой выгодной цене—владельцы всех этих пороховых, ружейных, пушечных, кожевенных, каучуковых, сталелитейных, автомобильных, электрических и т. д. фабрик и заводов получали самые высокие прибыли.

Ни одному из воевавших в мировой войне правительств не удалось с таким успехом обмануть в первые дни войны трудящихся, как французскому. Французскому правительству, состоявшему в союзе с самодержавным монархом в России, удалось навязать решительно всей стране убеждения, что Франция подверглась нападению Германии, в то время как сама она жаждала только мира и прилагала будто бы все усилия к его сохранению. Правительство с первых дней бросило лозунг „священного единства“ всей нации для отражения врага и при содействии предателей из второго Интернационала правительству удалось увлечь за этим лозунгом всю страну. Приведенный выше отрывок о „прятавшихся в кусты“ от войны сынках буржуазии, которые, окопавшись в тылу, упорно уклонялись от фронта, должен был показать, как понимала буржуазия „священное единство“. Ниже приводимый отрывок показывает, какие груды золота загребала французская буржуазия на этом „священном единстве“ нации, без помощи которого нельзя было бы вести войны.

ГРОМАДНЫЕ ПРИБЫЛИ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОМЫШЛЕННИКОВ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

(М. Павлович. „Мировая война 1914—1918 г.“).

Господствующие классы (Франции) всеми силами уклонялись от „повинности крови“ и успешно старались переложить этот тяжелый налог на трудовые массы. Таким образом, многие предприниматели, не неся никаких жертв, не рискуя ничем, ни своей жизнью, ни жизнью своих детей и близких, могли со спокойной совестью заниматься приумножением наследственных и благоприобретенных капиталов, и извлекли благодаря войне колоссальные, немыслимые в другое время выгоды.

Естественно, что многие металлургические заводы благодаря войне извлекли большие доходы. Так, из доклада, представленного 30-го ноября 1915 г. дирекцией одной фирмы собранию акционеров (предпринимателей), явствует, что за период времени с июля 1914 г. по 30-е июля 1915 г. (11 месяцев войны) фирма получила чистого дохода 6.508.160 франков вместо 4.873.413 фр. предшествующего 1913—1914 гг. Таким образом, чистый доход фирмы увеличился по сравнению с предшествующим годом на 1.664.747 фр., т. е. более, чем на 30%. При этом фирма за 11 месяцев войны расширила значительно свои помещения, выстроила новые здания, приобрела новые машины и т. д. Таким образом, действительное увеличение доходов фирмы за 11 месяцев войны значительно превышает 30%...

Само собой разумеется, что за период после 30-го июня 1915 г. производства фирмы и ее доходы должны были значительно возрасти по сравнению с первым годом войны.

Конечно, не только металлургические и специально „военные“ фирмы нажили большие капиталы во время войны. Многие шахтовладельцы получили за период 1914—1915 гг. громадные доходы. Понятно, что собственникам угольных копей и углеторговцам дороговизна угля не причиняла убытков. Большие доходы благодаря войне получило общество сахарных заводов Сея, воспользовавшись возможностью поднять до небывалых размеров цену на сахар....

Благодаря войне и вызванному вздорожанию сахара прибыль акционеров Сея утроилась. В то же время члены административного совета и дирекции этих заводов распределили между собой в награду за свои труды 793.325 фр., зато жены мобилизованных солдат и вдовы убитых, получавшие от казны по одному франку с небольшим в день, вынуждены были платить за кило сахару 1 ф. 30 су вместо 70 су в мирное время.

Само собой разумеется, что вообще все капиталисты, монополизировавшие в своих руках производство и торговлю продуктов питания, значительно увеличили свои доходы благодаря войне. Но все же, как это не раз констатировалось во французской палате депутатов и в прессе, в общем больше всех выиграли от войны, за некоторыми исключениями,

металлургисты и оружейники. Депутат Мистраль на заседании палаты 8 июля 1916 г. привел ряд красноречивых цифр о доходах металлургических заводов и других фабрик, работавших на армию во время войны. Повсюду капиталисты наживали миллионы франков с такой же легкостью, с какой в мирное время суммы в десять раз меньше. В одной французской правой газете отмечался пример одной фабрики, которая при основном капитале в 8.000.000 франков сфабриковала снарядов на 30.000.000 фр. и получила при этом 18.000.000 фр. доходу.

Скандальные доходы предпринимателей обуславливались возможностью для них, пользуясь всякого рода неблаговидными приемами, продавать свои товары по небывало высокой цене....

„Мы готовы всеми силами поддерживать во имя национальной обороны „священное единство“, но мы не желаем единства вокруг грабежа и мошенничества“,—с высоко приподнятым пафосом (воодушевлением) воскликнул при аплодисментах французской палаты умеренный депутат Брюсс, требуя наказания виновных лихоимцев по всей каре законов и утверждая, что правительство знает имена всех грабителей, пользующихся войной и общим национальным бедствием для наживы и удовлетворения своих ненасытных аппетитов. Само собой разумеется, что все подобные восклицания оставались гласом вопиющего в пустыне, и капиталисты, ничуть не боясь кары законов, спокойно продолжали свое дело, настаивая одновременно при посредстве подкупной прессы на „войне до конца“, которая, в конце концов, оказалась для многих промышленников таким золотым делом, которое им никогда и во сне не снилось.

Мы переходим теперь к обрисовке результатов войны, поскольку они выразились в Версальском и других мирных договорах, завершивших европейскую войну. Грабительская война кончилась такими грабительскими мирами, подобных которым человечество никогда не видало. Для обрисовки Версальского и других мирных договоров не требуется приводить мнений о них коммунистов, непримиримых врагов буржуазии до и после войны. Вполне достаточно привести мнение буржуазных критиков этих договоров. Даже эти защитники буржуазного строя, которые, как огня, боятся революции и которые душой и телом преданы буржуазным порядкам, считая их вечными,—даже и они вынуждены были признать, что Версальский и другие миры—миры неслыханного грабежа и насилия над побежденными. Среди тех, кто дал должную оценку Версальскому и другим договорам, в особенности выделяется ученый Нитти, который еще во время войны был министром в Италии. Оценка Нитти настолько ярка, что не нуждается ни в каких пояснениях и дополнениях. Мы поэтому широко используем книгу Нитти, которая называется „Европа над бездной“. Уже одно это название говорит о том, что дали Европе война и Версальский и другие договоры, навязанные Антантой (Англией, Францией и Италией) побежденным.

ЛЖИВЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ АНТАНТЫ О ЦЕЛЯХ ВОЙНЫ И БУДУЩИХ УСЛОВИЯХ МИРА

(Ф. Нитти. „Европа над бездной").

Союзные правительства (Англия, Франция, Россия и Италия), вступившие в величайшую войну 1914—1918 гг., заявили, что они одушевлены одними и теми же намерениями. В Париже 30-го февраля 1916 г. Бриан от имени Антанты формулировал основания войны, об'явив пред лицом всего мира, чего хотят об'единившиеся для защиты свободы народов союзники. Целью войны была свобода и независимость народов на равных и одинаковых для всех основаниях.

Президент Соединенных Штатов Вильсон не раз выступал с заверениями, что необходим мир без победы, что право ценнее мира и что борьба ведется не с немецким народом, а с германским императором и немецкими империалистами. 8-го января 1918 г. Вильсон формулировал 14 пунктов, явившихся торжественным обязательством не только американской республики, но и всех государств Антанты—по отношению к противнику и вообще ко всем государствам земного шара.

Эти 14 пунктов, о которых теперь даже не вспоминают, являлись демократической программой и предварительной стадией лиги народов, куда должны были войти на равных правах и победители, и побежденные для ограждения интересов мира и защиты его от всяких угроз.

Каковы же были согласно обещаниям Америки основы мира? Уничтожение тайных договоров; безусловная свобода морей, за пределами территориальных; отмена всех экономических ограничений и торговое равноправие; всеобщее разоружение и сохранение армий в наименьшем по количеству размере в целях внутренней охраны; урегулирование прав в колониях обеспечением интересов туземцев; эвакуация русских областей и содействие в восстановлении России; эвакуация и восстановление Бельгии; освобождение занятой неприятелем французской территории и возвращение Франции отторгнутых в 1871 г. Эльзаса и Лотарингии; исправление итальянской границы по принципу разделения национальностей; содействие народам Австро-Венгрии в целях свободного соглашения их о лучших формах независимого развития; освобождение занятых областей Румынии, Сербии и Черногории и международные гарантии политико-экономической самостоятельности балканских государств; признание верховных прав султана в турецких частях империи османов с обеспечением прав других национальностей и открытием Дарданелл для торговых судов всех наций под международной защитой; восстановление Польши с включением в ее состав всех областей с несомненно польским населением и свободным выходом к морю; и, в заключение, создание лиги народов с особым уставом исключительно в целях обеспечения большим и малым государствам взаимных и однородных гарантий политической самостоятельности и территориальной неприкосновенности.

—

После изложения обещанных условий будущих мирных договоров Нитти излагает те условия, которые в действительности были внесены в мирные договоры.

УСЛОВИЯ МИРНЫХ ДОГОВОРОВ, КОТОРЫМИ ЗАКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА 1914—1918 гг.

Договорам 1919—20 гг. присущ один общий характер. В них дух ненависти слился с алчностью, с желанием уничтожить побежденных путем невероятных условий. Они рисуют побежденных единственными виновниками войны, а победителей—сторонниками мира, людьми, предпосылающими всякому отдельному договору договор так называемой лиги наций, который является скорее актом насмешки. Ведь если договоры, как ясно выразился французский министр Клемансо во французской палате, не что иное, как способ продолжения войны, то предшествующий им договор лиги народов не столько оплевание побежденных, сколько насмешка над самой идеей мира.

Версальский договор подписан с одной стороны 27 ю союзными народами, с другой—Германией; однако при всех предварительных договорах Германия ни разу не была выслушана; она просто была вынуждена дать свою подпись...

У Германии и ее побежденных союзников отняты были области, принадлежавшие им в течение столетий и даже тысячелетий, чисто немецкие, венгерские, болгарские и турецкие, отняты исключительно по праву победителя. Все были убеждены, что Германия вернет Эльзас и Лотарингию. Помимо этого Германия была совершенно изуродована, не только без всякого права, но и часто даже без всяких требований со стороны государств, которым отдавались немецкие области, конечно, всегда при торжественных уверениях об уважении к принципам. Так, Бельгии были обещаны две богатейшие области, вероятно, вследствие их лесных богатств и цинковых залежей. Между тем эти районы всегда принадлежали Германии и, за исключением одного ничтожного уголка, не знают другого языка, кроме немецкого. Саар — чисто немецкая область, где на 800.000 жителей едва приходится 100 французов. Франция требовала простой, неприкрашенной аннексии (захвата), и только после уступок ей были навсегда отданы угольные копи в возмещение временных убытков, причиненных немцами в угольном районе Па-де-Кале. Нет более немецкой области, чем Саарская, тем не менее она передана в управление лиги народов, т. е. фактически Франции, и жители ее действительно оторваны от Германии. Через 15 лет состоится голосование для определения, желает ли население остаться с Францией, или Германией!..

Польша, по Вильсону, не могла получить области, которые не были бы польскими действительно и несомненно; вместо этого, Восточная Пруссия была разрезана на 2 части, отделенных от Германии

Данциг поставлен под контроль лиги наций, а Польша связана с Данцигом коридором, единственное назначение которого заключается в разделении Германии на 2 части. Благодаря этому 3 миллиона немцев выданы Польше, 21 округ Западной Пруссии с южным углом Восточной Пруссии оторваны от Германии и без всякого голосования переданы Польше, исключительно для создания коридора, представляющего величайшую политическую и экономическую бессмыслицу, какой только можно найти в новейшей истории.

До войны никто не говорил о Мемельской области; по окончании войны была открыта Литва, и Германия вынуждена была отказаться от всех своих прав и притязаний на области между Балтийским морем, северной границей Восточной Пруссии и старой русско-германской границей.

Шлезвиг после голосования отошел к Дании, кроме небольшой части, оставшейся в составе Германии. Немедленный захват Верхней Силезии был бы очень грубым приемом. Дело касалось чисто немецкой области, с колоссальными сокровищами в недрах. Поэтому в Верхней Силезии устроено было голосование, и когда оно окончилось в пользу Германии, то область разделили самовольно между Польшей и Германией, в противоречие собственным постановлениям Версальского договора, на основании специального толкования дополнительного условия при голосовании.

Версальский договор отнял у Германии все ее колонии; даже частная собственность немцев не была пощажена, и немецкие колонисты были почти отовсюду выселены. Германия никогда не собиралась воевать с Китаем и Сиамом. Однако, вступившие в войну по собственному желанию Китай и Сиам были допущены к дележу военной добычи в форме немецкой частной собственности, и Германия таким образом потеряла все, что приобрела раньше в силу договоров. Точно так же Германия уступила все свои права в Марокко, Либерии и других государствах. По Версальскому договору, побежденные государства на долгий срок отказались от содержания армии и должны были выдать военный флот. В настоящее время в Германии нет войска, а страны победительницы увеличили вдвое армии и усилили свой флот.

Германия вынуждена была уступить почти все движимые ценности, заграничные труды и предприятия; знает ли новейшая история другой такой случай и какими принятыми в обществе словами можно его заклеймить?

После того, как были срыты крепости на Рейне и военные операции сделались невозможными, настояли на занятии широкой полосы (Германии) в течение 15 лет вплоть до выполнения договора. Так как хорошие отношения не могут наладиться, требования возмещений неограниченно растут и становятся невыполнимыми, то продолжающаяся 4 года оккупация может затянуться до бесконечности. Расходы по оккупации, выраженные в золоте, достигли теперь суммы, превышающей уплаченную Францией в 1871 г. контрибуцию. Впервые в истории

опозорили население образованнейшего на земле государства, введя в города черные и коричневые африканские войска и требуя от побежденных, чтобы они предоставляли женщин в распоряжение дикарей. Таковы подкрепленные законом претензии офицеров...

Созданная в 1915 г. репарационная комиссия по возмещениям, общей суммы которых еще никто не осмелился назвать в виду ее бессмысленности и насмешки над разумом, эта комиссия осуществляет в Германии верховные права. Она имеет доступ во все управления, изменяет законы и распоряжения, по своему усмотрению распоряжается всеми доходами государства. Со времени занятия Рейна и начала работ репарационной комиссии Германия, в сущности, перестала быть независимым государством.

Миллионы немцев были распределены между странами победительницами, новыми и нейтральными государствами, и Германия должна была со всем этим примириться, даже в отношении Чехо-Словакии и Польши.

После того, как немецкую Австрию превратили в страну с 6-миллионным населением, из которого 2 миллиона находятся в столице, т. е. лишили ее возможности дальнейшего существования, нужно было сделать вид, что не хотят нарушать принципов национальностей и самоопределения. Австрии должна была быть предоставлена свобода для об'единения с Германией. Нельзя было сомневаться, как именно распорядится собственной судьбой Австрия в силу национальных тенденций. Поэтому запрет, от которого избавили Австрию, коснулся Германии: Австрия, мол, свободна, но Германия, согласно ст. 80 Версальского договора, обязана всячески охранять австрийскую независимость, которая не может быть отменена без согласия лиги наций. Решения лиги должны быть единогласны, и лишь тогда входят в силу. Но Франция протестует против об'единения, не взирая на всю его ответственность и законность, Австрия не может присоединиться к Германии, и в результате принципы национальности и самоопределения превращаются в насмешку.

Австрия, Венгрия, Турция и несколько в меньшей степени Болгария находятся не в лучшем положении. Принцип национальностей послужил исключительно предлогом для уничтожения побежденного врага, а на принцип самоопределения не обратили почти никакого внимания.

Во французском парламенте Клемансо ясно сказал, что В е р с а л ь с к и й д о г о в о р—другая форма д л я п р о д о л ж е н и я в о й н ы. На земле имеется, по крайней мере, 20 миллионов лишних немцев, и после торжественных обязательств Антанты Германия должна быть не побеждена, а разрушена и задавлена.

ВЕРСАЛЬСКИЙ ДОГОВОР, КАК СПОСОБ ПРОДОЛЖЕНИЯ ВОЙНЫ

(Ф. Нитти. „Европа над бездной").

В течение немногих лет Европа основательно балканизировалась [1]), и с каждым днем обнаруживаются новые признаки ее политического упадка.

Европа была живым экономическим организмом; в ее обширных государствах довоенного периода производство все больше и больше приближалось к организационным формам крупной промышленности, а растущий постоянно денежный обмен сплачивал в тесной солидарности все страны.

Война погубила около 30 милл. людей и огромные богатства; но гораздо больше богатств уничтожил рожденный ненавистью мир, мир, рассматриваемый исключительно как способ продолжения войны и низведения побежденных наций до той степени разложения, которая несет непредотвратимую гибель. Быть может, этот мир погубит больше жертв, чем сама война.

Число европейских государств значительно увеличилось; повсюду вводятся таможенные границы, везде жадные поиски сырья, везде расстроенный транспорт. Германия, бывшая когда-то энергичной составною частью в жизни Европы, а сегодня униженная, контролируемая, без грабительски отнятых рессурсов, делает отчаянные попытки сопротивления оказываемому на нее чужеземному насилию. Европейский материк превратился в большие Балканы, не знающие удержу мечты о господстве и программах насилия сталкиваются с увеличивающимся экономическим упадком. Ни одно из принимавших участие в войне государств не может поручиться за свое финансовое будущее. В виду обесценения денег все страны расходуют—не абсолютно, а относительно значительно большие суммы, нежели до войны, и их валюта день от дня падает с нарастающей быстротой. Если положение побежденных тяжелое, а некоторых государств почти безнадежное, то и дела победителей ухудшаются с каждым днем. Разница лишь в том, что здесь в оздоровлении финансов и хозяйства расчитывают не столько на собственный напряженный труд, сколько на помощь со стороны побежденных народов.

Европа — небольшой континент, обнимающий около 9.300.000 кв. килом. По сравнению со своей величиной, она насчитывает очень густое население, которое даже после военных потерь достигает 476 милл. человек. По размерам Европа немного превосходит Северо-Американские Соединенные Штаты. Но в то время, как Штаты являются одним хозяйственным целым и могут с наибольшей выгодой эксплоатировать все свои источники богатств, в Европе не мало государств, выросших благодаря мирным договорам и не могущих похвастать ни точными

---

[1]) То-есть распадалась на целый ряд мелких государств, подобных балканским государствам.

границами, ни прочным миром, ни устойчивыми финансами. Многие из них посягают на соседей, собираясь их разорить, а затем воспользоваться их богатством или трудом...

В 1914 г. в Европе было 57 государств, включая сюда отдельные союзные государства Германии. В настоящее время, после войны, их не менее 73. Цифра эта меньше действительной. С другой стороны, в 1914 г. в Европе была 41 правящая династия, в наши же дни только 17, т. е. 3/5 их исчезло в круговороте войны и революций. Если, не считая отдельные составные союзные части, рассматривать Германию как одно целое, то до войны в Европе насчитывалось 25, в сущности же говоря, только 20 самостоятельных независимых государств. Теперь их 35, а пожалуй найдется еще больше. Добавим, что разложение наций в полном ходу, и, не успев об'единиться, народы уже стремятся к разделению...

Во время войны в западных демократиях говорили, что отныне будут заключаться только справедливые мирные договоры, что борьба ведется не между народами, а между формами правления; при этом со всех сторон слышались обязательства уменьшить вооружения. Вместо этого, вопреки всем предшествовавшим обещаниям, побежденным предложены ужасные условия мира, повсюду воскресла давнишняя ненависть, вспыхнул старый и новый национализм. Без всякой нужды, в насмешку над принципом национальностей и самоопределения, у побежденных не только отобрали значительные области, но поставили им такие условия и денежные требования, что всякий человек, не ослепленный предубеждением и глупостью, видит их абсолютную невыполнимость. Сейчас в Европе под ружьем больше людей, чем до войны; уже одна Франция, несмотря на финансовые затруднения, недостаточную численность населения и тяжелые условия увеличения населения, содержит против обезоруженной страны колоссальную армию в полной боевой готовности. В новейшей истории нет армии, равной ей по численности; она значительно больше армии Германии на вершине ее могущества, той Германии, которую по преимуществу подозревали в империализме.

Из условий Версальского мирного договора Нитти с особенным негодованием говорит о так наз. репарациях, платежах на возмещение расходов по восстановлению областей, разрушенных войной. Так как по Версальскому мирному договору Германия была об'явлена единственной виновницей войны, то все платежи были возложены на нее. Суммы этих платежей сказочно велики, и надежда получить их является безумной. Однако их и до наших дней требуют с Германии, и вопрос о германских репарационных платежах является главнейшим вопросом международной политики до настоящих дней. Тем большего внимания заслуживает он со стороны рабочих и крестьян, которые должны знать происхождение и сущность репараций.

КОНТРИБУЦИЯ С ГЕРМАНИИ В ПОЛЬЗУ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

(Ф. Нитти. „Европа над бездной“).

После того, как статья 231 Версальского договора установила вину только одной Германии, возмещение убытков являлось лицемерной формой контрибуции.

За немногими исключениями, европейские политические деятели совершенно не умеют разбираться в экономических вопросах. Сколько нелепых взглядов приобрело право гражданства, не столько по злому умыслу, как благодаря именно невежеству. Если бы общество знало, с какой ветренностью, заносчивостью и сомнительностью, разбирались крупнейшие проблемы народной жизни, оно не могло бы дольше терпеть грубейшее недоразумение, обрушившееся в наши дни на целый мир...

И только значительно позже стали думать о такой нелепой вещи, как возложение военных пенсий и вспомоществований семьям солдат стран-победительниц на побежденных, т. е., в сущности, на одну Германию.

Франция и Англия были накануне всеобщих выборов, и сначала во Франции, потом в Англии получило распространение стремление (разумеется, буржуазии. М. Г.) привить широким массам избирателей мысль, что военные расходы будут покрыты за счет побежденных. Невежественные политики говорили о необ'ятных богатствах Германии, о ее почти безграничной платежеспобности. Ллойд-Джорж, который своим большим умом постигал призрачность контрибуций, был увлечен интересами партии и своими заявлениями способствовал недоразумениям. Во время английских выборов один из лордов говорил об ежегодном взносе 28,8 миллиардов зол. марок. Если принять во внимание, что весь германский вывоз в 1913 г. достигал 10 миллиардов марок и что при этом необходимо было истратить солидные суммы — ради того же вывоза—на ввоз сырья, то отсюда видно, какой бешеной яростью охвачены были люди, подготовлявшие мирные договоры, но не пути к миру, и какую страшную ответственность перед культурой и историей они возложили на себя. Из протоколов ясно следует, что на парижской конференции, обсуждавшей вопрос об определенной цифре контрибуции, английский и французский премьеры (первые министры), уступая настояниям американских представителей, остановились на выработанной после уступок сумме в 8—10 миллиардов зол. марок ежегодно. И еще в конце 1919 г., т. е. после того, как Версальский договор грабительски лишил Германию всех доступных ввозу товаров, подверг ее тяжелым налогам, парализовал производство и обмен,— французский министр финансов Клоц определил общую сумму немецких платежей на основании договора в 375 миллиардов. Проценты насчитывались до 1921 г., после чего Германия выплачивала долг 34-годичными частями по 25 миллиардов, из них 13 миллиардов 750 милл. в пользу Франции.

За охватившим страны-победительницы безумием скрывалась еще одна мысль: вздуть до чрезвычайных размеров сумму контрибуции, чтоб держать Германию под постоянным контролем и таким образом ее задавить и задушить. Ничем иным ведь нельзя об'яснить, что еще в конце 1920 г. ответственные министры Франции с полной серьезностью предлагали репарационной комиссии сумму в 218 миллиардов в пользу одной только Франции: 141 миллиард за убытки и 77 миллиардов на пенсии. До войны стоимость всех французских богатств, по определению всех французских статистиков, не превышала 250 миллиардов, а разрушенные области составляют к тому же небольшую часть всей французской территории.

После опубликования колоссальных требований у Германии отобрали все доступные вывозу богатства, сокрушили ее экономическое единство, расстроили крупные торговые организации и довели производство до состояния анархии. Во исполнение договора Германия потеряла все колонии, торговый флот, заграничные предприятия, лучшие рудники и земледельческие районы, а также сырье для железной индустрии, в которой она занимала первое место. Она должна была подчиниться контролю всякого рода, выдать огромные запасы железнодорожного материала, скота и фабрикатов—сама в них нуждаясь—и содержать белые, черные и коричневые оккупационные войска, что обходится ей дороже любой армии на земле.

В СОСТОЯНИИ ЛИ ГЕРМАНИЯ ПЛАТИТЬ КОНТРИБУЦИЮ (РЕПАРАЦИИ)?

(Ф. Нитти. „Европа над бездной").

На следующий день после войны, отдав все ценности и торговый флот, потеряв колонии, кредит и торговые предприятия заграницей, пережившая только что продолжительный период голодовки Германия очутилась в крайне тяжелом положении. Когда говорят о побежденных государствах, не следует забывать, что они также понесли огромные человеческие потери. В этом отношении, пожалуй, ни одна страна так не пострадала относительно, как Венгрия; потери Германии, принимая в расчет ее более многочисленное население, выше потерь Франции. Германия имела 1.800.000 убитых и свыше миллиона инвалидов, абсолютно не трудоспособных или с пониженной трудоспособностью. Невзирая на бедственное положение, Германии приходится еще заботиться о вдовах и сиротах убитых. Поэтому не может быть более несправедливой, нелепой и полной противоречий мысли, чем мысль о контрибуции, представленной в форме возмещения убытков: Германия, помимо собственных военных пенсий, должна была взять на себя все военные издержки по военным вспомоществованиям и пенсиям странпобедительниц, из которых многие раздавали эти пенсии очень щедро.

Еще накануне несправедливого решения верхнесилезского вопроса, сейчас после заключения договора, Германия, благодаря сделанному

почти наугад разделению немецкой территории, потеряла 15,5% населения. Она лишилась огромного количества скота и 15% самой плодородной земли, свыше четырех пятых железа, почти такого же количества цинка и значительной части угольных шахт, к тому же еще обязана была предоставить в распоряжение победителей солидное количество угля.

Своим расцветом в довоенное время и огромными богатствами Германия была обязана не столько естественным условиям страны, сколько трудолюбию населения и тщательно продуманной организации. Расстройство производства и более или менее крупные потери необходимого сырья явились для неё смертельным ударом. Поэтому картина немецкой стойкости и величайшего напряжения всех сил в борьбе побежденной Германии с надвигающейся полной катастрофой будет всегда вызывать чувство искреннего удивления.

В тот день, когда издержки по военным вспомоществованиям и пенсиям были включены в репарационный план, история которого приведена выше, репарации превратились в настоящую контрибуцию. До этого времени упоминаемые в истории контрибуции выражались всегда в сумме, которая при известном усилии со стороны государства и экономии населения, могла быть выплачена за короткий срок; так, например, Франция заплатила в 1815 г. 700 милл. и в 1871 г. 5 миллиардов. Если бы на Германию была возложена контрибуция, соответствующая ее платежеспособности и логически допустимая, то, несмотря на все потери, Германия сумела бы ее заплатить. Не будь оккупации, контрибуцию можно было бы погасить, даже заключив за границей крупный заем. В виду надежности такого помещения денег, заем был бы предоставлен Германии, снова и без посторонних стеснений принимающейся за свое государственное хозяйство. Вместо этого от нее то и дело требовали под видом возмещений самых нелепых сумм. В основу первоначальных требований победителей была положена не точная, отвечавшая действительности расценка убытков, а вздутые до невозможности цифры с таким расчетом, чтоб при будущих скидках каждое государство урвало кусок побольше, соответственно своей доле.

В виду чудовищности этих требований, возникла мысль о распределении сумм на ряд лет: в течение 30—40 лет Германия должна была ежегодно выплачивать не мало, вначале говорили даже 25—28 миллиард. золотом, помимо значительного количества товаров. Таким образом речь шла даже не о военной контрибуции, а о дани рабов, которую вооруженный до зубов победитель вымогает у безоружного побежденного врага, занимая в то же время его территорию и контролируя каждый его шаг. После этого Германия, связанная в своем законодательстве и лишенная свободы движений, в сущности попадала в рабство, по крайней мере на 40 лет, и внуки тех, кто об'явил войну, должны были бы за вину дедов платить дань рабов. Только в седой древности, в нелепую эпоху средневековья можно было встретить что-либо подобное, когда целый народ становился искупительной жертвой за грехи своих отдаленных предков.

Никто в Европе, в том числе политики и банкиры, не имел представления об истинной сущности Версальского договора и потому не мог предвидеть неизбежного экономического развала, который он принес с собой Германии. В первые годы после войны в нейтральных государствах, в Америке и в странах-победительницах думали, что обесценение марки зависит от войны, а не стоит в связи с миром; всюду был большой спрос на германские марки, и эта спекуляция долгое время поддерживала валюту. Этот ошибочный расчет, бывший результатом заблуждения, позволил многим немцам составить крупные состояния и обзавестись заграничным кредитом, а также сделал возможным на несколько лет нелегкое приобретение сырья. Однако в конце концов неизбежное падение марки, вызванное исключительно договором и репарационной политикой, отняло у Германии всякую возможность оправиться.

В своем теперешнем положении Франция не могла бы платить ежегодно 2 миллиарда золотых франков, а Италия даже один миллиард, не рискуя окончательно своей валютой. Германия больше не в состоянии вообще что бы то ни было платить.

Основной причиной мировой войны 1914—1918 гг. являлось соперничество между Англией и Германией и между Францией и Германией. Англия в особенности глядела со страхом на растущее могущество Германии, в короткий срок превращавшейся в могущественнейшую державу, оспаривавшую у нее первенство в мире. С другой стороны и Франция ставила себе целью уничтожение могущественной соседки. Этим и об'ясняется содержание Версальского мирного договора, который, по мысли Англии и Франции, должен был задушить и раздробить Германию и низвести ее в разряд второстепенных государств

ЗАДУШЕНИЕ И РАЗДРОБЛЕНИЕ ГЕРМАНИИ ПО ВЕРСАЛЬСКОМУ ДОГОВОРУ

(Ф. Нитти. „Европа над бездной").

Излишне упоминать об общеизвестных условиях Версальского договора. В них ясно выражено стремление раздробить на части Германию путем отнятия чисто немецких провинций и разделения Пруссии, лишить ее характера независимого государства посредством учреждения репарационной комиссии и оккупации Рейна с вытекающими отсюда невыполнимыми требованиями, грабительски отнять сырье—железо и уголь, парализуя этим ее промышленность, отобрать колонии, торговый флот, заграничные владения и т. д. и, наконец, держать ее в полном порабощении. Обезоруженной Германии, лишенной военного флота и ограничившей армию до 100.000 чел., ничего больше не остается, как подчиняться всем этим условиям до совершенного истощения.

Во вступлении к договору говорится, что союзники желают по окончании войны обеспечить справедливый, прочный и продолжительный мир. Эти три признака полны насмешки. 27 государств заверили своими подписями, что с момента договора война пришла к концу. На самом же деле целый ряд постановлений договора—не что иное, как продолжение войны. Так, напр., Германия не имеет права рассматривать, как вражеские действия, самые оскорбительные и неприязненные мероприятия, в роде финансовых запрещений и штрафов, налагаемых союзниками в случае невыполнения Германией договора. Короче сказать, после наложения контрибуции будут законны все принудительные меры против Германии, и она не смеет даже протестовать против насилия. Юридические вопросы, связанные с немецкой собственностью, разрешаются даже во время мира военными постановлениями, и победители могут ограничивать даже те права немецкой собственности на произведения немецкой техники, литературы и искусства, которые возникли после войны. Присвоение и захват немецкой духовной собственности—факт беспримерный в мировой истории; победители стыдят этим собственную культуру, так как косвенно сознаются в невозможности соперничества с Германией и в желании захватить и ее духовные ценности, как минеральные сокровища ее недр...

С самого начала обнаружилось желание выявить моральное ничтожество Германии; во всех постановлениях договора проводится резкая черта между Германией и другими народами и без всякой нужды уничтожаются заключенные ею экономические договоры...

Договор был составлен так, чтобы сделать из немцев в Европе и за ее пределами народ, стоящий вне всякой культуры и ее прав, тех прав, в которых Германии отказала сама же Антанта.

Выдача подводных кабелей и торгового флота была бесцельным и вредным насилием, созданным лишь для усиления кризиса. До войны мировой тоннаж (вместимость судов) равнялся $42^1/_2$ милл. тонн. На долю великолепно оборудованного технически немецкого флота приходилось больше 5 милл. тонн. Английский тоннаж, самый значительный, достигал почти 19 милл. тонн. В июне 1922 г. мировой тоннаж равен был 57 милл. тонн, т. е. на 14 милл. тонн был больше довоенного. Однако у Германии отняли все ее суда и потребовали в счет репарации постройки пароходов для Антанты, и это в то время, когда суда за недостатком работы мирно стояли в портах. Германская делегация, более дальновидная в оценке положения, предложила образовать всемирный союз мореплавания, в котором немецкий флот мог бы работать в общих интересах, совместно с флотами других государств.

Точно так же параграф договора об использовании машин послужит лишь к тому, чтобы поставить немецкую промышленность в зависимость от конкурентов. Согласно этим параграфам, можно на любой фабрике конфисковать до одной трети всех машин и материалов, так что ни один род промышленности не может похвастать устойчивостью положения.

Так как все выдачи Антанте производятся безвозмездно и репарационная комиссия, не выслушивая заинтересованных сторон, сама назначает род доставляемых товаров, то промышленость находится в полном порабощении, и вопрос ее существования обостряется с каждым днем. О скандальной истории с углем мы поговорим отдельно, но уже теперь ясно, что бесплатное получение товаров, польза и необходимость которых определяется только государственными органами, может внести замешательство даже в промышленную жизнь держав-победительниц.

Германия не освобождается впредь от платежа пошлин; помимо того, что Саар сделался французской таможенной областью, Германия обязана гарантировать всем странам-победительницам одинаковые права и в этом отношении. Нельзя ограничивать посредством пошлин ввоз или вывоз каких бы то ни было товаров. Германия не может заключить ни одного торгового договора, а напротив того, несет на себе обязательства, притом без всякой взаимности, которым не было равных в истории. Мы не говорим уже о крайне тяжелых отдельных постановлениях относительно Польши, Эльзас-Лотарингии и рейнской полосы. Германия лишена прав независимого государства на территориальных морях, и победителям предоставлены неслыханные преимущества в рыбном промысле. До настоящего времени всякое судно должно было быть приписанным к порту, где начинало свое плавание. По договору же, суда внутренних государств могут приписываться к пунктам, далеко расположенным от линии их плавания. Вследствие этого внутренние государства имеют возможность держать в немецких гаванях собственный торговый флот под собственным флагом, а между тем плавание в немецких портах по действующему во всех странах морскому праву должно было бы производиться под немецким флагом.

Подданные держав-победительниц не связаны в Германии при отправлении своих профессиональных занятий какими-либо ограничениями и находятся на немецкой территории под покровительством властей.

Далее Германия должна издать нужные законы и административные распоряжения, чтоб оградить от недобросовестной конкуренции идущее из стран-победительниц сырье и фабрикаты. Под угрозой конфискации или каким-нибудь иным путем Германия должна пресечь ввоз, вывоз, фабрикацию, обращение и продажу всяких продуктов и товаров, которые могли бы своим внешним видом, маркой, названием, или другими признаками ввести в заблуждение относительно природы и свойств этих товаров. Постановление это, особо дополненное для торговли винами, означает, что победители имеют право подделывать продукты и снабжать их всякого рода неправильными указаниями насчет их происхождения и свойств, немцы же этого права лишены. Говоря другими словами, немцам вменена в обязанность торговая честность, а исключительное право обмана оставлено только за победителями. Да, судя по Версальскому договору, в этом именно и заключается главное право победителя.

Германия не может свободно вступать в договоры в области почтово-телеграфных вопросов; приемлемость этих договоров устанавливается только державами-победительницами, и Германия должна заранее подчиниться их взаимным соглашениям, не выясняя даже своей точки зрения по существу вопросов.

Долговые взаимоотношения между германским государством и его подданными были урегулированы самым бессмысленным и несправедливым образом. Понадобилось бы целое политическое сочинение, чтоб показать, какая масса ошибок, помимо несправедливостей, была при этом допущена.

Развитие германской авиации тормозится тем, что Антанте в этой области предоставлены всяческие льготы на немецкой территории. Воздушные аппараты иностранных держав, подобно немецким, пользуются правом свободных полетов, местами для спуска и т. д., но без обязательства взаимности.

Все немецкие пути сообщения—реки, гавани, каналы, железные дороги—подлежат действию целого ряда ограничений, единственная цель которых заключается в расстройстве транспорта. В самом деле, удивительно, можно сказать, прямо чудо, как Германия сумела устоять против всех бесчисленных запрещений, ограничений, тягот, бессмысленных издевательств и не разорилась окончательно. Если вспомнить, что немецкие реки Эльба, Одер, Неман и Рейн рассматриваются как реки международные, а некоторые из них находятся в ведении международных комиссий, то испытываешь такое же чувство изумления, как если бы немецкие или русские делегаты взяли в свою опеку Темзу, Рону или По. Добавьте к этому, что в международных комиссиях немцы — в меньшинстве, рядом же сидят представители Италии, Англии и Чехо-Словакии, что в управлении Одером из девяти членов—немцев только трое, и агенты Англии, Франции, Чехо-Словакии, Дании и Швеции распоряжаются, как им угодно, и вас охватит чувство жгучего стыда. Рейн, почти целиком немецкая река, управляется комиссией из 8 человек, заседающей притом в Страсбурге (во Франции). В составе комиссии только 4 немца; от Франции также входят 4 представителя, и кроме того ей принадлежит право назначения председателя. Вся сеть немецких рек и каналов, бывшая вместе с железными дорогами неисчерпаемым источником экономического благополучия для густо заселенной страны, приведена искусственными мерами в состояние разрушения...

С потерей же Данцига и выдачей торгового флота все крупные германские порты оказались в зависимом от иностранных держав положении.

Одновременно с выдачей огромных запасов железнодорожного материала Германия лишилась железнодорожных линий и подвижного состава в отрезанных областях. Теперь, после образования Данцигского коридора, немецкий железнодорожный аппарат, крайне перегруженный всякими доставками для оккупационной армии и транспортом

угля и товаров в счет репараций, совершенно разрушен. Впервые в мировой истории разрезывают страну на 2 части в торговых интересах третьего государства, которое не принимало участья в войне и даже в это время не существовало. Два внутренних государства — Чехо-Словакия и Польша, согласно договору, до такой степени заинтересованы в выходе к морю, что ради них можно унизить Германию и обратить ее в рабство; но за другими внутренними государствами право на свободный доступ к морю не признается только потому, что они побеждены. Выходит, что Болгария, Австрия и Венгрия не нуждаются, или так же мало нуждаются в море, как Швейцария, соблюдавшая строгий нейтралитет в войне, так как по мысли победителей, кто проиграл, тому не надо моря. Для того, чтобы попасть в Восточную Пруссию из Западной Пруссии, нужно проехать через польские области. Таким образом, естественно, что железнодорожное сообщение находится в крайнем расстройстве и полупараличе.

Не входя в отдельные подробности, можно считать твердо установленным фактом, что осуществление в течение почти 4 лет многочисленных постановлений Версальского договора преследовало исключительно цели нарушения немецкого единства и экономического умерщвления Германии. Одержать верх над конкурирующей немецкой промышленностью с помощью собственного труда и гения оказалось невозможным. Поэтому решили ее убить.

Хозяйственная мощь современных народов опирается на уголь и железо. Из них каменный уголь является хлебом промышленности и благодаря своей исключительной ценности получил название „черного алмаза". „На угле и железе, — пишет в одной из своих книг Павлович, — зиждется экономическое могущество современных государств, а следовательно и военные силы последних". Что касается значения каменного угля для Германии, то Кейнс, автор книги под названием „Экономические последствия Версальского мирного договора" говорит: „Германская империя была создана не кровью и железом, но скорее углем и железом. Только умелая эксплоатация богатых каменноугольных копей Рура, Верхней Силезии и Саара сделали возможным развитие стали, химической и электрической индустрии, благодаря которым Германия стала первой промышленной страной континента Европы. Треть ее населения сосредоточена в городах с количеством более тридцати миллионов жителей; подобная промышленная концентрация возможна только на основе угля и железа". Чтобы задушить Германию, Антанта внесла в договор целый ряд пунктов относительно угля. Все они сводились к одной цели — лишить Германию угля и тем нанести ей окончательный удар. Нижеприводимый отрывок из книги Нитти излагает смысл пунктов Версальского договора, касающихся угля.

НЕМЕЦКИЙ УГОЛЬ И ПОЛИТИКА КРУПНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЕВРОПЕ

(Ф. Нитти. „Европа над бездной").

Я упоминал уже неоднократно, что если германская железная индустрия была одной из причин преступной войны, то французская железная индустрия была одной из важнейших причин преступного мира. Ее агенты все время оказывали давление на правительство и на репарационную комиссию. Влияние их заметно в Англии, в Бельгии и еще больше в Италии.

До войны Германия почти достигла высоты английского угольного производства. В 1913 г. Англия добыла 292 милл. тонн, Германия—190 милл. тонн кам. угля и 87 милл. тонн древесного угля. Франция, несмотря на значительные успехи за последние годы, вырабатывала в общей сложности не более 41 милл. тонн. В том же году добыча железа в Германии равна была 35,9, а во Франции—21,9 милл. тонн.

Помимо собственного первого в Европе железного и чугуннолитейного производства Германия еще ввозила значительное количество железа из Франции, Испании и Швеции. После того как договоры лишили Германию четырех пятых железа, так что Франция сделалась самой богатой железом страной Европы, Германия, несмотря на потерю саарских угольных шахт и эльзас-лотарингского угля и нефти, оставалась наиболее богатым углем европейским государством. Несомненно, что наилучшим исходом из положения была бы совместная и дружная работа обоих государств, и после войны в этом направлении даже делались попытки. Но так как это не могло послужить к хозяйственному ущербу и промышленному разорению Германии, то остановились на программе грабежа: на этом пункте трогательно сошлись политика репарационной комиссии и политика в верхнесилезском вопросе.

Из 190 милл. тонн угля до войны приходилось 114,5 милл. на Рурскую область, 43,4 на В. Силезию, 13,2 на Саарский бассейн и 3,8 на Лотарингию. После потери Лотарингии и Саара в распоряжении Германии оставались два крупные производственные центра—В. Силезия и Рур. Судьба Силезии нам уже известна, а Рурскую область французская, итальянская и английская пресса, почти тождественного направления и инспираций, называет местом ближайшего вторжения Антанты, если не будут выполнены договорные обязательства, по общему мнению невыполнимые [1]).

Версальский договор, кроме отторжения больших угольных районов, возложил на Германию обязательство выдачи значительного количества угля Франции, Бельгии и Италии. В течение 10 лет Германия должна выдавать Франции по 7 милл. тонн ежегодно плюс разница между

[1]) Писано до грабительского захвата Рурского бассейна Францией. М. Г.

довоенной и современной добычей угля в шахтах Па-де-Кале. Общая выдача не должна однако превышать 20 милл. тонн в год в первые 5 лет и 8 милл. тонн в последующие года.

Если б В. Силезия осталась в составе Германии, то с угольным вопросом, правда, не без затруднений, но удалось бы справиться; теперь же, когда Германия должна ежемесячно, по распоряжению репарационной комиссии, выдавать 1.916.000 тонн, она не в состоянии удовлетворить собственной потребности в угле. В виду же того, что с потерей В. Силезии, благодаря внутреннему кризису, упало производство в Рурской области, Германия вынуждена была, несмотря на крах своей валюты, покупать в Англии и в Саарском бассейне тот уголь, который она отдала в счет репараций. Уголь, закупавшийся в Англии до войны, должен был по своим качествам отвечать требованиям промышленности; то же, что покупает Германия в Англии теперь, служит лишь для удовлетворения угольного голода среди населения и в фабрично-заводских предприятиях. Многие виды немецкой промышленности из-за недостатка угля накануне краха значительно сокращаются. На долю населения выпало также не мало лишений. Заводские предприятия на побережьи, с газовым оборудованием, находят поддержку в английском угле, поскольку это для них доступно, такие же предприятия внутри страны часто работают с неполной нагрузкой.

В общем нужно сказать, что благодаря экономическому и финансовому положению добыча угля в еще сохранившихся для Германии шахтах постепенно уменьшается. Это еще не повод для серьезной тревоги, но во всяком случае неприятный симптом.

Ежемесячная выдача после всех потерь 1.916.000 тонн угля сопряжена для немецкой промышленности с постоянным ростом затруднений...

Немецкий кризис заключается в отсутствии угля. Французские железные дороги и оборудованные газом и электричеством парижские заводы пользуются большей частью рурским углем. В Германии не хватает кокса, а на немецкие фабрики ежедневно поступают от бельгийских синдикатов предложения кокса, полученного из немецкого угля в доменных печах Рура. Кроме того, репарационная комиссия требует от Германии по преимуществу те сорта угля, отсутствие которых может особенно повредить ее промышленности, главным образом, кокс, и притом в количестве, превышающем треть всей рурской выработки. Под влиянием всех этих вредных моментов суточная добыча угля в Руре упала более чем на 30.000 тонн, а оставшаяся Германии часть В. Силезии может доставить очень немного.

Кризис железной и металлической промышленности принял такие формы, что невольно возникает вопрос, не лучше ли подчиниться контролю французской промышленности. Разрешение этого вопроса в благоприятном для Франции смысле облегчено обесценением марки, а последнее есть результат ведущейся против Германии войны экономической.

Грабежи и разбои при дележе верхне-силезских рудников, учиненные спекулянтами Антанты, заслуживают особенного описания; они весьма характерны для моральной обрисовки победителей, не видящих более разницы между правом и разбоем. Нужно вернуться к временам феодального государства, чтобы наткнуться на жестокость и цинизм, которыми проникнуты дела, подсказанные духом международного разбоя, дела, систематически творящиеся после войны.

Те же побуждения, которые заставили перевести жалких негров Слоновьего побережья на Рейн для унижения немецкой нации и для обесчещения немецких женщин, привлекли в Германию всех стервятников международного капитализма, чтобы окончательно ограбить поверженный народ.

После изложения последствий войны и мирных договоров, как они сказались в отдельных частях хозяйственной и политической жизни Европы, интересно посмотреть, во что превратила война все мировое хозяйство в целом.

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО В РЕЗУЛЬТАТЕ ВОЙНЫ

(Советский Календарь на 1919 г. Изд. ВЦИК).

Война вызвала во всех воюющих странах гибель многих отраслей промышленности, как-то: текстильной, обувной, цементной, строительной и т. д.

Во всех странах хозяйство в результате войны выстраивается в два этажа. Верхний, пользующийся особым попечением этаж, обнимающий все отрасли промышленности, связанные с войной, процветает; нижний этаж, удовлетворяющий интересы мирного населения, все больше и больше хиреет с затягиванием войны. Гибнет хлопчато-бумажная промышленность, замолкают ткацкие станки, каким-то опустошительным ураганом сметаются с морей немецкие торговые пароходы, русский добровольный флот, австрийские суда; зато повсюду разбухают военные заводы, и металлургическая промышленность отказывается во многих случаях принимать частные заказы.

Затяжная война вызвала во всех странах как воюющих, так и воздержавшихся от войны одно и то же явление: страшное вздорожание жизни и оскудение материальное, в результате которого человек стоит накануне подлинного голода и не только хлебного, но и во всех других областях хозяйственной жизни. Хлебный голод, хлопковый голод, угольный голод, острый недостаток во всех прочих предметах первой необходимости—вот бедствия, которые разразились не только над такими сравнительно отсталыми странами, как Россия, Австрия, Италия и т. д., но и над богатейшими в промышленном и сельско-хозяйственном отношениях государствами, как Франция и Англия.

Человечество буквально расстреляло на воздух в интересах кучки эксплоататоров миллиарды тонн угля, железа, хлопка и т. д., и не удивительно, что мы стоим накануне невиданного материального обнищания. Америка и Европа вступают в полосу страшного оскудения всех источников материального благосостояния народных масс, и только всеобщее восстание пролетарских и беднейших крестьянских масс против кучки международных спекулянтов и эксплоататоров в состоянии спасти людей от страшных лишений, в результате острого недостатка во всех предметах первой необходимости, от быстрого вырождения и вымирания в результате надвигающегося всемирного голода. Единственное средство залечить тяжелые раны, нанесенные войной, раны, которые еще долго будут сочиться, заключается в социальной революции и окончательном свержении того строя, который сделал возможным в XX веке невиданную бойню и гибель десятков миллионов людей во славу капитала.

Изложение последствий войны и мира мы дополняем общей оценкой положения послевоенной Европы. Мы просим только читателя ни одной минуты не забывать, что эта оценка принадлежит буржуазному ученому, который, конечно, и не думает подкапываться под буржуазные порядки. Но послевоенный развал Европы так безмерно велик, что его вынуждены признать и буржуазные ученые. И хотя они не знают выхода из послевоенного тупика, так как одна мысль о революции приводит их в ужас, тем не менее они вынуждены в самых мрачных красках изображать послевоенное положение и стран-победительниц и стран побежденных.

ХАОС В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЕВРОПЕ

(Ф. Нитти. „Европа над бездной“).

На всем европейском континенте нет ни одного государства, которое не страдало бы от последствий войны; но еще более чувствителен для всех вред, причиненный миром. Постоянно увеличивающиеся во многих или в большинстве государств расходы вызывают ежедневно новые расстройства в денежном обращении и в делах. Преувеличенный таможенный протекционизм поддерживает дорого стоющие отрасли промышленности и не дает возможности крупным и здоровым предприятиям развить всю свою производительность. Кризис перепроизводства— с одной стороны: все хозяйственное бытие потеряло равновесие.

Потребление упало в Европе в общем на 30—40%. Сырье было отнято у тех народов, которые—как, напр., немцы—прекрасно умели его использовать, и отдано народам, которые—как, напр., поляки— не умели справиться с собственным сырьем. По крайней мере, $^{2}/_{3}$ европейских государств, вследствие расстройства своей валюты, лишены

возможности делать сбережения. К чему копить, когда накопленное завтра потеряет часть своей ценности? Отдельные личности, как и правительства, одурманенные националистическим угаром, черпают уверенность в будущем не столько в собственном оздоровлении и процветании, сколько в упадке других стран; поэтому процесс обесценения некоторых валют часто вызывается совершенно искусственно. Дефициты бюджета, расходы на содержание оккупационных отрядов, долги, эмиссии и повышения цен образуют трагическую цепь ошибок, в результате которых могут иссякнуть глубочайшие источники богатства и жизни.

Побежденные—безоружны; зато победители—в особенности из мелких—вооружаются. В Европе стоит сейчас под ружьем, не считая России, вдвое больше солдат, чем до войны.

Репарации, эта смертоносная ошибка европейской жизни, которые теперь являются лишь предлогом раздавить Германию, убить ее политически и разорить экономически, привели в полное замешательство всю международную торговлю. Не обладая более никаким движимым имуществом, Германия должна была бы, если бы она действительно прохотела уплатить репарации, развить до высших пределов свою промышленность и к тому же производить так дешево, чтобы уничтожить всякую конкуренцию. Этого можно было бы в теории добиться двумя путями: или ограничить жизненный уровень немецких рабочих, давая им лишь самое необходимое для существования, т. е. сделав их белыми рабами, работающими на победителя, или развить технику до границ чудесного...

Вся Европа запуталась в долгах. Россия изолирована, а остальная Европа впадает во все большие долги Америке, с той разницей, что теперь дело идет не о государственных займах, а о кредите, который американские производители оказывают своим клиентам. Можно считать, что Америка за последние три года давала Европе взаймы от 2 до 3 миллиардов долларов ежегодно. Часть этой суммы составляется из скверной спекуляции американцев на европейской валюте, но другая часть основана исключительно на коммерческом кредите.

Превратившись из кредитора в должника, Европа потеряла потребительскую способность, по крайней мере, на 30%, а производительную—минимум на 40%. Вместе с тем во всех государствах после войны стала обнаруживаться наклонность к расточительности, особенно под влиянием новых народных стремлений и вследствие поведения крупных промышленников, которые, нажившись на войне, с тем большим усердием раздували пламя ненависти и раздора, развивая политику завоевательных вожделений...

Теперь в настроениях меньше мира, чем было в первое время после заключения мира: повсюду мелкие государства, которые не могут стоять на собственных ногах, государства вчерашнего дня, раздираемые внутренними национальными раздорами, крах всей восточной политики, неизбежное разорение страны, территория которых вслед-

ствие войны увеличилась и которые, как, напр., Польша, Румыния, Греция, потеряли всякий кредит и неспособны—по крайней мере, Польша—восстановить его...

Как в худшие времена средневековья, политическая мудрость некоторых народов как будто в том только состоит, чтобы равнодушно смотреть, как их соседи мало-по-малу гибнут в непосильной борьбе.

Так, Европа, пресыщенная худым миром еще более, чем ужасной войной, не находит более в себе самой ни сил, необходимых для хозяйственного возрождения, ни путей к восстановлению. Мы присутствуем при мировой катастрофе, и измученная земля как будто еще далека от фазы успокоения.

В заключение мы приводим воззвание Коммунистического Интернационала к трудящимся всего мира от 13-го мая 1919 года, в котором дается яркая, революционная оценка Версальского неслыхано-грабительского мира, завершившего то, что Антанта и так называемая „демократия“ Соединенных Штатов подло именовали борьбой за „право, справедливость и цивилизацию“. Это воззвание должно быть хорошо усвоено каждым трудящимся, ибо в каждом трудящемся должна гореть ненависть к грабительскому акту, именуемому Версальским миром, а на деле подготовляющим новое, еще более жестокое истребление миллионов рабочих и крестьян. На каждом трудящемся сверх того лежит обязанность всемирно участвовать в борьбе против этого акта. Оценку же, с точки зрения революционных рабочих и крестьян, положения, созданного в Европе Версальским миром, дают тезисы о международном положении, принятые первым конгрессом Коммунистического Интернационала, происходившим в Москве в 1919 году.

ДОЛОЙ ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР!

(Из воззвания Коммунистическ. Интернационала от 3-го мая 1919 г.)

Правительства, начавшие пять лет тому назад грабительскую войну, пытаются закончить ее грабительским миром. Английская, французская, американская буржуазия в Версале передала представителям германской буржуазии так называемые условия мира. Версаль становится новым Брестом. Каждый из пунктов Версальского мира является петлей для удушения того или другого народа.

Злоба и мстительность империалистской буржуазии победившей коалиции не знает пределов. Провозглашая образование „Лиги Наций“, англо-французская и американская буржуазия на деле пытается надругаться над волей всех наций, населяющих Европу. Буржуазия стран Согласия пытается изувечить Германию. У Германии отрезывают целый ряд территорий. Германию хотят лишить угля, хлеба, у Германии

отнимают ее торговый флот, Германию хотят заставить платить контрибуцию умопомрачительных размеров. Буржуазия стран Согласия, которая на словах воевала якобы против аннексий чужих земель, теперь совершает ряд грубейших, циничнейших аннексий. Колониями, которые раньше принадлежали Германии, теперь торгуют, как скотом. Империалисты Согласия вооружились большим ножом и делают вивисекцию на теле Германии.

Но грабительские условия мира, диктуемые Германии из Версаля, являются только одним из звеньев в цепи насилия, практикуемого империалистами стран Согласия. В тот самый момент, когда эти империалисты пытаются изувечить и задушить Германию, они уже ведут палаческий поход против советской республики Венгрии.

Это они, это французские и английские буржуа, являются главными вдохновителями румынских бояр, ведущих теперь свои белогвардейские войска против наших братьев, венгерских рабочих. Это они, представители просвещенной французской и английской „демократии", вдохновляют тех погромщиков, которые бросают свои озверелые банды на красный Будапешт.

Это они же вдохновляют русских черносотенцев Колчака, Деникина, Краснова в их кровавой борьбе против русского рабочего класса и крестьянства. Это они же, англо-французские буржуа, подстрекнули германских белогвардейцев, руководимых Носке, Эбертом и Шейдеманом, раздавить Баварскую советскую республику. Империалисты стран Согласия поставили прямым условием правительству Шейдемана: предварительно раздавить советскую власть в Мюнхене.

Это они же, англо-французские банкиры и генералы, разоружают теперь революционные войска в Болгарии. Это они же душат массовое народное революционное движение в Сербии, в Славонии.

Международные жандармы — вот кто такие англо-французские и американские империалисты, выдающие себя за представителей мировой „демократии".

Все иллюзии рассеяны. Маски сброшены. Тех, кого не научила бесконечная, ужасная империалистская бойня, тех должен научить тот имериалистический мир, которым хотят осчастливить человечество из Версаля. Правительства, которые в течение четырех с половиной лет лгали своим народам, будто они ведут войну за „самоопределение наций", за „независимость" малых народов, за „свободу и культуру", за „демократию",—эти правительства теперь разоблачены, как палачи из палачей, как остервенелые рабовладельцы, не знающие пощады никому.

Сказка о Лиге Наций отцветает, не успевши расцвесть. После версальских условий мира немногих рабочих удается поймать на удочки Лиги Наций. Лига Наций, у колыбели которой стоит мясник Клемансо, разоблачена перед всем миром, как лига разбойников, распинающих на кресте многомиллионные трудящиеся массы Европы.

Версальский мир всей своей тяжестью ложится прежде всего на рабочий класс Германии. Если бы Версальский мир оказался сколько-нибудь длительным, это обозначало бы, что рабочий класс Германии вынужден был бы стонать под двойным игом: собственной буржуазии и иностранных рабовладельцев.

Нечего и говорить о том, что симпатии Коммунистического Интернационала, симпатии честных рабочих всего мира—на стороне германского рабочего класса. Рабочие-комунисты всех стран воспримут версальские условия мира, как удар международному пролетариату, как покушение, отбить которое возможно только об'единенными усилиями пролетариев всех стран.

Нынешнее германское правительство, на словах протестующее против Версальского мира, на деле помогает империалистам Согласия осуществить свой адский замысел по отношению к германскому рабочему классу. В Германии у палача Клемансо нет более верных слуг, чем Шейдеман и Эберт. Партия Шейдемана и Эберта с первого момента германской революции покорно пляшет под дудку империалистов Согласия. По наущению Клемансо, Шейдеман и Эберт посылали и посылают белогвардейские войска против Советской России. Чтобы угодить империалистам Согласия, социал-демократы, руководимые Эбертом и Шейдеманом, убили Карла Либкнехта и Розу Люксембург и огнем и мечом подавляют великое движение германских рабочих, направленное к завоеванию советской власти. Исполняя поручение лондонской и парижской биржи, правительство Шейдемана истребило уже не один десяток тысяч рабочих-коммунистов Германии. Каждый раз, когда волна рабочего движения в Германии поднималась особенно высоко, готовая смыть правительство изменников социал-демократов, Шейдеман и Эберт запугивали изголодавшихся рабочих тем, что если в Германии будет утверждена советская власть, державы Согласия откажут германскому народу в хлебе.

Центральный комитет шейдемановской социал-демократической партии в воззвании, посвященном Версальскому миру, утверждает, что версальский урок „является лучшим доказательством правильности позиции германской социал-демократии в вопросе о защите отечества“.

„Социалисты всех стран, поняли ли вы, наконец, теперь наш образ действий во время войны?“—так взывает Шейдеман в своем [redacted].

О лицемеры, о циники!

Два вора в 1914 году набросились на одну и ту же добычу. Один из воров оказася удачливее. Этот громила не только утащил всю ту добычу, на которую претендовал его конкурент, но еще залез в карман своему сопернику.

Тогда другой вор, сделав из нужды добродетель и изобразив на лице своем угнетенную невинность, обращается ко всему честному народу и восклицает: вы видите, поведение моего противника оконча-

тельно доказало правоту моей тактики: неужели и теперь вы не поймете, что мы, Шейдеманы, чище снега альпийских вершин?...

Версальские условия мира всем честным рабочим показали нечто совершенно другое. Сознательные рабочие всего мира превосходно отдают себе отчет в том, что если бы военная победа досталась германским империалистам, они были бы так же беспощадны по отношению к побежденным, как сейчас являются их противники. И тогда, наверное, Гендерсоны и Ренодели употребляли бы такие же фальшивые фразы, как ныне Шейдеманы и Носке.

Версальские условия мира показали, что пока жив империализм, хотя бы в одной стране, до тех пор живо насилие и грабительство. Версальские условия мира показали, что империализм любой коалиции одинаково кровожаден. Какими бы „демократическими" фиговыми листками ни прикрывался империализм, он остается воплощением варварства и кровожадности.

Версальские условия мира показали, что социал-патриоты всех стран окончательно и навсегда превратились в лакеев буржуазии. Версальские условия мира показали, как жалки мечтания сторонников Бернского желтого „Интернационала" (и в частности Каутского и его друзей) о „разоружении" при сохранении капитализма, о доброй и благонамеренной лиге народов под крылышком Вильсона. Версальские условия мира показали, что сама буржуазия оставила рабочим всех стран только один путь—путь мировой революции, путь через труп капитализма.

ПОБЕДА АНТАНТЫ И «МИРНАЯ ПОЛИТИКА» СОЮЗНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

(Из тезисов о международном положении, принятых первым конгрессом Коминтерна в 1919 г.)

Победа держав Согласия разделила так называемые цивилизованные страны мира на несколько групп. Первую из них составляют властелины капиталистического мира, торжествующие империалистические великие державы (Англия, Америка, Франция, Япония, Италия). Им противостоят страны побежденного империализма, сломленные войной и надломленные началом пролетарской революции (Германия, Австро-Венгрия с их бывшими вассалами). Вассальные государства держав Согласия составляют третью группу. В нее входят малые капиталистические страны, вступившие в войну на стороне Согласия (Бельгия, Сербия, Португалия и пр.), а также вновь созданные национальные республики и государства-буфера (Чехо-Словацкая республика, Польша, Российские белогвардейские республики и пр.). Нейтральные государства приближаются к положению вассальных, но испытывают на себе сильное экономическое и политическое давление, нередко сбли-

жающее их положение с положением побежденных. Российская Социалистическая Республика есть государство рабочих и крестьян, стоящее вне капиталистического мира и составляющее огромную социальную угрозу победоносному империализму, угрозу крушения всех плодов победы над натиском мировой революции.

«МИРНАЯ ПОЛИТИКА» СОЮЗНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И ЕГО САМОРАЗОБЛАЧЕНИЕ

„Мирная политика“ пяти крупных хозяев мира, держав Согласия, до сих пор была и остается, взятая в целом, политикой сплошного саморазоблачения.

Наперекор всем фразам о „демократической внешней политике“, она представляет полное торжество тайной дипломатии, которая решает судьбы мира путем сделок между уполномоченными финансовых трестов за спиной и за счет трудящихся миллинов всех стран. Без исключения все существенные вопросы решаются в Париже комитетом пяти держав на закрытых заседаниях, в отсутствии представителей побежденных нейтральных и даже вассальных государств.

Необходимость аннексий и контрибуций за счет побежденных открыто провозглашена и обоснована в речах Ллойд-Джорджа, Клемансо, Соннино и других.

Открыто провозглашена, несмотря на мертвые фразы о „войне за всеобщее разоружение“, необходимость дальнейших вооружений, в частности сохранения английского морского могущества, в целях так называемой „охраны свободы морей“.

Открыто попирается провозглашенный Согласием принцип самоопределения народов и открыто заменяется разделом спорных областей между государствами-властелинами и их вассалами. Эльзас-Лотарингия присоединена к Франции без всякого опроса населения. Ирландия, Индия и Египет лишены права на самоопределение, югославянское государство и Чехо-Словацкая республика образованы путем применения вооруженной силы, о разделе европейской и азиатской Турции идет самый бесстыдный торг, начат фактический раздел немецких колоний и пр., и пр.

Политика контрибуций доведена до ступени полного ограбления побежденных. Им не только пред'являются многомиллиардные денежные счета, у них не только отбираются все военные средства, страны Согласия отнимают у них паровозы, вагоны, суда, сел.-хоз. орудия, запасы золота и пр. К этому присоединяется превращение военнопленных в каторжных рабов победителя. Выдвигаются проекты натуральной повинности для германских рабочих, которых державы Согласия хотят превратить в нищих и голодных рабов союзного капитала.

Политика крайнего национального человеконенавистничества выражается в непрерывной травле побежденных национальностей союзной печатью, оккупационными властями и в голодной блокаде, обрекающей народы Германии и Австрии на вымирание. Эта политика ведет к немецким погромам со стороны пособников Согласия—чешских и польских шовинистов, а также и к еврейским погромам, превосходящим все подвиги русского царизма.

„Демократические“ страны Согласия ведут политику крайней реакции.

Реакция торжествует как внутри самих стран Согласия, из которых Франция вернулась к худшим временам Наполеона III, так и во всем капиталистическом мире, находящемся под влиянием Согласия. Союзники душат революцию в оккупированных областях Германии, Венгрии, Болгарии и пр., натравливают буржуазно-соглашательские правительства побежденных стран на революционных рабочих, грозя лишением продовольствия. Союзники заявили о потоплении немецких судов, которые осмелятся поднять красный флаг революции; они отказались признать немецкие советы; они отменили восьмичасовой рабочий день в оккупированных областях Германии. Не говоря уже о прямой поддержке реакционной политики в нейтральных странах и насаждений ее в вассальных государствах (режим Падеревского в Польше), они натравливают реакционные силы этих стран в Финляндии, Польше, Швеции и т. д.) на революционную Россию и требуют выступления против нее немецких вооруженных сил.

IX. Новые войны, угрожающие миру

Непрестанно, даже и ныне, этот окровавленный зверь, широко простирает свои челюсти, с которых капает кровь, с диким и голодным воем требуя все новых, новых, новых жертв.

Кирпатрик.

„Война... ради чего?"

НОВЫЕ ВОЙНЫ, УГРОЖАЮЩИЕ МИРУ

Мировую войну буржуазия всех стран начала тем, что подло обманула трудящихся уверениями в каждой стране, что данная сторона подверглась нападению врагов и что вопрос идет о необходимости обороняться и защищаться. Война, как известно, затянулась на четыре слишним года, вызвав необычайное напряжение всех сил воюющих и обрекши на муки голода и холода и болезней десятки миллионов людей. Если при таких условиях буржуазии удалось все же удержать трудящихся в повиновении и посылать их беспрерывно на бойню, то помимо давления военного аппарата и диктаторского аппарата государственной власти, это достигалось в значительной мере тем, что буржуазии во всех странах удалось убедить трудящихся еще в одном, что мировая война—последняя война, что после этой войны наступит вечный мир. При этом буржуазия Антанты уверяла трудящихся, что единственным препятствием к вечному миру является германский милитаризм, который необходимо поэтому уничтожить. Германская буржуазия говорила то же самое об империализме Антанты.

Но вот кончилась мировая война. И что же, действительно наступил вечный мир? Послушаем все того же, насквозь пропитанного буржуазными предрассудками, бывшего (и, возможно, будущего) итальянского министра и ученого Нитти. „Во время войны,—пишет он,—говорили, что после победы Антанты наступит истинный мир; однако в наши дни думают только о самых гнусных способах ведения новых войн. Побежденные испытывают всевозможные притеснения, победители не считают себя в безопасности, и страх перед будущим и его ужасами охватил весь мир...

Готовятся новые разрушения, новые враждебные акты, повсюду зависть и мечты о порабощении. Кто окажется победителем?

Судя по всему, надвигается всеобщая катастрофа, и победители собственными руками, а не благодаря реваншу (отомщению) побежденных разрушают свою экономическую жизнь. Эта жизнь теперь, после опустошения прошлой войны, посвящена не идее возрождения, а целям насилия и развала“.

В этих немногих словах оценка современного мирового положения. Сущность этих слов: весь мир готовится к новым войнам. „Ныне, во всем мире,—говорит т. Павлович,—в экономическом и международном положении великих империалистических держав действуют силы, рождающие войну, силы более могущественные, чем те, которые вызвали страшную бойню 1914—1918 гг. Ныне для мировой войны больше причин, чем было накануне 1914 года“.

Нижеследующие отрывки имеют целью осветить причины, толкающие мир к новой, еще более ужасной войне, и ту подготовку к новой бойне, какая вперегонку ведется во всех буржуазных странах.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ГРЯДУЩЕЙ ВОЙНЫ

(М. Павлович. „Мировая война 1914—1918 гг.“)

Четыре основных фактора толкают капиталистический мир навстречу новой войне:

Это, во-первых, нарушение экономического равновесия, кризис капиталистической системы и вытекающая отсюда обостренная экономическая борьба между всеми государствами, в том числе и находящимися, если не в союзных, то, во всяком случае, в договорных, дружеских отношениях между собой.

Во-вторых, нарушение политического и военного равновесия между государствами и балканизация Европы.

В третьих, необычайное обострение национального движения не только на Востоке, но и в центре самой Европы в связи с разнузданной политикой Антанты, стремящейся к полному порабощению таких высококультурных народов, как германские и австрийские немцы, венгры, болгары и т. д., к превращению целых стран в роде Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии в настоящие колонии, наподобие Туниса, Алжира, Марокко, Индо-Китая, Кореи и т. д. Таким образом на ряду с опасностью мировой войны перед нами встает призрак войн национальных, при чем никто не может предсказать, вызовет ли какая-нибудь национальная война всеобщий империалистический пожар, или наоборот, в результате войны между двумя империалистическими хищниками вспыхнет ряд национальных войн, направленных здесь против того или другого из борющихся между собою хищников.

В четвертых, необычайный рост милитаризма и маринизма, который, сам по себе является производным всех предшествующих факторов, но который имеет тенденцию превращаться из следствия в причину, могущественно обостряющую международные конфликты и ускоряющую взрыв вооруженной схватки.

«МИРНАЯ» ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ 1814—1918 гг.

(М. Павлович. „Мировая война 1914—1918 гг.“)

Мировая экономическая война всех стран ведется самыми разнообразными орудиями, в зависимости от рессурсов обороны и наступления, которыми обладает данная страна. Тут мы встречаемся со всем разнообразием наступательных и оборонительных способов экономической борьбы всех против всех, не исключая и своих бывших союзников. Со времени окончания войны Англия окружила себя настоящей заградительной сетью таможенных пошлин, направленных главным образом против германских дешевых товаров, но вместе с тем и против французской, американской и т. п. конкуренций. Япония и Китай, Швейцария и Голландия—все отказываются от торговых договоров на принципе взаимного благоприятствования и переходят к системе крайнего протекционизма.

Само собой разумеется, что эта таможенная война всех против всех является одним из самых мощных факторов, подготовлявших новые войны.

До мировой войны между всеми капиталистическими державами существовали самые тесные хозяйственные связи. Весь мир, особенно вся Европа, представляла как бы один хозяйственный организм. Быстро возраставший экспорт из одной европейской страны в другую (Англия и Германия, Германия и Россия, Германия и Франция и т. д.) укреплял связи между передовыми европейскими странами. Экспортировались не только товары, но и капиталы...

В этом развитии торговли и экспорта капиталов между передовыми промышленными странами покойный немецкий социал-демократ Бебель видел лучшую гарантию мира, на этом усилении экономических связей между первоклассными державами буржуазные пацифисты строили все свои надежды на постепенное изживание экономической борьбы между европейскими странами и на близкое наступление „вечного мира“ между сильными державами.

На чем еще теперь могут строить свои воздушные замки „вечного мира“ в капиталистическом строе, дышащем ныне более чем когда-либо войной и насилием, господа пацифисты?

Товарообмен между капиталистическими странами не может развиваться при существовании и усилении непроходимых таможенных проволочных заграждений; все экономические связи порвались, кровообращение нарушено, и „все перепуталось“,—как выражается бывший французский министр Кайо,—все смешалось в один хаос, при котором никакое восстановление хозяйства немыслимо. При таком положении очевидно, что у правящих классов сильной военной державы, в роде Англии или Франции, которые, конечно, не для „игры в солдатики“ увеличивают свои сухопутные армии, усиливают свои морские и воздушные флоты, умножают и совершенствуют все свои средства обороны и нападения, может явиться соблазн мечом разрубить гордиев узел

экономических затруднений, сохранить у себя таможенную стену, оставить своих бульдогов у каждой лавки, но истребить всех кошек в кухне соседа, огнем своей артиллерии и взрывчатыми веществами с своих воздушных флотов разрушить все проволочные заграждения, мешающие проникновению отечественных товаров в соседнюю „дружественную" страну.

НАРУШЕНИЕ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ

(М. Павлович. „Мировая война 1914—1918 гг.")

Перейдем теперь к вопросу о политическом равновесии. До мировой войны европейский мир покоился на равновесии сил борющихся сторон. Германия и Австрия, вместе взятые, были очень сильны и в военном, и в экономическом отношении, но, с другой стороны, франко-русский союз, опиравшийся в последние годы до войны на „сердечное соглашение" с Англией, представлял также грозную силу. Война была сопряжена с необычайным риском для каждой стороны, и вот почему не легко было отважиться на разрыв мирных отношений. Равным образом, нападение на малые государства: Бельгию, Швейцарию, Данию, Румынию, Сербию и т. д. было сопряжено с таким же риском, ибо за каждый из этих государств стояла какая-нибудь комбинация держав, заинтересованная в неприкосновенности данного малого государства в целях сохранения равновесия сил, и потому нападение на самое малое государство грозило войной с коалицией первоклассных государств...

Никаких изолированных войн между двумя государствами на европейском континенте быть не может, так что, как бы ни кончилась такая война, результаты ее будут определены соотношением сил всех государств, прямо или косвенно заинтересованных в этом вопросе, а отнюдь не результатами военных действий на полях сражения между двумя фактически воюющими с оружием в руках державами.

Относительное равновесие, существовавшее до мировой войны в Европе, кажется в настоящее время многим представителям буржуазии настоящим земным раем по сравнению с нынешним положением...

Мировая война и Версальский договор привели к нарушению равновесия не только в самой Европе, но и в Азии, и на африканском континенте.

ГРЯДУЩАЯ ВОЙНА ИЗ-ЗА АФРИКИ.

(М. Павлович. „Мировая война 1914—1918 гг.")

Мировая война и Версальский мир совершенно разрушили равновесие на африканском континенте и создали здесь крайне неустойчивое положение, чреватое грозными последствиями. Версальский договор отдал Англии до 2.000.000 кв. километров германских владений в Африке, и в настоящее время африканская империя Великобритании занимает площадь немногим больше $11^1/_2$ миллионов кв. километров с 60-мил-

лиопным населением. Африканская империя Франции после присоединения большей части германских колоний, Того и Камеруна, занимает площадь в 10 милл. кв. километров с населением в 40 милл. душ.

Нарушение равновесия в пользу Англии создалось не в результате того, что Англия получила большую площадь территории, чем Франция, в силу стратегического значения и богатства, приобретенных Англией новых владений, обеспечивающих гегемонию Великобритании на всем африканском континенте, за исключением северо-западной части последнего, где Франция, владеющая Марокко, Алжиром и Тунисом, имеет перевес сил на своей стороне. Зато все восточное побережье Африки от Каира до Капштадта перешло во владение Англии, которая таким образом имеет возможность осуществить теперь проект великого рельсового пути Каир—Капштадт, который пройдет исключительно по английским владениям. С другой стороны, французское владычество в северо-западном углу черного континента не может считаться прочным и безраздельным, пока здесь держится и усиливается Испания, за спиной которой стоит Англия, подкладывающая всякого рода мины французскому влиянию в этой части африканского материка требованием интернационализации Танжера и т. д. На африканском континенте Англия и Франция пришли в соприкосновение в целом ряде пунктов; противоположные интересы обеих держав сталкиваются в этой части света с большей силой, чем сталкивались интересы Германии и Англии, Германии и Франции до мировой войны. В общем положение здесь напоминает период, предшествовавший Фашоде, когда Англия мобилизовала все свои эскадры, чтобы остановить движение французского экспедиционного отряда полковника Маршана в верховьях Нила. В 1922 году Англия перевела громадный флот из пятидесяти судов сверх-дредноутов, дредноутов, крейсеров и т. д., охранявших когда-то Великобританию против Германии, в Средиземное море для охраны великой английской торгово-военной Средиземной дороги против возможных опасностей со стороны Франции и для утверждения на этом пути безраздельной английской гегемонии.

Франция с своей стороны принимает меры для усиления своего положения на африканском континенте.

В первой главе этой книги мы обрисовали положение на Ближнем Востоке и указали, что Балканский полуостров был „пороховым погребом“, взорвавшим на воздух неустойчивый „вооруженный мир“, который существовал в Европе до войны. Мы привели также ряд отрывков, заимствованных у т. Майскова, всесторонне освещающих борьбу „интересов“ великих европейских хищников в Малой Азии перед мировой войной. Интересно поэтому посмотреть, какое создалось положение на Ближнем Востоке в результате мировой войны.

ГРЯДУЩИЕ ВОЙНЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

(М. Павлович. „Мировая война 1914—1918 гг.“)

В еще более острое столкновение, чем на африканском континенте, пришли интересы Англии и Франции на Ближнем Востоке. Здесь гегемония в проливах и Константинополе перешла безусловно в руки Англии, и английский главнокомандующий распоряжается в этой части Турции, как и в великобританской колонии. В результате Франция в осуществлении своих планов в бывшей Оттоманской империи встречает со стороны Англии противодействие более грозное и непобедимое, чем было соперничество Германии, которая никогда не держала Константинополя и проливов военной силой в своих руках и не имела многочисленных армий в Малой Азии, подобно Англии. Не удивительно, что Франция вступила в тайное соглашение с Кемалем, снабжала последнего оружием и сделала все возможное, чтобы помешать осуществлению англо-греческих планов в Оттоманской империи.

Здесь интересно остановиться на основных мотивах английской ближне-восточной политики, на связи последней с основным планом английского империализма. Разгром Германии, ее насильственное устранение от всякого влияния на судьбу африканского континента и Ближнего Востока, отказ Советской России от всяких захватных планов по отношению к Малой Азии и всему Востоку, казалось, разрушили все преграды, стоявшие на пути к реализации тех проектов, которые уже давно увлекали английских империалистов...

В результате мировой войны Англия, казалось, обеспечила осуществление своего великого плана, о котором только недавно могли мечтать английские империалисты. Англия получила мандат на Палестину, мандат на Аравию, мандат на Курдистан.

Пока Великобритания имела шансы захватить весь южно-азиатский район между Суэцким каналом и Индией в свои руки, она могла спокойно смотреть на усиление французской гегемонии на европейском континенте.

Имея основным правилом своей внешней политики сосредоточивать все свои силы в данный момент на одной цели, великобританское правительство позволяет Франции осуществлять свои захватные планы в Центральной Европе, овладевать железными и угольными резервуарами района между Мозелем и Рейном, уверенное, что в удобный момент оно сумеет, собрав силы, отбросить Францию назад, как в свое время оно заставило последнюю уйти из Судана, куда направлялся отряд французского полковника Маршана (Фашода). Обеспечив осуществление грандиозного плана рельсовой колеи Капштадт-Каир-Калькутта, овладев богатейшими нефтяными источниками Турции и Персии, захватив гегемонию жидкого топлива в свои руки, переведя значительную часть своего флота на нефтяное отопление, далее, держа в своих руках все важнейшие морские базы в водах, омывающих европейский континент, Африку и южную часть азиатского материка, Англия

достигала абсолютного владычества на морях; утвердившись в этих важнейших районах, Великобритания получала возможность отрезать метрополию Франции от всей ее колониальной империи, перерезать все французские водные, торговые и военные пути к Алжиру, Марокко, Тунису, Мадагаскару, Индокитаю и, таким образом, завершала морское окружение Франции в такой степени, в какой не удавалось Англии это даже по отношению к Германии Вильгельма. Увлеченная этой мечтой, империалистическая Англия могла спокойно смотреть на временное усиление французской гегемонии в Европе, покоящееся на песке, пока Англия удерживает владычество на морях в своих руках.

ГРЯДУЩИЕ ВОЙНЫ ЗА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

(М. Павлович. „Мировая война 1914—1918 гг.“)

Уход России из коалиции империалистических держав привел к нарушению равновесия не только на европейском континенте и Ближнем Востоке, но и на Дальнем Востоке. Здесь Япония за время мировой войны и гражданской войны в России необычайно усилила свои стратегические и экономические позиции, не только в ущерб России, но равным образом Англии и С. Штатам. Пока европейские державы и С.-А. Штаты были заняты европейской войной, империалистическая Япония глубоко внедрилась в Китай, захватила здесь важнейшие стратегические и экономические позиции в ущерб Англии и прежде всего С. Штатам... Версальский мир, отдав в руки Японии немецкие колонии в Микронезии, именно Марианские, Каролинские и Маршальские острова, вместе с пресловутым островом Яп, необычайно усилил стратегическое положение Японии, приобревшей новые опорные военные пункты в бассейне Тихого океана. Неожиданно дальневосточная проблема предстала перед господствующими классами Америки в зловещем свете, в виде перспективы неизбежной войны с Японией. В военном отношении в силу своего географического положения, близости к Китаю и возможности в шесть дней перебросить дивизию из Токио в Пекин, наконец благодаря своему могучему флоту, Япония представляет необычайно грозного врага для С. Штатов в борьбе за господство на Тихом океане. Но как промышленная и финансовая держава, Япония гораздо слабее трансатлантической республики, и это значительно ослабляет шансы ее победы в борьбе с Америкой, тем более, что последняя может опереться на поддержку Австралии, Новозеландии и значительной части Китая. Как бы то ни было, война потребовала бы напряжения всех сил обеих стран, при чем исход ее не может быть предугадан ни одним человеком. Тем не менее, как японские, так и американские империалисты уже два года говорят о неизбежности войны не на жизнь, а на смерть, если противная сторона не откажется от своих захватных планов.

Вся американская печать в один голос утверждает, что единственным средством ослабления промышленного кризиса, царящего в Америке, является завоевание тихоокеанских рынков и прежде всего Китая с его 450-миллионным населением. Но здесь Америка наталкивается на самое энергичное противодействие и грозную конкуренцию Японии, для которой Китай является главным рынком, поглощающим фабрикаты японской промышленности, и главным районом приложения японских капиталов.

На Вашингтонской конференции Америка сделала попытку победить Японию дипломатическим путем и заставить последнюю признать гегемонию Америки на Тихом океане. Япония вынуждена была пойти на уступки в вопросе о вооружениях в шандуньском вопросе и отказаться от своих планов захвата всего Китая, но Вашингтонская конференция явилась лишь временным перемирием между обеими державами, борющимися из-за Тихого океана, и на другой день после ее окончания началась борьба между японским и американским империализмом.

Несмотря на Вашингтонскую конференцию, Япония и Америка идут навстречу вооруженному конфликту.

УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОЙН

(М. Павлович, „Мировая война 1914—1918 гг.“)

Кроме призрака войн империалистических, перед капиталистическим миром встает призрак войн национальных...

Вся политика Франции, ее союзников и вассалов—Польши, Румынии, Юго-Славии—ведет к обострению национальных антагонизмов в Европе и к новым национальным войнам, подобно тому, как политика Англии на Востоке ведет к могучему национальному движению на всем Ближнем и Среднем Востоке. Франция, Польша, Юго-Славия и Румыния превращают все угнетаемые ими области в новые Ирландии. С особой силой и в крайне резких тонах рисует политику Франции и Малой Антанты Нитти в его книге „Европа без мира“. Нитти предсказывает неизбежность крушения планов относительно закабаления Германии и немецкой Австрии. Особенно резко Нитти осуждает националистическую политику второго союзника Франции—Польши, которая, по его словам, сама готовит себе гибель. И мы знаем, действительно, что в Польше самым жестоким образом подавляются все национальные меньшинства. Верхняя Силезия, Восточная Галиция, Литва, „Данцигский коридор“—все это таит в себе угрозу войны.

Нитти написал свою книгу до рурских событий, когда он все еще мог тешить себя надеждами, что правящие классы Франции и Малой Антанты одумаются, что „из сомнения родится истина“, которая спасет Европу от надвигающейся войны Теперь этим пацифистским надеждам

нанесен новый и жестокий удар. Десятки миллионов людей в Германии, Австрии, Венгрии, Польше, Юго-Славии горят чувством жгучей национальной ненависти к поработителям, повсюду разжигается национальная вражда, и снова подымается по всей Европе призрак национальных войн за освобождение Германии, Венгрии и т. д.

В этой книге нам приходилось говорить о том лицемерии, с каким государства Антанты кричали о прусском милитаризме и о том, что борьба с Германией есть борьба за уничтожение милитаризма во всем мире. Мы могли бы, если бы потребовалось, привести не один десяток речей, воззваний, статей и т. д., посвященных этой мысли, которую не безуспешно вонющая буржуазия прививала измученным войной массам. Ниже мы приводим отрывки, показывающие, как лихорадочно вооружается весь мир и как усилился милитаризм после войны.

КАК ОНИ РАЗОРУЖАЮТСЯ

(Г. И. Теодори. „Правда“, 1 мая 1924 г.)

С исключительным лицемерием империалисты во главе с Вильсоном говорили о необходимости уничтожить милитаризм в Германии, чтобы положить раз навсегда конец войнам. Была создана пресловутая Лига Наций и целый ряд других пацифистских (мирных) обществ. А правительства, руководимые банкирами и капиталистами, об‘единенными по „национальным“ признакам, настойчиво подготовляли и подготовляют новую бойню, как выход из того экономического кризиса, вернее, тупика, в который его загнали противоречия капиталистического строя. Красноречивее всяких слов говорят об этом противоречии приводимые нами ниже краткие сведения о состоянии вооруженных сил Европы и Америки к началу текущего года.

Например, в Англии личный состав современных вооруженных сил—около 350.000 человек, из коих 170.800 человек приходится на постоянную армию и 180.200 на территориальную. В эти цифры, конечно, не входят формирования доминионов—Канады, Австралии, Новой Зеландии, южно-африканских владений и английских колоний в Африке и Индии.

Франция, под постоянной угрозой прогрессивно уменьшающейся из года в год рождаемости, превратила свою армию в „единую армию Франции и ее колоний“, иначе говоря, вместо прежних отдельных французской, африканской и колониальной армий появилась одна армия, при чем один из 4-х полков каждой дивизии—всегда „цветной“.

Состав „единой армии“—20 линейных (пехотных) дивизий, 12 линейных усиленного состава и 6 сводных (из северо-африканских и колониальных полков) дивизий, 65 конных полков, соответственно уси-

ленной под гипнозом позиционной войны в состав артиллерии и танков, воздухофлота, войск связи, инженерных частей и т. п.—общей численностью в мирное время 560.000 человек. Из этого числа в Европе расположено 420.000, а 240.000 (из бывших колониальных войск) в бассейне Средиземного моря (Алжир, Марокко, Тунис и т. д.), с тем, чтобы в случае необходимости перебросить их на любое европейское направление. Достаточно сказать, что из этих 240.000 войск 60.000 туземцев Пуанкаре держит в северо-восточных районах Франции и оккупированных областях Германии. Фактически же мирный состав армии рассчитан на 900.000 человек, и лишь некоторые финансовые соображения мешают Пуанкаре пополнить эту цифру. Состав военного времени рассчитан Францией на внушительную цифру в 3.000.000 человек.

Италия значительно улучшила и увеличила свои войска по сравнению с 1914 годом. Особенно выделяются по качествам и техническому устройству артиллерия и авиация, где, например, тяжелая артиллерия целиком пользуется тракторной тягой. Состав вооруженных сил Италии—27 пехотных дивизий, 14 конных бригад трехполкового состава, 51 артиллерийский полк и 10 противосамолетных артиллерийских групп, не говоря о других специальных и технических войсках, весьма сильных по качественному составу,—а в общем численность армии мирного времени—300.000 человек. Независимо от этого в Италии имеются сильно организованные союзы фашистской молодежи, воспитываемые сплошь ультрареакционным направлением. Милитаристические тенденции пронизывают насквозь все эти противорабочие организации.

Польша усиленно работает над увеличением и улучшением своих вооруженных сил под непосредственным влиянием и руководством французской военной миссии. Состав ее сухопутных сил—30 пехотных дивизий с 10-ю полками корпусной конницы, 10 бригад конницы (стратегической), около 50 полков артиллерии, по три полка связи, авиации, железнодорожных и технических войск и ряд других специальных частей. Общая численность—277.000 человек. Фактически же мирный состав ее доходит до 350.000 человек, не считая ряда скрытых организаций (фашистских) для борьбы с „красной опасностью". Необходимо отметить и усиленную работу польской демократии по укреплению границ (постройка фортов застав, укрепление линий и т. п.), особенно против восточного соседа (читай—СССР) и „германской опасности".

Румыния особенно лихорадочно готовится за последнее время. Под давлением Франции она всячески топорщится, побрякивая оружием. В составе ее вооруженных сил—14 пехотных див., 7 пех. резервных, 2 стрелковых дивизии и 1 стрелковая горная бригада, 2 конных дивизии и соответственно увеличенный и усиленный состав артиллерии, авиации и проч. технических войск—с общей численностью в 125.000 челов.; кроме того, жандармский корпус и пограничные части в 40.000 человек; последняя цифра особенно показательна для внутреннего

состояния Румынии. Фактически румынская армия, руководимая французской миссией, имеет в мирное время штатную численность в 250.000 человек, которая в военное время развернется до 1.000.000.

Небезынтересно для нас и состояние вооруженных сил Северо-Американских Соединенных Штатов. „Мирная политика“ Соединенных Штатов свелась пока к регулярной армии в 137.000 человек (9 пех. и 2 конн. див.), к национальной гвардии в 215.000 человек (18 пех. и 4 конн. див.), организации резерва силою в 27 пех. и 6 конн. див., нынешний состав коих неизвестен, прежний же состав был равен 67.000 человек. Но когда намеченная реорганизация будет закончена, то численность „миролюбивой“ армии С.-А. С. Штатов будет немногим больше 2.000.000 человек.

Теперь несколько цифр о воздушных силах. Они показательны из нижеприводимой таблицы:

АВИОФЛОТ

	Численность	Состав самолетов (боевых).
Франция	33.500	1.350
Англия	31.000	600
Италия	6.500	250
С.-А. С. Штаты	16.500	600
Румыния	—	144
Япония	3.100	250

Эти цифры говорят только о военном воздушном флоте по состоянию к августу 1923 г. Гражданская авиация, на которую может быть возложен целый ряд транспортных, почтовых и санитарных по обслуживанию армии задач, достигла еще большего развития как по качеству, так и по количеству аппаратов во Франции, Америке, а в последнее время и в Англии.

ОЦЕНКА ВООРУЖЕНИЙ В ЕВРОПЕ

(Г. И. Теодори. „Правда“, 1 мая 1924 г.)

Оставляя в стороне Америку и Японию (силы коих увеличились по сравнению с довоенным периодом в 2—3½), обратимся к оценке вооружений в Европе. Для Западной Европы особенно показательна и характерна оценка численности армии до империалистической войны и теперь, к августу 1923 года, когда постоянные армии всей Европы, вместе с Россией, в целом насчитывали около 3.800.000 челов.; ныне, когда армии Центральной Европы в лице Германии и Австрии сократились на 700.000 человек, Европа имеет армию ни более ни менее, как в 3.700.000 человек. Таким образом пресловутое разоружение и вопли о „сокращении вооружений“ вылились пока для одной только

Антанты (большой и малой) в увеличение армии на 600.000 человек против довоенного периода. Пока... ибо на-днях Румыния с лихорадочной поспешностью заказала еще 400 самолетов, не удовлетворившись недавно заказанными 300. А для оценки задач „авиации и химии“ показательно мнение видного английского военспеца Бернея, высказанное им американским журналистам: „Можно представить,—говорит он,—принимая во внимание технические усовершенствования, что большинство городов и местностей Северо-Америк. С. Штатов будет уничтожено через три дня после об'явления войны. Существует специальный газ, настолько сильный, что он уничтожает немедленно всякого, кто его вдохнет. Животные при испытании падали мгновенно, не успев пошевельнуться“. Словом, человек погибнет, не успев надеть маски. Один из видных французских работников не зря проронил фразу о „бактериологическом оружии“, т. е. смертоносных бактериях, заключенных в аэробомбы для заражения и отравления больших городов, местечек, водных пространств, рек и т. п.

Мы хорошо знаем, на что способны империалисты и банкиры, когда идет речь об удушении человечества и господства капитала. Ведь кому, как не наиболее хищному американскому капиталу принадлежит крылатая фраза, что „самая жестокая война есть война наиболее гуманная“. Уже теперь С.-А. С. Штаты идут во главе „гуманных химических средств борьбы“ и начинают оспаривать у Пуанкаре-войны первенство по развитию и авиации. Этот судорожный рост вооружений, лихорадочная работа по изысканию самых жестоких форм войны служит нам предостережением. Только победа рабочего класса и торжество пролетарской революции могут остановить эту гнуснейшую чудовищную фабрику истребления человечества. И мы—осажденная крепость борьбы за освобождение угнетенных народов и рабочих всех стран—мы должны быть особенно на-чеку. Именно против нас и в первую голову направлены все усилия мирового капитала, чувствующего приближение своей гибели, а для этого надо всячески, всемерно, не покладая рук качественно и количественно укреплять боевую мощь Красной армии и усиливать ее технические и химические средства борьбы.

Авиация играла большую роль в войне 1914—1918 гг., выполняя, помимо задачи нападения на города, склады и тылы противника, еще большую службу по разведке и по оказанию помощи артиллерии в направлении стрельбы. Только что приведенный отрывок показывает уже, что роль авиации в будущей войне далеко превосходит ту роль, какую она сыграла в войне 1914—1918 гг. Уже один рост воздушных сил держав, готовящихся к новой войне, показывает, что авиации предстоит одно из первых мест в грядущем колоссальном истреблении человечества.

СОСТОЯНИЕ ВОЗДУШНЫХ СИЛ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

(Статья военного летчика Виноградова).

Мы ограничимся кратким рассмотрением современного состояния воздушных сил наших западных соседей и их покровителей: Франции и Англии.

Воздушный флот Финляндии насчитывает не более 6-и авиационных отрядов по 8 самолетов в каждом, т. е. 48 самолетов в строю. Общее число самолетов в Финляндии, вероятно, около 100; значительная часть из них — устаревшие германские и французские самолеты.

В Эстонии имеется 3 отряда по пять, шесть самолетов в каждом; в Латвии—3 отряда по 8 самолетов. Всего в Эстонии можно считать около 60, в Латвии около 40 самолетов. Самолеты преимущественно устаревшие германские, но встречаются и более современные французских, английских и итальянских типов.

Литва имеет 2 авиационных отряда, и общее число самолетов в ней вряд ли перевышает в настоящее время 30. Кроме старых германских машин, имеется несколько хороших английских истребителей.

Иное дело в Польше и Румынии.

В настоящее время в Польше имеется 3 авиационных полка — повидимому, около 20 отрядов (по 10 самолетов в каждом) и 5 воздухоплавательных батальонов—10 воздухоплавательных рот (по одному привязному аэростату в роте). Общее число самолетов в польском воздушном флоте, по всем данным, не менее 600, среди которых большое количество вполне современных (преимущественно французские, но есть также английские и итальянские). Но Польша считает свой воздушный флот недостаточным и намерена еще значительно увеличить его в ближайшие годы приблизительно до сорока, а в дальнейшем до 60-ти отрядов. В этом случае число самолетов в строю будет равняться 600, а общее число должно будет значительно превышать 1.000.

Число обученных летчиков в Польше довольно значительно. По своим качествам они стоят довольно далеко. В общем воздушный флот Польши уже сам по себе является для нас серьезным противником.

В Румынии имеется 6 авиационных групп, по три отряда 15 самолетного состава в каждой. Всего должно быть около 300 самолетов в строю и не менее 150—200 в школах и в запасе. В отрядах должны состоять большею частью вполне современные французские и английские самолеты. Но воздушные силы и Польши, и Румынии ничтожны по сравнению с воздушными силами Франции. В конце мировой войны Франция располагала на западном фронте свыше чем 250 авиационными отрядами с 3.000 самолетами в строю.

В настоящее время во Франции имеется 14 авиационых полков: 3 истребительных, 4 бомбардировочных, 6 разведывательных — всего около 140—150 отрядов по 8—10 самолетов в каждом, а всего около 35.000 человек и 1.300 самолетов в строю, не считая состоящих

в школах и в запасе. Кроме того, имеется 3 отряда в колониях западной Африки и Индокитая и около 100 гидросамолетов при морском флоте.

Но Франция не удовлетворена тем, что имеет в настоящее время: в ближайшие годы число отрядов предположено довести до 220. В случае войны число отрядов будет немедленно увеличено не менее чем вдвое.

Значительное усиление воздушного флота Франции в последнее время сильно беспокоит Англию, воздушные силы которой значительно уступают французским. Всего в настоящее время в Англии имеются 34 отряда (авиационных и гидроавиационных) по 12 самолетов в каждом, всего около 30.000 человек и 370 самолетов в строю. Из 34 отрядов 10 расположены в самой Англии, 4 в Дарданеллах, 6 в Египте и в Палестине, 6—в Индии и 8—в Мессопотамии.

Предположено создать еще 13 отрядов к 1925 году, но уже сейчас число это признается недостаточным.

Личный состав английского воздухофлота по своим качествам не ниже французского. Самолеты, состоящие на вооружении в отрядах, частью уже устарели, но в случае войны в кратчайший срок могут быть заменены новыми, весьма усовершенствованными.

Этот беглый обзор дает нам уже достаточное представление о том развитии, какого авиация сейчас достигла на западе и к чему она стремится в дальнейшем.

НЕМЕЦКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ГЕНЕРАЛЫ О ГРЯДУЩЕЙ ВОЙНЕ

(„Рабочая Москва“, 1924 г. № 74).

К чему буржуазию приводит горячка вооружений, очень подробно рассказывал на 12-м с'езде РКП тов. Бухарин. Он сообщил о военных самолетах с моторами в 3.000 лошадиных сил, развивающих скорость совершенно исключительную и поднимающих свыше 300 пудов бомб. Он рассказывал о пушках, стреляющих на расстоянии 150 верст. Он сообщил об изобретении новых газов, от действия которых поражаются все питательные пути, а кожа покрывается смертельными нарывами. Он говорил о бактериологических бомбах, разносящих бацилы холеры, тифа и т. д.

Тов. Бухарин закончил тогда это сообщение такими словами: „После того, как прочтешь такую сводку, у каждого коммуниста, естественно, возникает мощный порыв к беспощадной борьбе с этими истребителями человечества, иначе совершенно ясно, что мы будем иметь не только такое положение, когда наша республика, Советская Республика будет подверждена ударам, но когда наше ближайшее поколение принуждено будет, одичав, обрасти волосами, пахать землю в какой-нибудь южной Африке“.

Но, может быть, тов. Бухарин преувеличил опасность; может быть, мы, большевики, просто занимаемся демагогией, когда неизменно и неустанно говорим о мире и о необходимости разоружения; может быть, коммунисты по свойственной им ненависти к буржуазному миру выдумывают все это и возводят напраслину на капиталистический мир?

Так вот что пишут видпейшие генералы буржуазных стран: в немецкой газете „Фоссише Цейтунг" генерал фон-Даймлинг останавливается на вопросе о вооружениях. При этом он указывает на те ужасы будущей войны, которыми грозит наблюдаемое в последние годы развитие техники. Особенное развитие получила техника ядовитых газов, так что, как указывает ген. фон-Даймлинг, „сейчас нужно считаться с существованием таких ядовитых газов, действие которых превышает во сто крат действие сильнейших газов, примененных во время мировой войны". В подтверждение своих слов генерал ссылается на опубликованную недавно статью о „Войне при помощи ядовитых газов", принадлежащую перу приват-доцентки (по химии) Бернского университета Гертруды Вокер. Оказывается, что в Америке изобрели газ левизит (по всей вероятности, комбинация фосфора и циановой кислоты), против которого не могут защитить никакие маски. Достаточно 12-и больших бомб, наполненных этим газом, для того, чтобы в кратчайший срок уничтожить всякие признаки жизни в таком городе, как Чикаго или Берлин. Даже в погребах нельзя найти себе спасение, ибо этот газ тяжелый: он стелется по земле и проникает под землю. Он уничтожает всякую растительность и отравляет воду.

Генерал фон-Даймлинг очень мрачно смотрит на нынешнее политическое положение Европы. Он считает, что если сейчас не удастся предотвратить опасности, то мы будем иметь вторую мировую войну, которая закончится гибелью культуры. Выход из положения он видит во всеобщем сокращении вооружения.

Но к словам генерала немецкой побежденной армии могут отнестись с недоверием. Так вот что говорит представитель империалистической Англии, генерал Гамильтон, в письме к генералу фон-Шейнаху. В письме этом говорится: „В будущей войне аэропланы будут подобно коршунам кружить над городами. Штатские люди не имеют ни малейшего представления о действии современных бомб, поэтому я, в качестве знатока войны, высказываюсь за необходимость мира и установления соглашения между народами. Если мы не будем на-чеку, то и континент, и Англию постигнет несчастье в сто раз более страшное, нежели японское землетрясение".

Империалистический буржуазный мир переживает полосу безумия. Коммунисты трезво оценивают создающееся положение и зовут международный пролетариат к самозащите и борьбе. Союз Советских Республик не перестает указывать на опасности будущей войны и на всякой конференции поднимает вопрос о мире, о разоружениях.

АТАКА ПОМОЩЬЮ ВОСПЛАМЕНЯЮЩЕЙСЯ ЖИДКОСТИ

(Гиббс. „Душа войны“).

Дух юности и веры не может прикрыть всех ужасов войны и не может искупить преступления, в котором замешано все человечество, точно так же, как и не может прекратить массового убийства, которое продолжается беспрерывно.

Солдаты Франции испили полную чашу страданий, и поэтому нельзя осуждать их смех, как бы грубо ни было их веселье. Их армии от Ипра до Сэп-Миэм должны были выказать больше храбрости и выносливости, чем требовалось от узников в средневековых камерах пыток, и они прошли через это испытание с героизмом, который представляет собою одну из блестящих страниц истории. Однако до сих пор история записывается только в коротких сообщениях, сухо констатируя факты. Например, в марте 1915 г. было опубликовано следующее: „В Маланкурском лесу между Аргонном и Маасом неприятель направил на одну из наших траншей горючую жидкость, так что траншею пришлось оставить. Занимавшие траншею получили тяжкие ожоги“. Это официальное сообщение не дает никакого понятия о том ужасе, который испытали очевидцы новой немецкой системы захвата траншей. Более подробный рассказ об этой атаке жидким огнем дает один солдат.

„Это произошло вчера, как только стемнело. Весь день прошел довольно спокойно. Как всегда, над нами рвались снаряды, и ничто не предвещало немецкой атаки. Неожиданно один из моих товарищей закричал: „Смотрите. Что это такое? Кажется, это нефть“. Мы не могли поверить его словам, но жидкость, которая начинала обливать нас, действительно была похожа на нефть. Немцы поливали нас из насосов. Наш лейтенант велел нам погасить наши трубки. Но это была излишняя предосторожность. Через несколько секунд воспламеняющие бомбы начали падать на нас, и вся траншея была охвачена пламенем. У нас начался настоящий ад. Некоторые солдаты начали ужасно кричать, срывая с себя одежду, стараясь потушить огонь. Другие посылали проклятия, задыхаясь в горячем чаду, который душил нас. „Иисусе Христе,—вскричал один из моих товарищей,—я ослеп“. Для того, чтобы завершить свое адское дело, эти немецкие бандиты, воспользовавшись нашим замешательством, подкрались к траншее и бросили в нее горящие факелы. Ни один из нас не избежал этого огненного потока. Наши брови и ресницы были опалены, большая часть нашей одежды сгорела, и наши тела шипели, подобно сжарившемуся мясу. Все-таки некоторые из нас стали стрелять в масляный дым, стоявший облаком над нами, и некоторые из этих дьяволов поплатились за свои грехи“.

Хотя несколько защитников траншеи обратились в пылающие факелы, а другие лежали обгорелыми трупами, траншея не была оста-

влена до тех пор, пока вторая линия французов не успела кинуться в контр-атаку. Разъяренные, благодаря воплям и стонам, доносившимся из пылающей ямы, где лежали их товарищи, французы с яростью диких зверей бросились на врага, который бежал, оставив на месте триста мертвых и раненых.

Жестокости мировой войны уделено в этой книге много страниц. Мы хотели бы вызвать в читателе представление об ужасе той войны, которую буржуазия преступно вела во имя своих хищнических интересов. Только что приведенные нами отрывки показывают, что в изобретении средств истребления людей буржуазия сделала колоссальные успехи. Мы остановимся теперь подробно на вопросе о предстоящей газовой войне. Мы не коснулись этого вопроса раньше, имея в виду здесь показать роль газа в минувшей войне и одновременно указать, чего можно ждать от газовой войны в предстоящем столкновении хищников мирового империализма.

ГАЗЫ, ПРИМЕНЯВШИЕСЯ В ВОЙНЕ 1914—1918 гг.

(Лефебюр. „Загадка Рейна“).

Во время военных действий применялись следующие газы или химические составы: удушающие, ядовитые, слезоточащие, вызывающие нарывы и чихательные. В точности установлено, что ядовитые или удушающие вещества, применявшиеся во время войны, давали более высокий процент смертельных случаев, чем остальные три их вида, которые зато вызывали гораздо большее число жертв. Газы, именуемые удушающими проявляли свое действие путем поражения и прилива крови к легочной системе, имевших последствием смерть от удушья.

Ядовитые газы получили такое название вследствие специфического их действия на некоторую часть организма, напр., на нервную систему. Из этой категории веществ можно отметить, в виду тех споров, которые вызвал вопрос об ее боевой ценности, прусскую или синильную кислоту. Французы видели ясное доказательство смертельного действия этого состава на германских артиллеристах. Тем не менее у других союзников не сложилось твердого убеждения в том, что этот газ в применении его для снаряжения французских снарядов был достаточно концентрирован, чтобы иметь реальную боевую ценность. Это был состав смертельный и в то же время почти безвредный, т. к. концентрация его, не вызывающая сразу решительных результатов, допускала быстрое выздоровление.

Один известный физиолог Кембриджского университета в разгар споров, вызванных этим вопросом, подверг себя героическому опыту. Он вошел в комнату, наполненную синильной кислотой, сконцентриро-

ванной настолько, чтобы она могла вызвать смерть различных животных, которые одновременно были помещены туда же. Эти животные погибли, а ученый был обязан своим спасением тому обстоятельству, что для человека концентрация газа оказалась не смертельной. Это был поистине самоотверженный опыт, который, не умаляя очевидности и крайне опасного значения кислоты высокой концентрации, показал в то же время, что трудно оценивать боевые факторы кабинетными опытами; необходимо ждать результатов сражения. Разочарования, которые постигли германцев при употреблении мышьяковых составов, подтверждают эту необходимость точными данными, добытыми из опыта полей сражения.

Едва ли нужно останавливаться на категории слезоточащих газов. Эти составы применялись в значительных размерах, чтобы вызвать временную потерю зрения посредством слезоточения.

Появление на сцену четвертой категории составов, вызывающих нарывы, открыло более, чем все другие способы действия противника, обширную область для их применения в связи с развитием химической войны. Эти составы, из которых главный был горчичный газ, действием своим вызывали нарывы на коже путем ожогов. Таких результатов, правда, редко смертельных, все же было достаточно, чтобы вывести человека из строя на несколько месяцев.

Горчичный газ давно должен был быть предметом внимания германского генерального штаба, так как его применение было одобрено, и выработка началась с начала 1917 года.

Французы не задумывались серьезно над его применением и не отдавали себе ясного отчета в перспективах, которые могло открыть его применение, вплоть до опыта, сделанного германцами на поле сражения в июле 1917 года. Многим неизвестно, что применяются и другие вызывающие нарывы составы, именно некоторые вещества мышьякового происхождения. Германцы занялись исследованием мышьяковых соединений, обещавшим интересные результаты. Горчичный газ представляет поразительный пример органической связи, существующей между химической войной и красильным производством. Для его приготовления употреблялись те же самые составы, которые германское акционерное химическое общество уже изготовляло в большом количестве для производства индиго. Вот почему мировая монополия производства индиго грозит возможностью неожиданного сюрприза в виде применения горчичного газа с началом войны.

Последняя категория — чихательные составы — вызывает общее чихание, соединенное с сильной болью и раздражением носовой полости, горла и дыхательных путей. К ним относятся, главным образом, составы мышьякового происхождения, которые являлись не только чихательными, но также ядовитыми составами, вызывавшими симптомы и последствия отравления мышьяком.

ПЕРВАЯ ГЕРМАНСКАЯ ГАЗОВАЯ АТАКА

(Лефебюр. „Загадка Рейна").

Маршал Френч, главнокомандующий британскими силами, следующим образом выразился в своем официальном донесении по поводу этой германской первой атаки, предшествуемой выпуском газов:

„После усиленной бомбардировки противник атаковал около 5-ти часов французскую дивизию, впервые применив удушающие газы. Донесения авиации сообщили, что около 5-ти часов была замечена густая пелена желтого дыма, выпущенная из германских окопов между Лангемарком и Биксшутом. То, что затем последовало, не поддается никакому описанию. Действие этих ядовитых газов было таково, что вся линия, занятая упомянутой французской дивизией, в результате оказалась неспособной ни к каким действиям. Прежде всего никто не мог понять, что произошло. Дымовая завеса мешала что-либо видеть, и сотни людей были внезапно погружены в сонливое состояние, очутившись в смертельной опасности. Через час вся позиция с 50-ю приблизительно орудиями, должна была быть оставлена. Я категорически не допускаю даже мысли об упреке французской дивизии по поводу этого несчастного случая"...

Предприимчивый ум, руководивший этой новой ужасной атакой, принадлежал не солдату. Есть основание предполагать, что этот чудовищный замысел и осуществление его было делом одного, самое большее, двух знаменитых профессоров. Подготовка этого страшного удара, которым началась химическая война, была поручена знаменитым ученым известной организации германскому акционерному химическому обществу по милости германского генерального штаба...

В своем энергичном протесте перед палатой лордов, лорд Китченер заявил: „В течение последней недели германцы начали применять новый способ борьбы, который заключается в выводе человека из строя посредством применения удушающих и ядовитых газов. Эти новые ядовитые вещества позволили им одержать успех в атаке, которая должна была закончиться их поражением, если бы велась по правилам войны".

ГАЗОВЫЕ АТАКИ АНГЛИЧАН В ВОЙНЕ 1914—1918 гг.

(Лефебюр. „Загадка Рейна").

Во время сражения на Сомме на британском фронте было выпущено не менее 110 газовых волн; основной частью их состава был преимущественно фосген. Германские донесения свидетельствуют о наших успехах...

Мы (англичане) имели многочисленные доказательства наших успехов во время этих атак. Захваченные документы и показания пленных единогласно подтверждают смертельное действие британских газов, особенно последние фазы боя на Сомме. В письме одного германского

солдата своим родным говорится: „В начале июля началась бойня, которой нет подобной. Не проходит ни одного дня без того, чтобы англичане не выпустили своих газовых волн то в одном, то в другом месте. Я вам приведу только один пример: люди, находившиеся в 6 или 7 километрах от передовой линии, были погружены в спячку единственно благодаря действию „хвоста“ газовой волны, которая, вероятно, проникла в тыл километров на 12. Этот газ смертелен.

Достоверность этого свидетельства о действии наших газов на большие расстояния подтверждается целым рядом других показаний. Так, напр., мы узнали от одного пленного, допрошенного французами, что „среди людей, снявших свои маски, распространялась большая паника, ввиду того, что они начали задыхаться. Многие падали, когда пытались убежать в тыл; некоторые заболели только на следующий день. Вся растительность на протяжении 8 километров была сожжена“. Пленные, взятые у Морепа, показали, что действия выпущенных британцами газов ощущались на расстоянии 10 километров.

Другие показания подтверждают внезапный характер, который имели наши атаки...

Упомянутый нами пленный, взятый у Морепа, показал, что некоторые солдаты заболели только по прошествии нескольких дней. Один из них умер внезапно 2 дня спустя, в то время, когда писал письмо. Один пленный, указывая пальцем по карте на селение Айетт, сказал, что когда однажды в начале сентября поздно вечером внезапно стали чувствоваться ядовитые испарения, все подумали, что происходит артиллерийская бомбардировка: настолько внезапно распространился газ. Никто не ожидал приближения газов, поэтому очень немногие имели при себе маски. Другой пленный показал: „атака произошла совершенно неожиданно. Облако появилось внезапно и прошло довольно быстро, менее чем в 10 минут“. Более 30% состава батальона на некоторое время было выведено из строя.

В заключение, для подведения итогов тревогам, причиненным германской армии этой постоянной угрозой, приводим слова специального корреспондента. „Я должен посвятить специальную статью этому настоящему бичу наших армий на Сомме. Наши люди должны бороться с дьявольским неумолимым врагом, не только в то время, когда в них посылаются ядовитые газы“ (он намекает на появление газовых снарядов); затем он продолжает: „Этот воздушный призрак, ужасный своей невидимостью, угрожает нам и преследует нас на всех путях, ведущих на фронт“.

Преступность войн, затеваемых буржуазией, заключается не только в истреблении десятков миллионов людей, но и в том безумии, с каким люди подготовляются к взаимному истреблению, с каким они затрачивают колоссальные силы, которые без сомнения могли бы быть использованы для целей более благих, чем уничтожение, например, 5.000 англичан, как это было в результате первой газовой атаки немцев. Нижеприводимый отрывок поясняет только что высказанное.

ПОДГОТОВКА ГАЗОВОЙ АТАКИ

(Лефебюр. „Загадка Рейна“).

Мало кто может себе представить всю совокупность необходимых усилий, которых требует подготовка и выполнение выпуска газов. В течение определенного времени на позиции, на заранее выбранных в первой линии местах, должны быть установлены баллоны; их установка на место не может длиться неопределенное время. Обычно для этой цели требовалось от 2-х до 6-ти ночей, в зависимости от размеров атаки и особенностей почвы; конечно, все работы должны были происходить ночью. Представьте себе труд, который надо положить, чтобы зарыть таким образом в землю 2.000 баллонов на фронте в 2 мили.

Сначала эти баллоны должны быть собраны в тылу в пунктах, соединенных дорогами и окопами. Тележки, автомобили и лошади могут останавливаться в этих пунктах только с наступлением ночи и до рассвета. Для перевозки 2.000 баллонов необходимо от 50-ти до 90 тележек. Все эти сборные пункты, конечно, случайно могут быть обстрелены противниками. Кроме того, так как на эти сборные пункты стекается все обычное снабжение фронта, то необходимы будут особые распоряжения, чтобы согласовать движения транспортов с баллонами и другими повседневными обозами. В пунктах прибытия должны находиться специальные части, чтобы приступить к разгрузке тележек и переноске баллонов в окопы. Для организации перевозки на протяжении одной или полутора миль по изломам ходов сообщений требуется по крайней мере 4 человека на один баллон, учитывая необходимость смены и пополнения убыли. Согласно этого расчета, только для работ по предварительной установке баллонов требуется более 8.000 человек. К тому же люди эти могут быть собраны не иначе, как необходимыми группами в указанных местах и в назначенное время. Установка баллонов еще более усложнится, в случае отвлечения людей к другим работам в окопах, или в случае каких-либо препятствий со стороны противника. Необходимость все время считаться с этими двумя неизбежными условиями при установке баллонов исчерпывала всякий запас энергии и терпения специальных рот, назначенных для организации и руководства подобными операциями, а также бригад и дивизий пехоты, которые должны были принимать особые меры и давать потребное число людей для работ.

Кроме того были и другие препятствия, преодоление которых представляло еще большие трудности. Для предохранения от продольного огня окопы первой линии состоят из ряда поперечных окоп. Всякий прямолинейный окоп представляет собой смертельную западню.

Сколько нужно терпеливых усилий, чтобы перенести куда надо в течение ночи такой тяжелый груз по узким и тесным проходам. Вот, наконец, последние 100 ярдов, самых опасных, уже совсем близко от выбранного места. Один неверный шаг, металлический звук—и тотчас же

огонь германского пулемета и светящиеся ракеты, требовавшие моментально сохранения полной неподвижности с тяжелой ношей на плечах, с баллонами, наполненными смертоносным газом, которые каждую секунду может пробить шальная пуля.

ХИМИЧЕСКИЕ ЗАВОДЫ, СОЗДАННЫЕ В АМЕРИКЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

(Лефебюр. „Загадка Рейна“).

Учрежденные в Соединенных Штатах заводы представляли наибольший интерес. Прикомандированные к союзным заводам американские офицеры очень быстро поняли, что наши рессурсы для производства достигли своего предела и что требования и программы значительно превосходили действительную производительность. Вследствие этого, изучив наши методы, они решили сосредоточить производство в Америке. Это было началом основания громадного арсенала в Эджвуде. Если бы мировая война еще продолжалась, то дань этому грандиозному заморскому творению была бы ужасающая. Можно отметить, что еще раньше были сделаны достижения не столь большого размаха, которые могли все же оказать действительные услуги.

Вот некоторые подробности об этом арсенале Эджвуда. Он состоял из обширного завода, вероятно, самого большого в мире по выработке хлора, из различных заводов для производства всех составов, принятых воюющими, и, наконец, из завода, способного снаряжать 200.000 снарядов или бомб в один день.

На ряду с этим единственным центром производства, американцы создали органы для химических исследований, которые были, вероятно, самыми большими из всех когда-либо созданных для выполнения одной общей задачи, за исключением во всяком случае органов германского... Этот центр изысканий об‘единял до 1.200 химиков и техников и до 700 рабочих. Опыты велись более, чем с 4.000 различных составов...

„Химическое Обозрение“ говорит по поводу Эджвуда: „Вот действительно гигантский завод, построенный в минимум времени, обслуживаемый знающим личным составом, обладающий громадной производительностью по выработке ядовитых веществ, достигший, одним словом, своей высшей точки развития и мощи, как орудие истребления, в то именно время, когда с часу на час ожидалось подписание мира. Как жаль, что мы не располагали этим огромным орудием войны с начала отправки первых американских войск во Францию! Сколько нашей молодежи, отправившейся на восток, могло бы вернуться. Забудем ли мы этот урок об отсутствии у нас подготовки? Во что превратится этот завод? Будем надеяться, что найдутся разумные люди, которые разрешат этот вопрос наивыгоднейшим образом для американской химической промышленности сегодняшнего дня и для нашей безопасности завтрашнего дня. В случае новой войны, нам будет выгоднее иметь для ведения ее этот источник, чем постоянную армию“.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ—ФАБРИКА УДУШЛИВЫХ ГАЗОВ

(Л. Троцкий. „На путях к европейской революции“).

Соединенные Штаты—ведь это тоже архидемократическая страна. Их вмешательство в последнюю империалистическую войну произошло из чисто идейных побуждений—помочь демократии против милитаризма. Мы все это помним... Ограбив, обессилив и обескровив Европу, Соединенные Штаты стали колоссальной вавилонской башней буржуазного могущества. Переваривая награбленное, они держатся в стороне от европейских дел. Но в то же время тщательно готовятся к войне будущего. Авиация и газы их стоят на первом плане. Соединенные Штаты—огромная фабрика мира—становятся все более фабрикой удушливых газов. Это готовится не только для ослабленной Японии, но и для Европы. В газетах попадаются сообщения в том смысле, что просвещенные американцы считают, что старые методы войны слишком варварские, устарелые, средневековые, и что необходимо применение новых методов, более тонких, химических, которые не будут умерщвлять, но будут усыплять и даже навевать радостные сны. Вы знаете, товарищи, какое значение имеет веселящий газ в некоторых операциях; насколько знаю, дантисты часто выдергивают зубы под этим газом. Но когда американский капитал приготовляет веселящий газ для того, чтобы, при случае, вырвать революционные зубы у Европы, то нам нужно очень и очень быть на-чеку. Пока что просвещенная Америка пробует газы на своих преступниках, которых там уже не электрофицируют—отсталый способ—а подвергают воздействию „веселящих газов“. Это последнее слово техники и квакерской гуманности. Действию своих газов американцы обещают подвергать целые города, районы, области. Вы представьте себе эту перспективу: богатая и сытая Америка посылает на голодную революционную Европу эскадрильи самолетов и сбрасывает на наши головы свои веселящие газы. Это не из фантастического романа. Уже в прошлую империалистическую войну применялись в большом масштабе отравляющие газы. Старые методы истребления оказались недостаточными... Неправда, будто газы „гуманнее“. Если завтра какая-либо страна найдет газ, способный губить сплошь целые армии, она немедленно пустит его в ход против врагов. Война в целом есть отвратительное и постыдное варварство, это мы знаем хорошо, но пошлыми фразами о гуманных способах войны мы не занимаемся. Это подстать пуританам и квакерам, а нам это не к лицу. Мы берем факты в их натуральном виде, не обманывая ни других, ни себя. Не гуманизировать нужно войну, а уничтожить. Как? Уничтожив капиталистическое общество. Другого пути нет. Поэтому мы были и остаемся смертельными врагами буржуазного строя. Мы попрежнему и с большим, чем когда-либо убеждением держим курс на социальную революцию.

ОРГАНИЗАЦИЯ БУДУЩЕЙ ХИМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В АМЕРИКЕ.

(Лефебюр. „Загадка Рейна").

Высадившиеся в начале 1920 года европейцы в Америке были удивлены, когда увидели стены Нью-Йорка покрытыми афишами, призывавшими американцев записываться в военно-химические отряды. Вот где указания на их политику и на значение, которое они придают этому вопросу. Другое, более осязательное доказательство заключается в их недавнем решении создать совершенно независимое „Управление Химической войны". Американский конгресс формально допустил возможность развития нового способа войны, что показывает прогресс в этом направлении. Новое, богато снабженное управление будет в состоянии соперничать с наиболее значительными военными организациями других союзных государств.

Очень интересны в этом отношении взгляды генерала Фриса, начальника этого управления. „Прежде всего химическая война является настоящей наукой. После изобретения пороха, ничто так глубоко не изменило условий ведения войны.

В настоящее время необходимо различать четыре рода оружия: пехоту, артиллерию, авиационные и химические войска. Всякий другой способ или прием ведения боя остается в большей или меньшей степени комбинацией из этих элементов. Газ, дым и зажигательные составы могут быть использованы всеми другими родами оружия. Но только применение газа делает необходимым принятие исключительных мер предосторожности.

Мощность его действия не может быть сравнена ни с чем. Физическая сила является одним из существеннейших элементов войск. А применение газов в достаточном количестве, которое в будущих войнах будет вырабатываться легко, повлечет за собой необходимость постоянного ношения маски всеми войсками на расстоянии от 2 до 5 миль от передовых позиций, а на некоторых участках и значительно дальше. Постоянное применение маски целой армией, не вызывая даже никаких смертельных случаев, может в значительной степени понизить ее физическую выносливость в целом. Это понижение выражается в уменьшении боеспособности, которую можно определить в 25%, т. е. как будто бы 250.000 людей из 1.000.000 были выведены из строя...

Нельзя убежать от газовой волны, которая сметает все перед собою. Ни глубина окопов, ни наилучшим образом построенные убежища не могут остановить ее. Ночь благоприятствует ее действию и усиливает ее. Это единственное оружие, действительное как во время темной ночи, так и при ярком солнце"...

Противогаз и дисциплина являются единственными средствами защиты, но паника, смятение, расстройство дисциплины и потеря хладнокровия имеют гибельные последствия.

Генерал Фрис признает значение дыма, как вспомогательного боевого средства:

„Химическая война предусматривает применение газов, дыма и зажигательных составов; тут возможны еще многие подразделения. Первые атаки были произведены при помощи искусственных газовых волн или облаков. Значение же такого облака так же, как и волны или завесы, независимо от ядовитых свойств, было понято только в конце 1917 года. Эти облака дыма могут быть, в зависимости от желания, ядовитыми или неядовитыми. Поэтому каждая дымовая завеса в будущем должна рассматриваться, как ядовитая и смертоносная. Если глубже разобраться в этом вопросе, то не трудно себе представить бесконечные возможности, которые дает наступающему применение газа и дыма“...

Французское управление химической войной телеграфировало правительству Соединенных Штатов о сериозном намерении развить деятельные опыты с применением фосфора для образования дымовых завес. Наши первые предположения о военной ценности газов были впоследствии подтверждены фактами. В настоящее время будущее дыма представляется еще более обширным. Поле сражения будущего покроется не черным дымом гражданской войны, или дымом от прежних боев с применением бездымного пороха, а разбросанными повсюду дымовыми клубами и пятнами большей или меньшей величины.

Легко себе вообразить, какие затруднения представляются на поле сражения для того, чтобы поразить человека, которого не видно, но невидимое присутствие которого определяется кое-каким шумом или другими признаками. Дымовая завеса может быть образована факелами или жестянками, весом в два или три фунта, которые легко будет бросать перед окопами или приспособленными для переноски мешками; они дадут большие облака белого дыма. Для той же цели можно пользоваться гранатами, брошенными рукой или выпущенными из какого-нибудь орудия; артиллерией, выбрасывающей свои снаряды на 10, 15, 20 миль; наконец самолетами, радиус действия которых ограничен только размерами земного шара. Таким образом дым представляется одним из существеннейших факторов будущей войны.

X. Из основных документов революционной борьбы против мировой войны 1914 — 1918 гг. и грядущей войны

ПРОЛЕТАРИАТ ДОЛЖЕН ПРЕВРАТИТЬ ВОЙНУ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ В ВОЙНУ ГРАЖДАНСКУЮ

(Из статьи т. Ленина „Положение и задачи социалистического интернационала" в сборнике „Против течения").

На попытки современной буржуазии разделить и раз'единить рабочих посредством лицемерных ссылок на „защиту отечества" сознательные рабочие ответят новыми и новыми, повторными и повторными попытками установить единство рабочих разных наций в борьбе за свержение господства буржуазии всех наций.

Буржуазия одурачивает массы, прикрывая империалистический грабеж старой идеологией „национальной войны". Пролетариат разоблачает этот обман, провозглашая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую войну. Именно этот лозунг намечен Штутгартской и Базельской резолюциями, которые как раз предвидели не войну вообще, а именно теперешнюю войну и которые говорили не о „защите отечества", а об „ускорении краха капитализма", об использовании для этой цели кризиса, создаваемого войной, о примере Коммуны. Коммуна была превращением войны народов в гражданскую войну.

Такое превращение, конечно, не легко и не может быть произведено „по желанию" отдельных партий. Но именно такое превращение лежит в об'ективных условиях капитализма вообще, эпохи конца капитализма в особенности. И в этом направлении, только в этом направлении должны вести свою работу социалисты. Не вотировать военных кредитов, не потакать шовинизму „своей страны" (и союзных стран), бороться в первую голову с шовинизмом „своей" буржуазии, не ограничиваться легальными формами борьбы, когда наступил кризис и буржуазия сама отняла созданную ею легальность,—вот та линия работы, которая ведет к гражданской войне и приведет к ней в тот или иной момент всеевропейского пожара.

Война не случайность, не „грех", как думают христианские попы, (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир. Война наших дней есть народная война. Из этой истины следует не то, что надо плыть по „народному" течению шовинизма, а то, что в военное время и на войне, и по военному

продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие народы. Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о буржуазной борьбе с вооруженной буржуазией, воздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн. Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста; работа, направленная к прекращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций. Долой поповски-сантиментальные и глупенькие воздыхания о „мире во что бы то ни стало". Поднимем знамя гражданской войны. Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны— сказка о „последней войне" есть пустая вредная сказка, мещанская „мифология" (по верному выражению „Голоса"). Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра,—не во время теперешней войны, так после нее,—не в эту, так в ближайшую следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны не только будут запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовывать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и „своей" страны и „чужих" стран.

II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм и да здравствует очищенный не только от „перебежчиков" (как желает „Голос"), но и от оппортунизма III Интернационал.

II Интернационал выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую „мирную" эпоху самого жестокого капиталистического рабства и самого быстрого капиталистического прогресса последней трети XIX и начала XX века. III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма.

(1 ноября 1914 г.)

ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ФРАКЦИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ)

(Статья Г. Зиновьева. Помещена в сборнике „Против течения").

На боевом посту.

Правительство Николая Романова решило повторить то преступление, которое оно в 1907 г. совершило по отношению ко втородумской с.-д. фракции. По случаю „освободительной" войны царская шайка находит благовременным освободить себя от представительства рабочего класса в Государственной Думе.

С.-Петербургское телеграфное агентство специальной депешей передает следующее правительственное сообщение.

„С самого начала войны народ русский, об‘единившись в сознании необходимости защитить достоинство и целость родины, дружно, с патриотическим под‘емом помогал государственной власти в осуществлении ее задач, вызванных военными действиями.

Совершенно особое положение в этом отношении заняли некоторые члены соц.-демократических обществ, которые поставили целью своей деятельности поколебать военную мощь России путем агитации против войны, посредством подпольных воззваний и устной пропаганды. В октябре правительство получило сведения о предполагаемом созыве тайной конференции представителей социал-демократических организаций для обсуждения мероприятий, направленных к разрушению русской государственности и к скорейшему осуществлению мятежных социалистических задач.

4 ноября полиция выяснила, что заседание упомянутой конференции происходит в одном из домов на Выборгском шоссе, в 12 верстах от Петрограда; прибывший на место наряд полиции застал там одиннадцать человек, среди коих были, как потом оказалось, члены Государственной Думы—Петровский, Бадаев, Муранов, Самойлов и Шагов. Так как противогосударственное значение конференции не подлежало сомнению, то участники собрания, застигнутые на месте преступления, после обыска были задержаны, а члены Государственной Думы были отпущены.

По поводу описанного, судебный следователь петроградского окружного суда по особо важным делам Машкевич немедленно приступил к производству предварительного следствия.

Ознакомившись с бумагами, найденными при обыске, судебный следователь постановил всех участников конференции привлечь в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотренном ст. 102 (ч. 1) угол. улож. и заключил под стражу.

Вечером 8 ноября в Госуд. Думу на имя председателя М. В. Родзянко поступило сообщение министра юстиции, что „члены Гос. Думы Бадаев, Самойлов, Муранов, Шагов и Петровский привлечены к судебной ответственности по ч. 1 ст. 102 уг. улож. и после допроса их судебным следователем по особо важным делам при петроградском окружном суде Машкевичем подвергнуты, по постановлению следователя, личному задержанию“.

Мы не знаем еще, в какой мере лживо официальное сообщение СПБ. телегр. агентства, каким провокатором подброшены уличающие документы и т. д. Мы не знаем еще также, какими „юридическими“ доводами защищает черносотенное правительство то явное издевательство, даже над своими собственными законами, которые оно совершило, нарушивши депутатскую неприкосновенность и арестовавши наших товарищей из РС-ДР фракции. Но ясно одно: правительство создает „обстановку“ для первого каторжного процесса против с.-д. депутатов, оно готовит новое дело о „заговоре“.

Меч занесен над нашей Российской Социал-Демократической Рабочей фракцией.

Вместе с тем ясно и другое: Рос. Соц.-Дем. Рабочая фракция заслужила особенно почетную для нее ненависть правительства тем, что она действительно шла с рабочим авангардом и выполняла свой долг перед русским рабочим классом, перед социализмом и демократией. Вся деятельность молодой фракции была поистине прекрасной, блестящей страницей в истории русского рабочего движения. В течение одного неполного года РС-ДР фракция несмотря на все неблагоприятные условия, сумела связаться с самыми широкими рабочими массами России, сумела стать единственным выразителем пролетарских чаяний и мыслей, сумела заслужить постоянную поддержку и горячую любовь со стороны всей лучшей части российского пролетариата. И эта фракция осталась на своем боевом посту и в тяжелое время войны. Она и тут осталась плотью от плоти русского рабочего движения. Она и тут не перестала быть выразительницей всего, что есть в нашем движении мыслящего, героического, светлого, готового к самопожертвованию...

Заслуга РС-ДР фракции тем больше, что ей пришлось теперь действовать при особо тяжелых внешних обстоятельствах.

Развал Интернационала, печальное поведение многих представителей международного социализма, удар в спину со стороны некоторых „авторитетных" русских социалистов, внезапно ставших „патриотами",— все это должно было неимоверно затруднить выполнение социалистического долга. Было время, когда и германская социал-демократия находила в себе мужество выполнять свой долг, несмотря на военный режим. В сентябре 1870 г. все деятели Брауншвейгского Центрального Комитета Герм. С.-Д. П. были арестованы за протест против аннексии Эльзаса-Лотарингии и выражение братских чувств французским рабочим. Было время, когда германских с.-д. депутатов Либкнехта, Бебеля сажали в тюрьму за мужественное слово против династических войн, за выражение солидарности с незабвенными героями Парижской Коммуны. Так было в 1872 г., когда в Лейпциге Бебель и Либкнехт были присуждены к 2-м годам тюрьмы. Это время—увы—миновало. Германская социал-демократия прошла длинный, слишком длинный этап от „солдата революции" Вильгельма Либкнехта до... г-на Зюдекума. В нынешнюю тяжелую, слишком тяжелую годину честь международного социализма спасет юное, но полное духовных сил русское рабочее движение и его героев...

Золотую страницу вписывает РС-ДР фракция не только в историю нашего русского движения, но и в историю всего Интернационала. Пролетарии России справедливо гордились своими рабочими депутатами. И мы действительно вправе гордиться тем, что в нашей стране наши товарищи и друзья, вышедшие из недр самой рабочей массы, продолжают славнейшие, благороднейшие традиции международного социализма.

Шовинизм сделал и в России опустошительные завоевания. У залитого кровью Романовского трона столпились „жадной толпой“ не только алчное дворянство, не только разбойники и проходимцы из военной партии, но и вся буржуазия, весь цвет российского либерализма. Даже многие „демократы“ уверовали в освободительную миссию царского оружия. „Россия едина“, „Россия поддерживает, как один человек, освободительную войну“, кричат со всех крыш и нововременцы и либералы. Вы лжете, господа, вы бесстыдно лжете, отвечаем мы им. Нет, Россия не едина. И в эти дни, когда поля Польши, Галиции и Пруссии обильно поливаются кровью сотен тысяч сынов России, русских рабочих, русских пахарей; и в эти дни, когда, забывши честь и совесть, все спешит на службу к денежному мешку и разнузданной власти солдатчины; и в эти дни, когда в разгаре шовинистической оргии палачи свободы куют цепи для Украины, для Галиции и вместе с тем для самого русского народа; и в эти дни, когда в нашей стране задушено окончательно всякое слово и героями дня являются лакеи и холопы печати;—и в эти дни есть 2 России: Россия Меньшиковых, Романовых, Милюковых, Бобринских и Россия рабочая, Россия пролетарская, Россия, которая выдвинула из своих рядов Петровского, Бадаева, Муранова, Шагова и Самойлова. Своим официальным правительственным сообщением царская Россия сама красноречиво подтвердила, что это именно так.

Мы не знаем, как откликнется сейчас российский пролетариат на покушение против его думской фракции. При иных условиях ответом были бы стотысячные, если не миллионные, стачки и демонстрации... Мы не знаем даже, удастся ли русским прокурорам и судьям, при всех подлогах и подтасовках, „обвинить“ по суду РС-ДР фракцию, которая даже при русских законах или русском беззаконии имела самое бесспорное право совещаться с рабочими группами. Но мы твердо знаем, что все оставшееся верным социалистическому знамени во всем мире всеми помышлениями будет с Российской Социал-Демократической Рабочей фракцией...

Из первых откликов иностранной социалистической печати на покушение против РС-ДР фракции. Швейцарская с.-д. газета пишет:

„Обвинение, брошенное русским товарищам, является блестящим свидетельством того, что они выполняют свой революционный долг при самых тяжелых условиях, какие только можно себе представить. К сожалению, этого же нельзя сказать о социалистических партиях других воюющих государств. И преследования против русских товарищей, подавление революционного движения в России ни в коем случае не оправдывают „борцов против московского ига“. Ибо эти „борцы“ подверглись бы у себя тем же гонениям, если бы они исполнили свой революционный долг и выступили бы против империалистической войны, которая в каждой стране направлена против интересов рабочих“.

МАНИФЕСТ ЦЕНТР. КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ СОЦ.-ДЕМ. ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ) (1914 г.)

(Впервые напечатан в центральном органе партии „Социал-Демократ" от 1 ноября 1914 года).

Европейская война, которую в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее осталых, восточно-европейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж его богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, раз'единение и националистическое одурачение рабочих и истребление авангарда их в целях ослабления революционного движения пролетариата—таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны.

На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и „патриотические" фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией в защиту войны.

Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле именно эта буржуазия, лакействуя перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России. На деле эта буржуазия вместе с юнкерами направит все свои усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России.

На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран—Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и разрешенные Россией и Францией.

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на

свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы.

На деле целью борьбы английской и французской буржуазии является захват немецких колоний и разорение конкурирующей нации, отличающейся более быстрым экономическим развитием. И для этой благородной цели „передовые“ демократические нации помогают дикому царизму еще более душить Польшу, Украину и т. д., еще более давить революцию в России.

Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно, гражданской войны против буржуазии как „своей“ страны, так и „чужих“ стран, для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается возвеличить значение „своей“ национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради гребежа и захвата земель, а ради „освобождения“ всех других народов, кроме своего собственного.

Но чем усерднее стараются правительства и буржуазия всех стран раз'единить рабочих и направить их друг на друга, чем свирепее применяется для этой возвышенной цели система военных положений и военной цензуры (гораздо более преследующей даже теперь, во время войны, „внутреннего“, чем внешнего врага),—тем настоятельнее долг сознательного пролетариата отстоять свое классовое сплочение, свой интернационализм, свои социалистические убеждения против разгула шовинизма „патриотической“ буржуазной клики всех стран. Отказаться от этой задачи значило бы со стороны сознательных рабочих отказаться от всех своих освободительных и демократических, не говоря уже о социалистических, стремлений.

С чувством глубочайшей горечи приходится констатировать, что социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили, а поведение вождей этой парти—в особенности немецкой — граничит с прямой изменной делу социализма. В момент величайшей всемирной исторической важности большинство вождей теперешнего, второго (1889—1914), социалистического Интернационала пытается подменить социализм национализмом. Благодаря их поведению, рабочие партии этих стран не противопоставляли себя преступному поведению правительств, а призвали рабочий класс слить свою позицию с позицией империалистических правительств. Вожди Интернационала совершили измену по отношению к социализму, голосуя за военные кредиты, повторяя шовинистические („патриотические“) лозунги буржуазии „своих“ стран, оправдывая и защищая войну, вступая в буржуазные министерства воюющих стран и т. д. и т. д. Влиятельнейшие социалистические вожди и влиятельнейшие органы социалистической печати современной Европы стоят на шовинистически-буржуазной и либераль-

ной, отнюдь не на социалистической, точке зрения. Ответственность за это опозорение социализма ложится прежде всего на немецких соц.-демократов, которые были самой сильной и влиятельной партией II Интернационала. Но нельзя оправдать и французских социалистов, принимающих министерские посты в правительстве той самой буржуазии, которая предавала свою родину и соединилась с Бисмарком для подавления Коммуны.

Германские и австрийские с.-д. пытаются оправдать свою поддержку войны тем, что этим самым они будто бы борются против русского царизма. Мы, русские с.-д., заявляем, что такое оправдание считаем софизмом. Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры. Во главе этого движения все время шел российский рабочий класс. Миллионные политические стачки последних лет шли под лозунгом низвержения царизма и требования демократической республики. Не далее, как накануне войны, президент французской республики Пуанкаре во время своего визита Николаю II сам мог видеть на улицах Петербурга баррикады, построенные руками русских рабочих. Ни перед какими жертвами не останавливался российский пролетариат, чтобы освободить все человечество от позора царской монархии. Но мы должны сказать, что если что может при известных условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешняя война, отдавшая на службу реакционным целям царизма денежный мешок английской, французской и русской буржуазии. И если что может затруднить революционную борьбу российского рабочего класса против царизма, так это именно поведение вождей германской и австрийской соц.-демократии, которое не перестает нам ставить в пример шовинистская печать в России.

Если даже допустить, что недостаток сил у германской соц.-демократии был так велик, что мог заставить ее отказаться от каких бы то ни было революционных действий, то и в этом случае нельзя было присоединиться к шовинистическому лагерю, нельзя было делать шагов, по поводу которых итальянские социалисты справедливо заявили, что вожди германских соц.-демократов бесчестят знамя пролетарского Интернационала.

Наша партия, Российская С.-Д. Рабочая партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыто, множество наших товарищей арестовано и сослано. Но наше парламентское представительство—Российская С.-Д. Рабочая фракция в Государств. Думе—сочло своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть залу заседания Думы для еще более энергичного выражения своего протеста, сочло долгом заклеймить политику европейских правительств, как империалистическую. И, несмотря на удесятеренный гнет царского правительства, товарищи-

рабочие в России уже издают первые нелегальные воззвания против войны, исполняя долг перед демократией и Интернационалом.

Если представители революционной соц.-демократии в лице меньшинства немецких с.-д. и лучших с.-д. в нейтральных странах испытывают жгучее чувство стыда по поводу этого краха II Интернационала; если голоса социалистов против шовинизма большинства с.-д. партий раздаются и в Англии, и во Франции; если оппортунисты (в лице, например, германского „Социалистического Ежемесячника"), давно стоящие на национал-либеральной позиции, вполне законно торжествуют свою победу над европейским социализмом,—то наихудшую услугу пролетариату оказывают те колеблющиеся между оппортунизмом и революционной соц.-демократией (подобно „центру" в германской с.-д. партии), которые пытаются замалчивать или прикрывать дипломатическими фразами крах II Интернационала.

Напротив, надо открыто признать этот крах и понять его причины, чтобы можно было строить новое, более прочное социалистическое сплочение рабочих всех стран.

Оппортунисты сорвали решения Штутгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов, обязывавшие социалистов всех стран бороться против шовинизма при всех и всяких условиях, обязывавшие социалистов на всякую войну, начатую буржуазией и правительствами, отвечать усиленной проповедью гражданской войны и социальной революции. Крах II Интернационала есть крах оппортунизма, который выращивался на почве особенностей миновавшей (так наз. „мирной") исторической эпохи и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале. Оппортунисты давно подготовляли этот крах, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом; отрицая классовую борьбу с ее необходимым превращением в известные моменты в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов; проповедуя буржуазный шовинизм под названием патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая основную истину социализма, изложенную еще в Коммунистическом Манифесте, что рабочие не имеют отечества; ограничиваясь в борьбе с милитаризмом сантиментально-мещанской точкой зрения вместо признания необходимости революционной борьбы пролетариев всех стран против буржуазии всех стран; превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизировании этой легальности и забвения обязательности нелегальных форм организации и агитации в эпохи кризисов. Естественное „дополнение" оппортунизма—столь же буржуазное и враждебное пролетарской, т. е. марксистской, точке зрения,—анархосиндикалистское течение ознаменовало себя не менее позорно самодовольным повторением лозунгов шовинизма во время современного кризиса.

Нельзя выполнить задачи социализма в настоящее время, нельзя осуществить действительное интернациональное сплочение рабочих без

решительного разрыва с оппортунизмом и раз'яснением массам неизбежности его фиаско.

Задачей соц.-демократии каждой страны должна быть в первую голову борьба с шовинизмом данной страны. В России этот шовинизм всецело охватил буржуазный либерализм („кадеты") и частью народников вплоть до с.-р. и „правых" с.-д. (В особенности обязательно заклеймить шовинистские выступления, напр., Е. Смирнова, П. Маслова и Г. Плеханова, подхваченные и широко используемые буржуазно-„патриотической" печатью).

При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских соц.-демократов, не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии.

Ближайшим политическим лозунгом соц.-демократии Европы должно быть образование республиканских Соединенных Штатов Европы, при чем в отличие от буржуазии, которая готова „обещать" что угодно, лишь бы вовлечь пролетариат в общий поток шовинизма, соц.-демократы будут раз'яснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской.

В России задачами соц.-демократии в виду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, должны быть попрежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация помещичьих земель и 8-ми часовой рабочий день. Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции, который становится тем насущнее, чем больше ложатся тяжести войны на плечи пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы, после ужасов современного „патриотического" варварства в обстановке гигантских технических успехов крупного капитализма.

Использование буржуазией законов военного времени для полного затыкания рта пролетариату ставит перед ним безусловную задачу создания нелегальных форм агитации и организации. Пусть оппортунисты „берегут" легальные организации ценой измены своим убеждениям, революционные соц.-демократы используют организационные навыки и связи рабочего класса для создания соответствующих эпохе кризиса нелегальных форм борьбы за социализм и сплочения рабочих не с шовинистской буржуазией своей страны, а с рабочими всех стран. Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал. Ныне-

шнее торжество оппортунизма не долговечно. Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны.

Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко-развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму.

Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран.

Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма.

Центральный Комитет Российской С.-Д. Рабочей Партии (большевиков).

РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ ЗАГРАНИЧНЫХ СЕКЦИЙ РОС. СОЦ.-ДЕМ. ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ) О ВОЙНЕ (1915 г.)

Конференция заграничных секций Р. С.-Д. Р. П. большевиков в Берне в марте 1915 г. В порядке дня были вопросы об отношении революционной соц.-демократии к империалистической войне и к II Интернационалу.

РЕЗОЛЮЦИИ КОНФЕРЕНЦИИ.

Стоя на почве манифеста Ц. К., напечатанного в № 33 „Социал-Демократа“, конференция для большей планомерности пропаганды устанавливает следующие положения:

1. О характере войны.

Современная война имеет империалистический характер. Эта война создана условиями эпохи, наиболее существенное значение имеет уже не только вывоз товаров, но и вывоз капитала; когда картеллирование производства и интернационализация хозяйствен-

ной жизни достигли значительных размеров; когда колониальная политика привела к разделу почти всего земного шара; когда производительные силы мирового капитализма переросли ограниченные рамки национально-государственных делений; когда вполне созрели об'ективные условия осуществления социализма.

2. О лозунге „защиты отечества".

Действительная сущность современной войны заключается в борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующих стран и в стремлении царизма и правящих классов России к захвату Персии, Монголии, Азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т. д. Национальный элемент в австро-сербской войне имеет совершенно подчиненное значение, не меняя общего империалистического характера войны.

Вся экономическая и дипломатическая история последних десятилетий показывает, что обе группы воюющих наций систематически готовили именно такого рода войну. Вопрос о том какая группа нанесла первый военный удар или первая об'явила войну, не имеет никакого значения при определении тактики социалистов. Фразы о защите отечества, об отпоре вражескому нашествию, об оборонительной войне и т. п. с обеих сторон являются сплошным обманом народа.

В основе действительно национальных войн, какие имели место особенно в эпоху 1789—1871 годов, лежал длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета и создания государств на национальной основе, как предпосылки капиталистического развития.

Созданная этой эпохой национальная идеология оставила глубокие следы в массе мелкой буржуазии и части пролетариата. Этим пользуются теперь в совершенно иную, империалистическую эпоху софисты буржуазии и плетущиеся за ними изменники социализму для раскалывания рабочих и отвлечения их от классовых задач и от революционной борьбы с буржуазией.

Больше чем когда бы то ни было, верны теперь слова „Коммунистического Манифеста", что „рабочие не имеют отечества". Только интернациональная борьба пролетариата против буржуазии может охранить его завоевания и открыть угнетенным массам путь к лучшему будущему.

3. Лозунги революционной социал-демократии.

Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалисткой войны между высокоразвитыми буржуазными странами.

Гражданская война, к которой революционная социал-демократия зовет в настоящую эпоху, есть борьба пролетариата с оружием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию в России (демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель), за республику в остальных монархических странах вообще и т. д.

Крайние бедствия для масс, создаваемые войной, не могут не порождать революционных настроений и движений, для обобщения и направления которых должен служить лозунг гражданской войны.

В настоящий момент организация рабочего класса сильно разбита. Но революционный кризис тем не менее назревает. После войны господствующие классы во всех странах еще больше напрягут свои усилия к тому, чтобы отбросить назад на долгие десятилетия освободительное движение пролетариата. Задача революционной социал-демократии как в случае быстрого темпа революционного развития, так и в случае затяжного характера кризиса, будет не отказываться от длительной повседневной работы, не пренебрегать ни одним из прежних методов классовой борьбы. Ее задачей будет и парламентаризм и экономическую борьбу направлять против оппортунизма в духе революционной борьбы масс.

Как первые шаги по пути превращения современной империалистической войны в гражданскую войну, надо указать: 1) безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный разрыв с политикой „национального мира" („национальный блок", „бургфриден"); 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение, отменяют конституционные свободы; 4) поддержка братания солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще.

4. Оппортунизм и крах II Интернационала.

Крах II Интернационала есть крах социалистического оппортунизма. Последний вырос, как продукт предыдущей „мировой" эпохи развития рабочего движения. Эта эпоха научила рабочий класс таким важным средствам борьбы, как использование парламентаризма и всех легальных возможностей, создание массовых экономических и политических организаций, широкой рабочей прессы и т. д. С другой стороны, эта эпоха породила тенденцию к отрицанию классовой борьбы и к проповеди социального мира, к отрицанию социалистической революции, к принципиальному отрицанию нелегальных организаций, к признанию буржуазного патриотизма и т. д. Известные слои рабочего класса (бюрократия в рабочем движении и рабочая аристократия, которой перепадала частичка доходов от эксплоатации колоний и от привилегированного

положения их „отечества“ на мировом рынке), а также мелкобуржуазные попутчики внутри социалистических партий явились главной социальной опорой этих тенденций и проводниками буржуазного влияния на пролетариат.

Губительное влияние оппортунизма особенно ярко проявилось в политике большинства официальных с.-д. партий II Интернационала во время войны. Голосование кредитов, вхождение в министерства, политика „гражданского мира“, отказ от нелегальной организации в то время, когда легальность отнята, означает срыв важнейших решений Интернационала и прямую измену социализму.

5. III Интернационал.

Созданный войной кризис обнаружил действительную сущность оппортунизма, показав его в роли прямого пособника буржуазии против пролетариата. Так называемый с.-д. „центр“, с Каутским во главе, на деле вполне скатился к оппортунизму, прикрывая его особо вредными лицемерными фразами и фальсифицированием марксизма под империализм. Опыт показывает, что, например, в Германии только решительное нарушение воли большинства верхами партии дало возможность выступить с защитой социалистической точки зрения. Было бы вредной иллюзией надеяться на восстановление действительно социалистического Интернационала без полного организованного размежевания с оппортунистами.

Р. С.-Д. Р. П. должна поддерживать всяческие интернацональные и революционно массовые выступления пролетариата, стремясь к сближению всех антишовинистских элементов Интернационала.

6. Пасифизм и лозунг мира.

Одной из форм одурачения рабочего класса является пасифизм и абстрактная проповедь мира. При капитализме, и особенно в его империалистической стадии, войны неизбежны. А с другой стороны, с.-д. не могут отрицать позитивного значения революционных войн, т. е. не империалистических войн, а таких, которые велись, например, от 1789 г. до 1871 г. ради свержения национального гнета и создания из феодально-раздробленных национальных капиталистических государств, или которые возможны для охраны завоеваний побеждающего в борьбе с буржуазией пролетариата.

Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран. В частности, глубоко ошибочна мысль о возможности так называемого демократического мира без ряда революций.

7. Поражение царской монархии.

В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, не должна останавливаться перед возможностью в результате революционной агитации поражения этой страны. Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению порабощенных им народностей и облегчает гражданскую войну против правящих классов.

В применении к России это положение особенно верно. Победа России влечет за собой усиление мировой реакции, усиление реакции внутри страны и сопровождается полным порабощением народов в уже захваченных областях. В силу этого поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом.

8. Отношение к другим партиям и группам.

Война, вызвав разгул шовинизма, обнаружила подчинение ему и демократической (народнической) интеллигенции, и партии с.-р., при полной неустойчивости их оппозиционного течения в „Мысли“, и основного ядра ликвидаторов („Наша Заря“), поддержанного Плехановым. Фактически на стороне шовинизма стоят и Организационный Комитет, начиная с замаскированной поддержки его Лариным и Мартовым до принципиальной защиты идей патриотизма Аксельродом, и Бунд, у которого преобладает шовинизм германофильский. Брюссельский (3 августа 1914 г.) блок совершенно распался. А элементы, группирующиеся вокруг „Н.Сл.“, колеблются между платоническим сочувствием интернационализму и стремлением единства во что бы то ни стало с „Нашей Зарей“ и Орг. Ком. Также колеблется с.-д. фракция Чхеидзе, с одной стороны исключившая плехановца, т. е. шовиниста Манькова, с другой стороны желающая во что бы то ни стало прикрыть шовинизм Плеханова, „Нашей Зари“, Аксельрода, Бунда и т. д.

Задачей С.-Д. Рабочей партии в России является дальнейшее укрепление пролетарского единства, созданного в 1912—1914 гг. всего более „Правдой“, восстановление партийных с.-д. организаций рабочего класса на базе решительного организационного размежевания с социал-шовинистами. Временные соглашения допустимы только с теми с.-д., которые стоят за решительный организационный разрыв с Орг. Ком., „Нашей Зарей“ и Бундом.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА ЗА МИР БЕЗ НАСИЛИЯ И ГРАБЕЖА

(Из манифеста 1-й конференции в Циммервальде, 1915 г.)

Рабочие!

Эксплоатируемых, бесправных, униженных вас при возникновении войны, когда нужно было посылать вас на бойню, навстречу смерти, назвали товарищами и братьями. А теперь, когда милитаризм вас увечит, терзает, унижает и губит, правящие требуют от вас отказа от ваших интересов, ваших целей, ваших идеалов, словом: рабского подчинения так называемому национальному единству. Вас лишают возможности выражать ваши взгляды, ваши чувства, вашу скорбь, вам не дают выдвигать ваши требования и отстаивать их. Пресса подавлена, политические права и свободы растоптаны ногами—военная диктатура правит бронированным кулаком.

Мы не можем, мы не смеем более молчаливо переносить это положение, которое угрожает всей будущности Европы и человечества. В течение десятилетий социалистический пролетариат вел борьбу против милитаризма. С возрастающей тревогой его представители занимались на национальных и интернациональных с'ездах вопросом о все более угрожающе выраставшей из империализма опасности войны. В Штутгарте, в Копенгагене, в Базеле международные социалистические конгрессы указали пролетариату пути борьбы.

Социалистические партии и рабочие организации разных стран, участвовавшие в этих постановлениях, попрали однако с начала войны ложившиеся на них обязательства. Их представители призвали рабочих к приостановке классовой борьбы, единственно возможного и действительного средства освобождения пролетариата. Они голосовали за военные кредиты в распоряжение господствующих классов, они предоставили себя в распоряжение правительств для разных услуг, через посредство своей прессы и особых послов они пытались перетянуть нейтральных на сторону политики своих правительств, они предоставили под видом социалистических министров своим правительствам заложников для охранения национального единения, и таким образом они взяли на себя перед рабочим классом, перед его настоящим и будущим, ответственность за эту войну, за ее цели и за ее методы. И подобно отдельным партиям, несостоятельным оказалось также и признанное представительство социалистов всех стран: международное социалистическое бюро.

Эти обстоятельства являются одной из причин того, что интернациональный рабочий класс, который не поддался национальной панике первого периода войны или освободился от нее, еще до сих пор, во втором году резни народов, не нашел никаких средств и путей, чтобы приступить к решительной борьбе за мир одновременно во всех странах.

В виду этого нетерпимого положения собрались мы, представители социалистических партий, профессиональных союзов и их меньшинств мы, немцы, французы, итальянцы, русские, поляки, латыши, румыны, болгары, шведы, норвежцы, голландцы и швейцарцы, мы, которые не стоим на почве национальной солидарности с классом эксплоататоров, а на почве интернациональной солидарности пролетариата и на почве классовой борьбы, мы собрались для того, чтобы вновь восстановить прерванные международные связи и призвать рабочий класс вспомнить о своем долге по отношению к самому себе и приступить к борьбе за мир.

Эта борьба есть борьба за свободу, за братство народов, за социализм. Необходимо начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций. Такой мир возможен только при осуждении всяких помыслов о насилии над правами и свободами народов. Занятие целых стран или их отдельных частей не должно вести к насильственному присоединению. Никаких аннексий—ни открытых, ни скрытых,—никаких насильственных экономических присоединений, которые вследствие неизбежно связанного с ними политического бесправия носят еще более невыносимый характер. Самоопределение наций должно быть непоколебимой основой национальных отношений.

Пролетарии!

С начала войны вы отдали вашу действенную силу, вашу отвагу, вашу выносливость на службу господствующим классам. Теперь вы должны начать борьбу за свое собственное дело, за священную цель социализма, за освобождение подавленных народов и порабощенных классов, путем непримиримой пролетарской классовой борьбы.

Задача и обязанность социалистов воюющих стран—поддержать действительными средствами своих братьев в этой борьбе против кровавого варварства.

Никогда раньше в мировой истории не было более настоятельной, более высокой, более благородной задачи, выполнение которой должно явиться нашим общим делом. Нет таких жертв, нет таких тягот, которые были бы слишком велики для достижения этой цели—мира между народами.

Рабочие и работницы. Матери и отцы. Вдовы и сироты. Раненые и искалеченные. Ко всем вам, кто страдает от войны и через войну, ко всем вам мы взываем—

Через границы, через дымящиеся поля битв, через разрушенные города и деревни:

Пролетарии всех стран, об'единяйтесь!

К РАЗОРЯЕМЫМ И УМЕРЩВЛЯЕМЫМ НАРОДАМ (ДОЛОЙ ВОЙНУ!)

(Манифест второй „циммервальдской“ социалистической конференции в Киентале, 1916 г.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Два года мировой войны. Два года опустошения. Два года кровавых жертв и бешенства реакции.

Кто несет за это ответственность? Кто скрывается за теми, которые бросили пылающий факел в бочку с порохом? Кто давно уже хотел войны и подготовлял ее?

Это—господствующие классы.

Когда мы, социалисты воюющих и нейтральных стран, в сентябре 1915 года, не взирая на кровавую свалку, протянули друг другу руки и среди бешенства разгоревшихся военных страстей об‘единились в Циммервальде, мы сказали в нашем манифесте:

Правящие силы капиталистического общества, в руках которых покоились судьбы народов,—монархические, равно как и республиканские правительства, тайная дипломатия, могущественные предпринимательские организации, буржуазные партии, капиталистическая пресса, церковь—все они несут на себе всю тяжесть ответственности за эту войну, которая возникла из питающего их и ими охраняемого общественного порядка и ведется в их интересах.

„Каждая нация,—сказал Жорес за несколько дней до своей смерти,—неслась с горящим факелом по улицам Европы“.

Уложив миллионы людей в могилу, повергнув в горесть миллионы семей, превратив миллионы во вдов и сирот, нагромоздив развалины на развалины и разрушив незаменимые культурные ценности, **война попала в тупик.**

Несмотря на горы жертв на всех фронтах, никаких решающих результатов. Чтобы только поколебать эти фронты, правительства должны были бы пожертвовать новые миллионы людей.

Ни победителей, ни побежденных, или вернее, все побежденные, то-есть все изошли кровью, все разорены, все истощены,—таков итог этой полной ужасов войны... Таким образом фантастические мечты господствующих классов об империалистическом мировом господстве не сбылись.

И вновь обнаружилось, что только те социалисты сослужили службу интересам народов, которые, несмотря на клевету, выступили против националистического безумия и потребовали немедленного мира без аннексий.

Об‘единимся поэтому под боевым лозунгом:

Долой войну! Да здравствует мир!

Рабочие городов и деревень!

Правительства, империалистические клики и их пресса говорят вам, что нужно вести войну до конца, чтобы освободить угнетенные народы. Из всех средств обмана, пущенных в ход во время этой войны, это средство самое грубое. Истинная цель этой всеобщей бойни, это обеспечение для одних того, что они награбили в течение столетий, в течение многих войн; другие хотят нового раздела мира, чтобы увеличить свои владения; они хотят аннексировать новые области, разорвать на части народы, низвести их к роли простых рабов и илотов.

Ваши правительства и их пресса говорят вам, что войну необходимо продолжать, чтобы уничтожить милитаризм.

Не давайте себя обманывать. Милитаризм той или иной нации может быть низвергнут только ею самою, и во всех странах надо его преодолеть.

Ваши правительства и их пресса говорят вам также, что войну надо продолжать, чтобы сделать ее последней.

Но и это обман. Никогда война не убивала войны. Наоборот, она пробуждает желание возмездия,—насилие порождает насилие. Таким образом после каждой жертвы наши мучители будут требовать от вас новых жертв, и из этого заколдованного круга не могут вывести вас и буржуазные пацифисты.

Существует одно лишь естественное средство помешать будущим войнам: это завоевание политической власти и отмена капиталистической собственности рабочим классом.

„Прочный мир“ будет плодом победы социализма.

Пролетарии!

Кто проповедует „войну до конца“, „до победы“? Это виновники войны: продажная пресса, военные поставщики и все те, кто наживается на войне; это социал-патриоты, повторяющие буржуазные военные лозунги; это реакционеры, которые в глубине души радуются, что на полях битвы погибают те, кто вчера еще был угрозой привилегиям господствующих классов; социалисты, члены профессиональных союзов, все те, кто сеял семена социализма в городе и деревне.

Вот сторонники политики войны до конца.

Они располагают государственной властью, они командуют лживой прессой, отравляющей народы, они пользуются свободой агитации за продолжение войны, за продолжение кровавых жертв и опустошений.

Жертвами являетесь вы: вы имеете право голодать и молчать, для вас цепи военного положения, цензурный намордник, мертвый воздух тюрьмы.

Вы, народ, трудящиеся массы, вы делаетесь жертвами войны, а между тем эта война не ваша.

В траншеях, на передовых позициях, находитесь вы, трудящийся сельский и городской люд.

Позади фронта видите вы богатых с их приспешниками, скрывающихся в безопасности.

Для них война—это смерть других.

И, ведя свою классовую борьбу против вас еще в более острой форме, чем раньше, они проповедуют вам гражданский мир. Беспощадно эксплоатируя вашу беду, вашу нужду, они хотят побудить вас изменить вашему долгу по отношению к своему классу и вырвать у вас из души вашу лучшую силу—надежду на социализм.

Еще яснее, чем в мирное время, выступает во время войны социальная несправедливость и классовое господство.

Во время мира капиталистическая система отнимает у рабочего всякую радость в жизни, во время войны она отнимает у него все, даже жизнь.

Довольно убийств! Довольно страданий!

Довольно также опустошений.

Ибо на вас, на трудящихся, обрушиваются ныне и будут обрушиваться потом эти нагроможденные развалины.

Сотни миллионов бросаются теперь в пасть бога войны, и пропадают таким образом для благосостояния народа, для культурных целей и социальных реформ, которые могли бы облегчить ваш жребий, улучшить народное образование и ослабить нищету.

Но завтра новые тяжелые налоги лягут на ваши обремененные плечи.

Довольно растраты вашего труда, ваших денег, вашей жизненной силы.

Поднимемся на борьбу за немедленный мир без аннексей.

Пусть во всех воюющих странах трудящиеся мужчины и женщины выступят против войны и ее последствий, против нужды и лишений, против безработицы и дороговизны. Пусть они поднимут голос за восстановление отнятых у них гражданских свобод, за социальное законодательство, за требования трудящихся классов в городе и деревне.

Пусть пролетарии нейтральных стран помогают социалистам воюющих стран в их тяжелой борьбе и всеми силами противятся дальнейшему распространению области войны.

Пусть социалисты всех стран действуют согласно постановлениям международных конгрессов, которые гласят, что обязанностью рабочего класса является употребить все усилия, чтобы положить скорейший конец войне.

Оказывайте самое сильное давление, какое только можете, на ваших депутатов, на ваши правительства, на ваши парламенты.

Требуйте от представителей социалистических партий немедленного отказа от поддержки военной политики правительств. Требуйте от

социалистических депутатов, чтобы они отныне голосовали против всех военных кредитов.

Способствуйте всеми имеющимися у вас в распоряжении средствами скорейшему окончанию человеческой бойни.

Требуйте немедленного прекращения войны. Поднимайтесь на борьбу, разоряемые и умерщвляемые народы.

Смелей. Помните о том, что вы большинство и, если захотите, можете стать силой.

Пусть правительства увидят, что во всех странах растет ненависть к войне и желание социального искупления.

Тогда приблизится час мира среди народов. Долой войну!

Да здравствует мир немедленный, мир без аннексий!

Да здравствует международный социализм!

ГЕРМАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

(В. Мюнценберг. «Социалистические организации молодежи до и во время войны»).

Во время войны в Германии произошел раскол в пролетарском движении молодежи. Этот раскол предшествовал расколу в партии, и внутренняя партийная борьба только углубила пропасть, раз'единившую движение молодежи.

Уже до войны в Берлине, Дрездене, Штутгарте и других германских городах образовались среди молодежи оппозиционные группы, восставшие против „опеки“ молодежи берлинским центральным бюро.

Позиция, занятая после возникновения войны центральным бюро и его газетой „Рабочая Молодежь“, привела к окончательному разрыву с нараставшей уже много лет оппозицией.

Центральное бюро осталось верно себе. Кроме нескольких сентиментальных статей в газете „Рабочая Молодежь“ не появилось ни одной строки против войны. Мало того, в отдельных статьях, как например, в статье, посвященной памяти павшего во Франции добровольца Людвига Франка, прямо высказывалось сочувствие войне. В статье, помещенной в юношеском календаре центрального бюро за 1916 г. „Молодой Народ“ (озаглавленной „Мировая Война“), педагогический советник центрального бюро Генрих Шульц писал:

„К сожалению, наш призыв к миру еще ни разу не встретил отклика у наших противников. Прискорбным следствием этого является, что, пока исход войны зависит от успехов оружия, немецкие рабочие также должны рассчитывать на близкий мир, только надеясь на успехи немецкой армии. Чем скорее ей удастся путем военных успехов убедить противников Германии в невозможности сломить Германию, чем успешнее будет итти борьба с противником, тем скорее эти противники будут склоняться к миру“.

Вот что преподносили молодежи в качестве социалистических истин. Таким образом, молодые рабочие подпали влиянию прусской военной силы и были привлечены на сторону войны.

Даже среди грохота орудий и лязга штыков центральное бюро не сделало ничего, чтобы сообщить молодым рабочим самые необходимые социалистические знания. Журнал „Рабочая Молодежь" продолжал помещать массу статей по всевозможным отраслям знания; о падающих звездах, о допотопных животных, но на его столбцах не появилось ни одной строки о выдвинутых войной настоятельных задачах молодежи.... Молодежи предлагали попрежнему посещать дома молодежи и принимать участие в экскурсиях...

Приглашение на международную конференцию молодежи, созванную на пасху 1915 г. в Берне, центральное бюро германской рабочей молодежи отклонило.

Более того, когда, несмотря на „предостережение" центрального бюро, делегаты некоторых южно-германских оппозиционных групп молодежи самостоятельно отправились на бернскую конференцию, центральное бюро исключило их и начало против них организованную травлю. В результате однако это только укрепило оппозицию, которую центр хотел убить.

Оппозиция.

Оппозиция против центрального бюро возникла одновременно в разных местах Германии. Газета „Рабочая Молодежь" и календарь молодежи со статьей Шульца подверглись бойкоту; их массами отсылали обратно из Берлина, Штутгарта, Дрездена, Лейпцига и многих других городов.

Молодежь Штутгарта, Карлсруэ, Геттингена послала делегатов на бернскую конференцию, состоявшуюся на пасхе 1915 г. Это были первые немецкие социалистические группы молодежи, которые вошли в состав революционного Интернационала Молодежи.

Революционные идеи со стихийной силой завоевали сердца немецких молодых товарищей.

Первый номер „Интернационала Молодежи" [1]) пришлось распространять конспиративно вместе с листками и изданиями различных революционных групп („группа спартаковцев" и группа „международных социалистов"). Во многих местах Германии молодежь являлась главной опорой оппозиционных партийных групп и была носительницей революционной борьбы против войны. Революционное возбуждение охватило всю рабочую молодежь.

---

[1]) Журнал, издававшийся Исполкомом юношеского Интернационала с 1915 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ БЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МОЛОДЕЖИ О ВОЙНЕ

(В. Мюнценберг. „Социалистические организации молодежи до и во время войны").

Среди общего крушения рабочего Интернационала пролетарская молодежь оказалась единственной группой мирового пролетариата, не только сохранившей свою мировую организацию, но даже в сущности создавшей самую эту организацию лишь во время войны и во время дикого шовинистского опьянения впервые проведшей общие международные выступления.

БЕРНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Война порвала последние нити, которые уже до возникновения войны слабо связывали отдельные организации.

Однако уже в октябре 1914 г. по инициативе социалистических организаций Италии, Скандинавских стран и Швейцарии были приняты меры для проведения международной социалистической конференции молодежи или, по крайней мере, организации всех нейтральных стран.

Несмотря на наступившие вследствие войны почтовые и путевые затруднения, конференция состоялась на пасхе 1915 г. в Берне... На конференции по третьему пункту порядка дня: „Война и задачи отдельных социалистических организаций молодежи"—13 голосами против 3 была принята следующая резолюция:

„Международная социалистическая конференция молодежи, состоявшаяся 5 и 6 апреля 1915 года в присутствии делегатов 10 стран, подтверждает постановления международных социалистических конференций молодежи в Штутгарте, Копенгагене и Базеле, призывающие рабочую молодежь всех стран к борьбе против братоубийственной войны и милитаризма.

Конференция с глубоким сожалением констатирует, что, как социалистические организации взрослых, так и социалистические организации молодежи в большинстве стран при возникновении войны не действовали согласно упомянутым постановлениям.

Настоящая война есть результат империалистической политики правящих классов всех стран. Даже там, где война эта правящими классами и их правительствами признавалась войной оборонительной, она была лишь последствием враждебной народу и неразрывно связанной с капитализмом политики. Война находится в непримиримом противоречии с интересами рабочего класса, жизненную силу которого она подвергает опасности и уничтожает. Она парализует его организации и препятствует его действиям против международной эксплоатации.

Политика классового примирения и гражданского мира есть самоубийственная политика для социал-демократии, как партии пролетарской классовой борьбы, и обрекает на гибель насущные интересы и идеалы пролетариата.

Исходя из этих соображений, международная социалистическая конференция молодежи призывает к немедленному окончанию войны.

Она приветствует попытки отдельных партийных групп в воюющих странах в этом направлении, в особенности постановления международной пролетарской конференции о необходимости заставить правящие классы посредством классовой борьбы со стороны рабочих заключить мир. Она считает обязанностью товарищей в воюющих странах энергично поддерживать все более разрастающееся движение в пользу мира. От организаций молодежи нейтральных стран конференция ждет деятельной поддержки всех выступлений в пользу мира.

Конференция заявляет горячий протест против попыток поставить социалистические организации молодежи на службу буржуазному милитаризму и тем отвлечь рабочую молодежь от настоящей ее задачи социалистического воспитания и борьбы против капиталистической эксплоатации и милитаризма.

В виду ужасных последствий настоящей войны, беспощадно пользующейся едва вышедшей из школы молодежью в качестве пушечного мяса, конференция подтверждает необходимость беспрестанно раз'яснять молодым рабочим и работницам всех стран причины и сущность войны и милитаризма, как явлений, неизбежно сопровождающих капиталистический строй, воспитывать их в духе международной классовой борьбы и энергично собирать их под знаменем революционного социализма".

Этим конференция порвала с политикой невмешательства в партийные вопросы, проводившиеся много лет Интернационалом Молодежи, ясно высказалась в пользу точки зрения революционных групп и их тактики и против дружелюбных настроений по отношению к правительству части социалистических партий.

По тому же вопросу были приняты еще и другие предложения:

Скандинавское предложение большинством 9 против 5 голосов:

„Международная конференция социалистических организаций молодежи предлагает организациям молодежи всех стран работать в рабочем движении для достижения того, чтобы требование полного разоружения было включено в социалистическую программу в качестве отдельного пункта".

ПИСЬМА ИЗ ДАЛЕКА *)

Письмо четвертое.

Как добиться мира.

Царское правительство начало и вело настоящую войну, как империалистскую, грабительскую, разбойничью войну, чтобы грабить и душить слабые народы. Правительство Гучковых и Милюковых есть помещичье и капиталистическое правительство, которое вынуждено продолжать и хочет продолжать именно такую са-

*) Статья т. Ленина впервые появилась в печати в № 3—4 „Коммунистического Интернационала" за 1924 г. Она составляет продолжение серии ленинских „Писем из далека", написанных т. Лениным в 1917 г. в Цюрихе. Мы приводим ее не полностью.

мую войну. Обращаться к этому правительству с предложением заключить демократический мир—все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели.

Об'ясним нашу мысль.

Что такое империализм?

В своей брошюре: „Империализм, как высшая стадия капитализма", которая была доставлена издательству „Парус" еще до революции, принята им и об'явлена в журнале „Летопись", я ответил на этот вопрос так:

„Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами" (гл. 7 назв. брошюры, об'явленной в „Летописи", когда еще была цензура, под заглавием: В. Ильин. „Новейший капитализм").

Дело сводится к тому, что капитал вырос до громадных размеров. Союзы небольшого числа крупнейших капиталистов (картели, синдикаты, тресты) ворочают миллиардами и делят между собой весь мир. Земля вся поделена. Война вызвана столкновением двух могущественнейших групп миллиардов, англо-французской и немецкой, за передел мира.

Англо-французская группа капиталистов хочет в первую голову ограбить Германию, отняв ее колонии (почти все уже отняты), а затем Турцию.

Германская группа капиталистов хочет отнять Турцию себе и вознаградить себя за потерю колоний захватом соседних мелких государств (Бельгия, Сербия, Румыния).

Вот настоящая правда, прикрытая всяческой буржуазной ложью насчет „освободительной", „национальной" войны... войны „за право и справедливость" и тому подобными побрякушками, которыми капиталисты всегда одурачивают простой народ.

Россия ведет войну не на свои деньги. Русский капитал есть участник англо-французского. Россия ведет войну, чтобы ограбить Армению, Турцию, Галицию.

Гучков, Львов, Милюков, наши теперешние министры — не случайные люди. Они представители и вожди всего класса помещиков и капиталистов. Они связаны интересами капитала. Капиталисты не могут отказаться от своих интересов, как не может человек сам себя поднять за волосы.

Во-вторых, Гучков-Милюков и Комп. связаны англо-французским капиталом. Они на чужие деньги вели и ведут войну. Они обещали за занятые миллиарды платить ежегодно процентов сотни миллионов и выколачивать эту дань из русских рабочих и русских крестьян.

Втретьих, Гучков-Милюков с Комп. связаны прямыми договорами о разбойнических целях этой войны с Англией, Францией, Японией, Италией и другими группами капиталистов-разбойников. Эти договоры заключил еще царь Николай II. Гучков-Милюков и Комп. воспользовались борьбой рабочих против царской монархии, чтобы захватить власть, а договоры, заключенные царем, они подтвердили.

Это сделало все Гучковско-Милюковское правительство в своем манифесте, который „Петербургск. Тел. Агентство" по телеграфу сообщило за границу 7 (20) марта: „Правительство (Гучкова и Милюкова) верно соблюдает все договоры, соединяющие нас с другими державами"— говорится в этом манифесте. Новый министр иностранных дел Милюков заявил то-же самое в своей телеграмме всем представителям России за границей от 5 (18) марта 1917 г.

Эти договоры все тайные, и Милюков с Комп. не хотят огласить их по двум причинам: 1) они боятся народа, который не хочет грабительской войны, 2) они связаны англо-французским капиталом, требующим тайных договоров. Но всякий, читающий газеты и изучающий дело, знает, что в этих договорах говорится о грабеже Японией Китая, Россией Персии, Армении, Турции (Константинополь особенно), Галиции, Италией Албании, Францией и Англией Турции и германских колоний и т. д.

Таково положение дел.

Поэтому обращение к Гучковско-Милюковскому правительству с предложением заключить поскорее честный, демократический мир есть то же самое, что обращение доброго деревенского „батюшки" к помещикам и купцам с предложением жить „по-божески", любить своего ближнего и подставлять правую щеку, когда ударят по левой. Помещики и купцы слушают проповедь, продолжают утеснять и грабить народ и восторгаются тем, как хорошо умеет „батюшка" утешать и успокаивать „мужичков".

Совершенно такую же роль,—независимо от того, сознают они это, или нет,—играют все те, кто с добрыми речами о мире обращается к буржуазным правительствам во время настоящей империалистической войны. Буржуазные правительства иногда вовсе отказываются выслушивать такие речи и даже запрещают их, иногда позволяют их, раздавая направо-налево обещания, что они-то вот и воюют ради быстрейшего заключения „самого справедливого" мира, и что виноват только неприятель. Разговоры о мире, обращенные к буржуазным правительствам, оказываются на деле обманом народа.

Группы капиталистов, залившие землю кровью из-за дележа земель, рынков, концессий, не могут заключить „почетного" мира. Они могут заключить только позорный мир, мир о дележе награбленной добычи, о дележе Турции и колоний.

А Гучковско-Милюковское правительство, кроме того, вообще не согласно на мир в данный момент, ибо теперь оно получило бы из

„добычи“ „только“ Армению и часть Галиции, а оно хочет ограбить еще Константинополь, да еще отвоевать назад у немцев Польшу, которую всегда так бессовестно и бесстыдно угнетал царизм. Далее Гучковско-Милюковское правительство есть в сущности лишь приказчик англо-французского капитала, который хочет удержать награбленные у Германии колонии и, сверх того, заставить Германию отдать назад Бельгию и часть Франции. Англо-французский капитал помогал Гучковым и Милюковым сместить Николая II, чтобы они помогли ему „победить“ Германию.

Как же быть?

Чтобы добиться мира (и тем более, чтобы добиться действительно демократического, действительно почетного мира), надо, чтобы власть в государстве принадлежала не помещикам и капиталистам, а рабочим и беднейшим крестьянам. Помещики и капиталисты—ничтожное меньшинство населения; капиталисты, как вам известно, наживают бешеные деньги на войне.

Рабочие и крестьяне—огромное большинство населения. Они не наживаются на войне, а разоряются и голодают. Они не связаны ни капиталом, ни договорами между разбойничьими группами капиталистов: они могут и искренно хотят прекратить войну.

Если бы государственная власть в России принадлежала Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, эти Советы и выбранный ими Всероссийский Совет могли бы, наверное, согласиться осуществить программу мира, которую наша партия (Российская социалдемократическая рабочая партия) намечала еще 13 октября 1915 года в № 47 центрального органа этой партии—„Социалдемократе“ (издававшемся тогда в силу гнета царской цензуры в Женеве).

Эта программа мира была бы, наверное, такова:

1. Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (или заменяющий его временно Петербургский Совет) заявил бы тотчас, что никакими договорами ни царской монархии, ни буржуазных правительств он не связан.

2. Он опубликовал бы тотчас все эти договоры, чтобы передать публичному опозорению разбойничьи цели царской монархии и всех без исключения буржуазных правительств.

3. Он немедленно и открыто предложил бы всем воюющим державам тотчас заключить перемирие.

4. Он немедленно опубликовал бы во всенародное сведение наши рабоче-крестьянские условия мира:

освобождение всех колоний,

освобождение всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов.

5. Он заявил бы, что не ждет добра от буржуазных правительств, а предлагает рабочим всех стран свергнуть их и передать всю власть в государстве Советам Рабочих Депутатов.

Он заявил бы, что миллиардные долги, заключенные буржуазными

правительствами на ведение этой преступной, разбойничьей войны, могут уплачивать сами господа капиталисты, а рабочие и крестьяне этих долгов не признают. Платить проценты по этим займам — значит платить долгие годы дань капиталистам за то, что они милостиво разрешили рабочим убивать друг друга из-за дележа капиталистической добычи.

„Рабочие и крестьяне,—сказал бы Совет Рабочих Депутатов, — согласны ли вы платить сотни миллионов рублей ежегодно господам-капиталистам в награду за войну, которая велась из-за дележа африканских колоний, Турции и т. д.?"

Вот за эти условия мира Совет Рабочих Депутатов, по моему мнению, согласился бы вести войну против любого буржуазного правительства и против всех буржуазных правительств мира, потому что была бы действительно справедливая война, потому что все рабочие и трудящиеся всех стран помогли бы ее успеху.

Немецкий рабочий видит теперь, что воинственная монархия в России заменяется воинственной республикой, республикой капиталистов, желающих продолжать империалистскую войну, подтверждающих разбойничьи договоры царской монархии.

Судите сами, может ли доверять немецкий рабочий такой республике?

Судите сами, удержится ли война, удержится ли господство капиталистов на земле, если русский народ, которому помогли и помогают живые воспоминания великой революции „пятого года", завоюет полную свободу и передаст всю государственную власть в руки Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов?

Н. Ленин

Цюрих, 12-25 марта 1917 г.

ПРОЛЕТАРСКАЯ ДИКТАТУРА—ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД ИЗ КАТАСТРОФЫ, ПОРОЖДЕННОЙ ВОЙНОЙ

(Из Манифеста 1-го Конгресса Коммунистического Интернационала, 1919 г.)

Противоречия капиталистического строя предстали в результате войны перед человечеством в виде животных мук голода, холода, эпидемических болезней, нравственного одичания. Этим безапелляционно разрешается академический спор в социализме по поводу теорий обнищания и постепенного перехода от капитализма к социализму. Статистики и педанты теории притупления противоречий выуживали в течение десятилетий изо всех уголков мира действительные и мнимые факты, свидетельствующие о повышении благополучия отдельных групп и категорий рабочего класса. Теория обнищания масс считалась погребенной под презрительный свист евнухов буржуазной кафедры и мандаринов социалистического оппортунизма. Ныне это обнищание, уже не соци-

альное только, а физиологическое, биологическое, стоит перед нами во всей своей потрясающей действительности.

Катастрофа империалистической войны смела начисто все завоевания профессиональной и парламентской борьбы. А между тем, эта война в такой же мере выросла из внутренних тенденций капитализма, как и те экономические сделки и парламентские компромиссы, которые она погребла в крови и грязи.

Финансовый капитал, ввергший человечество в пучину войны, сам потерпел катастрофическое изменение в этой войне. Зависимость денежных знаков от материальной основы производства оказалась окончательно нарушенной. Все более теряя свое значение средства и регулятора капиталистического товарообмена, бумажные деньги превратились в орудие реквизиции, захвата, вообще военно-экономического насилия.

Перерождение бумажных денег отражает общий смертельный кризис капиталистического товарообмена. Если свободная конкуренция, как регулятор производства и распределения, вытеснена была в главных областях хозяйства системой трестов и монополий еще в десятилетия, предшествовавшие войне, то ходом войны регулирующе-направляющая роль оказалась вырванной из рук экономических об'единений и непосредственно переданной в руки военно-государственной власти. Распределение сырых материалов, использование бакинской или румынской нефти, донецкого угля, украинского хлеба, судьба германских паровозов, вагонов, автомобилей, обеспечение голодающей Европы хлебом и мясом,—все эти основные вопросы экономической жизни мира регулируются не свободной конкуренцией и не комбинациями национальных и международных трестов и консорциумов, а непосредственным применением военного насилия в интересах его дальнейшего сохранения. Если полное подчинение государственной власти финансовому капиталу привело человечество к империалистической бойне, то через эту бойню финансовый капитал до конца милитаризировал не только государство, но и себя самого, и уже не способен выполнять свои основные экономические функции иначе, как посредством железа и крови.

Оппортунисты, которые до мировой войны призывали рабочих к умеренности во имя постепенного перехода к социализму, которые во имя войны требовали классового смирения во имя гражданского мира и защиты отечества, снова требуют от пролетариата самоотречения— на этот раз в целях преодоления ужасающих последствий войны. Если бы эта проповедь могла быть воспринята рабочими массами, капиталистическое развитие восстановилось бы на костях нескольких поколений в новых, еще более концентрированных и чудовищных, формах с новой перспективой неизбежной мировой войны. К счастью для человечества, это невозможно.

Огосударствление экономической жизни, против которого так протестовал капиталистический либерализм, стало совершившимся фактом. От этого факта назад—не только к свободной конкуренции, но

и к господству трестов, синдикатов и других экономических спрутов—возврата уже нет. Вопрос состоит только в том, кто дальше будет носителем огосударствленного производства: империалистическое государство или государство победоносного пролетариата.

Другими словами: станет ли все трудящееся человечество крепостным данником победоносной мировой клики, которая под фирмой Лиги Народов, при помощи „интернациональной“ армии и „интернационального“ флота будет грабить и душить одних, подкармливать других, везде и всюду налагая оковы на пролетариат — с единственной целью поддержать свое собственное господство? Или же рабочий класс Европы и передовых стран других частей света сам овладеет расстроенным, разрушенным хозяйством, чтобы обеспечить его возрождение на социалистических началах?

Сократить эпоху переживаемого кризиса возможно только мерами пролетарской диктатуры, которая не озирается на прошлое, не считается ни с наследственными привилегиями, ни с правами собственности, исходит из потребностей спасения голодающих масс, мобилизует в этих целях все средства и силы, вводит всеобщую трудовую повинность, устанавливает режим трудовой дисциплины, чтобы таким путем в течение нескольких лет не только залечить зияющие раны, нанесенные войной, но и поднять человечество на новую, еще небывалую высоту.

ПЕРВОМАЙСКИЙ ПРАЗДНИК ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

(Из воззвания Исполкома Коминтерна).

К концу своего существования 2-ой Интернационал все больше обесцвечивал праздник первое мая. Величайшему пролетарскому празднику придавали казенный характер. Из него вытравливали душу живую. Некоторые вожди 2-го Интернационала, продававшиеся буржуазии, прямо стали убеждать рабочих отказаться совершенно от первомайского праздника.

Когда грянула империалистическая бойня, это желание продажных вождей исполнилось. Когда пришло 1-е мая 1915 г., социал-предатели как германские, так и французские, предложили рабочему классу отказаться от празднования 1 мая.

„Война до конца“, „война до полной победы“ — таковы были лозунги тогдашних дней. Избиение рабочих одних стран рабочими других стран должно было итти непрестанно. В интересах „защиты отечества“ рабочие не должны были прекращать работу ни на один день, ни на один час, чтобы, упаси боже, не упало военное производство, т. е. производство оружия, при помощи которого рабочие одних стран истребляли рабочих других стран. Официальная социал-демократия заключила „гражданский мир“ со своей буржуазией. Ничто не должно было нарушать доброго согласия между рабочими и их хозяевами. 1-е мая должно быть принесено в жертву этому „гражданскому миру“.

И первомайский праздник пролетариата в 1915 г. превратился в первомайский праздник буржуазии.

Сатанинским смехом, подлым злорадством и издевательством встретила буржуазия всех стран этот отказ официальных социал-демократов от празднования 1-го мая. Для буржуазии всех стран этот отказ рабочих от их праздника имел принципиальное значение. Отказ рабочих от их международного первомайского праздника, праздника братства, праздника труда и интернациональной солидарности, этот отказ для буржуазии любой страны стоил иного выигранного сражения на полях битв.

Четыре года прошло с тех пор. Четыре долгих мучительных года, в течение которых буржуазия безжалостно истребляла огнем и мечом цвет рабочего класса и разоряла все страны Европы. Теперь империалистическая бойня, затеянная буржуазией, кончается. Рабочие всех стран могут подсчитать количество своих жертв: 30 миллионов убитых и искалеченных людей, десятки разоренных стран, миллионы голодающих людей, миллиарды новых военных долгов. Таковы итоги империалистической бойни. Война кончилась, и буржуазия тех стран, в которых она стоит еще на ногах, требует от рабочего класса немногого: чтобы рабочие сами покрыли издержки производства по истреблению этих 30 миллионов рабочих и крестьян. Платите по займам, вносите новые налоги за то, что мы так успешно сократили народонаселение во всей Европе. Не больше и не меньше...

II Интернационал погиб. Он подписал себе смертный приговор 4-го августа 1914 года, когда германские и французские социал-патриоты с одинаковым бесстыдством голосовали за военные кредиты, т. е. за поддержку империалистской бойни.

Но идея Интернационала жива. Никогда еще у рабочих всех стран не было такой жгучей потребности в интернациональном об'единении, как теперь.

Как истрескавшаяся после долгой знойной засухи земля жаждет живительного дождя, так и рабочие всех стран, измученные 4-летней войной, преданные и обманутые своими вождями, жаждут интернациональной связи друг с другом.

Грабители-империалисты в Париже пытаются создать свой черный „Интернационал“, так называемую Лигу Наций. Сознательные рабочие всех стран превосходно знают, что так называемая „Лига Наций“ есть на самом деле лига буржуа-разбойников для угнетения наций, для дележа мира, для закабаления рабочих, для удушения пролетарской революции...

Пролетарии! Оглянитесь назад. За нашей спиной остались горы бесчисленных трупов наших братьев, павших в самую кровавую и злодейскую из войн. Взгляните вперед. Что сулят нам буржуазные рабовладельцы, если они останутся у власти? Они сулят нам только новую войну, новую кабалу, новые миллиардные налоги, голод и беспредельное рабство.

В какой обстановке встречаем мы первую маевку после окончания империалистской войны? Во всей Европе дымятся развалины, миллионы пролетарских детей чахнут от голода. Хлеба нет нигде, ибо четыре года люди, вместо того, чтобы возделывать поля, убивали друг друга по указке кучки рабовладельцев. Города обезлюжены. В некоторых странах перебито почти все взрослое мужское население. Европа залита кровью. Во имя чего? Теперь, когда угар шовинизма проходит, когда подводятся итоги войны, теперь каждый человек видит, во имя чего велась эта война. Четыре грабителя-министра „великих“ империалистских держав в тиши кабинета, таясь от народов, делят мир, кромсают народы, меняют страны, как цыгане меняют лошадей. Во имя этого легли десятки миллионов рабочих и крестьян, во имя этого велась война, которую Иуды, называющие себя социал-демократами, возвеличивали, как „освободительную“, „великую“, „прогрессивную“ войну.

ЗАМЕТКИ ПО ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ НАШЕЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ГААГЕ *)

Настоящий замечательный документ написан В. И. Лениным 4 декабря 1922 года и был предназначен в качестве инструкции для нашей делегации, отправлявшейся на конференцию II Интернационала в Гааге по вопросу о борьбе против войны.

Г. З.

По вопросу о борьбе с опасностью войны в связи с конференцией в Гааге я думаю, что самой большой трудностью является преодоление того предрассудка, что это—вопрос простой, ясный и сравнительно легкий.

— Ответим на войну стачкой или революцией,—так говорят обыкновенно все виднейшие вожди реформистов рабочему классу. И очень часто кажущаяся радикальность этих ответов удовлетворяет и успокаивает рабочих и крестьян.

Может быть, самый правильный прием состоял бы в том, чтобы начать с самого резкого опровержения подобного мнения. Заявить, что особенно теперь, после недавней войны, только самые глупые или безнадежно лживые люди могут уверять, что подобный ответ на вопрос о борьбе против войны куда-нибудь годится. Заявить, что „ответить“ на войну стачкой, невозможно точно так же, как невозможно „ответить“ на войну революцией в простейшем и буквальном смысле этих выражений.

Надо об'яснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается, и как бес-

*) Статья напечатана в № 2 „Коммунистического Интернационала“ за 1924 г.

помощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны.

Надо об'яснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе.

Надо об'яснить в особенности значение того обстоятельства, что „защита отечества" становится неизбежным вопросом, который громадное большинство трудящихся будет неизбежно решать в пользу своей буржуазии.

Поэтому раз'яснение вопроса „защита отечества",—во-первых; во-вторых, в связи с этим раз'яснение вопроса о „пораженчестве" и, наконец, раз'яснение единственно возможного способа борьбы против войны, именно сохранение и образование нелегальной организации для длительной работы против войны всех участвующих в войне революционеров,—все это должно быть выдвигаемо на первый план.

Бойкот войны—глупая фраза. Коммунисты должны итти на любую реакционную войну.

Желательно на примерах хотя бы немецкой литературы перед войной и, в частности, на примерах Базельского конгресса 1912 года показать с особой конкретностью, что теоретическое признание того, что война преступна, что война недопустима для социалистов и т. п., оказывается пустыми словами, потому что никакой конкретности в подобной постановке вопроса нет. Никакого действительно жизненного представления о том, как война может надвинуться и надвинется, мы не даем массам. Напротив, *господствующая пресса каждый день в необ'ятном числе экземпляров затушевывает этот вопрос и распространяет относительно него такую ложь, против которой слабая социалистическая пресса совершенно бессильна,* тем более, что и в мирное время она держится по этому пункту в корне неправильных взглядов. Коммунистическая пресса в большинстве стран наверное осрамится тоже.

Я думаю, что нашим делегатам на международном конгрессе кооператоров и трэд-юнионов следовало бы разделить между собой задачи и разобрать все те софизмы, которыми оправдывают войну в настоящее время, с самой детальной подробностью.

Может быть, самым главным средством привлечения масс к войне являются именно те софизмы, которыми буржуазная пресса оперирует, и самым важным обстоятельством, об'ясняющим наше бессилие против войны, является то, что мы либо этих софизмов не разбираем заранее, или, еще больше, отделываемся по отношению к ним дешевой, хвастливой и совершенно пустой фразой, что мы войны не допустим, что мы вполне понимаем преступность войны и т. п. в духе Базельского манифеста 1912 года.

Мне кажется, что если у нас будет на Гаагской конференции несколько человек, способных на том или другом языке сказать речь

против войны, то всего важнее опровергнуть мнение о том, будто бы присутствующие являются противниками войны, будто они понимают, как война может и должна надвинуться на них в самый неожиданный момент, будто они сколько-нибудь сознают способ борьбы против войны, будто они сколько-нибудь в состоянии предпринять разумный и достигающий цели путь борьбы против войны.

В связи с недавним опытом войны мы должны раз'яснить, какая масса и теоретических, и житейских вопросов станет на другой день после об'явления войны, отнимая всякую возможность у громадного большинства призываемых относиться к этим вопросам со сколько-нибудь ясной головой и сколько-нибудь добросовестной непредубежденностью.

Я думаю, что раз'яснить этот вопрос надо с необыкновенной подробностью и раз'яснять его надо двояко:

Во-первых, рассказывая и анализируя, что было во время предыдущей войны, и заявляя всем присутствующим, что они этого не знают, или что они притворяются знающими это, на самом же деле закрывают глаза на то, в чем состоит главный гвоздь вопроса, без знания которого ни о какой борьбе против войны не может быть и речи. По этому пункту, я думаю, необходим разбор всех оттенков, всех мнений, которые среди русских социалистов возникали тогда по поводу войны. Необходимо доказать, что эти оттенки возникли не случайно, а будучи порождены самой природой современных войн вообще. Необходимо доказать, что без анализа этих мнений и без раз'яснения того, как они неизбежно возникают и как они имеют решающее значение для вопроса о борьбе с войной, без такого анализа ни о какой подготовке к войне и даже о сознательном отношении к ней не может быть и речи.

Во-вторых, надо взять примеры теперешних конфликтов, хотя бы и самых ничтожных, и раз'яснить на их примере, как война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за пустяковинного разногласия по любому тихоокеанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров или из-за споров об их таможенной или вообще торговой политике и т. д., и т. д. Мне сдается, что если будут малейшие сомнения насчет возможности вполне свободно сказать всю свою речь против войны в Гааге, то следует обдумать ряд хитростей для того, чтобы сказать хотя бы только главное, а затем издать то, что не удастся досказать, брошюрой. Надо итти на то, чтобы председатель оборвал. Я думаю, что для этой же цели в делегацию должны быть приглашены, кроме ораторов, способных и обязанных сказать речь против войны в целом, т. е. развивая все главные доводы и все условия борьбы против войны,—еще владеющие всеми тремя главными иностранными языками люди, которые посвящали бы себя разговорам с делегатами и выяснению того, насколько ими поняты основные доводы и насколько есть надобность в постановке тех или иных аргументов или привлечения примеров.

Может быть, по ряду вопросов способно оказать серьезное действие только привлечение фактических примеров из области прошлой войны. Может быть, по ряду других вопросов серьезное действие может оказать лишь раз'яснение современных конфликтов между государствами и их связи с возможным вооруженным столкновением.

По вопросу о борьбе с войной мне помнится, что есть целый ряд заявлений наших коммунистических депутатов как в парламентах, так и в речах вне парламентов, заявлений такого рода, которые содержат в себе чудовищно непральные и чудовищно легкомысленные вещи на счет борьбы с войной. Я думаю, что против подобных заявлений, особенно, если они делались уже после войны, надо выступить со всей решительностью и беспощадно называя имена каждого подобного оратора. Можно смягчить, как угодно, особенно если это нужно, свой отзыв о таком ораторе, но нельзя пройти молчанием ни одного подобного случая, ибо легкомысленное отношение к этому вопросу есть такое зло, которое перевешивает все остальное и к которому быть снисходительным абсолютно невозможно.

Есть ряд решений рабочих с'ездов, беспардонно глупых и легкомысленных. Надо собрать немедленно все и всякие материалы и обстоятельно обсудить и все отдельные части и частицы темы, и всю „стратегию" на с'езде.

С нашей стороны будет нетерпима по такому вопросу не только ошибка, но и существенная неполнота.

В. И. Ленин

АМСТЕРДАМСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ВОЙНА

Сегодняшние телеграммы сообщают о дебатах и решениях венского конгресса амстердамских (реформистских, нереволюционных) профессиональных союзов по вопросу о войне и борьбе с нею. Почему этот вопрос вообще возник? Очевидно потому, что опасность новой войны становится все более ощутительной. Этот вывод нужно сделать прежде всего. Если амстердамские профессиональные союзы вынуждены снова возвратиться к вопросам войны, стало быть, опасность нового кровавого столкновения все яснее понимается и ощущается даже и наиболее отсталыми трудящимися массами.

Резолюция об опасности войны и о мерах борьбы с ней внесена Жуо, генеральным секретарем всеобщего совета профессиональных (реформистских) союзов Франции. Тем самым г. Жуо признает опасность новой войны. Но ведь мы все хорошо помним, что во время последней империалистской войны г. Жуо изо дня в день повторял, что это — последняя война, что она имеет своей задачей убить милитаризм и что в результате ее установится торжество демократического международного права. Именно поэтому Жуо требовал от французских рабо-

чих активной поддержки французской буржуазии в „последней“ войне, которая должна убить войну. И вот теперь, десять лет спустя после начала и почти шесть лет после конца „последней“ войны, г. Жуо вносит резолюцию о борьбе против опасностей новых войн. Значит, кто-то ошибся, значит, кто-то был обманут. Кто? Кем? Господин ли Жуо был обманут французской буржуазией? Или же Жуо обманывал французских рабочих в интересах французской буржуазии? Вопрос немаловажный. Прежде чем разговаривать с Жуо о методах борьбы против опасностей войны, нужно разрешить этот предварительный вопрос. Одно из двух: либо в течение империалистской бойни Жуо сознательно обманывал рабочих насчет смысла и последствий войны,— тогда его нужно выбросить из рабочего движения, либо же он был сам обманут, т. е., другими словами, стал жертвой своей ложной реформистской политики,—тогда он должен во всеуслышание заявить о ложности своей реформистской политики во время империалистской войны, прежде чем иметь право рассуждать о политике рабочего класса перед лицом новой опасности. Из этой альтернативы выскочить нельзя.

Насколько мы знаем, ни г. Жуо, ни другие его партнеры не заявляли и не заявляют, что их политика в величайшем событии мировой истории, в империалистской войне, была насквозь ложной и гибельной. А если так, то это нам уже заранее дает право рассматривать их нынешнюю политику, и в том числе резолюции венского конгресса, как продолжение их старой политики. Мы знаем, что и до империалистской войны профессиональные союзы и социал-демократические партии выносили с таким же единодушием, как и последний венский конгресс, резолюции против войны. Когда же надвинулась война, ни одна из европейских социал-демократических партий, ни одна из профессиональных организаций не только не смогла, но и не попыталась воспрепятствовать ей, наоборот, почти все они стали помогать кровавой работе своей национальной буржуазии. Где же у нас не то-что гарантия, а хоть тень надежды на то, что с наступлением новой войны поведение Жуо и всех других амстердамцев будет отличаться от их поведения в 1914—1918 годах?

Таков наш предварительный вопрос. Те же самые люди, которые до империалистской войны произносили на с'ездах заклинания против милитаризма и военной опасности, а затем во время войны оказались злейшими шовинистами, теперь, в промежутке между двумя войнами, опять начинают повторять заклинания против милитаризма, чтобы в случае войны опять оказаться его вернейшими помощниками и слугами. Разве это не очевидно, разве не бесспорно?

На этом, в сущности, можно было бы и остановиться, если бы люди не забывали так легко свой собственный опыт, и если бы не было молодых поколений, которые этого опыта еще не проделали. В расчете на забывчивость одних и неопытность других и построена вся политика амстердамских вождей.

Посмотрим поэтому поближе на их программу борьбы. Программа эта имеет двоякий характер: с одной стороны, она рекомендует пропаганду, направленную к уничтожению вражды между народами, к установлению обязательного третейского суда и проч., т. е. имеет пацифистский характер, а с другой стороны, она имеет видимость боевой программы, так как рекомендует в случае военной опасности прекращение работ на всех амуниционных заводах, на транспорте, экономический бойкот и, наконец, об'явление международной всеобщей забастовки. Насчет пацифистской части программы говорить много не приходится. Конечно, было бы великолепным делом, если бы можно было установить „справедливый“ и для всех обязательный международный трибунал. Но установить ныне такой трибунал должны были бы, очевидно, буржуазные правительства, ибо в их руках находится власть. Однако от этих самых буржуазных правительств и исходит как раз военная опасность. Значит, вопрос, все равно, передвигается с пацифистской программы на боевую и решается тем, в какой мере и какими средствами рабочие могут помешать буржуазии вызвать международную свалку.

Каковы эти средства, мы вчерне слышали: частичная стачка (на амуниционных заводах), бойкот, всеобщая стачка. Скажем сразу: эти патентованные средства Жуо и К° представляют собою усыпительный порошок—и ничего более.

Амуниционные заводы работают во всех странах непрерывно. Почему бы не призвать их к стачке сейчас? Если амстердамцы серьезно решили воспротивиться новой войне, то незачем, казалось бы, фабриковать военные запасы. В качестве маленького задатка под будущие большие подвиги в деле борьбы с войной следовало бы как-будто начать с призыва рабочих покинуть работу на амуниционных заводах теперь же, немедленно. —Утопия, — ответят господа - амстердамцы:— рабочие не откликнутся на такой призыв, правительство всегда найдет необходимое число стачколомов и пр., и пр. Эти возражения, надо признать, не лишены основания. Но неужели же устроить стачку на амуниционных заводах в период надвигающейся войны легче, чем в мирное время? Нужно быть болваном или мошенником, чтобы это утверждать. Проповедывать стачку на амуниционных заводах и других военных предприятиях в момент непосредственной военной грозы— значит фактически отсрочивать ее на такой час, когда она будет менее всего возможна. Мы помним июль 1914 года. Государство накануне войны наиболее могущественно. Оно окончательно монополизирует в своих руках все органы, средства и орудия для мобилизации общественного мнения, оно присоединяет к этому средства террора. Хотели бы мы в июле 1914 года услышать призыв г. Жуо к стачке на амуниционных заводах Франции! Но нет, мы помним совсем другую программу, которую Жуо развивал вслед за Тома: Des canons! Des munitions! (Пушек! Амуниции!). Какие основания думать, что накануне новой войны дело будет обстоять иначе? Нелепо перелагать главную тяжесть

борьбы с войною на группу рабочих военных заводов. Да никто из амстердамцев всерьез этого и не делает. Они сами в это не верят: настолько-то здравого смысла у них есть.

Правда, резолюция говорит и о всеобщей стачке, этим самым как бы возлагая обязанность боевого выступления против войны на весь рабочий класс. Не трудно однако показать, что и речи о всеобщей стачке мало чем отличаются от речей о стачке на военных заводах. Под всеобщей стачкой надо, очевидно, понимать такое могущественное выступление пролетариата, которое должно будет помешать буржуазии осуществить свою волю в важнейшем вопросе—о войне и мире. Выходит так, что организованный амстердамцами пролетариат способен в любой момент парализовать волю буржуазии. Почему же он этого не делает в вопросах меньшего размера: удлинения рабочего дня, роста военных расходов и пр.? Откуда господа амстердамцы взяли свою великолепную уверенность в том, что за двадцать четыре часа до того, как буржуазия решит снова бросить народы в войну, пролетариат окажется достаточно могущественным, чтобы парализовать этот план при помощи всеобщей стачки? В предвоенный период буржуазия, как уже упомянуто, концентрирует в своих руках все свое могущество. Всеобщая стачка в такой обстановке означает революцию. Таким образом, доблестные амстердамцы обязуются в известный момент—выбранный не ими, а буржуазией—устроить пролетарскую революцию. Но ведь для этого, казалось бы, нужно иметь необходимые силы. А если они есть, то зачем откладывать революцию до того, как война надвинется? Не проще ли совершить ее заблаговременно, устранив тем самым самую возможность войны?

Вопрос еще ярче освещается с другой стороны. Французский всеобщий совет профессиональных союзов, руководимый Жуо, тесно связан с французской социалистической партией, как английские трэд-юнионы связаны с партией Макдональда, как германские профсоюзы состоят в теснейшей связи с социал-демократией и пр. Военный бюджет, тот самый, который обеспечивает между прочим работу амуниционных заводов, составляет важнейшую часть бюджета г. Сноудена, „рабочего“ министра, выполняющего задачи великобританского империализма. Таким образом амстердамец Сноуден заставляет английских рабочих платить налоги на нужды английских снарядных и иных заводов. А как только подоспеет горячее время, когда эти снаряды должны быть пущены в дело, так те же английские рабочие должны, видите ли, немедленно устроить забастовку на снарядных заводах либо во всей вообще промышленности. И так дело обстоит не в одной Англии. Французская социалистическая партия решила голосовать за радикальный бюджет. Радикальный бюджет заключает в себе довольно радикальные расходы на милитаризм. А в то же время г. Жуо, делающий общую политику с французскими социалистами, хочет обязать французских рабочих устроить стачку в тот момент, когда выяснится, что „радикальная“ армия строится не для забавы, а для серьезного

дела, т. е. для войны. Можно ли представить себе более низкопробное шарлатанство? В мирное время мы будем собирать для буржуазии ее бюджет, подгоняя в качестве социалистических министров трудящуюся массу к уплате налогов на милитаризм, поддерживая, развивая и укрепляя военные заводы, наблюдая за строжайшей дисциплиной в буржуазной армии, приучая рабочих к мысли о том, что поддержка империалистического государства есть их долг... Но в тот момент, когда буржуазия, которая относится к делу серьезно, решит, что созданную при помощи социалистических министров и реформистских профессионалистов армию нужно пустить в дело,—о, в этот момент мы призовем рабочих ко всеобщей стачке и ко всем прочим средствам борьбы. Эта политика рассчитана на баранов, которых ведут на бойню.

— Но если всеобщая стачка для предупреждения войны по вашему невозможна,—слышим мы возражение хитроумного амстердамца,—тогда что же остается? Тогда рабочий класс безоружен против милитаризма!

На это мы отвечаем: рабочий класс не безоружен против милитаризма, но вы, амстердамцы, делаете все для того, чтобы его обезоружить. Давайте начинать с маленького. Прежде чем призывать к стачке на амуниционных заводах, а тем более ко всеобщей стачке, постановите отказывать буржуазии в бюджетных средствах, при помощи которых она содержит свои амуниционные заводы. Незачем болтать о полной независимости профессиональных союзов и социалистических партий, ибо общность их политики ясна и бесспорна. Если бы парламентские партии отказались подчиниться такому решению, тогда профессиональные союзы должны были бы призвать бойкотировать всякую партию, которая прямо или косвенно поддержит военный бюджет в буржуазном государстве. Но ведь это значило бы рвать с реформистами, с соглашателями, т. е. с самими собой? Да, задача неразрешимая! Нельзя поддерживать изо дня в день буржуазное государство, санкционировать именем пролетариата его бюджет, позволять ему накоплять силы, нагуливать снова мускулатуру, потрепанную последней войной, и в то же время прибавлять: а как только ты, государство, попытаешься эту мускулатуру привести в действие, так немедленно же мы встанем на дыбы. Плутоватая глупость такой позиции поистине чудовищна!

Но разве голосование против бюджета само по себе решает вопрос? Ведь при сохранении буржуазией господства парламент всегда обеспечит за ней большинство. Значит, она будет иметь свой военный бюджет и в том случае, если представители рабочих будут голосовать против него. Военная опасность таким путем не будет еще упразднена. Это совершенно бесспорно. Одной парламентской оппозицией против милитаризма опасность войны не устраняется. Но совершенно очевидно, те рабочие организации, у которых не хватает духу даже для парламентской оппозиции, и вовсе ни к чорту не годятся. Голосование против военного (и всего вообще капиталистического) бюджета имеет смысл постольку, поскольку профсоюзы и партии об'единяют рабочих для непримиримой борьбы против господства буржуазии не только в случае

военной опасности, но и в мирное время, т. е. во время систематической подготовки военной опасности. Конечно, буржуазия еще будет до поры до времени иметь свой бюджет и свой милитаризм. Но профессионалисты будут говорить: только заклятые враги рабочего класса могут голосовать за этот бюджет; в этом бюджете коренится не только сегодняшнее рабство, но и завтрашняя война; и кто из так называемых „рабочих“ представителей голосует за этот бюджет, тот—изменник, предатель, того на пушечный выстрел нельзя допускать к рабочим организациям.

Создание такого рода политического настроения в трудящихся массах есть создание первой, самой элементарной предпосылки для борьбы против военной опасности.

На этой предпосылке дело, конечно, не должно останавливаться. Нужно строить боевую организацию рабочего класса. Для того, чтобы возможна была стачка на амуниционных заводах, нужно, во-первых, чтобы рабочая масса на этих заводах была, по крайней мере, в большинстве своем проникнута ненавистью к буржуазному господству, и, во-вторых, чтобы в этой массе имелось крепкое, спаянное ядро, способное в решительный момент повести массу за собой. Конечно, и при этом условии никак нельзя обязаться, что мы сможем провести стачку как раз накануне войны. В этот момент стачка (т. е. революция) наименее вероятна. В действительности либо революция со всеобщей стачкой, как одним из своих моментов, вырастет из хода классовой борьбы и тем сделает невозможной войну, либо же новая война даст новое обострение классовой борьбе и приведет ко всеобщей стачке и революции. Никаких формальных обязательств серьезный революционер брать на себя в этом вопросе не может. Другое дело политический шарлатан: он жонглирует всеобщей стачкой, восстанием, всеобщим бойкотом, войной, как клоун жестяными тарелками.

Как бы для того, чтобы до конца обнажить свою реформистскую наготу, конгресс амстердамцев постановил назначить на 21 сентября „день протеста против войны“. Горе милитаризму! Но позвольте,—вспоминает читатель,—ведь у рабочего класса есть уже день протеста против милитаризма: это—первое мая. Да ведь беда-то в том, что первое мая только раз в семь лет падает на воскресенье. Чтобы „протестовать“ первого мая против войны, нужно бастовать, стало быть, вступать в конфликт с буржуазией. А помешать капиталу на деле эксплоатировать рабочего на один день в году гораздо труднее, чем пообещать всеобщие стачки, всеобщие бойкоты и другие чудеса на случай войны. Вот почему амстердамцы перенесли свой протест на третье воскресенье сентября: тут грозный протест примет такие формы, что его никто и не заметит. Надо прибавить, что конгресс разрешил центральным организациям отдельных стран перенести протест на день убийства Жореса, на 28 июля. Счастливой предусмотрительностью календаря день этот в настоящем году тоже падает на воскресенье. В будущем году в годовщину смерти Жореса протестовать не придется.

Зато останется третье воскресенье сентября. Воскресенье есть всегда воскресенье. Окончательный отказ от первомайского праздника есть единственное новое слово амстердамцев в борьбе с опасностями войны.

Общие выводы из антимилитаристских решений конгресса Амстердамского Интернационала: нужно упорнее, настойчивее, систематичнее, чем когда бы то ни было, разъяснять рабочим массам, что амстердамцы предательски обманывают их в самом основном, самом остром вопросе развития современного общества: в вопросе о войне. Рецепты амстердамцев представляют политическое снотворное средство на службе капиталистического милитаризма. Главная опасность войны коренится именно в позиции амстердамцев. Разгромить эту позицию, т. е. лишить ее доверия масс, значит разоружить буржуазию и вооружить пролетариат. Вот эту работу надо выполнить!

7 июня 1924 г.

Л. Троцкий

ПРИЧИНЫ И ПОВОДЫ ГРЯДУЩЕЙ ВОЙНЫ

(Из Манифеста Коммунист. Интернационала к мировому пролетариату, принятого 5-м Конгрессом Коминтерна 5 июля 1924 г.)

Причины и поводы для новой войны с железной необходимостью вытекают из последней войны и Версальского мира. Правящие классы Франции все сильнее чувствуют, что созданный ими в Европе режим террора не может длиться долго. Французский буржуа—и реакционный, и радикальный—одинаково боится немецкого реванша и в то же время вызывает и подготовляет его. С своей стороны, германская буржуазия, идя на соглашение за счет народа, нетерпеливо ждет, когда пробьет час реванша. Европейский и колониальный антагонизм Англии и Франции непрерывно обостряется. Дипломатические сделки и соглашения прикрывают этот процесс, но не ослабляют его. Военная программа обеих союзниц, в особенности программа авиационных и химических сил, строится в расчете на грядущую англо-французскую войну. В то время, как Эррио пацифистски воркует с Макдональдом, генеральный штаб Парижа развертывает план будущих авиационных налетов на Лондон, а британский штаб занят разработкой встречного визита.

Второстепенные государства Европы уступают первостепенным в силе, но не в жадности и не в злой воле.

Малые государства, существовавшие уже до войны, утратили последние остатки своей самостоятельности, а новые государства, созданные войною, родились с ядром зависимости на ногах. Средние и мелкие государства сочетаются в различные группировки по указке великих держав. Государства, расположенные в центре европейского континента, тяготеют к Франции, так же точно, как каторжник тяготеет к тюремщику. Мелкие государства европейского побережья гнут спину перед Англией. Таким образом даже выбор между двумя хлыстами

23*

определяется не свободной волей, а общим положением малых государств. Хрупкость нейтралитета достаточно обнаружена последней войной. Нет сомнения, что новая война с первых же дней своих вовлекла бы в кровавый водоворот большинство мелких держав. Милитаризм стран Малой Антанты, балканских или балтийских государств является вспомогательным рессурсом больших держав и в то же время источником самостоятельной опасности в отношении мелких государств между собою.

Самый могущественный мировой антагонизм медленно, но упорно прощупывает ту линию, где интересы Великобританской империи сталкиваются с интересами Соединенных Штатов Северной Америки. За последние два года могло казаться, будто между этими гигантами достигнуто прочное соглашение. Но видимость прочности будет сохраняться лишь до тех пор, пока экономический под'ем Северо-Американской республики развертывается, главным образом, на основе внутреннего рынка. Ныне этому явно наступает конец. Аграрный кризис, выросший из разорения Европы, явился предвестником уже надвигающегося торгово-промышленного кризиса. Производственные силы Америки должны искать все более широкого выхода на мировой рынок. Внешняя торговля Соединенных Штатов может развиваться прежде всего за счет торговли Великобритании; американский торговый и военный флот—за счет британского флота. Период англо-американских соглашений должен будет уступить место все возрастающей борьбе, которая, в свою очередь, знаменует военную опасность в невиданных миром размерах.

Антагонизм Японии и Соединенных Штатов сохраняет всю свою напряженность. Японское землетрясение изменило соотношение сил, но не смягчило вражды. Запрещение желтой иммиграции в С. Штаты придает борьбе тихоокеанских империалистов окраску расовой борьбы. В случае схватки между Соединенными Штатами и Великобританией роль японского милитаризма будет несравненно активнее, чем во время прошлой империалистической войны.

Неисчислимые богатства буржуазии Соединенных Штатов представляют ныне вообще могущественнейшую взрывчатую силу мировой обстановки. Временная замкнутость Соединенных Штатов, пытавшихся переварить награбленные богатства, приходит к концу. Северо-американскому капиталу нужно расширение по всем направлениям. Один из его путей ведет на юг. Натиск на Мексику должен усилиться, на ряду с дальнейшим проникновением в Южную Америку, вытеснением оттуда европейского капитала и полным ее подчинением. Милитаризм в Соединенных Штатах не только на море, но и на американском континенте примет более активный и наступательный характер.

Рост революционного движения на Востоке, происходивший в течение всего истекшего десятилетия, все больше придает колониальному владычеству империалистических держав характер открытого военного [illegible].

Конституционные иллюзии, соглашательские надежды порабощенных масс Индии рушатся. Партии национального либерализма и мелко-буржуазного утопизма сходят на-нет. Революционное движение уходит все глубже, захватывая все более широкие массы. Нужна крепкая, централизованная, революционная партия, которая могла бы овладеть этим движением и нанести британскому империализму смертельный удар.

В разодранном на части Китае империалистские державы установили режим, замаскированный военной оккупацией через посредство наемных туземных войск. Стремление китайского народа достигнуть об'единения и независимости на каждом шагу наталкивается на сопротивление японского, американского и европейских хищников. Пекинский посланник Макдональда добивается расправы над китайским солдатом, совершившим прогулку по той части города, где дышать воздухом имеют право только белокожие эксплоататоры. Законною ненавистью, еле сдерживаемой злобой трепещут сердца многомиллионных масс Китая. И здесь, как в Индии, в тяжких испытаниях и в повторных попытках сопротивления создается революционная организация, которая призвана освободить Китай от чужеземных и собственных насильников.

Франция, раздвинувшая пределы своих колоний, делает настойчивые попытки расширить источники своего милитаризма, вовлекая не только арабов, но и негров в армию капитала. Военно-обученная цветная масса должна явиться не только резервуаром будущих войн—нет, черные и желтые полки должны стать в руках буржуазии надежным орудием для разгрома пролетарской революции в Европе.

База милитаризма ширится, как и база революции.

МИЛИТАРИЗМ И БОРЬБА ПРОТИВ ВОЙНЫ И КАПИТАЛА

(Из Манифеста Комунист. Интернационала к мировому пролетариату, принятого 5-м Конгрессом Коминтерна 5 июля 1924 г.)

В то время как производительные силы Европы резко задержаны в своем развитии, военная техника неутомимо продолжает свою работу. Создаются орудия небывалой дальнобойности. Пулеметы и автоматы повышают силу огня пехоты во много раз. Ядовитые газы отодвигают динамит на второй план. Авиация в сочетании с химией чудовищно расширяет район истребительного действия войны. Различие между армией и мирным населением стирается. Береговые укрепления и островное положение уже более не ограждают. Мощные человеческие скопления, как Париж, как Лондон, открыты поражению сверху. Ужасы последней войны кажутся бледными зарницами перед молниями грядущей грозы. Все техническое могущество капиталистического общества и все его социальное варварство, безвыходность его противоречий, ожесточение его правящих классов друг против друга и всех вместе

против пролетариата принимают вид необ'ятной массы отравляющих и взрывчатых веществ, которые грозят обрушиться на голову злосчастного человечества. Новая война означала бы прежде всего массовое разорение крестьян и фермеров, обезлюдение и запустение деревень, превращение земель, культивированных долгим рядом крестьянских поколений, в пустыри и кладбища. Для Европы в целом она означала бы гибель культуры, крушение всех освободительных надежд, за которое уже билось несколько поколений пролетариата.

Все, что творится ныне в человеческом обществе—в области хозяйства, политики, науки, искусства—отступает на задний план перед гигантской задачей: помешать во что бы то ни стало новой войне и тем спасти человечество от вырождения и гибели. Сделать это могут только трудящиеся под руководством революционного пролетариата. Никакие репрессии, никакие силы милитаризма не справятся, если пролетариат единым фронтом поднимется против войны. Машины убийства мертвы, пока их не приводит в движение человек. В подавляющем большинстве своем этом человек—рабочий или крестьянин. Это вы, трудящиеся! От вас зависит судьба войны, следовательно, и ваша собственная судьба.

Борьбу против милитаризма нельзя откладывать до того часа, когда война разразится, ибо тогда будет поздно. Борьбу против войны нужно вести теперь же, немедленно, изо дня в день. Первое условие такой борьбы—отказать капиталистическому государству в бюджете, в доверии, в поддержке. Тот социалист, который вступает в буржуазное министерство, тот депутат, который помогает буржуазии взимать налоги или привлекать рабочих и крестьян на военную службу,—предатель и изменник. Ему не может быть места в рядах рабочего класса. Нужно гнать из профсоюзов таких вождей, которые прямо или косвенно помогают милитаризму, оправдывают его, солидаризируются с ним. Нужно очистить пролетарские организации от политических штрейкбрехеров. Нужно напоминать всем трудящимся мужчинам и женщинам о том, как была подготовлена последняя война и как социал-демократы помогали генералам империализма четыре года истреблять рабочих и крестьян. Нужно неутомимо обращаться к молодежи города и деревни. Нужно, чтобы нечеловеческие страдания отцов и старших братьев во время империалистической войны превратились у рабочей и крестьянской молодежи в жгучую ненависть к виновникам войны. Нужно, чтобы молодежь входила в капиталистические армии с внутренней готовностью направить оружие не против братьев-пролетариев, а против классового врага—буржуазии. Нужно неутомимо разрушать ту искусственную стену, которая возводится между армией и рабочим классом. Нужно поддерживать связь с казармой. Нужно, чтобы слова правды доходили до каждого солдата. Нужно об'единять сознательных солдат в небольшие группы. Нужно создавать революционные организации на железных дорогах из наиболее преданных и мужественных пролетарских борцов. Нужно обратить особое внимание на военные заводы. На каждом

из них должны быть крепкие боевые ячейки, способные в решительный момент повести за собой всю рабочую массу. Буржуазия не боится ни пацифистских проповедей, ни социал-демократических угроз всеобщей забастовкой. Зато буржуазия трепещет от ненависти и страха при вести о каждой мелкой нелегальной ячейке на железных дорогах, на военных заводах и особенно в армии и флоте. Буржуазия знает, что не одни рабочие и крестьяне, но и солдаты не хотят войны и что только их разобщенность и неуверенность в себе вынуждает их итти покорно на бойню. Буржуазия знает, что небольшое, но крепкое ядро в каждом полку может сыграть решающую роль в решающий момент. Вот почему всякое капиталистическое правительство, под любой демократической вывеской, беспощадно преследует подлинно революционную работу, и вот почему долгом каждого революционера является удвоить и удесятерить свои усилия на этом пути. Только та партия действительно борется против войны, которая изо дня в день ведет непримиримую борьбу против буржуазии, та партия, которая сплачивает трудящихся в этой борьбе, которая учит ненавидеть государство капитала, которая закаляет массы этой ненавистью, которая готовит для борьбы необходимые силы и средства, которая создает для революции опорные пункты в казарме. Такой руководящей силой является коммунистическая партия каждой страны. Боевая совокупность этих партий составляет Коммунистический Интернационал. Мы, делегаты этого Интернационала, собравшись в пятый раз на свой мировой конгресс в Москве, освобожденной усилиями рабочих и крестьян, обращаемся к вам, трудящиеся всего мира, с этим нашим словом напоминания, предостережения и призыва!

Победить можно, только желая победы и веря победу. Победить можно, лишь сплотившись вокруг партии, которая хочет и может вести к победе.

Трудящиеся! Пусть вопрос войны станет оселком, на котором вы будете испытывать верность партий и вождей. Поистине, довольно трудящихся морочили словами, фразами, посулами, звонкой ложью демагогии. Требуйте дела, проверяйте на фактах. Долой шарлатанов пацифизма, которые во время мира ведут словесную войну против войны, а при первом пушечном залпе превращаются в шовинистских шакалов. Долой тех социалистов, которые в газетах и на собраниях обличают гнет буржуазии, а во все трудные для буржуазии дни являются лучшей ее опорой. Долой тех желтых профессионалистов Амстердама, которые получают свои директивы у буржуазных министров и у магнатов капитала. Долой предателей, голосующих за буржуазный бюджет, помогающих строить капиталистические армии, охраняющих буржуазное государство, поддерживающих колониальное рабство и тем подготовляющих новые войны. Долой меньшевистских вождей политических и профессиональных организаций. Гоните их прочь, обличайте их, бойкотируйте, изгоняйте из рядов рабочего класса. Вглядывайтесь зорко, сравнивайте, не верьте словам, проверяйте на деле—и вы

убедитесь, что есть одна лишь партия, готовая вести нас в бой и способная обеспечить победу: это коммунистическая партия. Глядите на Россию: в этой отсталой стране, раскинувшейся на необ'ятных пространствах, созданная гением Ленина революционная партия сумела не только опрокинуть свою буржуазию, но и отстоять власть трудящихся от бесчисленных врагов. Среди величайших трудностей, вызываемых отсталостью страны, низким уровнем культуры и грандиозностью разрушений, произведенных двумя последовательными войнами, рабочие и крестьяне подвигают кирпич за кирпичом здание социалистического общества.

Вы, пролетарии Европы и Америки, могли бы совершить на этом пути дела несравненно большие, чем пролетариат России, ибо вы многочисленнее и ваши страны богаче. Для того, чтобы стать несокрушимой силой, вам нужно лишь понять вашу силу и суметь применить ее. Этому вас учит международная коммунистическая партия. Следуйте за ней!

И вы, разоряемые и угнетаемые крестьяне, примыкайте к нашему великому союзу. Созданный в прошлом году Крестьянский Интернационал полностью и целиком отдает свои силы борьбе против милитаризма и опасности новой войны.

Крестьяне Европы! Фермеры Америки! Пахари всего мира! О судьбе вашего хозяйства, о головах ваших сынов идет дело. Поднимайтесь, об'единяйтесь, примыкайте к революционному рабочему классу! Другого пути, другого спасения для вас нет.

Женщины, сестры, жены и матери не менее заметно, чем мужчины, но не менее тяжко несут на себе чудовищное бремя милитаризма и войны. Разрушая рабочую семью, подрывая крестьянское хозяйство, четырехлетняя война превратила трудовую женщину во вьючное животное капитала. В сердцах матерей, жен и сестер бойня оставила страшные рубцы. После всего, что трудящаяся женщина испытала за эти годы, она должна быть в первых рядах борьбы против войны и капитала.

Работницы! Крестьянки! Ваше место—с нами, мы ждем и призываем вас.

Революционное просвещение колониальных народов становится вопросом жизни и смерти для пролетариата. Если буржуазия стремится угнетением колоний поддержать и увековечить угнетение пролетариата, то мы должны с своей стороны восстание колоний призвать на помощь восстанию пролетариата.

Национальные и расовые предрассудки суть продукт рабства и питают рабство. Шовинистическое настроение, явное или скрытое, является лучшей опорой милитаризма и верным средством для подготовки будущих войн. Надо об'явить беспощадную борьбу национальным предрассудкам и расовому высокомерию. Не только прямая вражда, издевательство, ироническое отношение, но и покровительственно-снисходительный тон белых по отношению к желтым или черным должны сурово караться общественным мнением трудящихся, как

отвратительное нарушение солидарности, как злостное штрейкбрехерство. Нужно, чтобы борьба классов не затемнялась и не искажалась шовинизмом. Нужно научить колониального труженика видеть в белом рабочем своего брата. А для этого белый пролетарий должен научиться по-братски относиться к цветному населению колоний.

Пролетарии Европы! Больше внимания вопросу о колониях, больше сил для революционной работы в колониях. Оттуда, где буржуазия хочет найти свою надежную опору, должен быть нанесен ей один из величайших ударов.

Труженики колоний! Рабы империализма! Наши братья! Пробуждайтесь к борьбе и независимости. Коммунистический Интернационал с вами!

Ближашей, очередной, неотложной задачей нашей в борьбе против войны является в настоящий момент борьба против того заговора капиталистических насильников, который носит невинное название плана экспертов. И здесь, как везде, первый удар должен быть нанесен социал-демократии. Она пугает рабочих грозной силой Америки, она требует от них подчинения и покорности, она предрекает Европе и, прежде всего, Германии гибель, если та выйдет из-под подчинения американскому капиталу. Мы же, коммунисты, говорим трудящимся Европы: ваше спасение в непримиримой войне против плана экспертов, его проводников и защитников. Надо убрать с пути социал-демократию, надо опрокинуть буржуазию, надо взять в свои руки власть, надо об'единить европейское хозяйство, надо направить его по социалистическому пути. Если Советская Россия могла в течение ряда лет победоносно отстаивать себя от капиталистической Европы и Америки, вместе взятых, то тем вернее будет победа пролетариата Европы, если он, овладев властью, об'единит европейские государства в советскую федерацию, в Рабоче-Крестьянские Соединенные Штаты Европы. Этим будет не только спасена европейская культура от упадка и гниения, не только будут обеспечены свобода и самостоятельность колониальных и полуколониальных стран, но и нанесен будет смертельный удар мировому самодержавию американского капитала. Революционное движение в Америке получит гигантский размах. Европейская социалистическая федерация станет, таким образом, краеугольным камнем мировой социалистической республики. Только с того времени человечество получит возможность мыслить и действовать по-человечески, мировое хозяйство будет организовано на началах солидарности и разума, мировые связи превратятся в братский обмен материальными и духовными благами между отдельными материками и народами. Войны отойдут в прошлое, ибо для них не будет более причин. Армии исчезнут вместе с войнами. Все усилия людей будут направлены на обогащение нашей планеты, на улучшение и украшение человеческой жизни.

Такова задача Коммунистического Интернационала—грандиозная, но осуществимая. Путь ее осуществления указан Марксом и Лениным. Это—путь суровой борьбы в каждой стране против национальной буржуазии, это—путь сочетания борьбы пролетариата разных стран во имя захвата власти и установления диктатуры пролетариата. Кто говорит, что есть другие пути, тот лжет вам. Коммунистический Интернационал служит делу пролетариата тем, что говорит ему правду. Пусть эта правда звучит повсюду, как набатный колокол революционной борьбе.

Против войны, против буржуазии, против социал-предателей—за всемирную революцию, за диктатуру пролетариата, за коммунизм!

ВТОРОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ СНОВА ПРЕДАЕТ ТРУДЯЩИХСЯ, МЕШАЯ ИМ ВОССТАТЬ ПРОТИВ ГУБЯЩЕГО ИХ МИЛИТАРИЗМА

(Из Манифеста Коммунист. Интернационала к мировому пролетариату, принятого 5-м Конгрессом Коминтерна 5 июля 1924 г.)

Спросим снова: что же мешает до сего дня рабочим и крестьянам единодушно встать против губящего их милитаризма? Международная социал-демократия, меньшевики, II Интернационал, бюрократия амстердамского об'единения профсоюзов. Таков главный урок империалистической войны. Таков основной вывод истекшего десятилетия.

Об этом мы, рабочие, организованные в Коммунистический Интернационал, заявляем открыто на весь мир. Мы хотим, чтобы нас услышали трудящиеся всех стран. Мы хотим, чтобы голос наш достиг каждого труженика, каждой труженицы города и деревни. Мы хотим пробудить революционную тревогу в сердцах угнетенных: глядите, буржуазия готовит новую войну, а социал-демократия растлевает вашу мысль, чтобы тем легче предать вас.

Рабочие и работницы! Вслушайтесь, всмотритесь, вдумайтесь. Несколько недель тому назад вожди Амстердамского Интернационала профсоюзов обсуждали в Вене между собой и вместе с вождями II Интернационала вопрос о военной опасности. Организация, во главе которой стоят Вильямсы, Жуо, Грассманы, Макдональды, Эберты, Носке, Вандервельде, вынуждена была заняться вопросом о войне только потому, что опасность войны снова носится в воздухе. И вот мы слышим, как эти господа велеречиво обещают бороться против войны всеми средствами вплоть до всеобщей забастовки. Неужели вы поверите этой презренной комедии, в которой те же актеры играют перед вами во второй раз ту же предательскую роль? Ведь на международном с'езде в Базеле в 1912 году они куда более торжественно клялись не останавливаться ни перед какими средствами для предотвращения войны, чтобы стать вскоре затем самыми ревностными и самыми надежными помощниками воюющей буржуазии. После войны они служили капиталу

в качестве министров или верных депутатов, или патриотических лидеров профессиональных союзов. Они удержали и удерживают рабочих даже от экономических стачек. Они голосуют за военный бюджет. И они же обещают бороться против войны! Можно ли поверить, что Макдональд, который строит крейсера, танки и самолеты по поручению своей буржуазии на деньги рабочих масс, призовет рабочих к стачке в тот час, когда буржуазия решит пустить в ход построенные Макдональдом самолеты, танки и крейсера? Можно ли поверить, что Вандервельде, помогавший своему королю вести войну и давший свою подпись под Версальским договором, призовет бельгийских рабочих к восстанию в тот час, когда бельгийская буржуазия найдет нужным вмешаться в войну для охраны версальских завоеваний? Можно ли думать и верить, что Блюм и Жуо, вожди патриотического социализма и синдикализма Франции, поддерживающие сегодня рурскую оккупацию, призовут завтра рабочих ко всеобщей стачке, если французской буржуазии для закрепления оккупации придется прибегнуть к силе оружия? Убийца еще не успел отойти от своей жертвы, еще с ножа его каплет кровь, и он торжественно обещает выступить грозным мстителем за совершенное убийство! Где тот слепец, где тот безумец, который захочет ему поверить?

Трудящиеся и угнетенные, вглядитесь, вслушайтесь, вдумайтесь. Социал-демократы затевают к десятилетию войны маскарад борьбы за мир, комедию протеста против военной опасности. Они хотят рассеять ваше внимание, усыпить вашу блительность, чтобы тем вернее связать вас по рукам и ногам и предать в руки милитаризма. Не верьте им, изобличайте их. Спрашивайте их на каждом собрании, если они хотят бороться против войны, зачем вотируют они военный бюджет, зачем голосуют за буржуазное правительство, зачем поддерживают капиталистическое государство?

Опыт десяти лет не должен пройти даром. Мы наблюдали за это время пацифистов, социалистических и буржуазных, во всех частях света; они все стоят друг друга. Разве мы не имели перед собою пацифистов Америки, которые в первые годы войны проливали благочестивые слезы по поводу кровавых нечестивцев Европы, а затем всеми силами помогали Вильсону добивать Европу, чтобы обеспечить возможность капиталистической Америке усиливаться и жиреть за ее счет? Разве мы не видели за работой французских пацифистов, радикалов и социалистов, которые во франк-массонских ложах проповедывали братство всех людей, а после 4 августа 1914 года стали проповедниками разгрома и расчленения Германии? Разве не насмотрелись мы на немецких социал-пацифистов, как Каутский, Гильфердинг и им подобные, которые во время мира со слезами дожидаются войны, а во время войны с надеждой дожидаются мира. Эти жалкие трусы цеплялись даже за Вильсона, как ныне они цепляются за медоточивую форму империалистических нот Макдональда, который упражняет свой пацифизм на спине Германии. Вместе с французским буржуазным пацифистом Эррио Макдональд восстанавливает контроль Антанты над разоружением

Германии, продолжая в то же время увеличивать вооружение Великобритании. Пацифисты стоят за мир во время мира. Они безоговорочно примыкают к своим правительствам во время войны. В международном масштабе они ползают на брюхе перед сильными и помогают им давить слабых. Социалистические пацифисты в конец развращены этим десятилетием войн и революционных потрясений. От их прежней наивности не осталось и следа. Ныне это—прожженные дельцы, неразрывно связанные с правящей финансовой и военной кликой каждой страны и сознательно пользующиеся пацифистской фразой для обмана простаков.

Главным полем действия пацифистов является ныне борьба против революции и, в частности, против Красной армии. Пацифисты против революц. насилия, против восстания, против гражд. войны. Но буржуазия вооружена, а рабочий—безоружен. Борясь против вооружения рабочих, пацифисты поддерживают капиталистический милитаризм и тем самым расчищают путь будущим войнам. Тем отвратительнее их ссылки на гуманность и культуру. Когда обличают пацифистов в том, что они поддерживают милитаризм своей буржуазии, они отвечают неизменно ссылкой на Красную армию. Они хотят этим сказать, что существование Красной армии, созданной трудящимися России для обороны от империализма, оправдывает вооружение капиталистических государств с целью мирового хищничества и подавления революции. Пацифисты молчали, когда вооруженные отряды Франции, Англии, Соединенных Штатов и др. стран оккупировали Одессу, Мурманск, Архангельск, Владивосток. Зато они возмущались насилием, которое революция применяла против угнетателей. Пацифисты ссылаются ныне на то, что военные интервенции прекратились и что одно буржуазное государство за другим видит себя вынужденным признать Советскую республику. Было бы однако величающей глупостью думать, будто военной опасности для государства рабочих и крестьян более не существует. Рост коммунистических партий укрепляет международное положение Советского Союза, но, с другой стороны, тревожит и ожесточает империалистов. В известный момент, когда революционная опасность снова обнаружится более непосредственно, она может толкнуть их на путь грандиозной военной интервенции. Мы видели недавно, как германские власти, ожесточенные коммунистической опасностью, поставили на карту отношения между Германией и Советской республикой. Это служит предзнаменованием для всего дальнейшего развития. Между капиталистическим миром и республикой Советов возможны соглашения, но не примирение. Как правительство Макдональда и Эррио должны будут в известный момент снова уступить свое место более открытой и решительной реакции, так и договоры капиталистических стран с Советским Союзом могут и должны будут в известный момент пересечься новыми интервенциями. Вот почему Красная армия и Красный флот необходимы. Они ограждают величайший плацдарм мировой революции. Если бы Советская республика пала, дело буржуазии было бы выиграно на многие

десятки лет. Наступлению капитала на пролетариат не было бы преград. Но этого не будет, ибо рабочие и крестьяне Советского Союза вооружены. Красная армия—щит угнетенных и меч восставших!

МИРОВАЯ ВОЙНА, ЕЕ ПРИЧИНЫ, ЦЕЛИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

(Из Манифеста Коммунист. Интернационала к мировому пролетариату, принятого 5-м Конгрессом Коминтерна 5 июля 1924 г.)

Десять лет прошло с тех пор, как мировая буржуазия разнуздала адские силы милитаризма. 1 августа 1914 года открылась величайшая в истории человеческая бойня. Правящие классы и их военные стратеги считали, что война закончится в несколько месяцев. Однако вызванные ими события скоро переросли через их головы. Армии, непрерывно возрастали в числе, закапывались в землю друг против друга. Вся трудовая энергия Европы—и далеко за ее пределами — направлялась на нужды войны. Созидали, чтобы разрушать, и разрушали, чтобы творить новые орудия истребления. Четыре года три месяца и 26 дней длился этот подлый и безумный процесс, в котором капиталистическое общество нашло свое законченное выражение.

Пролетарии строили машины разрушения. Пролетарии вместе с крестьянами их применяли. Пролетарии и крестьяне разных наций истребляли друг друга. Сейчас, оглядываясь назад, каждый из нас спрашивает себя: каким образом мыслимо было это безумие? Но еще важнее и острее другой вопрос: не грозит ли нам его повторение в будущем?

Военная катастрофа подготовлялась задолго. Передовые рабочие предвидели ее неизбежность и предупреждали об этом трудящиеся массы. Предотвратить надвигавшуюся войну и сделать войну вообще невозможной могла только революционная борьба, только восстание трудящихся против империализма. Такое восстание, какие бы жестокие формы оно ни приняло, не причинило бы и одной сотой, и одной тысячной доли тех человеческих жертв и материальных разрушений, которые вызвала война. Но восстания не произошло. Социалистические партии в подавляющем большинстве своем не только не призывали рабочих к революционной борьбе против войны, но наоборот, примкнули к своим правительствам, провозгласили войну своего государства правильной, справедливой войной и призвали трудящиеся массы поддерживать войну. Только благодаря этой поддержке социалистов буржуазия получила возможность держать в узде массы и вести войну. Только благодаря измене социалистических партий буржуазия могла длить войну свыше четырех лет. Только благодаря сотрудничеству социал-патриотических вождей с мясниками милитаризма человечество потеряло десять миллионов убитыми и приобрело многие миллионы калек. Только благодаря низкопробному прислужничеству Шейдемана

и Эберта, Ренoделя и Лонге, Гендерсона и Вандервельде буржуазия получила возможность беспрепятственно разорять и истощать Европу, разрушая то, что создано было усилиями веков.

День 1 августа 1914 года, первый день империалистической войны, день открытой капитуляции социал-демократических вождей перед буржуазией, останется навсегда самым черным, самым зловещим, самым бесчестным днем человеческой истории.

Рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки! Вспомните, что вам говорили и что вам обещали правящие с первых дней войны. Вам говорили, что эта война принесет народу обеспеченное существование. Вам обещали, что в результате войны не будет больше тягот милитаризма. Вас заверяли, что эта война будет последней войной. Так говорили вам короли, президенты, буржуазные министры, журналисты. То же повторяли на свой лад социал-демократы и патриотические вожди профессиональных союзов. Теперь, ко дню десятилетия, вы, трудящиеся, можете полностью подвести итоги. Вы видите, как бесчестно злоупотребили вашим доверием. Даже и победоносные страны стали несравненно беднее, чем были до войны. Но если вас обманула буржуазия, это в порядке вещей: буржуазия это наш непримиримый и беспощадный враг. Вас обманули однако и те, которых вы считали вашими вождями. Социал-демократы, завоевавшие доверие рабочих своими речами против буржуазии, в день 4-го августа 1914 года перекинулись на ее сторону и весь свой авторитет, весь свой вес обратили на то, чтобы помочь ей довести бойню до конца. Таковы факты. Такова голая правда.

Социал-демократы обещали в результате войны справедливый демократический, честный мир между народами. Они лгали. Они сознательно и рассчитано обманывали вас. Они не могли не знать, что мир будут диктовать победоносные империалисты. Бесчестная война, руководимая буржуазией при бесчестной поддержке социал-демократов, могла привести только к бесчестному миру. Он был подписан в Версале, где торжествующий хищник наступил ногой на горло хищнику побежденному. Германию и ее союзников раздавили и расчленили.

Чтобы оправдать порабощение немецкого народа, не менее подлое, чем сама война, социалисты победоносных стран—Гендерсон, Ренодель, Вандервельде и др.—повторяли вслед за своей буржуазией: „Германия наказана за то, что именно она хотела войны и вызвала ее“. Какое лицемерие и какое тупоумие! Если бы даже верно было, что только Гогенцоллерн и Габсбург ответственны за войну,—можно ли карать народ за злодеяние давившей его династии? Можно ли душить германский пролетариат за преступления его буржуазии? Социалисты стран Антанты считают справедливым лишать немецких рабочих, их жен и детей хлеба и молока в наказание за то, что немецкая буржуазия истребила и искалечила их братьев, мужей и отцов. Но может ли здравомыслящий и честный человек хотя на минуту допустить, что ответственность за войну ложится исключительно на Германию и Австро-Венгрию? Разве мы не знаем ненасытного империализма английской буржуазии,

поработительницы колониальных народов? Разве мы не знаем отвратительной жадности французской буржуазии? Разве царская Россия в союзе с Францией и Англией, не стремилась к захвату Константинополя и проливов? Империалистическая война явилась в результате столкновения разнузданных аппетитов обеих сторон. Все они вооружались для войны. Все хотели нового передела мира. Все стремились к захватам. Все рвались к добыче. Правящие классы обоих лагерей ответственны за войну, за ее четырехлетнюю длительность, за ее жертвы и разрушения, за ее безумный версальский исход. Не меньшая ответственность ложится клеймом бесчестья на лица социал-демократических политиков, патриотических профессионалистов, прислужников буржуазии, наемных и добровольных агентов империализма, социалистических нотариусов Версальского мира.

Одна страна не участвовала в версальском позоре ни как побежденная, ни как победительница. Трудящиеся массы революционной России, руководимые коммунистической партией, низвергли буржуазию, взяли в свои руки власть и вывели страну из адского круга войны. Правительство большевиков открыло железные шкафы царской дипломатии и опубликовало тайные документы, обличавшие преступность правительства Антанты наравне с правительствами Гогенцеллерна и Габсбурга. Сейчас уже неоспоримо, что если бы Россия продолжала вести войну вместе с Антантой, как того хотели социалисты-революционеры и меньшевики, в конец истощенная страна превратилась бы в британско-французскую колонию, в северную Индию. Спасение свое Россия нашла только через Октябрьскую революцию!

Трудящиеся Германии и Австро-Венгрии в результате войны также поднялись на восстание. Старые династии были низвергнуты. Но социал-демократия удержала рабочие массы на первом этапе революции. Если после ноября 1918 года немецкие помещики и капиталисты сохранили богатство и власть, то они этим полностью и целиком обязаны Шейдеману, Эберту, Каутскому и всем другим вождям германской социал-демократии. Те же люди, те же политики, те же предатели, которые в течение четырех лет помогали гогенцоллернской шайке истреблять немецкий народ, удержали в конце 1918 года трудящихся от низвержения эксплоататоров. Если в потрясенной до самых основ Европе устояла после войны власть капитала, это полностью и целиком заслуга II Интернационала, сторожа, цепной собаки у ворот буржуазии.

Германия экономически отброшена назад. Осколки императорской Австро-Венгрии отделены друг от друга колючей изгородью. Еще хуже на Балканском полуострове. Франция подавлена военными долгами и бременем милитаризма, как никогда. Италия ослабла и не выходит из потрясения. Англия может только мечтать о своем довоенном экономическом могуществе. Хроническая безработица, как саркома, разъедает тело Европы. Численность европейской армии и флотов не ниже, чем накануне 1 августа 1914 года, а военные расходы, в соответствии с усложнением техники, несравненно выше.

Война жестоко ударила по крестьянству Европы, Америки и всего мира. Буржуазия каждой страны обещала своему крестьянству в результате войны расцвет сельского хозяйства. Она заверяла крестьянина, что после этой „последней войны“ с крестьянских плеч будет снято непосильное бремя милитаризма. Крестьянство оказалось обмануто вдвойне. Если в начале войны зажиточное крестьянство, сбывая свои продукты по высоким ценам и уплачивая старые долги дешевыми деньгами, казалось разбогатевшим, то дальнейшее падение валюты превратило крестьянские барыши в мыльные пузыри. Хозяйственный упадок Европы понизил спрос на продукты сельского хозяйства и ударил не только по европейскому крестьянству, но и по американскому фермерству, доведя его до массового разорения. А в то же время милитаризм становится все более требовательным и расточительным. Бремя военных налогов грозит окончательно раздавить позвоночник крестьянину.

Приложение 1-е.

Ход событий, непосредственно предшествовавших войне.

(Краткий очерк).

28 июня 1914 г. в Сараеве был убит наследник австрийского престола Франц-Фердинанд и его жена. Убийцей был сербский гимназист, сторонник идеи „Великой Сербии“, усердно распространяемой и поддерживаемой сербской буржуазией. Австрийский посол в Петрограде предупредил русского министра иностранных дел, что Австрии, быть может, придется произвести следствие в связи с убийством на территории Сербии. Всем державам было известно, что Австрия составляет ноту Сербии, и в связи с этим определенно существовало опасение, что может возникнуть война, к которой давно готовилась вся Европа. Французский посол сообщал 20 июля своему правительству из Вены, что в результате обмена нотами „будут начаты военные операции“. 23 июля австрийский посол в Белграде (столице Сербии) передал сербскому правительству ультиматум с предложением удовлетворить требования Австрии в течение 48 часов. 25 июля Сербия передала ответ, который Австрия признала неудовлетворительным, что означало об‘явление войны.

Есть масса доказательств того, что дипломатия в эти дни действовала во-всю. Русское правительство давило на Сербию, а в свою очередь само подвергалось давлению со стороны Франции. На Австрию же оказывала давление Германия. Все это, конечно, делалось тайно, а для того, чтобы скрыть следы преступной работы, опубликовывались телеграммы, в которых излагалось совершенно противоположное тому, что писалось разными правительствами друг другу тайно. Так, например, была опубликована телеграмма Николая второго сербскому королю, в которой говорилось о необходимости приложить усилия к избежанию кровопролития, в то время как тайно Сербии давались совершенно другие указания и производились уже военные приготовления со стороны России. 26 июля Россия открыто вмешивается в австро-сербский

спор, предлагая переработать австрийскую ноту, чтобы она стала приемлемой для Сербии. С другой стороны, Сербия еще до вручения ответа Австрии начала мобилизацию. В Австрии же и Германии правительства не скрывали, что очень вероятно вмешательство России в австро-сербский спор и что за этим вмешательством может последовать общеевропейская война. Больше того: 24-го июля русский министр иностранных дел заявил британскому послу, что если Австрия начнет воевать с Сербией, то русская мобилизация неизбежна, а 25-го июля было опубликовано правительственное сообщение, что Россия не может оставаться равнодушной к австро-сербскому столкновению. 26-го же июля русский министр иностранных дел заявил австрийскому послу, что наступление Австрии на Сербию нарушит „равновесие на Балканах", а это задевает русские интересы. Уже 25 июля Сербия стушевалась, и английский министр иностранных дел стал посредничать между австрийским и русским правительством. При этом Англия тщательно скрывала свои собственные намерения, и в то время как австрийское и германское правительства были уверены, что Англия не вмешается, русское и французское правительства рассчитывали на ее вмешательство. Дипломатические переговоры тянулись еще несколько дней, но они не могли дать никакой пользы, так как дипломаты—поджигатели явно лицемерили и меньше всего думали о тех жертвах, какие повлечет мировая бойня. Не могли они дать ничего еще и потому, что мобилизации были уже в полном ходу: после Сербии, 28-го июля, начала частичную мобилизацию Австрия, а 29-го—Россия, которая до этого тайно мобилизовалась, официально об'явила о мобилизации четырех военных округов. В это же самое время и Франция и Германия производили лихорадочные военные приготовления у своих границ. 29-го июля русское правительство получило сообщение, что Англия будет поддерживать Францию, и в ночь с 29-го на 30-е была об'явлена общая мобилизация русской армии. 31-го об'явила мобилизацию Германия, а 1-го августа была об'явлена общая мобилизация французской и бельгийской армий. Подчеркиваем: официальные числа мобилизаций не должны никого вводить в заблуждение, так как фактически военные приготовления были лихорадочно начаты всеми державами немедленно же после убийства австрийского наследника престола.

Дальше события развернулись очень быстро. 1-го августа Германия об'явила войну России, а 2-го августа уже начались военные столкновения на русско германской границе. 3-го августа Германия об'явила войну Франции, 4-го была об'явлена мобилизация в Англии, 5-го Англия об'явила войну Германии, а 6-го августа Австро-Венгрия об'явила войну России. В это время германские войска, вторгшиеся в Бельгию, через которую они спешили к Парижу, уже осаждали бельгийские крепости. Лютый зверь войны общими усилиями преступных правительств был спущен с цепи. Кровь трудящихся полилась рекой...

Приложение 2-е.

Указатель литературы

Книги, которыми пользовался составитель сборника, указаны в тексте. Здесь приводятся полные заглавия их, и другие необходимые о них сведения на тот случай, если бы читатель пожелал обратиться к этим книгам.

Н. Ленин (Вл. И.)—Империализм, как новейший этап капитализма (популярный очерк). Издание Петрг. Совета Раб. и Красноар. Деп. 1919 г. (Есть и др. издания).

Н. Бухарин.—Мировое хозяйство и империализм (экономический очерк). Изд. Коммунистического университета Зиновьева. Петр. 1922 г.

Парвус.—Колониальная политика и крушение капиталистического строя. Перевод Е. Грау. Книгоиздательство „Новый мир". Спб. 1908 г.

Под старым знаменем.—(Сборник статей Авилова, Витемского, Ломова, Павлова, И. Степанова, М. Фабричного). Петербург, 1917 г. Книгоиздательство „Жизнь и Знание".

В. Майский.—От Пруссии к Средней Европе. Петроград, 4-я государственная типография. 1918 г. (Издательство не указано).

Жорж Блондель.—Торгово-промышленный под'ем Германии. Спб. 1909 г. Издание О. Н. Поповой.

Н. Суханов.—Почему мы воюем. Издательство „Книга", Петроград, 1916 г.

М. Павлович (Мих. Вельтман).—Что такое империализм (Железный вопрос в мировом конфликте). Петроград, 1918 г. Книгоиздательство „Жизнь и Знание".

Г. Зиновьев.—Война и кризис социализма. Ч. 1-я (Две эпохи войн). Издательство „Прибой", Петроград, 1917 г.

Г. Зиновьев.—Война и кризис социализма. Ч. 2-я. Издательство Союза. Коммун Северной области. Петроград, 1919 г.

В. Керженцев.—Английский империализм. Издательство ВЦИК. Москва 1919 г.

А. С. Микаелян.—Экономическая политика финансового капитала. Госиздат. Москва 1920 г.

М. Павлович.—Мировая война 1914-1918 гг. и грядущие войны. Издат. „Путь просвещения", Харьков 1923 г.

М. Павлович (Мих. Вельтман).—Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. Книгоиздательство „Коммунист". Москва, 1918 г.

М. Павлович (Вельтман).—Основы империалистической политики и мировая война. Книга I. Часть 1-я. Госиздат, 1922 г.

Мих. Павлович.—Империализм. Курс лекций, читанных в академии генштаба 1922-1923 г. Издательство „Красная Новь“ Москва 1923 г.

Интернационал и мировая война.—Материалы, собранные **Карлом Грюнбергом.** С предисловием Г. Зиновьева. Госиздат, Петроград, 1919 г.

Г. Зиновьев и Н. Ленин.—Против течения. Сборник статей. Изд. Петроградского Совета 1918 года.

М. Павлович (М. Вельтман).—Советская Россия и капиталистическая Франция. Госиздат. 1922 г.

Ежегодник газеты „Речь“ на 1915 г. Петроград, издание газеты „Речь“.

Вопросы мировой войны.—Сборник комитета по устройству этапного лазарета имени Высших учебных заведений, под редакцией **Туган-Барановского.** Книгоиздательство „Право“, Петроград, 1915 г.

П. Керженцев.—Газета. Издательство „Красная Новь“, Москва, 1923 г.

Франческо Нитти.—Европа над бездной. Издательство „Мысль“, Петроград, 1923 г.

Дж. М. Кейнс.—Экономические последствия Версальского мирного договора. Госиздат, Москва, 1922 г.

Проф. Куминер.—Обзор мирового хозяйства за время войны и после войны и состояние его к началу 1923 г. Издательство „Атеней“, Петроград, 1923 г.

Филипп Гиббс.—Душа войны. Впечатления корреспондента с Западного фронта. Перевод с английского. Москва, 1917 г. (Изд-во не указано).

М. Павлович.—Итоги мировой войны. Изд-во ВЦИК. Москва, 1918 г. Эта же книга (переработанная и дополненная) в издании Кн-ва „Московский Рабочий“, Москва, 1924 г.

Виктор Лефебюр.—Майор. Загадка Рейна. Химическая стратегия в мирное время и во время войны. Изд-во „Военный Вестник“, Москва, 1923 г.

„Коммунистический Интернационал“.—Орган Исполкома Коминтерна, 1919 г. № 1 и № 2.

Указатель литературы по вопросам империализма, колониальной политики, милитаризма, мировой войны и военной истории мировой войны читатель найдет в книге Ив. Книжника—„Что читать по общественным наукам“. —2-е издание, Изд-во „Прибой“, Ленинград, 1924 г., на стр. 209, 210, 260—262 и 284.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

I. Причины мировой войны

II. Милитаризм

III. Причины и цели мировой войны в об'яснениях правящих клик и их прислужников

IV. Наука и печать на службе у воюющей буржуазии

V. I и II Интернационал об империализме, милитаризме и грядущей войне

VI. Накануне войны и предательства II Интернационала

VII. Картины войны

VIII. Последствия войны и мирных договоров

IX. Новые войны, угрожающие миру

X. Из основных документов революционной борьбы против войны 1914—1918 гг. и грядущей войны

Приложения

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
ЦКРКСМ

